ОСТ 7 1926

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСТ 7 1926

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая балканская война.—Февральская революция и европейские социалисты.—Романовы и союзники в дни революции. — Восстание киргиз в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Гос. Думы. — Записки современника о 1861 г.—Пестель по письмам его родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Революция 1905—1906 г.г. в донесениях дипломатов. — Казни на „Лисьем Носу“ и др.

LIBRARY

ЦЕНТРАРХИВ

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Ц Е Н Т Р А Р Х И З

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. М. Н. Покровского.

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ, КАСАЮЩИЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, [illegible] Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

[illegible]

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, М. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. Н. Муравьева, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина.

[illegible]

ТОМ III. [illegible]

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка.

ТОМ VII. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под ред. С. [illegible] и [illegible] Черного.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

[illegible]

[illegible] ОТПРАВЛЕНИЯ ГОСИЗДАТА

[illegible] проспект Володарского [illegible] высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми [illegible]. При высылке денег вперед [illegible] пересылка бесплатно.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ШЕСТНАДЦАТЫЙ)

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 60344.
Гиз 16611. Тираж 3000.

UNIV. OF
CALIFORNIA

1897—1898 г.

1901—1902 г.

1912 г.

1914 г.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

(Снимки: 1898, 1902, 1912 г. г.,—из Архива Революции;
снимок 1914 г.—из Орловского Губархбюро)

DK1
K7
v.16-18

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам.

Исследовательскую работу жизни и деятельности Феликса Эдмундовича Дзержинского надо разделить на две части. Первая—это его подпольная работа до 1917 г. и вторая за период от 1917 г. до последних дней. Для второй полосы этой великой и удивительной жизни имеется материала вдоволь, при чем она протекала на глазах у миллионов людей. Зато исследование подпольной революционной деятельности тов. Дзержинского весьма трудно. Во-первых потому, что в это время (1894—1917) он был главным образом агитатором и организатором и не оставил почти никаких письменных следов, как это бывает с писателями, теоретиками. Это было время, когда партийный работник не писал докладов, а почти всегда делал устные отчеты своим товарищам и своему ЦК.

От этого времени остались две работы беллетристического характера, именно рассказ о побеге из Сибири (польский «Червоны Штандар» № 1 от ноября 1902 г.) и тюремный дневник («Из воспоминаний заключенного»), печатавшийся в польском «Социал-демократическом Обозрении» (Przegląd Socjaldemokratyczny от 1909 и 1910 гг. №№ 16, 17—18, 19). Но эти две работы хотя и очень важны для общей характеристики умершего вождя, хотя они позволяют вникнуть в самые секретные закоулки его души, являются для историка, хотя и первоклассным, но все-таки только комментарием к исследованию, основанному на документах.

Выше было сказано, что тов. Дзержинский в период своей подпольной работы был главным образом агитатором и организатором. Но только главным образом, ибо он был не только организатором социал-демократии Польши и Литвы (1893—1918), но также одним из ее руководителей. Как руководитель он часто председательствовал на партийных съездах и конференциях и как таковой направлял работу высшей партийной инстанции. Он очень часто делал доклады от имени Главного Правления (ЦК) партии. А затем,—и это может быть самое важное,—тов. Дзержинский в самом Главном Правлении партии был отнюдь не исполнительной, но инициативной и творческой силой. Задачей историка явится проработка всего партийного печатного материала для выяснения роли тов. Дзержинского в руководстве партии и движения в Польше. И дальше, тов. Дзержинский является автором многих воззваний и резолюций специально в то время, когда из числа руководителей он был сам в подполье и один вел борьбу на смерть и жизнь с польской буржуазией и с польским социал-национализмом, напр., в 1899/1900 г.

Архивно-исторические работы по истории рабоче-социалистического движения в Польше только начаты. Поэтому в настоящий момент нельзя еще говорить об истинно-научной работе, основанной на документах. Эти документы разбросаны по разным архивам; находящиеся в Польше нам здесь, в Советском Союзе, недоступны. Рукописные материалы, т.-е. партийная переписка руководителей движения в Польше, и вообще все то, что составляет чисто партийный архив, еще не собраны, не учтены, не прове-

622595

рены. А эти материалы чисто партийного характера, вскрывающие многое и иногда все в жизни и политике партии, при исследовании деятельности *такого* деятеля, как тов. Дзержинский, совершенно необходимы.

Кончина тов. Дзержинского еще раз остро поставила вопрос о работе над историей революционного движения в Польше, которое до 1918 г. не только было неразрывно связано с движением во всей царской России, но которое имело много общих идеологических источников (Партия «Пролетариат» 1882—1886 и раньше). Разработка истории революционного движения в Польше столь же важна для рабочего класса в нынешней Речи Посполитой, сколько и для русского пролетариата — это есть общая история совместного прошлого.

В «Красном Архиве» печатается группа документов, относящаяся к тюрьме и ссылке тов. Дзержинского, в которых он пробыл около 11 лет. По этим документам можно определить основные этапы его деятельности до 1917 г., ибо он после каждой отсидки или побега немедленно возвращался к революционной и партийной работе — в новых условиях, условиях изменявшихся в течение 2—3 лет его принудительного отсутствия.

Печатанием этой группы документов «Красный Архив» кладет начало историческо-архивной разработки материалов, относящихся к жизни и деятельности безвременно погибшего вождя.

Юз. Красный.

Отношение министерства вн. дел. в особый отдел департамента полиции от 29 сентября 1899 г. № 1124. [1])

На основании высочайшего повеления 12 мая 1898 года дворянин Феликс Эдмундов Дзержинский, за революционную пропаганду среди ковенских рабочих, выслан в Вятскую губернию под гласный надзор полиции на три года.

Ныне вятский губернатор уведомляет, что Дзержинский скрылся из места водворения — с. Кайгородского, Слободского уезда и что приметы его следующие: рост средний, волосы на голове и бровях светлорусые, лицо чистое, бороды и усов нет.

Об изложенном 5-е делопроизводство уведомляет особый отдел для включения Дзержинского в циркуляр о розыске.

Делопроизводитель (подпись).

Отношение вятского губернатора в департамент полиции от 9 июля 1901 г. № 2299. [2])

В департамент полиции.

По высочайшему повелению, последовавшему 12 мая 1898 года и изъясненному в отношении департамента полиции от 29 того же мая за № 5265, в Вятскую губернию был выслан под гласный надзор полиции на три года дворянин Феликс Эдмундов Дзержинский, обвинявшийся в государственном преступлении. Дзержинский прибыл в город Вятку 27 июля 1898 года и был водворен для отбытия принятой

---

[1]) Дело Архива Революции № 6, ч. 1601. О. О. Д. П.

[2]) Дело деп. пол. 5 делопроизв., № 310.

в отношении его меры взыскания первоначально в городе Нолинске, а затем в селе Кайгородском, Слободского уезда, из которого 2 сентября 1899 года скрылся и, как видно из приложенного к циркуляру департамента полиции от 4 марта 1900 года за № 470 списка лиц, розыск которых подлежит прекращению, 23 января 1900 года задержан в городе Варшаве, но по настоящее время в местоводворение не возвращался.

В виду того, что 12 мая сего года истек определенный Дзержинскому вышеупомянутым высочайшим повелением срок гласного надзора полиции, которого он, однако, фактически не отбыл, имею честь покорнейше просить департамент полиции уведомить меня, должен ли Дзержинский, по причине неотбытия им означенного надзора, числиться на учете по Вятской губернии или же, за окончанием срока надзора, подлежит исключению из списков административных ссыльных.

Губернатор (подпись).
Управляющий канцелярией (подпись).

Циркуляр департамента полиции от 26 июня 1902 г. № 4317.

Циркулярно.

Гг. начальникам губернских жандармских управлений.

Подлежащие по высочайшим повелениям, за государственные преступления, высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь: Феликс Дзержинский, Александр Малиновский и Михаил Сладкопевцев с пути следования на места водворения скрылись.

О названных лицах имеются следующие сведения:

1. Дзержинский, Феликс Эдмундов, дворянин г. Вильны, вероисповедания римско-католического, родился 30 августа 1877 года в имении Дзержиново, Ошмянского уезда, Виленской губернии, воспитывался в 1-й Виленской гимназии, откуда вышел в 1896 году из VIII класса по нежеланию остаться на второй год; холост, родители умерли, братья: Станислав — окончил курс в С.-Петербургском университете, Казимир — бывший студент Юрьевского ветеринарного института, где проживают, неизвестно; Игнатий — студент Московского университета и Владислав — ученик 6-й С.-Петербургской гимназии и сестры — Альбина, по мужу Булгак, проживает в имении мужа близ города Бобруйска, Минской губернии, и Ядвига, по мужу Крушелевская, живет в имении в Поневежском уезде.

В 1897 г. привлекался при ковенском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в распространении среди рабочих социально-революционных идей и, по высочайшему повелению 12 мая 1898 г., выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на 3 года и водворен на жительство в с. Кайгородском, Слободского у., откуда в августе 1899 г. бежал. 23 января 1900 года арестован в числе участников сходки рабочих в гор. Варшаве и вновь привлечен при

варшавском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в социалистической пропаганде среди фабричных рабочих, и, по высочайшему повелению, последовавшему в 20 день октября 1901 г., по вменении в наказание предварительного содержания, под стражей, подлежал подчинению гласному надзору полиции с высылкой в Восточную Сибирь на пять лет и оставлением без дальнейшего исполнения воспоследовавшего о нем высочайшего повеления, 12 мая 1898 г. По пути следования на водворение в Вилюйский округ Якутской области, 12 июня 1902 года из Верхоленска скрылся.

Приметы Дзержинского:

Рост 2 арш. $7^5/_8$ вершка, телосложение правильное, наружностью производит впечатление нахального человека, цвет волос на голове, бровях и пробивающихся усов темнокаштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, голова окружностью 13 вершк., лоб выпуклый в 2 вершка, размер носа $1^1/_4$ вершка, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы все целы, чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон, очертание ушей $1^1/_4$ вершка [1]).

Придавая первостепенное значение аресту названных лиц, департамент полиции поручает вам доложить о содержании сего циркуляра губернатору, прося начальника губернии принять все находящиеся в распоряжении полиции меры к разысканию упомянутых лиц. Подведомственные вам чины отдельного корпуса жандармов обязываются всеми способами проверить подозрительных лиц и совокупными с чинами общей полиции усилиями задержать названных преступников, подлежащих препровождению арестованными в распоряжение иркутского военного генерал-губернатора.

К сему департамент считает долгом добавить, что многолетняя розыскная деятельность свидетельствует, что совершившие побег привлеченные к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях или отбывающие определенное наказание лица на первое время обыкновенно находят себе приют у своих родственников или единомышленников, проживающих в местах прежней их революционной деятельности: в виду сего департамент просит обратить внимание на прибывающих к вышеуказанным родственникам Дзержинского, Малиновского и Сладкопевцева подозрительных лиц, а равно учредить наблюдение за появлением названных беглецов в местах прежней их преступной деятельности.

Фотографические карточки Дзержинского, Малиновского и Сладкопевцева будут разосланы дополнительно при циркуляре от 1 июля сего года.

И. д. директора *Лопухин*.
Заведывающий отделом *Ратаев*.

---

[1]) Сведения о Малиновском, А. А. и Сладкопевцеве, М. Д. — мы опускаем. *Прим. ред.*

Шифрованная телеграмма нач. варшавского жандарм. упр. на имя директора департ. полиции от 27 января 1900 г. за № 06842. [1])

23 января взята сходка рабочих с нелегальным пропагатором интеллигентом, оказавшимся гласно-поднадзорным, бежавшим из Вятки Феликсом Эдмундовым Дзержинским.

Донесение высылаю почтой сегодня; прошу разрешения продления ареста на основании примечания 33 ст. положения охраны. Задержанных двенадцать лиц.

Полковник *Иванов*.

Записка 4-го делопроизводства департ. полиции от 28 января 1900 г. № 457.

Начальник варшавского губернского жандармского управления ныне доносит телеграммой, что 23 сего января взята сходка рабочих с нелегальным пропагатором интеллигентом, оказавшимся гласно-поднадзорным, бежавшим из Вятки Феликсом Эдмундовым Дзержинским. На означенной телеграмме полковника Иванова его превосходительство господин вице-директор изволил положить резолюцию «Справку о Дзержинском по 5-му делопроизводству и известен ли его побег».

О вышеизложенном 4-е делопроизводство департамента полиции имеет честь сообщить 5-му делопроизводству, для зависящих распоряжений.

Делопроизводитель (подпись).

Отношение нач. варшавского губ. жанд. упр. в канцелярию пом. варшавского ген.-губ. от 1 февраля 1900 г. № 1142.

Начальник особой канцелярии при помощнике варшавского генерал-губернатора по полицейской части, при отношении от 29 минувшего января за № 472, препроводил в мое распоряжение арестованных, в порядке положения о государственной охране, в воскресенье, 23 января в 10 часов утра, на сходке в квартире сапожника Грациана Маласевича, по улице Каликста в доме № 7: 1) дворянина Феликса Дзержинского, проживавшего нелегально в г. Варшаве и, по агентурным сведениям, агитировавшего среди рабочих, 2) квартирохозяина сапожника Грациана Маласевича, 3) сапожника Франца Маласевича, 4) рабочего Людвика Матушевского, 5) столяра Франца Грубу, 6) столяра Осипа Сенькевича, 7) сапожника Мечислава Каминского, 8) столяра Михаила Якубовского, 9) каменщика Людвика Мазуркевича, 10) каменщика Владислава Яворского и рабочих, бывших по агентурным сведениям, в близких сношениях с дворянином Дзержинским и агитировавших

[1]) Дело № 62, ч. 160. Внизу приписано: «Резолюция г. директора: Нужное. Продлить арест и составить записку по получении донесений об этом».

среди рабочих, 11) Антона Россола и 12) столяра Станислава Малиновского; последние арестованы в своих квартирах в ночь с 23 на 24 января.

При этом начальник особой канцелярии уведомляет, что при задержании на сходке у Дзержинского в карманах его платья обнаружены: 1) номер газеты за 1894 г. «Sprawa Robotnicza», 2) рукописная тетрадь, озаглавленная «Szkic programu Socjaldemokracji Królew. Polskiego», 3) рукописная тетрадь, озаглавленная «Do 4 do § polit. programu: Wstęąp do walki o niepodległość, 4) гектографированная прокламация, обращенная к рабочим фабрики Брохиса и помеченная «3 lutego 1900 г.», 5) книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства», соч. Энгельса и разные заметки; и что Дзержинский сначала назвался Ивановским, потом Жебровским и лишь только в X павильоне объявил свою фамилию Дзержинский, при чем, отказавшись указать свое место жительство, пояснил, что он враг правительству, убежденный социал-демократ, что живет в Варшаве нелегально и занимается исключительно пропагандой среди рабочих; задержанный же столяр Юзеф Сенькевич при опросе объяснил, что все задержанные в квартире Маласевича собрались для слушания «науки», преподаваемой Дзержинским.

По означенному делу мною предписано помощнику моему ротмистру Пухловскому произвести дознание, в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр., по обвинению дворянина Дзержинского и других вышеуказанных лиц в преступлении, предусмотренном 2 ч. 250 ст. улож. о наказ.

О вышеизложенном имею честь сообщить канцелярии помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части.

Полковник (подпись).

Отдельного корпуса жандармов ротмистр (подпись).

Отношение нач. варшавского губ. жанд. упр. на имя пом. варшавского ген.-губ. от 17 мая 1900 г. № 5300.

Производимым при вверенном мне управлении дознанием, в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр., «по обвинению дворянина Феликса Дзержинского и других лиц, в преступлении, предусмотренном 2 частью 250 ст. улож. о нак.» (донесение от 1 февраля сего года за № 1142) установлено:

Дворянин Феликс Дзержинский, бежав в августе месяце 1899 года из административной ссылки (розыскной список от 30 октября 1899 года за № 1975), прибыл в г. Варшаву, где и поселился нелегально. Квартиры Дзержинского ни агентурным путем, ни дознанием установить не представилось возможным; сам же Дзержинский отказался указать свою квартиру, хотя таковую, судя и по его показаниям, и по

имеющимся записям в отобранной у него записной книжке, он безусловно имел, равно как и гектограф для преступных целей. Здесь Дзержинский познакомился с учеником варшавского рисовального класса Антоном Россолом, а чрез последнего со столяром Станиславом Малиновским и другими рабочими. Ознакомившись чрез рабочих с программой «Польской партии социалистов», Дзержинский нашел ее несовершенной, именно в той части, которая ставит своей задачей «независимость Польши». В виду этого Дзержинский составил свою собственную программу, в которой совершенно исключил вопрос о «независимости Польши» и задался целью организовать среди рабочих новую партию под названием «Рабочий Союз Социал-Демократии Царства Польского». Эта новая партия, по программе Дзержинского, ставила своею целью соединение рабочих всей России в один общий союз и при помощи революции ниспровержение верховной власти и устройство конституционного правления, а затем переустройство всей страны в духе социалистического строя.

Для приведения в исполнение задуманного, Дзержинский прежде всего задался целью переманить в свою партию всех рабочих, принадлежавших к «Польской партии социалистов» и сочувствующих целям этой партии. Он составил реферат, озаглавленный им «Наши отношения в борьбе за независимость Польши и самоуправление края». В реферате этом Дзержинский доказывает, что «независимость Польши» не может интересовать рабочих, так как она не только не принесет рабочим пользы, а, напротив, разорит их. С восстановлением Польши местная промышленность должна пасть, потеряв такой рынок сбыта, как Россия; что, напротив, польским рабочим необходимо соединиться с русскими рабочими и стремиться к одной общей цели.

Для ознакомления с своими убеждениями Дзержинский, при помощи Россола и Малиновского, начал устраивать сходки рабочих. Таким образом состоялось несколько сходок. Сходки эти посещались рабочими «Польской партии социалистов». На одной из этих сходок Дзержинский и был задержан 23 января сего года в квартире сапожника Грациана Маласевича. По показанию столяра Сенькевича, задержанного на этой сходке, куда он был приведен столяром Грубым, сходка была взята в самом начале, так что многие лица, ожидавшиеся на эту сходку, еще не прибыли; Дзержинский речей еще никаких не говорил, но в ожидании полного собрания, объяснял рабочим необходимость, силу и целесообразность стачек. Дворник дома, где проживал Маласевич, показал, что Дзержинского к Маласевичу привел столяр Малиновский. Все задержанные на этой сходке лица не дали никаких существенных показаний, объяснив свое присутствие в квартире сапожника Маласевича желанием заказать себе сапоги. Из переписки Антона Россола, взятой по обыску в г. Ковно у обвинявшегося в 1898 году Александра Сало видно, что Россол в агитации Дзержинского принимал самое живое участие; по поводу этих писем Россол и Сало отказались дать какое бы то ни было объяснение.

Из производимого при вверенном мне управлении другого дознания, в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр., «О Польской социалистической партии» (донесение от 29 марта за № 3472) видно, что после ареста 23 января сего года сапожника Маласевича и столяра Грубы, их жены получали денежное пособие от столяра Нурковского, привлеченного к последнему дознанию за принадлежность к «Польской социалистической партии». Кроме того, усмотрено, что рабочие, принадлежащие к Польской социалистической партии — Нурковский, Лыхосяк, Дороз, Белецкий, Пионтковский, Дубас, Гавришевский и др. посещали сходки, устраиваемые Россолом и Малиновским для Дзержинского.

В виду изложенного первое дознание «По обвинению дворянина Дзержинского и других лиц» приобщено для совместного дальнейшего производства ко второму дознанию «о Польской социалистической партии».

О чем имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник *Иванов*.

Отдельного корпуса жандармов ротмистр *Пухловский*.

Справка деп. пол. о Ф. Э. Дзержинском от 18 мая 1902 г. [1])

Дзержинский Феликс принимал участие в демонстрации в Александровской пересыльной тюрьме в мае 1902 г.

Справка деп. пол. от 27 июня 1902 г. [1])

5-е делопроизводство департамента полиции запиской от 25 июня 1902 г. за № 8971 уведомило особый отдел, что, как телеграфировал иркутский губернатор, Феликс Эдмундов Дзержинский, следовавший из г. Якутска, скрылся 12 июня 1902 г. из г. Верхоленска.

При записке от 27 июня 1902 года за № 9078 препровождена в особый отдел для исполнения резолюции г. товарища мин. вн. дел телеграмма иркутского губернатора о побеге Феликса Дзержинского и справка о нем от 25 июня 1902 г.

Записка 7-го делопроизводства деп. пол. от 13 августа 1905 г. № 3742. [1])

По сообщению и. д. начальника жандармского управления Варшавского, Ново-Минского и Радиминского уездов, Варшавской губ., от 30 июля сего года за № 1553, разыскиваемый циркуляром департамента полиции от 1 июля 1902 года за № 4426 дворянин Феликс Эдмундович Дзержинский, подлежащий, по высочайшему повелению 20 октября 1901 года, по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, высылке в Восточную Сибирь под гласный

[1]) Дело № 310.

надзор полиции на пять лет, 17 июля сего года задержан в имении Олесин-Дужий, Ново-Минского уезда, Варшавской губернии, и привлечен к новому дознанию при вышеупомянутом.

Донесение и. д. нач. жанд. упр. Варшавского, Ново-Минского и Радиминского уездов Варшавской губернии ком. отд. корп. жанд. от 20 июля 1905 г. № 1451 [1]).

17 сего июля, около полудня, поездом из города Варшавы прибыли на полустанок Дембе-Вельке, Привислинской железной дороги, около 70 мужчин и женщин и направились в находящийся по близости лес имения Олесин-Дужий, Ново-Минского уезда.

В виду полученных ранее негласных сведений, что с этим поездом из Варшавы должны были приехать в Дембе-Вельке и собраться в ближайшем лесу на совещание члены комитета социал-демократов королевства Польского и Литвы, при помощи местной земской стражи и эскадрона 38 драгунского Владимирского полка, удалось из прибывших упомянутых лиц задержать на месте сборища 40 человек, при чем на земле, где находились задержанные, найдено: 1) преступного содержания воззвания—6 экземпляров, озаглавленного «Под знамя социал-демократии» издания «Комитета Заглембя Домбровского социал-демократии королевства Польского и Литвы», с датой: «июль 1905 года»; 1 экземпляр, под заглавием «К кондиторам», издания «Комитета улучшения быта варшавских кондиторов», с датой: «Варшава, 21 июля 1905 года»; 1 экземпляр «Ко всем работающим», издания «Комитета работающих на железных дорогах Польского королевства», без даты; 2) два счета о собранных на преступные цели деньгах; 3) печатный лист, озаглавленный «Три конституции или три порядка государственного устройства», в нем имеется три рубрики: а) «Чего хотят полиция и чиновники самодержавной монархии», в) «Чего хотят самые либеральные буржуа»? конституционной монархии и г) «Чего хотят сознательные рабочие (социал-демократы) демократической республики», — затем изложены ответы на вопросы: «В чем состоят эти порядки государственного устройства?» «Какое значение имеют эти порядки государств. устройства?» и «Для чего должны служить эти порядки государственного устройства» — издания газеты «Пролетарий» Центрального Органа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии; 4) приложение к № 7 «Социал-Демократа» — «Письма матросов в Черноморском флоте» — преступного содержания; 5) рукопись, озаглавленная «Проект организационного статута Социал-демократов королевства Польского и Литвы для представления V съезду партий в 1905 году» — преступного содержания; 6) 8 экземпляров листа с красным оттиском печати комитета Варшавских социал-демократов королевства Польского и Литвы, озаглавленного «Лист сборов на средства агитации», при чем на каждом имеются

[1]) Дело деп. пол., 7 делопроизв. 1905 г., № 4040.

записи о количестве собранных денег; 7) Незаряженный револьвер неизвестной фабрики, по наружному виду системы «Бульдог» и 8) Значительное количество переписки, находящейся в подробном просмотре, при чем имеются записи и письма преступного содержания.

В числе задержанных находятся два частных учителя, аптекарь и один без определенных занятий, остальные же из рабочего класса.

Задержанный Иван Эдмундович Кржечковский означенный револьвер и несколько записок, из которых часть преступного содержания, признал своими.

Об изложенном считаю долгом донести вашему превосходительству и присовокупить, что мною по настоящему делу возбуждено дознание в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр.

Ротмистр *Сушков.*

Донесение и. д. нач. жанд. упр. Варшавского, Ново-Минского и Радиминского уездов, Варшавской губернии в департамент полиции от 30 июля 1905 г. № 1553 [1]).

К производимому мною, в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр. дознанию по делу о собрании членов комитета социал-демократов королевства Польского и Литвы (Лит. А от 22 сего июля за № 1470) привлечен в качестве обвиняемого по 126 ст. угол. улож. и заключен под стражу назвавшийся при первом допросе Иваном Эдмундовым Кржечковским, оказавшийся — при дальнейшем расследовании — розыскиваемый циркуляром департамента полиции от 1 июля 1902 года за № 4426 — Феликс Эдмундов Дзержинский, проживавший в последнее время нелегально в городе Варшаве.

Об изложенном считаю долгом донести департаменту полиции.

Ротмистр *Сушков.*

Рапорт варшавского обер-полицмейстера на имя варшавского ген.-губ. от 8 июля 1908 г. № 10971. [2])

При ликвидации отдельной группы лиц, входящих в состав социал-демократической партии королевства Польского и Литвы, в числе других, в апреле месяце чинами отделения, по предварительном наружном наблюдении, на улице города Варшавы был задержан и арестован мещанин города Вильно, проживающий в городе Варшаве без заявления частный учитель Феликс Эдмундов Дзержинский, 31 года.

По сведениям отделения, Дзержинский, принадлежа к районному комитету и редакционной комиссии социал-демократической Партии королевства Польского и Литвы, в коей известен по кличке «Иосиф», играл в ней весьма видную роль, состоя в партийных «верхах». Дзер-

[1]) Там же.

[2]) Дело прокурора варшав. суд. палаты 1908 г. № 154.

жинский был организатором партийных съездов, на каковых сам участвовал, а также занимался кольпортажем партийных органов, рассылая их по краю в гг. Петроков, Лодзь, Радом и др.

Сверх сего из дел отделения видно, что названный Дзержинский 13 декабря 1906 г. был задержан в городе Варшаве, по Цегляной улице, в доме № 3, кв. 2, на социал-демократической сходке, под нелегальной фамилией Романа Карлова Рацишевского, передан со всем материалом следственных действий, при отношении от 11 января 1907 года за № 461, в распоряжение начальника варшавского губернского жандармского управления, привлечен к дознанию в качестве обвиняемого в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр. и освобожден 27 мая того же года под залог в тысячу рублей, но от суда и следствия скрылся.

По личному обыску у Дзержинского обнаружено: 1) 229 нумер органа польской социалистической партии революционной фракции от 12 апреля сего года «Работник»; 2) рукопись, представляющая заметки к отчету варшавской районной партийной конференции от 4 апреля сего года, с кратким изложением хода заседания; 3) записки на отдельных листках и проч.

При опросе, в порядке положения о государственной охране, Дзержинский отказался указать место своего жительства, признавшись, что находится под судом, привлечен по 126 ст. угол. улож. при варшавской судебной палате и освобожден под залог в тысячу рублей. На другие вопросы относительно принадлежности к партии и проч. ответов давать не пожелал.

Передав материал следственных действий по настоящему делу в распоряжение начальника варшавского губернского жандармского управления на предмет привлечения Дзержинского к дознанию в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр., вместе с сим имею честь ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством, на случай прекращения о Дзержинском дела в судебном порядке, о высылке его, в виду его крайне вредной деятельности, в одну из отдаленных губерний империи на все время состояния края на одном из исключительных положений, с прикреплением к месту высылки на определенное число лет, присовокупляя, что Дзержинский находится в полицейском аресте и дальнейшим содержанием под стражею перечислен за вашим высокопревосходительством и начальником варшавского губернского жандармского управления, при чем требования, обеспечивающие соблюдение 10 ст. уст. угол. судопр., исполнены.

Приложение: Сведения о представляемом к административной высылке; акт же медицинского освидетельствования будет представлен дополнительно.

Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: вр. и. д. нач. отделения ротмистр *Леонтович.*

Донесение прокурора варшавского окр. суда на имя прокурора варшавской суд. палаты от 19 июля 1908 г. № 1634 г. [1])

Арестантское.

Прокурору варшавской судебной палаты прокурора варшавского окружного суда.

Представление.

3 апреля сего года, в городе Варшаве, при ликвидации отдельных групп социал-демократической Партии королевства Польского и Литвы, чинами охранного отделения был задержан на улице и арестован мещанин [2]) города Вильно Феликс Эдмундов Дзержинский, который, состоя, по агентурным сведениям, одним из наиболее видных членов районного комитета социал-демократии королевства Польского и Литвы, принимал деятельное участие в организовании партийных съездов, кольпортаже нелегальной литературы и т. д.

Приведенные сведения агентуры в достаточной степени подтвердились, так как по личному обыску у Дзержинского была обнаружена рукопись с кратким, в виде заметок, отчетом заседания варшавской районной партийной конференции от 4 апреля сего года по новому стилю. Одновременно у Дзержинского были взяты по обыску и другие рукописные документы, пока еще не разобранные.

По производившемуся в прошлом году при варшавском губернском жандармском управлении дознанию о Владиславе Файнштейне, Леоне Ландау и др. лицах названный Дзержинский привлекался в качестве обвиняемого в принадлежности к социал-демократической Партии королевства Польского и Литвы и, по представлении залога в сумме 1.000 рублей, был освобожден из-под стражи, при чем дело это ныне находится еще в производстве варшавской судебной палаты.

В виду таких данных, изобличающих Дзержинского в продолжении своей преступной партийной деятельности и в нынешнем году, при варшавском губернском жандармском управлении 15 сего июля возбуждено, в порядке 1035 ст. уст. уг. суд., дознание по обвинению названного Феликса Эдмундова Дзержинского в преступном деянии, предусмотренном 102 ст. угол. улож.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Копия этого донесения сего числа за № 1635 представлена мною господину министру юстиции.

И. д. прокурора варшавского окружного суда (подпись).
И. о. секретаря (подпись).

---

[1]) То же дело.
[2]) Так в оригинале.

Сведения о лицах, осужденных за государственные преступления 27 января 1910 г. [1]).

Первый департамент министерства юстиции. Третье уголовное отделение.

Звание, имя, отчество, фамилия и возраст осуженного.	Время постановления приговора и содержание такового, с указанием статей уголовного уложения и сущности обвинения.	Определено судебною палатою наказание.	Время вступления приговора в законную силу и обращения такового к исполнению.	Место отбывания наказания.
Мещанин гор. Варшавы Иосиф Яковлевич Ротштадт, 29 лет, сын статского советника Отто-Август Христианов Ауссем,, 30 лет; дворянин Минской губ. Феликс Эдмундов Дзержинский, 29 лет, и мещанин гор. Лодзи, Петроковской губ. Леон Германов Ландау, 34 лет.	Приговором особого присутствия варшавской судебной палаты от 25—28 октября 1908 года Ротштадт, Ауссем, Дзержинский и Ландау признаны виновными, согласно обвинительного акта, в преступных деяниях, предусмотренных 1 и 2 ч. 126 и 127 ст. ст. угол. улож., но заслуживающими снисхождения.	Ротштадту и Ауссему лишение прав состояния и каторга на четыре года. Феликсу Дзержинскому лишение дворянского звания, прав состояния и ссылка на поселение, и Ландау—заключение в крепость на один год, с зачетом ему в срок наказания предварительного заключения с 13 декабря 1906 г. по 6 марта 1907 г. Приговор этот в отношении Ротштадта поглощен другим, состоявшимся 17—18 мая 1908 г. приговором палаты, в силу коего Ротштадт присужден, по лишении прав состояния, к каторжным работам на шесть лет.	Приговор вступил в законную силу в отношении Ротштадта 17 ноября 1808 г., а в отношении остальных 16 января 1909 г. и обращен к исполнению в отношении Ротштадта 10 декабря 1908 г., а в отношении остальных — 1 августа 1909 года.	Ауссем — варшавская следственная тюрьма; Дзержинский выслан в распоряжение енисейского губернского правления; Ротштадт не отбывал в виду поглощения наказания другим приговором; Ландау — в варшавской следств. тюрьме.

Секретарь при прокуроре варшавской судебной палаты (подпись).

[1]) Дело деп. пол., 5 делопроизв., 1910 г., № 4357.

Выписка по делу Ф. Э. Дзержинского, обвиняемого по 102 ст. угол. улож.

В распорядительном заседании 4 уголовного департамента варшавской судебной палаты ноября 4 дня 1908 года определено:

Дать настоящему делу дальнейший ход и слушать его в городе Варшаве. Имея затем в виду, что при слушании настоящего дела подлежат обсуждению программа, цели и стремления преступного сообщества «Социал-Демократии королевства Польского и Литвы», публичное оглашение которых не может быть допущено, в видах ограждения достоинства государственной власти, слушать настоящее дело на основании 6203 и 1054 ст. уст. угол. судопр. при закрытых дверях присутствия — от чтения обвинительного акта до провозглашения резолюции.

Верно: помощник секретаря (подпись).

Приложение к розыскной ведомости за № 696 енисейского губернатора [1]).

Имя, отчество, фамилия и звание бежавшего и время побега.

Феликс Эдмундов Дзержинский происходит из дворян Виленской губ., Ошмянского уезда., Воложинской вол., д. Дзержинской, а ныне сс.-поселенец Канского уезда, с. Тасеевского; скрылся в половине ноября 1909 г.

Губернатор (подпись).

Донесение прокурора варшавского окружного суда прокурору варшавской суд. палаты от 15 октября 1912 г. № 01009. [2])

Арестантское.

Господину прокурору варшавской судебной палаты
прокурора варшавского окружного суда

Представление.

Летом текущего года в варшавском охранном отделении были получены негласные сведения о том, что главным правлением Социал-Демократии королевства Польского и Литвы командирован в Варшаву член Главного Правления Феликс Дзержинский для улажения происшедших между Правлением и варшавским комитетом сообщества серьезных разногласий, Разногласия эти начались уже около двух лет назад из-за слишком вялой с точки зрения Главного Правления деятельности варшавского комитета, который в последнее время совершенно не использовал случаев, благоприятных для массовой агитации среди рабочих, являющейся одной из важнейших задач партии. Когда же варшавский комитет созвал в конце 1911 года так называемую «между-дельницовую конференцию» для выбора новых членов комитета, не предупредив о том Главного Правления, и выборы открылись без

[1]) Дело деп. пол., 5 делопроизв., вх. № 5123. На документе штамп деп. пол.: «4 марта 1910 г.

[2]) Дело 1912 г. № 49.

участия представителя Главного Правления, чем был нарушен организационный статут сообщества, то Главное Правление решило распустить варшавский комитет, командировав, однако, предварительно Дзержинского, в целях испробования возможности миролюбивого улажения возникшего конфликта. Все, однако, усилия Дзержинского умерить строптивость варшавского комитета и заставить его подчиниться директивам Главного Правления не привели ни к каким результатам, вследствие чего Главное Правление в изданном им «коммуникате» к дельницовым правлениям варшавской организации объявило действующий Варшавский комитет упраздненным. Не подчинившись этому постановлению Главного Правления, варшавский комитет продолжал свою деятельность, на ряду, однако, с последним стал функционировать новый, сорганизованный Дзержинским, комитет, получивший санкцию Главного Правления. Главное руководство деятельностью вновь образовавшегося комитета принял на себя Дзержинский, который энергично повел агитационную борьбу, лично проводил забастовки на фабриках и среди ремесленников, а также издавал воззвания к рабочим по текущим событиям рабочей и политической жизни. Проживая в Варшаве более полугода, Дзержинский выезжал также для партийной работы в гор. Лодзь и ездил в Краков для докладов Главному Правлению о результатах своей работы. Феликс Дзержинский является вообще одним из виднейших деятелей организации Социал-Демократии королевства Польского и Литвы. В начале 1909 года Дзержинский за принадлежность к названному сообществу был присужден варшавскою судебною палатою к лишению прав и к ссылке на поселение в Сибирь, откуда, однако, бежал. Женат на также осужденной за принадлежность к тому же сообществу и находящейся ныне в ссылке в Сибири Софии Мушкат. Желая упрочить свой авторитет и реабилитировать себя, упраздненный Главным Правлением варшавский «оппозиционный» комитет, сохранивший свое влияние на широкие рабочие массы в Варшаве, в свою очередь развил живую активную работу, занявшись преимущественно предвыборной агитацией в виду приближавшихся выборов в IV Государственную Думу, при чем возобновил издание приостановленного было печатанием за недостатком средств партийного органа «Газету Роботничую». Являясь ярым сторонником избирательной платформы Польской социалистической партии — «Левицы», а также многих ее политических идей, «оппозиционный» варшавский комитет вступил в тесное общение с местной организацией «Левицы», действуя вполне солидарно с нею. Во главе лиц, ведущих партийную предвыборную агитацию в Варшаве в духе Социал-Демократической партии, среди рабочих, по полученным в варшавском охранном отделении сведениям, стала некая Сура Пржедецкая, модистка, за которою и было установлено наружное наблюдение, выяснившее ее сношения с членами варшавского «оппозиционного» комитета, при чем она получала письма от находящихся за границей членов того же комитета.

Принятыми охранным отделением мерами удалось установить, что Феликс Дзержинский проживает под чужим именем в доме № 68 по Волчьей улице, на квартире у частного учителя Владимира Вакара. Личность Вакара, сына статского советника, окончившего С.-Петербургский университет, хорошо известна варшавскому охранному отделению. Еще в 1906 году при названном отделении производилась переписка об упомянутом Вакаре, тогда еще студенте, по поводу получения им из Петербурга и распространении нелегальной литературы. В 1907 году он был обыскан и арестован, в виду обнаружения у него брошюр социалистического характера. В том же 1907 году он был задержан на квартире видной партийной работницы Социал-Демократии королевства Польского и Литвы Марии Волковиской, еврейки, бывшей воспитанницы 4-й женской гимназии, носившей партийную кличку «Маня Колежанка», сам же Вакар был известен в той же организации под кличкою «Товарищ Володя». На этой Марии Волковиской Вакар вскоре женился, при чем, по агентурным сведениям, относящимся к концу 1907 года, оба супруга вели деятельную пропаганду среди нижних чинов, а квартира их служила конспиративным местом свиданий для членов офицерского революционного союза.

В ночь на 1 сентября с. г. в квартире Вакара был произведен обыск, при чем у него, действительно, был застигнут проживавший под фамилией Владислава Пташинского Феликс Дзержинский. Во время обыска Дзержинский, предъявив заграничный паспорт, заявил, что он неправильно прописан под фамилией Пташинского и что на самом деле он австрийский подданный Леопольд Велецкий. По обыску в занимаемой Дзержинским комнате были обнаружены: гектограф с оттиском воззвания, помеченного 31 августа сего года, несколько номеров газеты «Красный Штандар», [1]) несколько номеров «Газеты Роботничей», значительное количество различных прокламаций Социал-Демократии королевства Польского и Литвы и различная компрометтирующая переписка. При допросе в охранном отделении Дзержинский сознался, что он на самом деле бежавший с ссылки, осужденный варшавскою палатою Феликс Дзержинский, а также признав свою принадлежность к Социал-Демократии королевства Польского и Литвы, от дальнейших объяснений относительно своей партийной деятельности отказался. По его словам, он Вакара раньше не знал и снял у него комнату по объявлению в конце июня сего года. Все взятое по обыску Дзержинский признал за принадлежащее ему и категорически заявил, что ни настоящей его фамилии, ни того, что он состоит членом революционного сообщества Социал-Демократии, Вакар не знал, так как об этом он, Дзержинский, ему ничего не говорил. Такое же показание дал и арестованный Вакар, у которого по обыску ничего компрометтирующего обнаружено не было. Объяснению этому, однако, отнюдь доверять нельзя, так как, по имеющимся в охранном

[1]) Речь идет о «Красном Знамени» — «Червонном Штандаре».

отделении секретным, не вызывающим никакого сомнения сведениям. Дзержинский, отлучаясь по партийным делам из Варшавы, давал Вакару поручения партийного характера, и, безусловно, он имел сношения с лицами, близко стоящими к Дзержинскому.

Одновременно с обыском у Вакара и задержанием Дзержинского были произведены обыски у Суры Пржедецкой и целого ряда лиц, которые, согласно данным наружного наблюдения и агентурным сведениям, находились с нею в сношениях, по партийной работе. Сама Пржедецкая в квартире застигнута не была и, узнав, повидимому, об обыске, успела скрыться. По обыску у нее взято несколько нелегальных брошюр и переписка, которая пока не разобрана. Наиболее важные результаты дал обыск в квартире проживающего в доме № 40 по Маршалковской улице сапожника Юзефа Косиорека, у которого квартировал другой сапожник — Франц Душак. Незадолго до обыска квартиру эту, как было установлено наружным наблюдением, посетила Пржедецкая. В единственной комнате, из которой состояла квартира, служащей в то же время и сапожной мастерской, были найдены положенные в разных местах, завернутые в бумагу пакеты, в коих оказалось: значительное количество революционной литературы на польском, русском и еврейском языках, преимущественно издания Социал-Демократии («Червонный Штандар» — в количестве 154 экземпляров), масса различных воззваний, рукописная переписка варшавского комитета (оппозиционного), жестянка с 28 револьверными патронами, 6 медных печатей войтов различных гмин Привислинского края, видимо, в целях изготовления подложных паспортов, каучуковые штемпеля с надписью: «Социал-Демократический профессиональный союз рабочих кожевенного промысла Ц.П. и Л. Правление варшавского отдела» и «Социал-Демократический профессиональный союз рабочих металлургического промысла в Ц.П. и Л.», цифровой штемпель и 2 флага — черный и красный с надписями: «6 мучеников СД» и «Долой царское правительство! Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» Кроме Косиорека и Душака по связи с Пржедецкой были обысканы и арестованы еще нижеследующие лица: Рахмиль Файнштейн, рабочий фабрики шелковых лент Шенвитца и К-о по Мокотовской улице, ведший совместно с Пржедецкой крупную агитацию среди фабричных рабочих и лично руководивший забастовкой рабочих на фабрике Шенвитца, Гинда Бекер и София Новак, находившиеся в близких отношениях с Пржедецкой и служившие посредниками в сношениях Пржедецкой с членами варшавского комитета, Янкель Коренштейн, соквартирант Файнштейна, Войцех Клик, Яков Феникштейн, видный агитатор среди фабричных рабочих, и Петр Коморницкий. За исключением Коморницкого, у которого по обыску были обнаружены: 1 экземпляр воззвания Правления Вольской Дзельницы С-Д.К.П и Л. к рабочим фабрики Франашека и три записки, свидетельствующие о принадлежности Коморницкого к сообществу Социал-Демократии, из коих одна адре-

сована на имя содержащейся в каторжной тюрьме жены Дзержинского Софии Мушкат, обыски у остальных поименованных лиц существенных результатов не дали (взятая, впрочем, по обыскам переписка еще не разобрана). Что касается Файнштейна, то у него еще раньше, при задержании его 27 августа с. г. на фабрике Шенвитца во время сходки бастующих рабочих, по личному обыску были обнаружены: лист для денежных сборов с двумя оттисками печатей С-Д.К.П и Л. и один экземпляр «требований» рабочих фабрики Шенвитца. Во время обыска в его квартире, освобожденный после задержания на фабрике Файнштейн, отсутствовал из дому, так как оказалось, что предвидя арест, он дома не ночевал, и задержать его удалось лишь случайно на улице уже после обыска. По поводу обнаруженного по обыску в квартире Косиорека преступного материала, последний объяснил, что все найденное у него в квартире принадлежит квартиранту Душаку, что последний и подтвердил, показав, что взятые по обыску пакеты он, не зная о их содержании, принял к себе на хранение от некоего Мондржеевского, с которым познакомился незадолго перед тем в поезде, когда возвращался из своей поездки в Седлец. Личности Мондржеевского установить не удалось, и повидимому все показание Душака вымышлено.

Вследствие изложенных данных произведенная при варшавском охранном отделении переписка о вышепоименованных членах сообщества Социал-Демократии королевства Польского и Литвы, согласно предписанию вашего превосходительства, одновременно сим препровождена мною судебному следователю 1 участка варшавского уезда Грудинину с предложением приступить к производству предварительного следствия по признакам преступного деяния, предусмотренного 1 ч. 102 ст. угол. улож. В качестве обвиняемых к следствию предполагается пока привлечь Феликса Дзержинского, Осипа Косиорека, Франца Душака, Рахмиля Файнштейна, Петра Коморницкого и скрывшуюся Суру Пржедецкую; что же касается остальных подвергнутых начальником охранного отделения по сему делу задержанию лиц, а именно Владимира Вакара, Гинды Бекер, Софии Новак, Янкеля Коренштейна, Войцеха Клика и Якуба Феникштейна, то, согласно ходатайству начальника варшавского губернского жандармского управления, они, вместе с относящимся к ним материалом, будут переданы в распоряжение упомянутого начальника для производства расследования о них в порядке государственной охраны в целях возбуждения ходатайства о высылке их из пределов края.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Копия настоящего донесения сего числа за № 01010 представлена г. министру юстиции.

Г. Варшава. 15 октября 1912 г. № 01009.

Донесение прокурора варшавского окружного суда на имя прокурора варшавской судебной палаты 23 октября 1912 г. № 01050 [1]).

Арестантское.

Господину прокурору варшавской судебной палаты
Прокурора варшавского окружного суда

Представление.

В дополнение к представлению моему от 15 сего октября за № 01009 доношу вашему превосходительству, что, согласно постановлению судебного следователя 1 участка варшавского уезда Грудинина от 16 сего октября, привлеченому в качестве обвиняемого Феликсу Дзержинскому, кроме обвинения по 1 ч. 102 ст. угол. улож., предъявлены еще обвинения по 313 ст. улож. о нак. (в побеге из Сибири с места поселения) и по 977 ст. улож. о нак. (в проживательстве по чужому виду). По всем предъявленным ему обвинениям Дзержинский признал себя виновным, утверждая, однако, что он был обыкновенным членом сообщества Социал-Демократии королевства Польского и Литвы и никогда не состоял ни членом Главного Правления, ни членом варшавского комитета сообщества. Привлеченные в качестве обвиняемых Юзеф Косиорек, Франц Душак, Рахмиль Файнштейн и Петр Коморницкий виновными себя не признали, подтвердив данные ими при допросе в охранном отделении показания. Все пятеро выше-поименованных обвиняемых заключены под стражу безусловно.

Копия настоящего донесения сего числа за № 01051 представлена г. министру юстиции.

Г. Варшава.
Октября 22 дня 1912 года.
№ 01050.

Приговор [2]).

1914 года, апреля 29 дня, по указу его императорского величества, варшавский окружный суд по 1-му уголовному отделению, в судебном заседании, в следующем составе:

Председательств. член суда Э. В. Львович

Члены суда: В. А. Гаврилов и В. А. Михеев

При тов. прокурора Корякине
и и. об. секретаря Ф. И. Недобыльском.

Выслушав дело о лишенном всех прав состояния — ссыльно-поселенце Феликсе Эдмундове-Руфинове Дзержинском, обв. по 1 ч. 313 ст. улож. о нак. и 4 п. § 11 ст. 242 устава о ссыльных и признавая его виновным, на основании 1 ч. 313 ст. улож. о нак. 4 п. II § 242 ст. уст. о ссыльных, определяет: ссыльно-поселенца, бывшего дворянина Ошмянского уезда, Виленской г., Феликса Эдмун-

[1]) То же дело.
[2]) Дело Орловского Губархбюро. 1914 г. № 359.

дова-Руфинова Дзержинского, 35 лет, обратить в каторжные работы на три года с правом воспользоваться милостями, указанными ст. 18 XVIII отд. высочайшего указа 21 февраля 1913 года в порядке, изложенном в ст. 27 того указа.

Подлинное за надлежащими подписями
С подлинным верно

И. д. п. секретаря *Брандт*.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК № 22

составлен в тюремном отделении Орловского губернского правления

1915 г., марта 30 дня [1]).

Число лиц, следующих при статейном списке.	Имя, отчество, фамилия или прозвище и к какой категории ссыльных относится.
Мужчин . . . . . 1 Женщин . . . . . — Детей: Старше 10 лет . . . . — Моложе 10 лет . . . . — Всего . . . 1	Феликс Эдмундов-Руфинов Дзержинский. Ссыльно-каторжный.
Куда назначается для отбытия наказания	
В случае изменения первоначального назначения, куда отправляется и по чьему распоряжению	

Следует ли в оковах или без оков.	Может ли следовать пешком.	Требует ли особо бдительного надзора и по каким основаниям.
В ножных кандалах.	Может.	Требует.

Состав семейства ссыльного.	Возраст.	Отметка: 1) о месте жительства непоследовавших за ссыльным, 2) о следующих совместно с ссыльным и 3) о времени прибытия отдельно следовавших членов семейств к месту назначения ссыльного.
Жена т.		

Тюремный инспектор: (подпись).

[1]) То же дело.

Первая балканская война.

(Окончание [1]).

№ 26. Секретная телеграмма посла в Константинополе.

Буюк-дере. 23 сентября (6 октября) 1912 г. № 782.

Телеграфирую министру.

Черногорский поверенный в делах получил приказание передать Порте во вторник утром ноту следующего содержания: «Сожалею, что исчерпаны все дружественные пути для улажения текущих дел и ежедневных споров между Черногорией и Турцией. По повелению короля объявляю, что все сношения между Черногорией и Турциею прерваны и что судьба черногорского оружия решит дело как черногорцев, так и их братьев, права коих веками попираются». Пламенац уезжает немедленно по передаче ноты. Он просит не выдавать его черногорскому правительству и считать, что сообщение об ультиматуме получено нами будто бы из Цетинье секретным путем. Посланники других балканских государств до сих пор никаких указаний не получали, но ожидают их завтра с пароходом из Афин.

Гирс.

№ 27. Секретная телеграмма посла в Софии.

София. 26 сентября (9 октября) 1912 г. № 147.

До сих пор не последовало ответа на русско-австрийский шаг [2]). Только что дано иностранным газетам правительственное «communiqué» [3]), гласящее, что правительство не усмотрело, к сожалению, в сообщении двух посланников «des précisions sur les réformes pro-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XV, стр. 1—29.

[2]) Русско-австрийское выступление было сделано в формах, намеченных Пуанкарэ (см. т. XV, стр. 24). Окончательная редакция русско-австрийской ноты была послана Сазоновым Нератову телеграммой за № 222 от 23/IX. См. «Материалы», стр. 282.

[3]) Сообщение.

posées à la Turquie et des garanties pour leur réalisation» [1]), но что раньше принятия решения оно обменяется взглядами с Белградом и Афинами. Я полагаю, что ответ Гешова будет неудовлетворительный и объявление войны последует вскоре. Того же мнения австрийский и остальные посланники.

Неклюдов.

№ 28. Секретная телеграмма мин. ин. дел послу в Париже.

С.-Петербург. 28 сентября (11 октября) 1912 г. № 2131 [2]).

Полагали бы крайне желательным поставить теперь же на обсуждение вопрос о вмешательстве держав с целью прекратить войну после первых же решительных действий борющихся сторон.

Конечно, от характера, который примут военные действия, и от степени успеха той или другой стороны будет зависеть достижение возможных результатов в определении оснований вмешательства. Полагаем, однако, что затяжной характер войны едва ли соответствовал бы интересам балканских государств в виду ограниченности их рессурсов.

Представлялось бы наиболее целесообразным, если бы Франция приняла на себя продолжение столь успешно уже начатого дела объединения европейских держав. Крайне важно подготовить почву для своевременного вмешательства в Англии, учитывая возможность уклончивости с ее стороны в этом вопросе, если бы затяжка войны представлялась благоприятной для Турции.

Придаем этому вопросу первостепенное значение, ибо при твердом нежелании нашего правительства быть втянутым в войну, нам будет крайне трудно бороться с общественным мнением в случае, если славяне окажутся в критическом положении. Между тем Франция и, казалось бы, Англия прямо заинтересованы в том, чтобы Россия была избавлена от активного вмешательства. С другой стороны, чем раньше будет остановлена война, пока не истощатся рессурсы обеих сторон, тем меньше затруднений будет в приискании компромисса между разноречивыми интересами.

Благоволите доверительно объясниться по этому вопросу с Пуанкарэ и о точке зрения его уведомить нас в возможно непродолжительном времени.

Сазонов.

---

[1]) Точности в определении предположенных для Турции реформ и гарантий их осуществления.

[2]) Текст этой телеграммы в измененном и сокращенном виде был напечатан в «Сборнике дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове». Изд. мин. ин. дел. 1914 г., стр. 20.

№ 29. Сообщение мин. ин. дел Франции российскому мин. ин. дел [1]).

Париж. 30 сентября (13 октября) 1912 г.

Господин министр.

Извините меня за то, что в виду срочности я был вынужден обратиться к державам, не дожидаясь от вашего превосходительства ответа на сообщение, которое я прошу посла республики передать вам сегодня. Переговоры, которые я имел с вами по вопросу о конференции, позволяют мне надеяться, особенно, принимая во внимание присоединение Англии к этому проекту, что вы примете предлагаемую вашему одобрению программу, с которой я уже познакомил г-на Извольского.

Программа эта, впрочем, в целом соответствует ноте, переданной мне вчера вечером г-ном русским послом от имени вашего превосходительства.

Благоволите принять, г-н министр, выражение моей преданности и дружеских чувств.

Пуанкарэ.

№ 30. Секретная телеграмма посла в Париже [2]).

Париж. 30 сентября (13 октября) 1912 г. № 241.

№ 2. 1. Если оттоманское правительство согласно приступить к обсуждению с державами имеющих быть введенными в Европейской Турции реформ, то для рассмотрения вопроса о проведении таковых немедленно будет созвана международная конференция.

2. Если оттоманское правительство откажется от обсуждения и вспыхнет война, державы тотчас же снесутся между собой в целях посредничества.

3. Если посредничество увенчается успехом, международная конференция соберется в кратчайший срок для рассмотрения вопроса о проведении реформ.

4. В случае неудачи посредничества международная конференция все-таки состоится в целях принятия по окончании военных действий тех мероприятий, которые будут продиктованы заботами о всеобщем мире и общими интересами Европы.

Сообщаю Бенкендорфу. *Извольский.*

---

[1]) Документ представляет собою копию, заверенную французским послом. Перевод с французского.

[2]) Перевод с французского. Телеграмма была опубликована в «Материалах», стр. 283.

№ 31. Памятная записка российского мин. ин. дел, переданная французскому послу в Петербурге [1]).

Императорское министерство иностранных дел присоединяется к мысли, высказанной его превосходительством г-ном Пуанкарэ по поводу желательности дипломатического объединения держав в момент, когда в силу серьезных обстоятельств сделается очевидной необходимость вмешательства со стороны держав по окончании военных действий.

Императорское министерство иностранных дел полагает, однако, что безотлагательный созыв конференции накануне почти неизбежной уже войны мог бы скомпрометировать самую идею этой конференции, к которой императорское правительство присоединяется заранее.

Обстоятельствам момента скорее соответствовал бы предварительный обмен мнений между Парижем, Петербургом и Лондоном, имеющий целью обеспечить согласованность действий трех держав в любую минуту, а также формулировать те конкретные положения, которые могли бы послужить основанием для работ международной конференции.

Императорское министерство желало бы, чтобы правительство республики взяло на себя инициативу подобного обмена мнений, а также, чтобы в данном случае местом созыва конференции был избран Париж.

С.-Петербург.
1 октября 1912 г.

№ 32. Секретная телеграмма посла в Берлине.

Берлин. 2 (15) октября 1912 г. № 144 [2]).

Берлинский кабинет по сношению с венским кабинетом дал следующий ответ на предложение Пуанкарэ по вопросу о конференции и посредничестве.

Германское правительство сочувственно относится к предложению Франции, имеющему целью поддержать контакт между державами, но оно полагает, что настоящий момент не благоприятствует осуществлению французского проекта. Если позднее Франция возобновит свое предложение о созыве конференции, оно с удовольствием будет рассмотрено в Берлине.

Кидерлен прибавил, что ему представлялось бы желательным, чтобы кабинеты предварительно, и как можно скорее, обменялись между собою мнениями по вопросу о тех решениях, которые европей-

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) Перевод с французского.

ское совещание предполагает предпринять при ликвидации военных действий. Есть основание предполагать, что германское правительство не очень склонно присоединиться к идее конференции.

Свербеев.

№ 33. Секретная телеграмма посланника в Афинах.

Афины. 7 (20) октября 1912 г. № 99.

Телеграмма № 2240 получена [1]).

Вчера и сегодня возобновлял перед министром иностранных дел самые убедительные и энергичные настояния о необходимости обеспечения проливов от посягательств греческого флота. Указал ему даже в числе доводов на неизбежную, в случае отказа, перемену по отношению к Греции нашего общественного мнения, которым здесь, повидимому, весьма дорожат. Министр иностранных дел твердо стоит на своем и умоляет не лишать Греции главного козыря — затруднить помощью своего флота — хотя бы, в случае надобности, путем проникновения в проливы — подвоз турецких подкреплений из Малой Азии. По его словам, борьба между греческим и турецким флотами должна решиться в ту или другую сторону в самом скором времени. Он предвидит подобные же шаги со стороны некоторых держав, интересы коих будут затронуты войной в других местностях, намекая главным образом на Салоники, что окончательно парализовало бы действия греческого флота. — Мой австрийский коллега, получив предписание просить греческое правительство не предпринимать ничего, что могло бы подать повод Турции закрыть проливы, встретил самый решительный отпор. Французский посланник готов присоединиться к нашим представлениям по получении указаний из Парижа. Ныне же, как он мне доверительно сообщил, у него имеется лишь телеграмма от Пуанкарэ, из которой явствует, что французское правительство обусловливает свои представления греческому правительству о проливах нашими соответствующими здесь представлениями об Александреттской бухте и Бейруте. Эллиот никаких инструкций не получал; все же он считал успех этих шагов более чем сомнительным.

Демидов.

№ 34. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 8 (21) октября 1912 г. № 269.

Продолжение № 267 [2]).

Проливы. Подробно объяснился с Пуанкарэ, который согласен тотчас же и самым энергичным образом поддержать наши предста-

[1]) Телеграмма № 2240 в делах отсутствует.

[2]) В телегр. № 267 от 7/20/X 1912 г. Извольский сообщает о своей беседе с Палеологом по вопросу о проливах.

вления в Афинах, не касаясь покуда других местностей, кроме проливов. Но вслед за сим он все-таки будет принужден потребовать от Греции воздержаться от военных действий против сирийского побережья и ожидает, что мы поддержим это требование в наиболее подходящей для нас форме. Я принял этот ответ ad referendum и сказал, что запрошу вас, приемлема ли для нас подобная постановка вопроса. Прошу указаний.

Извольский.

№ 35. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 8 (21) октября 1912 г. № 267 [1]).

Лично. Совершенно секретно.

Должен констатировать все возрастающее здесь беспокойство по поводу возможного исхода войны и могущих быть осложнений, а также очень относительную веру в осуществление предложенной французами программы. Внимание сосредоточено на австро-русских сношениях. Все более и более укрепляется мнение, что если бы между нами и Веной могло быть достигнуто достаточное согласие — о более активной роли наиболее заинтересованных держав, — это было бы встречено благожелательно, и была бы оказана серьезная поддержка. Будучи признана законной, роль эта послужила бы, кроме того, также и совершенным, бесспорным залогом бескорыстия, и только при этом условии возможно было бы положить конец разногласиям, вызванным континентальной прессой, которые, в противном случае, не замедлили бы сказаться и здесь. Полного доверия великобританского правительства к нам оказалось бы недостаточным. Тем не менее оно таково, что, мне кажется, во всем, что Россия решит предпринять в указанном направлении, ей обеспечена твердая поддержка со стороны Англии. Нельзя ли было бы, вместо предложенного Францией проекта, выдвинуть следующее предложение: Россия и Австрия уполномачиваются Европой на вмешательство в дела балканских правительств в тот момент, который они сочтут тому благоприятным; выступление это должно быть одновременно поддержано державами в Константинополе. При этом воюющим сторонам имеют быть предложены приблизительно следующие основы для заключения мира: полная поддержка Турции в Константинополе и примыкающем к нему районе; сохранение номинального суверенитета Турции во всех остальных областях Европейской Турции с проведением коренных реформ под непосредственным контролем великих держав; никаких изменений в территориальных владениях воюющих сторон.

Я нахожу, что такой проект имеет следующие преимущества: действительное соблюдение всех истинных интересов России; бесспорное

[1]) Перевод с французского.

увеличение ее международного престижа и авторитета в будущем; залог мира между Россией и Австрией; уничтожение всех интриг, отравляющих нынешнее положение. Наконец, — план этот гораздо реальнее и может быть скорее осуществлен, нежели французский. У меня нет данных, чтобы судить, насколько может быть достигнуто полное соглашение с Австрией, но тем не менее обстоятельства момента представляются мне благоприятными, особенно — поскольку не произнесено слово «автономия». Я не могу также судить о том, не возникнут ли в самой России какие-нибудь препятствия совсем иного характера. Но я полагаю, что вам будет оказана поддержка со стороны Англии, — я делаю это заключение на основании серьезных данных. Чтобы избежать возможного недовольства Франции, я полагал бы необходимым прежде всего совершенно конфиденциально позондировать Грэя. Если вы разрешите, я мог бы сначала выполнить это в порядке чисто личном. В его скромности можно быть уверенным. Прошу ответа.

Бенкендорф.

№ 36. Секретная телеграмма мин. ин. дел. послу в Лондоне.

С.-Петербург. 11 (24) октября 1912 г. № 2314.

Телеграмма № 267 получена.

Признавая вполне приемлемыми изложенные в этой телеграмме основные принципы, кои могли бы быть сообщены державами обеим воюющим сторонам в момент вмешательства, передали их в Париж для соответствующей редакционной переработки в целях приемлемости. Полагали бы возможным выпустить упоминание о гарантии державами реформ, ибо прямой контроль содержит и без того понятие о гарантии. Одновременно полагаем занятия [1]) безотлагательной выработкой конкретной программы реформ, которая имелась бы под рукой во всякое время, хотя и с возможностью значительных изменений, сообразно обороту войны.

Желали бы знать, насколько указанные вами принципы принадлежат Грэю, или же формулированы вами в результате общего впечатления, вынесенного из беседы с ним.

Обращаем ваше внимание на то, что совместное выступление России только с Австрией, хотя бы от имени всех держав, мы отнюдь не признаем желательным и даже возможным.

Улучшение наших отношений с венским кабинетом дало возможность достигнуть ценного результата в локализации войны, но в определении положительных задач, как при вмешательстве, так и в вопросе ликвидации результатов войны, мы рассчитываем на возможно более тесное единение с Францией, Англией и Италией.

Сазонов.

---

[1]) Так в оригинале.

№ 37. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 8 (21) октября 1912 г. № 268[1]*).*

Через несколько дней после отправки телеграммы № 91 (?[2]) я совершенно конфиденциально сообщил Никольсону о заключении болгаро-сербской конвенции. Никольсон был уже осведомлен, нужно полагать, парижским кабинетом. Он истолковал эту конвенцию как направленную прежде всего против возможных посягательств со стороны Австрии. Он не сделал никаких особых замечаний по этому поводу, только сказал, что он не доверяет скромности болгарского короля и не будет удивлен, если он сделает по этому поводу секретное сообщение в Вену.

Бенкендорф.

№ 38. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 13 (26) октября 1912 г. № 281.

Сегодня утром Пуанкарэ ознакомил меня с двумя телеграммами Камбона из Берлина, которые в виду их важности я передаю вам полностью в №№ 282 и 283. Пуанкарэ усматривает в предложении Кидерлена попытку изолировать Россию и ни в каком случае не согласится на подобный образ действий. Он поручил Камбону ответить Кидерлену покуда, что он не преминет обсудить его предложение. В той же телеграмме он присовокупляет, для личного сведения и руководства посла, текстуально следующее: «французское правительство готово продолжать переговоры с Берлином в том духе, в каком они были ранее начаты и в смысле соглашения с ним, равно как и с другими державами, с целью возможно скорого решения вопроса о посредничестве, но оно уклоняется от всякой инициативы, исходящей не от России и Англии. В этом смысле я буду действовать в Петербурге и Лондоне» [3]).

Продолжение в № 284. *Извольский.*

№ 39. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 13 (26) октября 1912 г. № 282.

Телеграмма французского посла в Берлине:

«Статс-секретарь дважды беседовал сегодня со мной о положении на Балканах. По его мнению, ничто не может быть решено до того дня, когда выяснится исход войны; не желая строить догадок,

[1]) Перевод с французского.

[2]) Вопросительный знак имеется в оригинале. Повидимому, номер проставлен ошибочный.

[3]) Цитируемый текст — перевод с французского.

он тем не менее находит, что в настоящее время нужно подготовиться к возможности такого оборота дела, который чрезвычайно осложнит задачу Европы в деле разрешения настоящего конфликта, — т.-е. к полному поражению Турции. В виду того, что возможность эта могла бы повести Турцию к анархии, статс-секретарь полагает, что Франция, Англия и Германия, каждая по своим собственным соображениям, одинаково заинтересованы в недопущении подобного результата. Он беседовал по этому поводу с моим английским коллегой и просил его снестись со своим правительством; он поручил передать ему, что Германия, которая постоянно поддерживала и намерена и впредь поддерживать контакт с Францией, желала бы ознакомиться с видами Англии и обменяться с нею мнениями по этому вопросу. Статс-секретарь высказал мне мысль о том, что Франции совместно с Англией надлежало бы заняться вопросом о том, какие компенсации могли бы быть предоставлены балканским государствам, при условии соблюдения неприкосновенности Оттоманской империи. С другой стороны, германское правительство по соглашению с нами предприняло бы подобное же выступление в Вене, и можно было бы надеяться, что Россия стала бы на такую точку зрения, при которой, в полном соответствии с ее личными интересами, балканским государствам могли бы быть предоставлены некоторые компенсации.

Статс-секретарь нашел также уместным предупредить об этом Россию, чтобы она знала, что без ее ведома не ведется никаких переговоров. Если ваше превосходительство разделяете мнение статс-секретаря, Франция и Германия могли бы в ближайшее же время предпринять соответственное выступление в Лондоне и Вене» [1]).

Извольский.

№ 40. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 13 (26) октября 1912 г. № 283.

Вторая телеграмма французского посла в Берлине:

«В Берлине верили в успех Турции; поэтому победа Болгарии вызвала здесь глубокое разочарование. С другой стороны, из Вены также получаются довольно скверные вести; Берлину было бы желательно предотвратить опасность таких действий со стороны Австрии, которые грозили бы вовлечением Германии. Эти указания, без сомнения, в достаточной степени поясняют сделанное статс-секретарем предложение, о котором я сообщал вашему превосходительству в предыдущей телеграмме. Дополнительно сообщаю, что г. Кидерлен должен был сегодня же, в 7 часов, повидаться с моим австрийским коллегой и что он должен был сообщить ему о том предложении, которое я изложил вашему превосходительству согласно обращения статс-секретаря. Лично я полагаю, что было бы уместным посовето-

[1]) Цитируемый текст — перевод с французского.

ваться с Россией, а отнюдь не ограничиться лишь предупреждением этой державы, как на то указывал г. Кидерлен. Действительно, предложение статс-секретаря Германии имеет целью определить, где именно могло бы быть осуществлено предложенное вашим превосходительством посредничество, в принципе одобренное Германией» [1]). *Извольский.*

№ 41. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 13 (26) октября 1912 г. № 284.

Продолжение моей телеграммы № 281.

Твердо решившись отклонить предлагаемую Кидерленом группировку Франции, Германии и Англии, как держав наиболее заинтересованных в предотвращении окончательного поражения Турции, Пуанкарэ вместе с тем считает, что необходимо отпарировать этот удар путем по возможности быстрого вмешательства по почину России. Он думает поэтому, что вы могли бы немедленно обратиться к Франции с просьбой предложить державам медиацию. Если почему-либо вы не желаете публично формулировать эту просьбу, он готов в глазах Европы взять почин медиации на себя, не разглашая предварительного уговора с Россией. При этом он обращает особенное ваше внимание на указание Кидерлена, что следует изыскать, какие можно дать удовлетворения балканским государствам, сохранив «в принципе» интегритет Турецкой империи. По его мнению, это указание создает почву для вмешательства в духе трех пунктов вашей программы. Он телеграфирует в вышеизложенном смысле Ж. Луи, которому сообщены все телеграммы, обмененные по настоящему случаю с Берлином. Пуанкарэ выехал сегодня в Нант, где произнесет завтра речь, в которой энергически заявит о верности Франции союзу с Россией и соглашению с Англией. *Извольский.*

№ 42. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 14 (27) октября 1912 г. № 287.

Французский посол в Лондоне телеграфирует, что Никольсон, с которым он виделся за отсутствием Грэя, вполне разделяет взгляд Пуанкарэ на предложение Кидерлена и также не видит другого способа парировать этот удар, кроме быстрого выступления с предложением медиации. Из Берлина посол Камбон сообщает, что там очень поражены и обеспокоены болгарскими успехами, что, по имеющимся сведениям, в Салониках среди турок произошла паника и что есть основание предполагать, что Турция вскоре сама попросит вмешательства держав. Пуанкарэ возвращается сегодня вечером и по телеграфу просил меня и английского посла быть у него к 11 часам, после чего буду телеграфировать. *Извольский.*

---

[1]) Перевод с французского.

№ 43. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 14 (27) октября 1912 г. № 291.

Л и ч н а я. В длинном разговоре с Пуанкарэ я высказал ему с полной откровенностью, что после поражающих успехов балканских государств необходимо предвидеть, что державам поневоле придется отказаться от поддержания во что бы то ни стало принципа status quo и допустить те или другие территориальные изменения в пользу сказанных государств. Наше общественное мнение, без сомнения, выскажется с большою силою против лишения балканских государств их завоеваний, и даже германская и австрийская печать признают невозможность вернуться к прежнему положению. Следует иметь в виду, что в существовавшем до 1908 года австро-русском соглашении предвиделось, что, в случае невозможности дальнейшего поддержания status quo, Россия и Австрия согласятся насчет справедливых территориальных изменений в пользу балканских государств. Ныне подобное соглашение могло бы состояться между всеми державами, и мне кажется, что нет основания предполагать, что Австрия непременно от него уклонится, конечно, при условии достаточного обеспечения ее интересов. При нынешних обстоятельствах для России весьма трудно завести с Австрией разговор на эту тему, но это могла бы сделать Франция. При этом следовало бы поставить Австрии определенные вопросы по главным пунктам о территориальных изменениях, о реформах в Македонии и об Албании. Пуанкарэ вполне согласился с моими соображениями и выразил готовность в случае, если вы этого пожелаете, тотчас вступить в конфиденциальный обмен мыслей с венским кабинетом в вышеизложенном смысле. Весь разговор носил совершенно частный характер, и, если вы не одобрите моей инициативы, он будет считаться абсолютно не состоявшимся.

Извольский.

№ 44. Секретная телеграмма мин. ин. дел. послам в Париже и Лондоне.

С.-Петербург. 15 (28) октября 1912 г. № 2374.

Сообщается в Константинополь, Афины, Софию, Белград, Вену и Берлин.

Продолжение телеграммы № 2358 [1]).

В предложенной нами схеме реформ мы обошли вопрос об изменении состава вилайетов, применительно к началу областных авто-

[1]) В телерг. от 14/X за № 2358 Сазонов намечал программу реформ, касающихся областей Европейской Турции. Программа эта должна была явиться развитием закона 1880 г. и основываться на принципе полной автономии областей,

номий, которое, несомненно, до начала военных действий имелось в виду балканскими государствами, как желательный результат войны.

Нам казалось, что с ослаблением вилайетной организации будет крайне облегчено объединение санджаков на принципе национального размежевания, а что вместе с тем в настоящее время было бы еще опасно выдвигать такого рода предположение.

События идут, однако, с такой быстротой, что в настоящее время для всех держав становится все более трудным поддерживать неприкосновенность принципа территориального status quo.

Успехи Болгарии имели, повидимому, результатом радикальную эволюцию в отношении к этому вопросу Австрии. Последняя, по словам здешнего болгарского посланника, предлагает софийскому правительству помощь деньгами, оружием и ясно дает понять готовность не противиться территориальным приращениям Болгарии. Нельзя не предположить, что такое настроение связывается с затаенною мыслью венского кабинета войти в сделку с Болгарией за счет Сербии, чтобы одновременно разрушить единство блока балканских государств, обеспечить свои интересы в направлении к Салоникам и отторгнуть Болгарию от тяготения к России. Словом, переменой фронта Австрия хочет все нынешнее положение использовать для утверждения своего безраздельного влияния на Балканах.

В виду вышеизложенных соображений мы признавали бы в настоящее время крайне желательным инициативу Франции, которая считалась бы со следующими основаниями: 1) заявление о безусловной незаинтересованности великих держав в каких-либо компенсациях, как основа медиации между воюющими сторонами; 2) радикальные реформы на всем протяжении Европейской Турции до линии Адрианополя на основаниях, вам уже известных и могущих быть расширенными.

Имейте в виду, что в случае признания возможным нарушения территориального status quo, для России представилась бы психологическая невозможность быть против территориальных приращений в пользу балканских государств, в то время как другая держава их отстаивала бы. Но мы полагали бы необходимым, чтобы вопрос о границах возможных приращений был поставлен на почву равновесия Болгарии и Сербии, на основе имеющегося между ними определенного соглашения о размежевании.

В наших глазах главная опасность нарушения территориального status quo состояла бы в трудности удержать Австрию и другие державы от компенсаций.

при чем идее суверенитета султана отводилось чисто формальное значение. Территория реформ должна была ограничиваться пределами линии, проходящей от устья Марицы через Адрианополь до Черного моря, с сохранением в константинопольской зоне реального суверенитета султана.

Поэтому незаинтересованность великих держав и равновесие компенсаций балканских государств являются для нас существенно важными.

Полагали бы, что, чем скорее будет практически приступлено к вопросу об основах медиации, с возможностью осуществить ее в каждый данный момент, тем больше шансов будет надеяться на благоприятный результат.

Сазонов.

№ 45. Циркулярное письмо мин. ин. дел послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте.

С.-Петербург. 18 (31) октября 1912 г. № 6782 [1]).

Милостивый государь,

В части нашей печати и, к сожалению, в некоторых кругах общественного мнения на Балканах положение, занятое императорским министерством, подвергалось за последнее время нередко совершенно превратному толкованию.

Раздавались упреки в том, будто война явилась для нас полною неожиданностью, что с нашей стороны произошло полное охлаждение к заветам прошлого, что Россия вступила в соглашение с Австрией, предавая интересы славян, и, наконец, что мы чуть ли не взяли на себя обязательство перед Европою — силою лишить балканские государства плодов их усилий и жертв.

На многих из этих упреков не стоило бы даже останавливать серьезного внимания. Упреки печати оставляли нас равнодушными еще и потому, что в той же мере, в какой создавалось ложное представление о коренном разладе между Россией официальной и неофициальной, задачи нашей политики в отношении к европейским кабинетам до известной степени облегчались. Не предполагая, чтобы наши соперники имели наивность разделять мнения нашей, зачастую столь мало разбирающейся в международных вопросах, печати, мы все же до известной степени могли использовать представление о кажущемся разладе, чтобы склонить кабинеты к мысли о необходимости считаться с трудностью нашего положения и бороться с натиском нашего общественного мнения.

Тем не менее правильное освещение занятой нами позиции, в особенности в балканских странах, представляется нам по условиям момента своевременным. Мы не можем дать укорениться неверным представлениям, а потому считаем долгом сообщить вам те данные, которые могли бы послужить вам материалом для доверительных

---

[1]) Текст настоящего письма в сокращенном и измененном виде был напечатан в «Сборнике дипломатических документов», изд. мин. ин. дел. 1914 г., стр. 23.

бесед с людьми, влияние коих представлялось бы ценным в том или ином отношении.

С начала обострения кризиса на Балканах для императорского министерства с несомненною ясностью представились следующие два обстоятельства:

1) война на Балканах почти неизбежна, и,

2) исчерпывая все средства для мирного исхода, необходимо одновременно принять все меры для локализации войны.

К достижению обеих целей можно было стремиться только тем путем, который и был нами избран, а именно — установлением прямого контакта с венским кабинетом. Нельзя не отметить, что последний с охотой и готовностью пошел нам навстречу. Быть может, руководителям австрийской политики не чужда была мысль связать Россию каким-либо соглашением на почве обоюдных компенсаций. Но, исходя из твердого убеждения, что согласованность действий между обоими кабинетами может ограничиваться задачами отрицательного характера — как-то взаимные гарантии невмешательства, — мы не дали увлечь себя далее твердо положенных нами рамок.

Согласившись выступить от лица всех держав совместно с Австриею в балканских столицах с заявлением о нерушимости территориального status quo, мы преследовали при этом только одну цель — этим заявлением связать до известной степени ту державу, которая совместно с нами его сделала. За неделю до австро-русского выступления нельзя было поручиться, что, когда начнутся военные действия, Австрия не взойдет в санджак. Указанным выше шагом опасность эта была нами предотвращена, и сетования балканских политиков на Россию, оказавшую им в данном случае величайшую услугу, на какую они могли рассчитывать, свидетельствует лишь о близорукости или же об увлечении, при котором временно исключается спокойная рассудительность. Впрочем, указанное настроение не могло нас особенно задеть, ибо мы знали, что время и верный расчет окажутся в нашу пользу.

Одновременно с шагами, предпринятыми нами с целью устранить опасность выступлений Австрии во время войны, государю императору благоугодно было пожаловать румынскому королю звание фельдмаршала российской армии, возвестив о своем решении телеграммою на имя короля Карла 17 сентября, в день исполнившегося полувекового юбилея военной службы его величества.

Высочайшая телеграмма пришла в Бухарест как раз в тот день, когда Болгария объявила общую мобилизацию, т.-е. когда для Румынии наступал критический момент в принятии того или иного решения.

Высокое отличие, выпавшее на долю румынского короля и сопровождавшие его слова, напоминавшие о братстве по оружию в славные годы минувшей войны, затронули самые чувствительные струны в сердце старого монарха. Психологический момент был выигран. Турецкому посланнику в Бухаресте было категорически заявлено о нежелании Румынии вмешиваться в войну.

Так, одновременно на двух фронтах, кои угрожали балканскому блоку во время войны, России удалось мирным путем устранить опасность серьезных осложнений. Общее признание этого факта есть, конечно, дело времени. В настоящее время для нас важно остановиться на нем, чтобы обосновать наше нравственное право воздействия на балканские государства, когда их же разумно понятые интересы потребуют, на наш взгляд, вмешательства и прекращения войны.

Возвращаясь к связанной с этим вопросом оценке того значения, которое в настоящее время можно придавать заявлению о неприкосновенности территориального status quo, мы считаем нужным в этом отношении обратить ваше внимание прежде всего на нижеследующие соображения.

Заявление это было, как известно, неразрывно связано с другим, а именно, что державы возьмут в руки осуществление реформ. Кто же помешал им осуществить последнюю задачу. Балканские государства?— Нет, ибо в лице Болгарии они просили только точнее выяснить значение гарантий, заключающихся в упомянутой формуле.

Совершенно наоборот, Турция, к которой державы обратились с гораздо менее категорическим заявлением, ответила, что иностранного вмешательства она не допустит и что она сама проведет нужные реформы. Таким образом, раз вторая часть формулы — осуществление державами реформ — отпала, и при том по вине Турции, то тем самым в наших глазах лишается всякой силы первая часть, — заявление о неприкосновенности территориального status quo. Во всяком случае мы не будем создавать балканским государствам препятствия в этом отношении.

Если, таким образом, вопрос о status quo не имеет в наших глазах никакого незыблемого принципиального значения, то мы с тем большею силою настаиваем, чтобы, в случае его нарушения, были соблюдены следующие основные начала:

1) незаинтересованность великих держав в территориальных приращениях, и

2) принцип равновесия компенсаций между балканскими государствами на основе тех уговоров, которые предшествовали их объединению.

К изложенным выше началам мы считаем необходимым прибавить еще одно условие, а именно, что территория от Константинополя по линию, идущую от устья реки Марицы через Адрианополь к Черному морю, должна оставаться под реальным суверенитетом султана в обеспечение безопасности Константинополя и связанных с нею европейских и русских первостепенных интересов.

В постановке упомянутого вопроса не может быть ничего неожиданного для балканских государств по всем прежним нашим заявлениям по этому поводу. Мы твердо рассчитываем, что этого окажется достаточным и что Болгария не создаст положения, трудного для себя

и для России, если бы нам пришлось сделать более настойчивое напоминание в том же смысле.

Что касается до наших интересов, они не позволяют двух толкований в этом отношении.

Таковы общие соображения, коими мы полагаем руководиться в вопросах медиации и ликвидации результатов войны. Наши отношения с Францией и Англией побуждают нас рассчитывать на то, что первая своевременною инициативою, вторая своею поддержкою не преминут помочь нам в разрешении нынешнего столь серьезного кризиса без потрясения европейского мира.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Сазонов.

№ 46. Секретная телеграмма мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 18 (31) октября 1912 г. № 2403.

Сообщается в Париж, Лондон, Константинополь и Белград. Телеграмма № 216 получена [1]).

Нельзя не предусматривать возможности в ближайшем будущем новых успехов Болгарии и серьезного положения, которое возникло бы в случае осады в скором времени Чаталджи. Опасаемся в этом случае неблагоприятного для самих болгар поворота общественного мнения в Европе и возможности международной оккупации турецкой столицы, в предупреждение риска крупных беспорядков и для ограждения интересов кредиторов Турции.

В первом ряду последних стоят Франция и Англия. Нельзя рассчитывать, чтобы эти державы поступились бы своими интересами, даже если бы Россия настаивала на их воздержании от действий. Между тем, если б произошел неблагоприятный для балканского блока поворот в Париже и Лондоне, то нет сомнения, что это было бы учтено в Вене и Бухаресте, и у нас едва ли осталась бы надежда удержать Австрию и Румынию, как нам это удалось до сих пор, от выступлений.

Все эти соображения побуждают нас дружески, но серьезно посоветовать болгарскому правительству понять настоятельную необходимость благоразумия и суметь остановиться в нужный момент. Мы полагаем, что в этом случае, и не дожидаясь возможного неуспеха под Чаталджей, балканские государства, по нашему мнению, могли бы рассчитывать на территориальные приращения. Во всяком случае полное содействие нашей дипломатии обеспечено им в этом смысле, с оговоркой, которая должна быть хорошо известна болгарам, а именно, что все возможные компенсации в области ли реформ, или

[1]) В телегр. от 18/X 1912 г. за № 216 Неклюдов сообщал о господствующих в Болгарии настроениях и передавал содержание своей беседы с Гешовым по вопросу о медиации держав.

земельных присоединений должны быть ограничены линией, проходящей от устья Марицы через Адрианополь к Черному морю. От этой границы вся территория, прилегающая к Константинополю, должна остаться под реальным суверенитетом султана. Двух толкований в этом вопросе быть не может. Мы надеемся, что Болгария не поставит себя и Россию в тяжелое положение, если бы нам пришлось напомнить об этом в Софии с большею настойчивостью.

Благоволите сообщить нам результат ваших объяснений с Гешовым по изложенным вопросам. — Чем объяснить прибытие сербской дивизии в Бургас?

Сазонов.

№ 47. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 19 октября (1 ноября) 1912 г. № 288 [1]).

Грэй принимает предложенную вами линию Марица — Адрианополь — Черное море, как предел территориального расширения Болгарии. Но он желал бы подвергнуть более глубокому рассмотрению вопрос об ограничении сферы применения реформ, чтобы обеспечить положение христиан и оставить за собой право последующего по этому поводу ответа.

Бенкендорф.

№ 48. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 19 октября (1 ноября) 1912 г. № 309.

Продолжение телеграммы № 308 [2]).

Предлагаемая г-ном Пуанкарэ процедура медиации:

1) Державы коллективно обратятся к воюющим государствам, чтобы побудить их прекратить военные действия; 2) суверенитет его императорского величества султана останется неприкосновенным в пределах Константинополя и прилежащего к нему района; 3) в остальных областях Европейской Турции — национальное, политическое и административное status quo будет изменено для каждой страны особо и при условии справедливого равновесия интересов всех этих государств; 4) для достижения полного согласия в урегулировании всех этих вопросов представители держав не замедлят собраться на конференции, куда также будут приглашены представители воюющих стран и Румынии [3]).

Извольский.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) В телегр. от 19/X 1912 г. за № 308 Извольский сообщал о беспокойстве Пуанкарэ по поводу намерения Австрии использовать настоящее положение и о выработанном им проекте безотлагательной медиации.

[3]) Текст предложения Пуанкарэ. Перевод с французского.

№ 49. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 19 октября (1 ноября) 1912 г. № 314.

№№ 2403 и 2405 получил [1]).

Пуанкарэ еще вчера поручил французским представителям разъяснить правительствам балканских государств, что предлагаемая Францией медиация отнюдь не имеет целью лишить эти государства плодов их побед и что поэтому в интересах последних пойти навстречу сказанному предложению. Он опасается, однако, выступить в настоящую минуту с более настойчивыми представлениями и, в особенности, заранее указать Болгарии от имени Франции на линию от устья Марицы чрез Адрианополь к Черному морю, ибо это могло бы оттолкнуть болгар от держав тройственного согласия и облегчить Австрии сепаратное с ними соглашение. Раз состоится медиация и соберется конференция, Пуанкарэ, разумеется, всеми силами поддержит намеченное нами разграничение; но сейчас он считал бы опасным дать Болгарии повод приписать впоследствии державам тройственного согласия остановку своего победоносного движения и думает, что окажет нам услугу, воздержавшись в настоящее время от слишком сильного давления на болгар в указанном вами смысле [2]).

Извольский.

№ 50. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 20 октября (2 ноября) 1912 г. № 315.

Французский посол телеграфирует из Вены, что граф Берхтольд письменно уведомил его, что он даст окончательный ответ на предложение Пуанкарэ после обмена мыслей с союзниками Австрии, покуда же он может высказать лишь, что он считает неудобным навязывать воюющим медиацию, так как это может вызвать с их стороны отказ. Ему кажется предпочтительным выступить с медиацией лишь в том случае, если об этом попросит одна из сторон. По сведениям Пуанкарэ это заявление, противоречащее тому, что Берхтольд перед тем высказал Дюмену, внушено Германией.

Извольский.

---

[1]) Телегр. Сазонова от 18/X 1912 г. за № 2405 содержит указания на желательность нефициального воздействия английского и французского посланников в Софии на болгарское правительство.

[2]) Предложение Пуанкарэ Сазоновым было принято, о чем последний сообщал российским представителям за границей телеграммой от 20/X за № 2439. Свой взгляд в развитие полжений Пуанкарэ Сазонов излагал в телеграмме от того же числа за № 2423 на имя тех же представителей, опубликованной в «Материялах». стр. 293.

№ 51. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 20 октября (2 ноября) 1912 г. № 319.

Продолжение моей телеграммы № 318 [1]).

В виду неофициального характера представлений графа Сечени и необходимости выяснить положение, Пуанкарэ поручил французскому послу в Вене осведомиться об истинных намерениях венского кабинета. При этом Дюмену предписано заявить графу Берхтольду, что Франция будет самым энергичным образом возражать против каких бы то ни было территориальных захватов со стороны Австрии, ибо подобный захват подаст сигнал к требованию таких же компенсаций со стороны других великих держав, другими словами — к окончательному дележу Турецкой империи. Так, у Пуанкарэ имеется указание на намерение Италии, в случае захвата Австриею санджака, оставить за собою острова или взять часть Адриатического побережья. Со своей стороны, в подобном случае и Франция должна будет требовать компенсации. Французское правительство надеется, что венский кабинет не решится вызвать столь опасные осложнения. Пуанкарэ готов, с своей стороны, способствовать обеспечению экономических интересов Австро-Венгрии, что могло бы быть достигнуто принятием различных мер, касающихся железных дорог, тарифов, транзита и т. п. Дюмену поручено, между прочим, указать на нейтрализацию части территории французской Савойи, как на прецедент для санджака в случае присоединения его к Сербии и Черногории. Вышеизложенные соображения сообщены также французским представителям в других столицах с предписанием довести о них до сведения правительств, при которых они аккредитованы.

Извольский.

№ 52. Секретная телеграмма мин. ин. дел послу в Париже.

С.-Петербург. 22 октября (4 ноября) 1912 г. № 2455.

Сообщается в Лондон и Константинополь.

Телеграмма № 316 получена [2]).

Удержать союзников от занятия Константинополя можно, на наш взгляд, только единодушным заявлением держав балканским государствам теперь же, что Европейская Турция, по известную

[1]) В телеграмме за № 318 от 20/X передавалось заявление Сечени о том, что Австро-Венгрия не помышляет о территориальных приобретениях и стремится лишь «к обеспечению своих экономических интересов» на Балканском полуострове.

[2]) В телегр. от 20/X 1912 г. за № 316 Извольский сообщает о господствующей во французских правительственных кругах уверенности в неизбежности полного поражения Турции и о затаенных желаниях царя Фердинанда торжественно вступить в Константинополь.

вам линию до Адрианополя к Черному морю, подлежит полюбовному между ними разделу и присоединению на началах и условиях, изложенных в моей телеграмме № 2423, т.-е. с принятием в должное внимание экономических интересов Австрии.

Находили бы крайне желательным безотлагательное обращение Франции к державам с предложением в этом смысле. Полагаем, что ключ положения сосредоточен в Берлине, и от воздействия германского правительства на Вену будет в значительной степени зависеть успех этого предложения.

Благоволите сообщить г. Пуанкарэ, для личного доверительного его сведения, что занятие союзниками Константинополя могло бы вынудить одновременное появление в турецкой столице всего нашего черноморского флота. Во избежание сопряженной с этою мерою опасности общеевропейских осложнений, было бы важно, чтобы Франция исчерпала все средства должного воздействия в Берлине и Вене для принятия указанного предложения.

Мы обращаем внимание нашей союзницы на то, что наше общественное мнение, и без того напряженно относящееся к событиям на Балканах, может создать для правительства крайне затруднительное положение.

Для вашего личного осведомления: наше военное ведомство считает возможным видоизменить свой взгляд на необходимость безусловного сохранения линии чрез Адрианополь, и мы допускаем возможность некоторых уступок, в том числе Адрианополя, болгарам.

Сазонов.

№ 53. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 25 октября (7 ноября) 1912 г. № 342.

Ссылаюсь на телеграмму № 2451 [1]).

Телеграмма эта не содержит прямого ответа на письменное предложение Пуанкарэ, изложенное в моей телеграмме № 329 [2]). Между тем, предложение это, мне кажется, заслуживает с нашей стороны самого серьезного внимания. Вы изволите вспомнить, что до сих пор французское правительство заявляло, что местные, так сказать, чисто балканские события, не вызовут с его стороны активных действий. Ныне, предлагая обсудить совместно с нами и Англиею средства, коими возможно будет предотвратить территориальный захват со стороны Австрии на Балканском полуострове, Франция

[1]) В телегр. от 22/X 1912 г. за № 2451 Сазонов сообщал в Париж, Лондон и Константинополь об обращении к нему турецкого посла с просьбой о медиации.

[2]) В телегр. от 22/X 1912 г. за № 329 Извольский передает текст записки Пуанкарэ, высказывающего опасения по поводу аннексионистских замыслов Австро-Венгрии.

признает, что подобный захват явится также не местным событием, а нарушением общеевропейского равновесия и собственных ее интересов. При этом из слов Пуанкарэ я могу заключить, что французское правительство отдает себе отчет в серьезных последствиях подобной постановки вопроса. В настоящую минуту возможность территориального захвата со стороны Австрии как будто устраняется заявлениями графа Турна в Петербурге и графа Сечени здесь; но заявления эти не носят безусловного характера, и необходимо предвидеть, что в случае упорного стремления Сербии к Адриатическому морю или противодействия с ее стороны экономическим требованиям венского кабинета, Австрия от них откажется и займет санджак или часть Сербии и Албании. Что касается возможности воздействия со стороны Берлина с целью склонить Вену к большей сговорчивости, здесь этой возможности не верят, ибо, по достоверным сведениям, во время пребывания Сан-Джулиано в Берлине там состоялся окончательный уговор между Австрией, Германией и Италией касательно Сербии и Албании. Наконец, я должен отметить, что Пуанкарэ отнюдь не предлагает ныне же сделать категорическое заявление в Вене, а лишь предвидит возможность подобного заявления в будущем, смотря по ходу событий. Вследствие всего вышеизложенного, позволяю себе высказать, что крайне желательно ответить по существу и в письменной форме на предложение Пуанкарэ, дабы закрепить новую точку зрения парижского кабинета и подготовить образ действия России, Франции и Англии в виду возможных, в будущем, случайностей.

Извольский.

№ 54. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 27 октября (9 ноября) 1912 г. № 349.

По сведениям Титтони, Кидерлен заявил сербскому поверенному в делах в Берлине, что если Сербия, несмотря на австрийское veto, займет порт на Адриатическом море, Австрия вступит в Сербию, а Германия поддержит свою союзницу. Жюль Камбон подтверждает из Берлина, что Кидерлен действительно сделал заявление в этом смысле, но из его телеграммы не видно, имеет ли Австрия в виду немедленно вмешаться, если сербские войска дойдут до Адриатического побережья. По сведениям здешнего генерального штаба, сербы находятся уже в 70 километрах от Дураццо. В виду сего Пуанкарэ вызвал сегодня германского посла и дружески просил его о воздействии Германии на венский кабинет, дабы Австрия ничего не предпринимала, по крайней мере, до окончания войны и ликвидации ее последствий. Грэй должен был обратиться с той же просьбой к германскому поверенному в делах в Лондоне и, по мнению Пуанкарэ, весьма желательно, чтобы и мы действовали в этом же направлении.

Извольский.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Бенкендорф, А. К., гр.—посланник в Копенгагене в 1897—1902 г.г. посол в Лондоне 1902—1916 г.г.

Броневский, А. Н. — советник русского посольства в Берлине в 1912—14 г.г.

Гешов, И. Е. — болгарский политический деятель, лидер партии народняков, председатель совета министров и министр иностранных дел в 1911 — 13 г. г.

Гирс, М. Н. — посланник в Буэнос-Айресе в 1895 — 98 г.г., в Пекине в 1898 — 1901 г. г., в Мюнхене 1901 — 02 г.г., посол в Константинополе в 1912 — 14 г.г.

Грэй, сэр Эдуард — английский государственный деятель, статс-секретарь по иностранным делам в 1905 — 1916 г.г.

Данев — болгарский политический деятель, лидер партии прогрессистов, председатель народного собрания в 1911 — 13 г.г.

Демидов, Э. П. — советник посольства в Париже в 1911 — 12 г.г., посланник в Афинах в 1912 — 17 г.г.

Дюмен, А. — французский дипломат, поверенный в делах и посланник в Мюнхене в 1904 — 07 г.г., посол в Вене в 1912 — 14 г.г.

Извольский, А. П. — министр-резидент при папском дворе в 1894 — 97 г. г., посланник в Белграде в 1897 г., в Мюнхене в 1898 — 99 г.г., в Японии — в 1900—02 г.г., в Копенгагене в 1902 — 06 г.г., министр иностранных дел в 1906 — 10 г. г., посол в Париже в 1910 — 17 г.г.

Камбон, Ж. — французский дипломат, посол в Вашингтоне в 1897—1902 г.г., в Мадриде в 1902 — 07 г.г., в Берлине в 1907 — 1914 г. г.

Камбон, П. — французский дипломат, посол в Мадриде в 1886 — 1891 г. г., в Константинополе в 1891 — 1898 г.г., в Лондоне в 1898 — 1920 г.г.

Кидерлен-Вехтер, фон — герман. статс-секр. по ин. дел. в 1910 — 12 г.г.

Маллет, сэр Луи — английский дипломат, помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1907 — 13 г.г.

Марлинг — советник великобританского посольства в Константинополе.

Мухтар-паша Ахмед-Гази («непобедимый») — турецкий политический деятель, фельдмаршал; главнокомандующий турецкой армией в Малой Азии в 1877—78 г.г., верховный комиссар Египта с 1885 г.; великий визирь в 1912 г.

Неклюдов, А. В. — советник посольства в Париже в 1904 — 10 г. г., посланник в Софии в 1911 — 13 г.г.

Нератов, А. А. — ст. вице-директор 1 департамента мин. ин. дел в 1906 — 10 г., товарищ министра иностр. дел в 1911 — 17 г. г.

Никольсон, сэр Артур — английский дипломат, посол в Мадриде в 1904 — 05 г. г., в Петрограде в 1906 — 10 г.г. помощник ст.-секретаря по ин. делам в 1910 — 16 г.г.

Обнорский, Н. А.—русский поверенный в делах в Черногории в 1911—12 г.г.

Потапов — генерал русской службы, военный агент в Черногории.

Пуанкаре, Р.— французский политический деятель; председатель совета министров и мин. ин. дел с января 1913 г.; президент Республики в 1913—20 г.г.

Сазонов, С. Д.— советник посольства в Лондоне в 1904 — 06 г. г., министр ин. дел в 1910 — 16 г.г.

Севастопуло, М. М. — 1-й секретарь посольства в Лондоне в 1908 — 12 г.г., советник посольства в Париже в 1912 — 17 г.г.

Спалайкович — сербский дипломат, посланник в Софии с июня 1911 г.

Тевфик - паша, Ахмед — турецкий политический деятель, посол в Берлине в 1897 — 1905 г.г.; посол в Лондоне в 1909 — 14 г.г.

Трауттмансдорф - Вейнсберг, гр. Карл — австро - венгерский дипломат, советник посольства в Лондоне в 1911 — 14 г.г.

Турхан-паша — турецкий посол в Петербурге с 1908 г.

Эттер, Н. С. — советник русского посольства в Лондоне в 1909—15 г.г.

Февральская революция и европейские социалисты.

(Окончание [1]).

Съезд Советов одобрил решение о созыве международной Конференции, и только во второй половине июня были намечены и утверждены делегаты Совета для поездки за границу с целью подготовки к Конференции. 16 июня были выданы мандаты на имя Розанова, Гольденберга, Эрлиха.

Первое отчетное письмо делегации из Стокгольма, написанное Розановым, помечено 27 июня и содержало следующее сообщение о положении дел [2]).

В бюро Исполнительного Комитета.

Дорогие товарищи!

Наша делегация ожидалась в Стокгольме с нетерпением целым рядом других делегаций. Сейчас же после нашего приезда начались совещания, которые — в политической части — закончились до приезда Русанова и Эрлиха, именно до их приезда мы переговорили с немецким большинством и меньшинством, с В. Адлером и представителем венгерской партии Вельтнером. Результаты этих переговоров вам известны из телеграмм. Более подробные протоколы высылаются нами вам со следующим курьером. Недоговоренным остается организационный вопрос с голландско-сканд[инавским] комитетом и Бернской комиссией. Этот вопрос мы отложили, потому что немецкие делегации спешили с отъездом, и, так как они ожидали нас более недели, мы должны были заняться с ними в первую очередь.

Переговоры с голландско-сканд[инавским] комитетом касаются не платформы нашей, а техники и формы созыва Конференции. Я надеюсь, это дело в одном завтрашнем заседании уладится. Что касается Бернской комиссии, то с нею дело обстоит приблизительно так, как это случалось с нашими комитетами лет 15 т[ому] назад. а именно, в комиссии осталась одна Балабанова, которая кооптировала после провала Гримма четырех шведов в комиссию. Организация фактическая, совершенно не представляющая собою «меньшинств». Что с ними делать, я еще не знаю, но, во всяком случае, это — не серьезный вопрос.

Наша делегация, за исключением меня, выезжает при первой возможности переезда в Англию. Я же остаюсь тут в качестве посредствующего центра. На этом позвольте сейчас остановиться, так как тут возникает масса практич[еских] вопросов и задач, которые нужно разрешать немедленно.

Прежде всего позвольте обратить ваше внимание на самую главную проблему. Наша миссия за границей может быть успешно выполнена только при заботливой поддержке с вашей стороны. Между тем уже из сообщения Г. М. Эрлиха я узнал, что

---

[1]) «Красный Архив», т. XV, стр. 61—85.

[2]) Архив Октябрьской Революции. Ф. XXX, Д/11.

отдел международных сношений начинает быстро разваливаться. И в самом деле: из-за беспорядков в отделе Эрлих не мог взять с собой обычной курьерской посылки со свежими номерами «Известий» и социалист[ических] газет. За время первых 4 дней нашего пребывания в Стокгольме ни мы, ни «Бюллетень» не получили ни одной телеграммы от отдела междун[ародных] сношений, несмотря на то, что событий у вас было за это время более чем достаточно, и притом таких, по которым для нас в высшей степени важно знать вашу официальную позицию. Наш авторитет, наше влияние всецело зависят от двух вещей: 1) от значения общей организ[ации] Советов в России и 2) от нашей связи с вами. Чем больше будет фактов в наших руках, свидетельств[ующих], о том, что мы являемся представителями не мимолетной и не ослабевающей силы, тем большего мы достигнем. И мы обратимся в совершенно никем не принимаемых всерьез метеоров, если мы не будем иметь возможности демонстрировать тесную связь с вами.

Отсюда вытекают следующие практические меры.

1. Отдел международн[ых] сношений должен после нашего отъезда не только не сокращать своей деятельности, но расширять ее во всех направлениях. Нужно больше телеграфировать для «Бюллетеня» и для нас, нужно чаще отсылать с курьерами газеты и др. материалы. Нужно позаботиться и о том, чтобы доставленные нами сообщения не оставались лежать в архиве отдела. Для этого всего необходимо нужно, чтобы кто-нибудь, В. С. Войтинский или Ю. О. Мартов, или еще кто-нибудь из вас, занялся делом основательно и не ограничивался тем, чтобы заходить в отдел и спрашивать, нет ли чего нового: заведующего отделом необходимо освободить от всех других работ. Это тем более необходимо, что не следует откладывать до кануна самой Конференции и таких вопросов, которые будут стоять в порядке дня ее. Нужно, чтобы отд[ел] межд[ународных] сношений мог представить И[сполнительному] Комитету доклады к Конференции, а дело здесь идет о вопросах, над которыми необходимо, чтобы кто-нибудь работал. От имени всей делегации я убедительно прошу вас о немедленном назначении заведующего отделом межд[ународных] сношений, временно до моего возвращения.

2. Выяснилось, что с «Бюллетенем» дело обстоит довольно неблагополучно вследствие того, что т. Вайнберг — человек не вполне подходящий. «Бюллетень» выходит в отврат[ительных] переводах, так как Вайнберг не владеет языками вполне, а хороших переводчиков достать трудно. По своей излишней доверчивости, не приняв во внимание, что Стокгольм — место собрания всякой интернациональной дряни, он не умел подобрать достаточно надежного штата. Это испортило отношение к нему и местной коллегии и другой (иностр.) партийной публики, т[ак] что едва делегация приехала, как со всех сторон посыпались неприятного свойства заявления о неумении, непригодности Ю. С. Вайнберга и т. п. Все остальные члены делегации приняли было решение о необходимости заменить Вайнберга другим лицом. Но потом несколько успокоились. Мое мнение таково, что он, конечно, во многих отношениях не был вначале пригодным и много сделал ошибок, но так как он на редкость преданный и трудолюбивый товарищ и в смысле интеллигентности достаточно во всяком случае удовлетворяющий запросам и так как, с другой стороны, людей вообще мало, то нужно сохранить его для «Бюллетеня». Однако нужно все дело во всей постановке пересмотреть и реорганизовать. Это потребует и того, чтобы я или другой этим занялся, пока оно будет налажено или, по крайней мере, устранены самые вопиющие недостатки.

Основная вина находится в отд[еле] межд[ународных] сношений, который не дает материала и д е н е г. Вайнберг получил 2.000 р. и израсходовал их на оборудование. Необходимо дать на «Бюллетень» 2.000 крон в месяц, первый месяц даже 3.000 крон. Потом можно и вовсе прекратить его. Но в период нашей борьбы за мир нечего жалеть 3.000 рубл. для такого важного дела для нашей миссии, как «Бюллетень». Представители всех заграничных партий в один голос заявляют, что для влияния русской революции в высшей степени важно иметь хороший бюллетень с х о р о ш е й ф а к т и ч е с к о й т е л е г р а ф н о й и н ф о р м а ц и е й. Т е л е г р а м м ы

необходимо посылать через мин. ин. дел и здешнее посольство, иначе они приходят на 2 дня позже телеграмм П. Т. А. и посольства. Наладьте это немедленно.

3. По созыву Конференции здесь мы предполагаем создать организ. центр из нашего (их) представителя (ей), Бернской комиссии и голландско-скандинавск. комитета. С организацией Конференции в смысле рассмотрения отдельных претензий и пр. еще будет достаточно много возни. Нужно подготовить доклады и, главное, нужно укреплять завязанные теперь сношения с партиями и развивать их и подготовлять практическую плодотворность Конференции. Это дает тут работы более, чем для одного человека. Но так как я считаю безусловно необходимым приехать в Петроград для доклада по вопросам Конференции и по некоторым общеполитич[еским] вопросам, то я настоятельнейшим образом предлагаю вместо неприехавшего Дюбуа доизбрать одного делегата или представителя Исп. Комитета и прислать его сюда. Это самонужнейшее дело. Это дало бы мне возможность приехать в Петроград, чтобы лично с вами наладить нашу внешнюю политику. Или делать, так не малейших усилий, [1]) или не делать вовсе. Из состава делегации, кроме меня, никого больше выделить для Стокгольма нельзя, так как А. Н. Смирнов, по полному незнанию языков и весьма небольшому знакомству с внешнеполитическими делами и западно-европейскими отношениями, вообще силой не является, а для Г. М. Эрлиха, кроме Н. С. Русанова, необходим безусловно и другой еще секундант, тем более что Эрлих не говорит достаточно ни по-франц[узски], ни по-английски. [Конца письма в деле нет.]

Дорогой Николай Семенович!

Убедительно прошу вас письмо, прилагаемое при сем и написанное потом и кровью, передать в бюро Центрального Всеросс. Исполн. Комитета (Комитет — так он называется?) и не только передать, но и заставить товарищей прочитать или выслушать его.

Мы могли бы сделать решительное в деле прекращения войны, если бы мы не манкировали всеми внешнеполитическими обязанностями. Я убежден в этом, и это убеждение, в связи с тревогой за то, что мы будем продолжать упускать ситуацию, меня неотступно преследует. Я готов делать все возможное сверх сил, но мои личные силы очень ограничены. Я убедительно прошу внимания к моим предложениям.

Авторитет Совета еще огромен. Достаточно было одной газете написать, что я — ваша правая рука в междун[ародной] политике (я не претендую на это), как ко мне все стали обращаться: «кончайте войну — это в вашей власти».

Мы много упустили, затянув дело Конференции с апреля до сих пор и дольше. Но еще не упущено время окончат[ельно]. Конечно, решают [1]) в конце концов обстоятельства по возможности сделать большое дело. Ради всех богов, Николай Семенович, не будьте и не позволяйте быть другим невнимательными к внешней политике нашей, как я ни понимаю, что раскаленные внутренние вопросы еще более жгут ваш ум и сердце.

Ваш *Влад. Розанов.*

Следующее сообщение [2]) было сделано по телеграфу на имя Совета, оно содержало:

Отчет переговоров с центральными организациями. В первый день приезда, 3 июля, делегация в составе Гольденберга, Розанова, Смирнова была приглашена на совещание Циммервальдистов, где присутствовали Бернская комиссия, немецкое меньшинство, большевики. В порядке собрания стояли вопросы подготовки Циммервальдской конференции. Делегация была запрошена и ответила, что в подготовке

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Из сохранившихся в материалах.

Циммервальдской конференции она не участвует. Ее миссия — подготовка общей Конференции. На собрании Циммервальдцев делегация участвует с целью информации и объяснений целей общей Конференции, созываемой Советом и с целью привлечь Бернскую комиссию к сотрудничеству. По предложению Радека был поставлен на обсуждение вопрос о Конференции, созываемой по инициативе Исп. Комитета Совета Депутатов. Первое слово было дано Радеку, который полемизировал против платформы воззвания Исп. Комит. и ответного письма Исп. Комитета Вандервельде, Тома, Де-Брукеру. Радек находил, что политика Совета неясна и непоследовательна. Розанов и Гольденберг в ответе изложили, что конкретные шаги для разрыва union sacré [1]) не требуются как предварительное условие допущения на Конференцию, но требуется подчинение решениям Конференции. Согласие на подчинение требуется как предварительное условие. В дальнейших речах Радек, Ганецкий, Кирков, болгарский тесняк, указывали, что в платформе Совета недостаточно оттенена классовая борьба. Совместное участие с большинствами неприемлемо. Радек, Ганецкий упрекали Совет в том, что он замедляет революционное движение Западной Европы. После неоднократных ответов и разъяснений делегации немецкое меньшинство заявило, что оно решило участвовать в Конференции Совета. Радек заявляет: мы ни в коем случае не идем на Конференцию. Член Бернской комиссии Балабанова также критиковала платформу Совета, другие члены Бернской комиссии не высказались. Окончательного ответа на вопрос, примет ли Бернская комиссия участие в созыве Конференции, делегация не получила. Совещания с голландско-скандинавским комитетом начались несколькими днями позже. В голландско-скандинавском комитете также встретились значительные затруднения. Переговоры тянулись несколько заседаний в присутствии всей делегации. Комитет поднял вопрос о конкретизации формулы мира. Делегации удалось убедить, что более конкретная формула в приглашении была бы неуместна как предвосхищение решений Конференции. Обязательность решений казалась голландско-скандинавскому комитету неприемлемой. Брантинг, Флиген, Гюисманс заявляли, что это условие создает чрезвычайные затруднения в Англии и Франции. Трульстра, занимающий примирительную позицию, высказывал мнение, что обязательность неосуществима, если она не соответствует интересам массы членов партии. Партия может обязаться проводить только то решение, за которое она сама голосует. Делегация ответила, что она считает себя обязанной проводить директиву воззвания Исп. Комитета 14 мая и что она это делала и будет делать в переговорах с отдельными партиями. Равным образом это безусловно необходимо указать в общем приглашении, если таковое будет достигнуто. В вопросе о порядке дня Брантинг, Флиген настаивали включить вопрос о происхождении войны. Делегация находила в классовой борьбе этот вопрос отвлекающим Конференцию от практических задач и мешающим ясной постановке проблемы. Делегация настояла на исключении этого вопроса. Более всего споров вызвал вопрос об участии Бернской комиссии. Голландско-скандинавский комитет имел тенденцию не привлекать Бернскую комиссию, хотя и соглашался на необходимость представительства меньшинств. Несмотря на то, что от Бернской комиссии делегация не получила ответа, делегация считала долгом отстаивать участие Бернской комиссии и, ссылаясь на свои инструкции, добилась согласия голландско-скандинавского комитета в этом отношении. По вопросу об организационной комиссии голландско-скандинавский комитет предлагал делегации войти в его состав, что делегация считала неприемлемым и отклонила. По ее предложению должна быть организована комиссия из трех частей: делегации, голландско-скандинавского комитета, Бернской комиссии, если последняя согласится. Так как такого ответа не поступило, по инициативе делегации была созвана Бернская комиссия 9 июля. Присутствовали Балабанова, Хёглунд, Карлсон. Двое последних — кооптированные члены. Делегация была представлена Русановым, Розановым, Эрлихом. Делегация вновь выяснила позицию Совета и давала ответы на многочисленные вопросы принципиального свойства. Видя отрицательное, предубежденное отношение Бернской

[1]) Священное единение.

комиссии, делегация позволила себе указать на то, что большинство организаций, объединяемых Бернской комиссией, уже высказали желание участвовать в созываемой Советом Конференции. Балабанова ответила, что такие решения до Циммервальдской конференции есть грубое нарушение дисциплины. Окончательного ответа делегация и в этот вечер не получила. Ей было сказано, что Бернская комиссия постановит решение, которое должно быть передано делегации на другой день. Так как ответа не поступило и так как задержка ответа ставила делегацию в затруднительное положение, то делегация предпринимала шаги, чтобы склонить Бернскую комиссию согласиться на участие в подготовительной работе. Делегации удалось только узнать, что ответ Бернской комиссии предполагается отрицательный.

Делегация пыталась устроить еще раз совещание с Бернской комиссией, что не удалось вследствие отъезда из Стокгольма двух ее членов. С голландско-скандинавским комитетом было достигнуто тем временем соглашение на указанных выше основаниях. Ответ задержан уже Б[ернской] к[омиссией]. Делегация решила в случае окончательного отказа Бернской комиссии одновременно с опубликованием формального приглашения от имени делегации и голландско-скандинавского комитета, опубликовать декларацию с указанием, что делегация попрежнему ставит своей задачей обеспечение на Конференции полного представительства всех групп меньшинства и выражает сожаление, что вследствие отказа Бернской комиссии партии меньшинств не могли быть привлечены к организационной подготовке Конференции. На Циммервальдскую конференцию, имеющую состояться за пять дней до общей, делегация явится с предложением принять участие в общей Конференции. Делегация считает обеспеченным согласие меньшинств, кроме части русских Циммервальдцев, еще немецкой независимой социал-демократической партии, группы «Спартака», а также английского, французского меньшинства и итальянской партии. Голландско-скандинавский комитет, куда входят официальные представители северных нейтральных стран, дает весь необходимый для созыва Конференции организационный аппарат. Сроком созыва Конференции назначается 15 августа нового стиля. Порядок дня: 1) Мировая война и Интернационал. 2) Условия мира Интернационала. 3) Средства осуществления этих условий и скорейшего прекращения войны.

Розанов.

Содержание переговоров делегатов Совета с представителями германской независимой с.-д. партии сохранилось в виде краткой протокольной записи.

Протокол заседания русской делегации с меньшинством от 3/VII 1917 г.

Присутствовали: Вл. Розанов, И. Гольденберг, А. Смирнов, К. Каутский, Г. Гаазе, д-р Герцфельд, д-р О. Кон, Луиза Циц, Гефер, Г. Ледебур.

Председатель Г а а з е.

Заседание открывается приветственной речью Г а а з е.

Г а а з е: Я имею честь приветствовать делегацию СР и СД от имени независимой социал-демократической партии. Мы с величайшим интересом и восторгом следили за отдельными фазами революции. Мы не берем на себя смелость высказать свое мнение о ней, но в одном отношении у нас есть определенная и твердая уверенность: русская демократия не позволит вырвать из своих рук блестящие завоевания революции. — Мы совершим преступление против Интернационала, против нашей собственной партии, если мы обрисуем вам условия в нашей стране в более розовом свете, чем в действительности. Германия является теперь наиболее реакционной страной в Европе, а профессиональные союзы являются тормозом для всякого движения вперед. Но мы живем в твердой уверенности, что освободительная волна пронесется и по нашей стране; а теперь примите наши уверения, что мы всеми силами будем поддерживать вас.

Р о з а н о в благодарит за приветствие, выражает полную уверенность в том, что с независимой партией у делегации не будет никаких разногласий, что, как ни тяжел был моральный удар, нанесенный социалистам всех стран, в частности — русским социалистам, со стороны немецких соц.-демократов голосованием 4 августа, немецкие социалисты до некоторой степени примирили нас с ними, что из их рядов вышла принципиальная оппозиция против войны, что мы следили за каждым шагом развития оппозиции и с удовольствием отмечали ее быстрый рост. Развитие этой оппозиции возвращает нас к тем временам, когда мы считали себя с вами товарищами одной партии. Мы относимся к вам с полным доверием, между нами не может быть никакого дипломатизирования.

Г а а з е от имени всей немецкой делегации просит кратко информировать о положении России, говоря, что русская революция является для них светлым лучом, и все дальнейшие успехи демократического и социалистического развития они ставят в зависимость от того, удержится ли русская революция, как она будет развиваться, и явится ли революционная Россия страной достаточно сильной, чтобы повлиять на Западную Европу.

Р у с с к и е д е л е г а т ы дали ряд сведений о внутреннем положении России, характеризуя его в общем смысле таким образом, что опасности контр-революции сейчас не имеется, что революция консолидируется, и в лице СР и СД и образовавшегося теперь всероссийского центра их, имеется огромная сила, гарантирующая революцию от того, что она не сойдет с своего пути. Опасности и внутренние потрясения, которые постоянно возникают, как, напр., обострение национального вопроса, аграрные беспорядки, забастовки, анархические выступления, являются неизбежными спутниками всякой революции. Важно то, что эти опасности успешно преодолеваются. Многочисленность таких опасностей показывает, что революция есть процесс глубокого преобразования России, а не только смена старого режима, как это представляли первоначально кадеты.

Р у с с к а я д е л е г а ц и я задает вопрос об отношении меньшинства к участию русских социалистов в министерстве.

Г а а з е. Мы совершенно не согласны с Гюисмансом, который высказал мнение, что русские социалисты пошли по пути большинства западно-европейских социалистов. Параллели между вашим участием и французским и английским не существует. Все страны нельзя судить по одной схеме. Параллель с Англией неверна, ибо Гендерсон не социалист; параллель с Францией также неверна, потому что во Франции господствует империалистическая буржуазия.

Л е д е б у р. Русское правительство через Керенского объявило об общем наступлении. Это несовместимо с мирной политикой. Нам неясно, какие основания и какие цели преследует сейчас русское правительство. У нас создалось впечатление, что больше всех определяет политику Керенский. Он все более и более склоняется на сторону войны. И именно он, как мне кажется, более всех определяет внешнюю политику. Я понимаю построенную вами теорию, что наступление необходимо для поднятия духа. Но вы не взвесили последствий наступления на настроение солдат, и особенно на настроение во Франции (о Германии скажу после). В Великой французской революции удачное наступление привело к диктатуре Наполеона. Имеется возможность, что военный успех может способствовать настроению в пользу затягивания войны. Для Германии такое наступление было бы в высшей степени желательным для правительства, чтобы пробудить снова дух шовинизма. Если состоится наступление, то все наши аргументы против наступления в Германии будут разбиты. Наша оппозиция значительно укрепилась, благодаря русской революции, не только в стране, но и в войсках. Я считаю лишним добавить, что я, конечно, являюсь решительным противником сепаратного мира.

Г а а з е. Я не согласен с Ледебуром. Я думаю, что Ледебур рисует слишком мрачными красками. Верно, что Шейдеман будет аргументировать голосование за кредиты наступлением, но он и раньше голосовал за кредиты, когда наступления не было. Технически-стратегический вопрос имеет для политики второстепенную роль. Я очень

рад, что Ледебур здесь высказался, потому что русские товарищи будут знать, что, если он выскажется в том же духе (в рейхстаге), то русские товарищи будут знать, что это его личное мнение.

Л е д е б у р. Нападение на Стоходе заставило нас сказать, что это было такой ошибкой, ибо вызвало в России возмущение. Чтобы выйти на путь к всеобщему миру, необходимо прекращение военных действий. Я совершенно убежден, что русское наступление плохо отразится на наших попытках в пользу революционного движения в Германии. (В виду спешного отъезда Ледебура в Берлин на заседание рейхстага, дальнейшего обсуждения с ним по этому вопросу не происходило, и заседание переходит ко второму пункту порядка дня—к вопросу об отношении к созываемой СР и СД Конференции.)

Р о з а н о в излагает краткую историю возникновения в ИК идеи созыва Конференции, платформы ее и сношений с другими партиями и указывает, что переговоры Конференции не должны носить характера дипломатии между партиями.

Г а а з е. Мы с вами совершенно согласны, что дипломатизирование о целях войны ни к чему не приводит. Также мы согласны с вами относительно платформы Конференции. Что касается немецкого большинства, то мы не считаем возможным его участие в Конференции, если оно не изменит своей точки зрения. Вернее всего, что оно в ближайшие дни будет голосовать за новый 15-миллиардный кредит. Нужны не несколько примирительных фраз, а серьезная борьба против империализма, что ожидается от Конференции.

Л е д е б у р заявляет, что он очень рад, что заслушанный им доклад устраняет некоторые неясности относительно Конференции.

Д е л е г а ц и я ставит вопрос относительно отношения меньшинства к Спартакус - группе.

Г а а з е. Спартакус-группа есть часть независимой социал-демократической партии на основании объединения, происшедшего в Готе. Совещания о Конференции велись совместно с нами. На переговоры в Стокгольм были выбраны Меринг, Люксембург, Дюнкер. Мы не делаем никакого различия между спартаковцами и нами. Для нас в высшей степени важно, чтобы на Конференции были представлены все меньшинства, иначе мы считаем, что Конференция не должна вовсе состояться. Такое условие до известной степени гарантирует нам получение паспортов, так как нам, в противном случае, вряд ли выдадут паспорта. Чтобы получить паспорт, я пошел к канцлеру и сказал ему: «я еду в Стокгольм, чтобы информироваться о русских делах и говорить с русскими друзьями. Я не желаю никаких информаций от вас, не требую дипломатического паспорта, я желаю получить паспорт на общих основаниях с другими гражданами. До 8 мая было у нас общее заседание наших фракций рейхстага и ландтага, и решено было, что мы не будем принимать участие в Стокгольмской конференции, если русские товарищи не будут на ней присутствовать. Если же русские товарищи решат итти на Стокгольмскую конференцию, то и мы пойдем, чтобы вместе с ними отстаивать свою точку зрения. Наша делегация ни при каких условиях не будет голосовать за туманную резолюцию, которая даст возможность национал-социалистам продолжать свою прежнюю политику».

Совещание с Виктором Адлером состоялось в тот же период, и о нем было сообщение в Исполнительный Комитет от Розанова в виде приводимого здесь «краткого протокола совещания с Виктором Адлером»:

Адлер с трудом, вследствие тяжелой болезни, говорил. Общее чувство таково, что война должна скоро окончиться Он ужасается при мысли, что она может затянуться еще на одну зиму В Австрии стремление к миру необычайно сильно. Мы сражались больше, чем это было в наших силах Наше правительство хочет мира. Слова Черпина, что заключение мира — прерогатива короны, взяты им обратно. Для правительства безразлично, кто будет заключать мир, я или оно. Оно хочет мира искренно, без всяких завоеваний. Совсем другое в Англии и Франции. Там, опираясь на новый

приток сил, хотят войны. На Францию и Англию вы должны оказать воздействие. История поставила вас в исключительное положение.

Необходимо прекратить дальнейшее истребление. Социалисты должны дать толчок прекращению войны. Подробности организации Конференции не важны, не нужно никаких программ и меморандумов. Все это годится как материал для будущих библиографических работ Рязанова и только. Сейчас нужно, чтобы социалисты всех стран сбежались в одно место и подняли крик против войны. Различия между партиями большинства и меньшинства несущественны. Дело мира важнее этих разногласий. Всякая платформа для Конференции хороша, и можно обойтись без всякой платформы.

Розанов указывает в ответе, что платформа необходима уже для того, чтобы преодолеть взаимное недоверие и дать уверенность участникам Конференции, что они едут не для обмена мнений, а с практическими целями и с надеждой заложить фундамент борьбы за мир. Розанов констатирует, что Адлер не возражает против платформы воззвания и принимает инициативу Совета. Адлер отвечает, что в Австрии нет теперь случая бороться с империализмом, Австрия готова была и до войны уступить Италии Трентино. Что касается Триеста, то он необходим Австрии как единственный выход к морю и не нужен Италии, в чем соглашались раньше и многие итальянцы. Австрия не имеет никаких аспираций насчет Сербии и готова дать ей выход к Адриатическому морю. Внутри страны австрийская социал-демократия борется за культурно-национальную автономию. Территориальная автономия в Австрии невозможна, так как народы перемешаны между собою. Об австрийском империализме говорить теперь более не приходится. Австрийская социал-демократия не имела случая голосовать за кредиты. Если бы пришлось, он голосовал бы по соображениям защиты: как ни нравятся мне некоторые русские социалисты, я не хотел бы, чтобы вся русская масса маршировала до Вены. Влияния на германское большинство австрийская партия оказать не может, ибо мы — карлики по сравнению с ними. На вопрос Розанова, может ли он констатировать, что австрийская партия после Конференции будет голосовать против военного бюджета и откажется от всякой поддержки правительства на основе общих решений Конференции, Адлер отвечает, что раз будут такие решения обязательны и для других, то тем самым будет создана совершенно новая ситуация. Если будет решен парламентский саботаж войны, то и они обязуются проводить его. Об австрийском меньшинстве Адлер сообщил, что меньшинство представлено главным образом его сыном. Правительство австрийское не будет чинить препятствий в паспортах не только меньшинству, но даже сербам. Он, Адлер, никогда не позволил бы ставить себе таких условий, как это было по отношению к Реноделю, Лонгэ и Макдональду.

Представителей меньшинства австрийского в Стокгольме нет. Из докладной записки меньшинства вытекает, что австрийское большинство под влиянием хода событий развивается обратно от империалистических увлечений в сторону честного демократизма. Немецкое меньшинство подтверждает это, прибавляя, что социал-демократическая организация в Австрии теперь значительно ослабела.

Розанов.

Наша партия послала в Стокгольм своих представителей для связи со всеми левыми противовоенными социалистическими меньшинствами и уполномочила для этих целей А. М. Коллонтай, К. Радека и Ганецкого. Меньшевики-интернационалисты послали туда же Ерманского и Мартынова.

Нашей делегации удалось создать в Стокгольме центр, объединивший действия бывшей «Циммервальдской левой». Были сделаны попытки организовать в Стокгольме совещание всех социалистических меньшинств, стоявших на почве классовой борьбы и борьбы против войны, но они удались лишь частично. Совещания имели место, но по условиям военного времени представители меньшинств целого

ряда стран не могли получить паспортов. Монополию на это имели только социалисты — сторонники внутреннего мира и политики войны. Все же в совещаниях левых принимали участие, кроме представителей нашей РСДРП (б.), еще шведские левые — Хёглунд, Стрем; датские левые — Иоргенсон; швейцарские левые — Р. Гримм, высланный Временным Правительством из России, а также от немецкой левой — Каутский. Италия была представлена Балабановой. К сожалению, подробных отчетов об этой работе у нас пока нет. Материалы же Исполнительного Комитета содержат лишь косвенные указания о деятельности «левых», когда говорят о Бернской комиссии.

Отношение итальянских левых к Конференции того времени видно из следующего письма Моргари к Хёглунду.

«Дорогой товарищ Хёглунд!

Я только что получил вашу телеграмму от 22 текущего месяца, которой вы меня приглашаете в Стокгольм 28.

Я подробно объяснил тов. Гримму, почему я был принужден отказаться от поездки в Петроград и Стокгольм.

Из Голландии, где я нахожусь сейчас, я смог бы избрать три пути: путь через Англию (отказано), путь через Германию (по которому я не хочу следовать по соображениям политического свойства и — морального, вполне понятным) и путь через «свободный канал», доступный для путешественников, «воинствующих». Всевозможные шаги, предпринятые мной и другими лицами, чтобы иметь возможность воспользоваться этим путем, оказались бесполезными. После полутора месяца тщетных усилий я отказался от моих намерений и сегодня отправляюсь в Англию, Францию и Италию.

Я надеюсь, что тов. Гримм получил мое письмо, в котором я излагаю подробности.

На Конференцию в Стокгольме итальянская социалистическая партия избрала делегатов, но, это почти наверное, никто из них не получит «визы», и вы их не увидите.

Все это очень печально!

Тов. Балабанова вполне может в Стокгольме представительствовать от Италии, будучи членом дирекции нашей партии и делегаткой от Италии в Международном социалист. бюро в Брюсселе. К тому же итальянские товарищи ее очень любят; они будут удовлетворены ее представительством, и не послав ее нарочито (или делегируя телеграммой, перехваченной цензурой).

Я очень прошу делегатов Совета извинить меня за то, что я не имел возможности исполнить мою миссию, возложенную на меня партией, — войти в сношение с Советом в Петрограде.

Увы, французские и английские представители меньшинств также не получили возможности побывать в Петрограде.

Таким образом Совет слышал только таких итальянских «социалистов», как Лабриола, Рэймондо, Лерда; все они трое «jusqu'au bout'-исты» и все не состоят в партии с 1914 г.

Преданный вам *Моргари*.

26/VI 1917.»

Все правые социал-патриоты стремились не допускать объединения левых и прибегали в этих целях к прямым подлогам. Письмо Г. Эрлиха от 17 июля на имя Розанова разоблачает одну из таких проделок Гюисманса.

«Дорогой Владимир Николаевич!

Прочитал сегодня наше воззвание в «Vorwärts'е» и норвежском «Social-Demokraten'е». Меня поразило то, что в обеих газетах воззвание напечатано без нашего дополни-

тельного заявления о Бернской комиссии. Невольно приходит в голову, что это не случайно. Не распорядился ли хитроумный Гюисманс, чтобы корреспонденты передали по телеграфу только ту часть воззвания, которая снабжена обеими подписями. Желательно было бы это проверить у Гюисманса. Николай Сергеевич обращает, сверх того, внимание на то, что в воззвании тщательно обойдено имя Бернской комиссии. Вы помните, в воззвании была такая приблизительно фраза: «мы приглашаем все партии аффилированные к междун. соц. бюро, равно как и связанные с Бернской комиссией, большинства, как и меньшинства, и т. д.». Вот тут-то и пропущены слова: «равно как и связанные с Бернской комиссией». Если Гюисманс действительно при помощи простой ловкости рук исключил эту фразу (я почти убежден, что это так, но это нужно еще проверить), то по этому поводу необходимо учинить грандиозный скандал и заставить комитет совместно с нами напечатать «поправку».

Неизвестно, какими судьбами о нашем прибытии в Христианию проведал Виднес [1]) и нанес нам в 12 часов ночи визит. Норвежцы будут участвовать в Конференции. Мы обещали остановиться на обратном пути. Сегодня прибыл сюда Гендерсон. Проследовал ли он дальше, пока не знаем. Зато здесь пребывает А. М. Коллонтай.

Виднес сообщил нам конфиденциально, что Вильсон намерен потребовать от скандинавских государств полного разрыва торговых сношений с Германией. В Берлине говорят, что подчинение этому требованию равносильно войне. Вот вам «конец войны»!

Жму руку. *Г. Эрлих.*»

Период наступлений русских армий против австро-германцев, сопровождавшийся внутри страны переходом контр-революции в наступление против рабочих и солдат, разоблачал дипломатическую игру социал-соглашателей и уменьшал их шансы в международной игре. Обо всем этом Эрлих жаловался Розанову в письме от 21 июля 1917 г.

«Дорогой Владимир Николаевич! Телеграмма о питерских событиях приводит нас в состояние глубочайшего уныния. Что можем мы в этих условиях сделать в Европе? Вконец убивает нас состояние вынужденного бездействия здесь, которому конца краю не видать. Сегодня утром нам уже в третий раз предложили наведаться через 24 часа. С ужасом думаю о том, что мы можем завтра услышать то же.

Мы отправили вам сегодня срочную телеграмму с просьбой сообщить нам телеграфно о том, нет ли у вас чего нового — из России или в связи с нашей миссией (от герм. большинства, напр.).

В связи с письмом, которое я отправил вам из Христиании, должен сообщить, что вчера наше обращение к партиям появилось и в бернской с.-д. газете — «Arbeides». В нем имеется фраза о Бернской комиссии, которой не было ни в «Vorwärts'е», ни в норв. «Social-Demokraten'е» (последний перепечатал воззвание из датского «S.-D.»), но нашего дополнительного заявления и на этот раз нет.

Жму руку. *Г. Эрлих.*

Будьте добры, Владимир Николаевич, отправить при случае прилагаемое письмо в Россию.

Жму руку. *Г. Эрлих.*

Не везет мне с визитными карточками: Ив. [2]) Петрович оставил их в Стокгольме.

Мы отправили отсюда телеграмму Терещенке с копиями Церетели, Чернову и Чхеидзе и обратили их внимание на то, что английские власти, повидимому, совершенно о нашей поездке не уведомлены. Здесь нас хотели усадить в 3-й класс. Насилу удалось добиться «хорошего обращения».

---

[1]) Виднес — был редактором норвежского «S.-D.».

[2]) Это слово в подлиннике написано неразборчиво. *(Прим. ред.)*

В конце июля часть делегации перебралась в Лондон. Розанов же остался для связи в Стокгольме. О своей деятельности выехавшая в Лондон часть делегации сообщила Розанову телеграфно от 25 июля следующее:

«Во вторник имели совещание с парламентской группой независимых. Они заявили, что если мы не идем на конференцию [социалистов стран] Согласия, они тоже не идут, но если мы идем только с совещательным голосом, то ставим их в тяжелое положение, ибо в голосованиях они окажутся в меньшинстве. Из дальнейшего увидите, что опасения неосновательны, насколько пока выяснилось, — с независимыми полное согласие.

Среда утром — совещание с Исполнительным Комитетом рабочей партии. Обсуждали три вопроса: 1) срок общей конференции, 2) конференция Согласия, 3) участие рабочей партии. Общей Стокгольмской Конференции, по их мнению, должны предшествовать конференция Согласия и британская национальная. Мы указали, что считали крайним сроком 22 августа нового стиля. Обещали обсудить. Наше мнение — придется отсрочить на неделю. Подготовьте Гюисманса, Брантинга. Продолжение завтра, Гольденберг.»

Из Лондона та же группа делегатов Совета переехала в Париж, и уже 25 июля ст. стиля, через дипломатического представителя Временного Правительства в Париже Севастопуло, прислала следующую телеграмму.

«Эрлих, Гольденберг, Русанов и Смирнов просят передать Керенскому, Церетели, Терещенко, Чхеидзе: созываемая нами именем Совета социалистическая конференция может разбиться о паспортный вопрос. Макдональд сообщает, что правительство первоначально изъявило готовность выдать ему паспорт без каких-либо условий. После речи Рибо Сесиль пригласил Макдональда и заявил, что паспорт будет выдан под условием не вступать в какие-либо политические разговоры с социалистами враждующих стран. На последней конференции союзных правительств Соннино предложил не выдавать социалистам паспортов. Французское большинство, опасаясь отказа в выдаче паспортов и не считая возможным в этом вопросе разорвать с правительством, настаивало на отсрочке Конференции, с целью подготовить общественное мнение Франции; меньшинство не надеется на влиятельность большинства и заявляет, что вне интервенции русского правительства невозможно ожидать благоприятного решения. Мы указали на затруднительность [положения] русского правительства в настоящий момент. Сказали, что не можем рекомендовать вам обратиться к союзным правительствам при наличности серьезных оснований ожидать отказа. Члены французского меньшинства и Макдональд указали в ответ на исключительную популярность Керенского в союзных странах. Французы выразили уверенность, что обращение Керенского не встретит отказа. Макдональд заметил, что, признавая в значительной степени правильность наших сомнений, он вполне уверен, что отношение к России Америки, также отказавшей в выдаче паспортов, не изменилось к худшему. Интересно отметить замечание Макдональда об отношении английского правительства к вопросу о мире. Оно не желает начинать разговора о мире, но ничего не имеет, чтобы говорили другие, — в частности социалисты. На одном из заседаний Тома показал нам телеграмму Нуланса, в которой сообщается о встрече Терещенко с Нулансом. Он сказал, что союзная конференция для пересмотра договоров откладывается на неопределенное время, ибо Временное Правительство считает нежелательным волновать вопросом о мире общественное мнение России, которое должно быть сосредоточено всецело на войне. Эта телеграмма, обозначающая, в случае соответствия действительности, отказ от общей политики, намеченной съездом при деятельном участии Церетели, вызвала недоумение и смущение в руководящих социалистических кругах Франции, и в частности Тома. Во время собеседования с социалистической Францией

нам были сделаны важные сообщения о шагах, предпринятых французскими социалистами с целью добиться согласия правительства на пересмотр договоров и достигнутых значительных результатах. Французское большинство уверено, что правительство согласится на пересмотр. Общее убеждение, что почва для предложения русского правительства вполне подготовлена. Выступление Михаэлиса делает еще более необходимым окончательный пересмотр договоров союзниками. Телеграмма Нуланса вызвала недоумение, наконец, и у Гендерсона и у Макдональда. Мы уезжаем завтра в Италию, дорогой посетим наши войска, будем в Риме 6 августа. Останемся до 8-го. Убедительно просим сообщить нам по адресу русского посольства, может ли Временное Правительство оказать [пред] союзниками [содействие] в получении социалистами союзников [паспортов]. В Лондоне и Париже могли констатировать, на основании заслушанных сообщений, что почва для Конференции несомненно вполне подготовлена. О результате нашей работы можем сообщить следующее. Вы знаете, что нас сопровождали сюда Гендерсон, председатель рабочей партии Уордль и Макдональд. В Лондоне достигнуто полное соглашение британской социалистической и независимой партии. Исполнительный Комитет рабочей партии ограничился разговором о сроке Конференции, при чем быстро достигнуто было соглашение. Неожиданно в Париже Гендерсон самым решительным образом выступил против обязательности решений Конференции. Был момент, когда Гендерсон сложил бумаги и заявил, что рабочая партия в Конференции не участвует. В конце концов он сдался. Идя навстречу пожеланиям французов, решили перенести Конференцию на 1 сентября. Оказалось, однако, что 2-го открывается съезд трэд-юнионов в Англии. Пришлось отложить до 9 сентября. Возможно, что этот срок будет неприемлем для шведов, у которых в это время будут происходить выборы риксдага. В таком случае попросим Розанова сделать попытку перенести Конференцию в Христианию. С французским большинством, вопреки ожиданиям, сговорились сравнительно легко. Но они требуют от нас настойчивого разъяснения нашей формулы мира. Придется продолжать разговоры с ними на обратном пути. Убедительно просим Чхеидзе сообщить нам телеграфно в Рим или Париж, что думает Исполнительный Комитет о нашей работе.

Обращаем внимание на совершенно невыносимое положение, создаваемое полною оторванностью от Петрограда. С момента отъезда из Стокгольма не имели о России никаких известий, кроме газетных. При этих условиях задача политики Исполнительного Комитета становится почти невыполнимою. Между тем, вокруг русской революции мобилизуется такая масса лжи и злостной клеветы, что правильное осведомление является задачей первостепенной важности. В заключение считаем долгом сообщить, что меры предупредительности и внимания, оказанные нам при переезде Гендерсоном и Тома, превзошли все пожелания.

Севастополю.»

Мы видим из документов, что в то время как одна группа социал-соглашателей призывала рабочих и солдат к ожиданию мира от Международной Конференции, а другая призывала тех же солдат и рабочих к продолжению войны,— то же самое «разделение труда» было и в международной политике. В то время как с.-д. меньшевики и соц.-революционеры, сидевшие в Совете и в партийных организациях, разоблачали буржуазные правительства, не дававшие паспортов делегатам на Стокгольмскую Конференцию, и призывали демократию произвести давление на правительства, другая часть социалистов-соглашателей, сидевших во Врем. Правительстве: Керенский, Чернов, Пешехонов, Церетели, Авксентьев, сговаривались с правительствами Антанты против Стокгольмской Конференции. Такое двурушничество правительствами Англии и Франции было встречено с восторгом, как об этом сообщал Набоков, поверенный Врем. Правительства в Лондоне, секретной телеграммой от 29 июля ст. ст.

«Лично. — Я имел сегодня рано утром интимную и весьма продолжительную беседу с Ллойд-Джорджем, по его инициативе, и содержание этой беседы настолько важно, что я считаю долгом отдать об оной возможно полный отчет. Вам известен из английских газет результат вчерашнего голосования рабочих партий по поводу Стокгольмской Конференции. Ллойд-Джордж сказал мне следующее: «ваше сообщение о том, что русское правительство считает Конференцию делом партийным и что, так как ваше правительство теперь выражает стремления всей России, оно не относится к Конференции с «интересом» и не «страстно ее желает», как писала здешняя пресса, — явилось для нас документом чрезвычайной важности. Мы решили, как другие союзники, не допускать на Конференцию наших рабочих представителей. Я сообщил немедленно вашу ноту Гендерсону и потребовал, чтобы он ознакомил с нею вчерашнюю конференцию рабочих партий. Гендерсон этого не сделал и тем самым не оказал на Конференцию должного влияния, нарушил свой долг по отношению к стране и союзнику и потому должен немедленно выйти из состава правительства. Я рисковал многим, став на его защиту перед страной по поводу поездки в Париж, и вот чем он мне отплатил». Ллойд-Джордж намерен во-всеуслышание заявить об этом и сказать, что благодаря тому, что Гендерсон принес интересы страны в жертву узкопартийному делу, он тем самым поставил правительство в затруднение. [Ллойд-Джордж] заявит в палате в понедельник, что паспорта ни в каком случае не будут выданы. Он рассчитывает, что, когда истинное положение вещей станет известным рабочим организациям, агитация в пользу поездки в Стокгольм сама собой падет. Затем Ллойд-Джордж перешел к вопросу, затронутому им на только что имевшей место междусоюзнической конференции, и сказал мне: «Англия, Франция и Италия держат западный фронт, Россия — восточный. Для достижения победы необходима полная и постоянная координация. Скажу вам прямо, что, пока русское верховное командование будет сноситься с нами телеграммами, пока оно будет представлено Жилинским и Палициным или молодыми генералами, знающими менее нашего о положении русского фронта и планах, намерениях и возможностях русского военного кабинета и верховного командования, до тех пор координации этой не будет. Ни разу ни на одной конференции по военным вопросам мы не слыхали осведомленного и вполне авторитетного слова от русского генерала». Ллойд-Джордж настоятельно просил меня о том, чтобы на предстоящей около 15 сентября «самой важной за всю войну» военной конференции был авторитетный и вполне уполномоченный генерал из России и чтобы он по возможности прибыл в Лондон заранее. Далее Ллойд-Джордж сказал мне, что он горячо желает иметь интимные, откровенные и постоянные сношения с Керенским, что он, питая ко мне полное доверие и считая, что я в той же мере облечен доверием Керенского и ближайших его сотрудников, просит, чтобы этот непосредственный контакт был установлен через меня. Он сказал мне, что я могу видеть его всегда, когда сочту это нужным и в самой интимной обстановке. Он также просил меня установить более непосредственные сношения с Бонар-Лоу и всеми теми министрами, которые в каждую данную минуту должны быть вполне посвящены в вопросы, затрагивающие интересы России. Я ответил ему, что дипломатическая традиция не позволяет мне сношений с министрами помимо министра иностранных дел, но что я уже имел и буду впредь иметь такие сношения с ведома Бальфура. По поводу посылки сюда генерала я еще до разговора с Ллойд-Джорджем намеревался самым настоятельным образом просить вас прислать Алексеева. Я знаю, что приезд его сюда оказал бы огромное влияние не только по существу, но и благодаря тому престижу, которым он пользуется. Далее, совершенно необходимо, чтобы я был вами осведомляем еще более полно. Только при таких условиях могу я служить постоянным истолкователем России перед английским правительством и использовать те личные отношения, которые дают мне возможность выполнять мою задачу. Прошу срочного ответа, прошу решения о приезде Алексеева или Рузского. При частной моей беседе с Ллойд-Джорджем присутствовал издатель газеты «Манчестер Гардиан», личный и доверенный друг Ллойд-Джорджа, который от него и от меня принял должную директиву для своего самого влиятельного из радикальных органов. *Набоков*».

Но эта двойная, лживая и лицемерная политика Керенских-Церетели не мешала им кричать о том, что противодействие «левых» срывает дело мира.

Отношение европейской социал-демократии к Стокгольмской Конференции в конце июля отчетливо рисуют представленные в Исполнительный Комитет приводимые ниже «последние сведения по вопросу о Международной Конференции:

По последним сведениям, полученным от нашей делегации, и по газетным данным, дело созыва Международной Конференции обстоит следующим образом:

Безусловное согласие на участие в Конференции, созываемой на платформе Совета, дали следующие организации:

1. Германская соц.-дем. партия («большинство»).
2. Незав. с.-д. р. п. Германии («меньшинство»).
3. Австро-нем. с.-д. партия.
4. Венгерская с.-д. партия.
5. Скандинавская с.-д. партия.
6. Голландская с.-д. партия (направление Трульстра, Ван-Коль и пр.).

Делегация считает также обеспеченным согласие итальянской с.-д. партии на участие в Конференции, также французского меньшинства, независ. рабочей партии, британской социалистической партии.

Дело созыва Конференции тормозится двумя обстоятельствами:

1. Отношением правительств союзных держав к Конференции, отказывающих в выдаче паспортов делегатам.

2. Отношением английской трудовой партии и французского большинства.

Мергейм, от имени комитета для возобновления международных сношений указав также на затруднения, которые встречает со стороны французского правительства дело осведомления французского общественного мнения о том, что происходит в России, жалуется на фальсификацию информации со стороны французской буржуазной прессы. Он настаивает на учреждении постоянной агентуры Совета Р. и С.Д., в целях взаимного осведомления.

Французская административная комиссия приняла постановление, в силу которого к участию в Стокгольмской Конференции привлекаются только партии, приписанные к международному соц. бюро к 1 августа 1914 г. (см. «Речь» от 14/VII).

(См. письма Розанова и Трульстры.)

От участия в Конференции отказались: ЦК РСДРП (б.), президиум РСДРП Польши и Литвы, болгарская с.-д. партия (тесняки) и шведская партия левых с.-д. (См. от 15/VII.)

Положение создалось чрезвычайно серьезное для созыва Конференции для борьбы за мир и возобновление международных связей; пролетариату грозит самая серьезная опасность.

А это значит, что грозит опасность и делу русской революции.

Совет Р. и С.Д. должен принять немедленно энергичные шаги для того, чтобы Конференция состоялась или по крайней мере ответственность за неудачу пала на тех, кто тайно или явно противодействовал делу созыва ее. Необходимо оказать организованное давление на правительства союзных держав и соответствующие элементы социалистических партий.

Совет Р. и С.Д. должен взять на себя инициативу в этом направлении, открыто выступить с соответствующим заявлением и послать за границу делегата, который был бы достаточно авторитетен как в России, так и в Европе, снабдив его самыми широкими полномочиями».

С отъездом делегации за границу работа отдела международных сношений должна была приобрести особо важное значение, но у с.-д. меньшевиков этого не получилось. Делегация оказалась вскоре в положении оторванном и выражала

много сетований относительно плохой увязки отдела Исполнительного Комитета с ними.

После первых заседаний в мае месяце до конца июля не было, очевидно, никаких заседаний. Сохранившийся в материалах протокол относится уже к 26 июля.

Протокол заседания отдела международных сношений при Центр. Исполн. Ком. Сов. Р. и С.Д., состоявшегося 26 июля 1917 г. при участии ответственной коллегии отдела и товарищей: Абрамовича, Аксельрода и Панина.

Председательствует Либер, секретарь — Биск.

Порядок дня:

1. Подготовка докладов для Стокгольмской Конференции.
2. Организация делегации от Центр. Исполн. Ком. и партий.
3. Воздействие на английское, французское и итальянское правительства относительно выдачи паспортов делегатам.
4. Делегация в Америку.
5. Подготовка докладов для Стокгольмской Конференции.

1. а) По вопросу о войне и Интернационале. Единогласно постановлено поручить доклад по этому вопросу П. Б. Аксельроду.

Предполагается, что комиссия по созыву Конференции поручит представителю Совета быть официальным докладчиком по этому пункту порядка дня.

В виду важности вопроса П. Б. Аксельроду предлагается сообщить из Стокгольма по телеграфу тезисы своего доклада, чтобы Совет мог утвердить их.

Желательно, чтобы было достигнуто соглашение с представителями от партий так, чтобы доклад представлял собой мнение всей русской делегации.

б) Условия мира и Интернационала. Доклад по этому вопросу будет, очевидно, представлен голландско-скандинавским комитетом. Так как можно ожидать, что центр тяжести этого доклада будет заключаться в детальном проекте исправления карты Европы, то необходимо наметить докладчика, который мог бы направить прения в сторону *политического* обсуждения вопроса. В основу решения вопроса должно быть положено право наций на самоопределение и невозможность продолжения войны из-за справедливого разрешения того или иного отдельного вопроса, как бы важен он ни был.

Мартов, Аксельрод, Семковский, Розанов полагают, что, настаивая со всей энергией на праве наций на самоопределении, социалисты должны быть готовы к заключению мира на основе status quo. Неудовлетворительное решение вопросов об Эльзас-Лотарингии, Ирландии и Польше и то не должно служить причиной продолжения войны. Формула status quo не равносильна лозунгу «мир во что бы то ни стало», ибо она исключает *новые* аннексии.

Либер находит, что эта формула противоречит принципу права наций на самоопределение. Он тоже находит невозможным затягивать войну из-за разрешения Эльзас-Лотарингского вопроса. Разногласия по этому пункту могут возникнуть лишь в области *тактики*. Решено поручить комиссии в составе из Дана, Мартова и Розанова представить бюро Центр. Исп. К-та доклад по этому вопросу.

в) Средства достижения мира и борьба за него. Решено предложить составление доклада по этому вопросу Церетели.

К 22 августа резолюция и доклад должны быть переведены и отпечатаны.

Бюро Ц. И. К-та должно заслушать доклад не позже 5 августа.

2. Организация делегации.

По регламенту съезда число делегатов от партий должно равняться числу голосов, которыми они располагают. Для России сделано исключение: она может послать 30 делегатов с 20 голосами.

Предполагалось, что из этих голосов половина будет предоставлена Сов. Р. и С.Д., а половина — партиям и профессиональным союзам.

Мартов предлагает предоставить Сов. Р. и С.Д. 8 мест, профсоюзам — 2 м., партиям — 10 м. За это предложение голосуют 3 челов., 3 — против. Таким образом, остается в силе первоначально принятый способ распределения голосов, т.-е. Сов. Р. и С.Д. получ. 10 голосов, профсоюзы и партии тоже 10 голосов.

Абрамович предлагает 2 места, на которое имеют право большевики, отказавшиеся от участия в Конференции, не распределять между остальными партиями. Русская делегация будет располагать, таким образом, не 20 голосами, а соответственно ослаблению ее вследствие отсутствия большевиков лишь 18, точно так же как английская делегация должна будет располагать лишь половиною голосов, если Labour Party не примет участия в работах Конференции.

Предложение это отвергается.

Семковский предлагает распределить 8 голосов, предоставленных партиям, не между организациями (О. К., Бунд, с.-р.), а между большинством и меньшинством.

Мартов присоединяется к этому предложению и предлагает произвести распределение голосов на общем собрании делегатов в России так, чтобы, считаясь с представительством большинства и меньшинства, можно было принять во внимание и требование различных организаций (национал., плехановцев и т. д.).

Биск полагает, что *окончательное* распределение мандатов может произойти лишь в Стокгольме, так как некоторые делегации (латыши из оккупированных местностей), может быть, предъявят свои права не в России, а на месте, в Конференции.

Либер и Панин возражают против принципа распределения мандатов между большинством и меньшинством, так как делегаты назначаются Советом не по этому признаку, напр., Аксельрод, Русанов, Панин, делегированные Советом, принадлежат к меньшинству. Если дать меньшинству, кроме того, специальное представительство, оно будет представлено не пропорционально. 6 голосами против двух принимается предложение распределить мандаты в России между большинством и меньшинством, по соглашению партий, с тем, чтобы *окончательное* распределение мест произошло на Конференции в случае, если обнаружатся новые обстоятельства.

Каждая организация имеет право пригласить на двух делегатов с решающим голосом одно лицо с совещательным голосом.

3. Воздействия на союзные правительства.

а) Мартов предлагает обратиться от имени Сов. Р. и С.Д. к министрам-президентам Англии, Франции и Италии с предложением не чинить препятствий делу созыва Конференции.

Панин высказывается против этого.

Предложение Мартова принимается 5 голосами против 3.

б) Принимается к сведению сообщение Либера, что бюро Ц. И. К-та постановило обратиться с воззванием к пролетариату всего мира с призывом содействовать делу созыва Конференции и оказать соответствующее давление на свои правительства.

4. Делегация в Америку.

В принципе таковая признается желательной, но собрание констатирует, что в настоящее время нет необходимых сил, чтобы организовать ее».

Печатаемый ниже небольшой отрывок, озаглавленный «Вопрос о Конференции», содержит отрывочную запись обсуждения этих вопросов в бюро Исполнительного Комитета.

«Вопрос о Конференции».

Церетели:

Продолжая стоять на прежней точке зрения относительно созыва международной Конференции, бюро принимает отказ П. Б. Аксельрода быть представителем Совета.

За принятие отказа выск[азалось] 13.

Против . . . . . 5.

Воздержалось . . . . 5.

Президиуму вместе с межд[ународным] отделом поручить наметить кандидатов. Завтра доложить бюро о кандидате.

Доклады:

Война и Интернационал.

Условия мира.

Средства достижения мира.

Комиссию: Церетели, Чернов, Дан, Гоц, Розанов, Н. Чхеидзе.

Организация делегаций.

Професс. союзам 2 реш. голоса+1 совещат.

Из 10 р. голосов Совета 2 голоса уступ[аются].

Кр[естьянскому совету], войти с ними в переговоры президиуму.

Партиям принадлежат 8 решающих голосов+4 совещ.

Предложить партиям устроить совещание при признании принципа представ[ительства] мень[шинства].»

Первый этап деятельности отдела международных сношений подробно изложен в нижеследующем отчете.

«Обзор деятельности отдела международных сношений.

Отдел международных сношений при Исполнительном Комитете Петроградского Совета Рабочих и Солд. Депут. образовался в последних числах марта 1917 г. и начал функционировать с начала апреля.

Первоначальные задачи отдела были ограничены точным исполнением самого его названия. Непосредственным поводом к образованию отдела послужило то обстоятельство, что в начале революции заграничное общественное мнение было крайне плохо и тенденциозно (ко вреду для престижа Советов Раб и Солд. Депутатов) информировано о событиях в России. О Совете Депутатов распространялись всевозможные сказки и клеветы в буржуазной печати Запада, особенно же в буржуазных газетах Англии и Франции («Times», «Temps» и др.). С другой стороны, и русские революционеры были крайне плохо осведомлены о положении дел в других воюющих странах. Между тем русская демократия с самого начала революции возлагала большие надежды на поддержку западно-европейской демократии, главным образом, в деле скорейшего прекращения войны.

Первым условием для объединения сил в этом направлении является взаимное понимание, которое в свою очередь [?] без хорошей фактической осведомленности [1]). К разрешению этой задачи и приступил прежде всего отдел международных сношений.

2 апреля 1917 г. было достигнуто следующее соглашение с министерством иностранных дел, во главе которого тогда стоял Милюков. Отделу было предоставлено право сообщать через Петроградское Телегр. Агентство свои сведения, при чем Петр. Тел. Аг-во обязывалось передавать сообщения отдела дословно и бесплатно в тех случаях, когда контрагенты П. Т. Аг-ва не брали передачу телеграмм отдела на свой счет. Все важнейшие резолюции, краткие отчеты о важнейших событиях в жизни Советов передавались по телеграфу систематически в нейтральные и союзные страны. С конца апреля такие телеграфные сообщения отдела становятся почти ежедневными.

Другим средством осведомления была доставка заграничным социалистическим органам печати и русским колониям русских социалистических газет. До образования отдела международных сношений эти издания не получались за границей вовсе. Причиной этому было отчасти расстройство почтовых сношений, отчасти медлительность цензуры и, наконец, то обстоятельство, что заграничная почта не принимала подписки на вновь образовавшиеся газеты, так как они не были внесены в списки изданий, на которые допускается подписка через почтовые отделения. Отдел межд. сношений позаботился о том, чтобы доставить комплекты «Известий» и партийных социалисти-

[1]) Так в подлиннике.

ческих газетв северные нейтральные страны, откуда они были разосланы и во все воюющие страны. Затем отдел доставлял более или менее систематически эти издания за границу. Доставка производилась через собственных курьеров отдела международных сношений. В качестве курьеров отдел пользовался товарищами, случайно отправляющимися за границу, при том, конечно, условии, если эти товарищи рекомендовались партийными организациями, как люди, заслуживающие доверия. Доставка революционной прессы за границу имела большое значение, потому что дала заграничным товарищам, русским и иностранцам, впервые возможность составить правильное представление о характере и успехах русской революции и, в частности, о деятельности Советов Раб. и Солд. Депутатов.

Что касается обратного осведомления, то по тем же причинам оно было до образования отдела крайне плохо или, вернее, его вовсе не было. Отдел подписался через живущих за границей товарищей на все социалистические органы и, так как почтовые сношения были крайне медленны и нерегулярны, позаботился о доставке этого материала в Россию также через курьеров. И при этих условиях материалы часто запаздывали, но все-таки получались, что давало возможность, — по крайней мере, некоторого, — обозрения заграничной жизни. Литературно эти материалы не были использованы: в отделе неоднократно возникали планы такого использования, но по разным причинам они не были приведены в исполнение.

Приезд целого ряда представителей заграничных социалистических партий (А. Тома, Кашен, Муте, Лафон, Брантинг, Боргбьерг и др.) поставил Петроградский Исполн. Комитет в непосредственную связь с деятелями международного социализма. Это общение, а также исходящая из-за границы инициатива привели Исполнительный Комитет к необходимости поставить вопрос о созыве Международной Соц. Конференции. С этого момента деятельность отдела междун. сношений выходит за пределы простого осведомления и приобретает постепенно политическое значение.

25 апреля, по докладу отдела международных сношений, Петроградский Исполнительный Комитет решил взять на себя инициативу созыва Международной Социалистической Конференции. Это решение было передано отделом по телеграфу во все страны и вызвало живейший отклик трудовой демократии всего мира. К русской инициативе везде отнеслись с полнейшим доверием потому, что верили в силу русской революции, верили, что русская демократия очистит русскую внешнюю политику от всяких эгоистических корыстных целей и будет направлять ее согласно справедливости. Формулированные Советами условия мира («мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение») были приняты всеми социалистическими партиями всего мира и стали известны за границей под именем «формулы Совета». Таким образом Совет Р. и С.Д. становился лидером международной политики всей демократии.

К сожалению, это не было использовано быстро и энергично. По различным причинам, и более всего потому, что внутренняя жизнь выдвигала постоянно крайне острые конфликты, работа по подготовке Конференции шла крайне медленно. Была создана комиссия по подготовке Конференции. Комиссия состояла из президиума Петроградского Совета Р. и С. Деп., 3 членов Исполнительного Комитета, заведующих отделом международных сношений, и представителей социалистических партий, входящих в состав И.К. Эта комиссия только к 14 мая оформила рещение И.К. в приглашении на Конференцию, которое также было передано по телеграфу во все страны.

Это приглашение, основной мыслью которого был призыв к борьбе с империалистической политикой всех правительств, не принявших «формулу Совета» (а ее не приняло без оговорок ни одно правительство, кроме русского), привело к оживленному обмену мнений с западно-европейскими товарищами. Сколь ни сочувственно было встречено решение Исполнительного Комитета взять на себя созыв Международной Социалистической Конференции, революционная постановка вопроса привела в смущение многих западно-европейских товарищей, хотевших мира, но боявшихся на почве борьбы за мир притти в конфликт со своей собственной буржуазией.

В целях агитации за Конференцию за границей комиссия по созыву ее признала желательным издание в Стокгольме бюллетеня отдела международных сношений.

Был командирован для этой цели т. Вайнберг, который по указанию отдела международных сношений и организовал издание бюллетеня на французском, английском и немецком языках. Этот издающийся на ротаторе бюллетень доставляется бесплатно всем центральным организациям социалистических партий З. Европы. За плату на него абонируются корреспонденты заграничных газет в Стокгольме. Бюллетень выходит раза 2 в неделю. Материалом для него являются главным образом телеграммы отдела международных сношений, перепечатка из «Известий», обзор социалистической печати, а также и особые статьи, освещающие события русской жизни для иностранной социалистической прессы. Бюллетени часто перепечатываются в заграничных органах, преимущественно социалистических. Бюллетень начал выходить с открытием Всероссийского Съезда Советов.

На этом Съезде было решено послать за границу делегацию для подготовки Конференции. Отдел международных сношений подготовил для этой делегации материалы, характеризующие отношение международного социалистического движения к Конференции, а также организовал отправку делегации технически (сношения с Россией и зап.-европейскими партиями). Одновременно отдел приступил к собиранию материалов по вопросу о мире и его условиях. Что касается социалистических партий, то этот материал имеется в отделе почти в исчерпывающей полноте.

Печальные события 3—5 июля сильно подорвали деятельность отдела международных сношений. Отдел вынужден был отказаться от посылки собственных курьеров, что чрезвычайно затруднило осведомление. Общее замешательство и понижение настроения также вредно отражались на делах отдела. Центральной задачей отдела после этих событий оставался созыв Международной Конференции.

Из других работ отдела следует упомянуть: 1) помощь политическим эмигрантам, возвращающимся в Россию, и 2) заботу о политических эмигрантах и всех так называемых «гражданских пленных» в Германии.

Что касается помощи политическим эмигрантам, то отдел был мало занят этим вопросом в первое время своего существования, когда Временным Правительством еще не был установлен порядок получения эмигрантами разрешения на въезд и размеры денежной помощи им, а с другой стороны, еще не успели организоваться за границей комитеты помощи возвращающимся эмигрантам. Представитель отдела международных сношений принимал участие в междуведомственном совещании по вопросу о форме и размерах помощи эмигрантам и порядке их следования в Россию. Отдел вошел в сношения с русскими колониями за границей, поддерживал ходатайства заграничных комитетов помощи эмигрантам перед Временным Правительством и т. д.

По вопросу о положении задержанных в Германии русских граждан отдел международных сношений неоднократно обращался с ходатайствами к Временному Правительству и собрал довольно подробный материал из непосредственных источников. Отделу удалось наладить такие сношения, которые обеспечивают хорошую осведомленность в этом отношении, недоступную ни для частных лиц, ни для государственных органов. Собранные материалы отдел неоднократно представлял Врем. Прав. Благодаря сочувствию Врем. Прав. и ценным услугам частных лиц, деятельность отдела международных сношений и в этом отношении не осталась бесследной».

Восьмого августа происходило распределение голосов российской делегации. Согласно условиям по созыву прежних международных съездов и конференций, России полагалось 20 решающих голосов, кроме того — еще 10 голосов совещательных. Ц.И.К. имел из всего количества 10 решающих и 5 совещательных голосов. Два решающих голоса из них было уступлено Совету Крестьянских Депутатов. На партийные организации было дано 8 голосов решающих и 4 совещательных. Профессиональным союзам было дано 2 решающих и один совещательный голос. На этом и был закончен первый период международных комбинаций соглашателей всех стран.

А. Шляпников.

Романовы и союзники в первые дни революции.

Печатаемые здесь документы, относящиеся к первым дням Февральской революции, представляют несомненный интерес. Они показывают, с одной стороны, жалкие потуги наиболее видных представителей свергнутой династии сохранить свое влияние в решающих базах управления страной и, с другой — попытки открытого вмешательства союзников в дела России.

Революция в стране, на которую возлагалось много надежд, естественно, подрывала «коренные интересы» англо-французских колонизаторов. Поэтому в среде членов быв. царской фамилии царило явное беспокойство — на кого вздумают опереться союзники, чтобы обеспечить продолжение войны: на будущих «претендентов» или на новое правительство.

Что касается представителей союзников, то они добросовестно предприняли все от них зависящее, чтобы воспользоваться для выполнения своих планов «благоразумием» Николая II и его родных.

Письмо начальника английской военной миссии генерала Хенбри Вилиамса к Николаю II 1 марта 1917 года, т.-е. в самый роковой для царя день отречения от престола, и является первой попыткой «вразумить» его.

Отбросив в этом письме реверансы преданности и любви к России и царю, а также скромную самооценку «старого солдата», посмотрим, какие советы дает царю Вилиамс.

«Россия, — я хорошо это знаю, — страна, не допускающая тех же способов действий, какие были бы уместны в других странах, но во всех государствах бывают времена, когда необходимо иметь «бархатную перчатку на железной руке».

«Во время всех волнений, которые я видел в разных государствах, всегда лучшим средством было — иметь «отдушину». Это подобно нарыву на теле, который надо взрезать, чтобы дать выход яду».

Этой отдушиной, по мнению «старого солдата», могла бы быть свобода слова в Думе, правительство из лиц «пользующихся доверием» и пр. и пр.

«Мне кажется, что настало время призвать народ ваш помочь вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах».

Не менее любопытно и письмо-нота всех начальников военных миссий к Алексееву, тогда начальнику штаба верховного главнокомандующего, с предложением сопровождать Николая II в Царское Село.

До ставки, видимо, уже доносились отзвуки народного недовольства тем, что Временное Правительство слишком церемонится со свергнутой династией [1]). Тут явно

[1]) Уже 3 марта Исполн. Комитет Петроград. Сов. Раб. Деп. вынес постановление о принятии необходимых мер для ареста царя и его семьи, не останавливаясь

заволновались. Вилиамс, как и его коллеги, хорошо знали, что иметь в своих руках такую персону, как «император», — не лишняя веревочка в хозяйстве. Они имели все основания полагать, что правительство удовлетворится дипломатическим конвоем и не посмеет прибавить к нему взвод - другой солдат. Переправить Николая через Царское Село вместе с домочадцами в Англию — такова была задача этого шага. Именно в это время, 7 марта (20-го по н. ст.), Керенский приезжал в Москву успокоить взволнованные умы и на заседании Московского Совета Рабочих Деп., насевшего на него под сильным напором рабочих масс, сделал «заявление», что очень скоро царская семья будет доставлена в гавань и отправлена в Англию. Кишкин о том же хвастал на заседании Моск. Комитета Общественных Организаций.

Надо было спешить. Письмо Алексееву было написано на двух листках походного отрывного блок-нота, карандашом, — тем же карандашом всеми «старыми солдатами» подписано.

Алексеев тоже спешил, но счел эту поездку неудобной. Во-первых, потому, что при всей желательности обеспечить царя надежной охраной со стороны союзников, последние обратили бы на себя внимание в дороге и вызвали бы массу осложнений. Во-вторых, как видно из резолюции Алексеева на этом письме, пришлось бы «снова сноситься с Временным Правительством и пр.».

Особенно интересна в этих документах беседа Вилиамса с Марией Федоровной. При этой беседе присутствовал и вел. кн. Александр Михайлович. Старуха-мать главную трудность положения видела в том, что отрекшийся царь «отказывается ехать куда бы то ни было без государыни».

Перед уходом, однако, состоялся более деловой разговор между Вилиамсом и в. к. Александром Михайловичем. Речь зашла о том, чтобы снестись с королевским правительством Британии, а также правительствами всех союзных держав о предъявлении всеми представителями союзников меморандума Временному Правительству. В этом меморандуме предполагалось провести мысль, что в сущности Россия — как и союзники — не отдельные государства, а единое государство, отдельными частями вовлеченное в войну.

Прицел, что и говорить, меткий. Если бы такое соглашение состоялось, оно представляло бы собой, так сказать, конспект программы иностранной интервенции в «государственном масштабе». Союзники упустили тогда этот случай.

Пометки Алексеева на этом письме [1]) чрезвычайно интересны. Пометки нервны, насыщены порядочной дозой патриотического презрения к суетливости «представителей». Обидно было, в самом деле: Мария Федоровна благодарит британского генерала за то, что сделано для поддержания духа в армии; — «не слишком ли это смело сказано?», — отмечает на полях Алексеев.

Что же касается внутренней политики, Алексеев считал, что надо поскорее развернуть борьбу с крайними левыми партиями и поддержать умеренное правительство.

в случае промедления со стороны Временного Правительства, перед решением своими силами совершить это. (Шляпников. «Семнадцатый год», кн. первая.)

[1]) Повидимому, оно было адресовано Вилиамсом Алексееву по формальным причинам (так как начальники военных миссий союзников официально состояли при ставке).

В той же беседе Вилиамс настаивал на скорейшем приезде Николая Николаевича с Кавказа, так как опять надо было спешить: было уже предрешено в ставке (не без определенного попустительства Временного Правительства, хотя Керенский и оправдывался потом, что это — недоразумение) о назначении царского дяди на пост верховного главнокомандующего.

Еще накануне этой беседы главнокомандующим фронтов была разослана телеграмма, опубликованная затем, с разрешения Алексеева, и в армейской печати, за подписью всех начальников военных миссий.

Кроме «долга», «единения», «принципов свободы наций и народов» и пр., в телеграмме содержится одно весьма существенное указание. Непосредственное обращение (вернее, приказание) к оперативным руководителям армии объясняется обширностью «подготовительных мер, принятых в виду предстоящих операций».

Союзники, как это совершенно очевидно, пытались противопоставить ослаблению армии на фронтах нажим в целях наступления. Это им частично и удалось к июньским дням [1]).

И. Гелис.

1.

Письмо ген. Вилиамса Николаю Романову 1 марта 1917 года [2]).

Ваше императорское величество, не сомневайтесь, что я не посмел бы обратиться к вашему величеству ни в это, ни в какое-либо другое время с письмом, если бы преданность моя к императору и императрице России не заставляла меня поступить так.

Я не дипломат и не политик, а старый солдат, который пережил много в Великобритании и на войне.

Россия, — я хорошо это знаю, — страна, не допускающая тех же способов действий, какие были бы уместны в других странах, но во всех государствах бывают времена, когда необходимо иметь «бархатную перчатку на железной руке».

Я слышу много, говорю мало и многое обдумываю. По моему скромному мнению, я убежден, что ближе всего сердцу вашего величества лежит победоносное окончание этой войны. Я вижу опасность в том, что армия, которая предана желанию разбить врага, может сказать: «мы не можем продолжать сражаться против немцев, если нам нужно сражаться против собственного народа и если для этого нас уводят с фронта».

Упускают из вида, что ваше величество и окружающие вас лица так же горячо желают продолжения войны, как каждый солдат, находящийся в рядах армии.

---

[1]) Печатаемые материалы извлечены из хранящегося в Военно-Историческом Архиве в Москве дела № 891: «Представители иностранных армий на театре войны» (январь — март 1917 г., л. л. 258, 275, 276, 280, 281, 295а, 302).

[2]) Печатается по копии перевода за подписью полк. Базарова. Подлинник в деле отсутствует.

Не знают и того, что старые и верные слуги, окружающие вас, как граф Фредерикс, — суть русские до глубины сердца.

Ваше величество — самодержавный монарх, но и самодержец может управлять в настоящее время только с помощью хороших советников, народ же желает знать, что советники эти избраны из числа лиц, коим он верит.

Во время всех волнений, которые я видел в разных государствах, всегда лучшим средством было — иметь «отдушину».

Это подобно нарыву на теле, который надо взрезать, чтобы дать выход яду.

Свобода слова в парламенте или Думе, казалось бы, могла бы служить той отдушиной, через которую народ будет знать, что он может высказать государю свои чувства при посредстве своих избранников.

Не подлежит сомнению, что в основе настоящих волнений имеются немецкие козни, но козни эти могут быть уничтожены, если сказать народу, что ваше величество доверяете ему указать на необходимые меры, которые должны быть приняты в настоящее время, и что вы соглашаетесь принять правительство, которое им избрано.

Мне кажется, что настало время призвать народ ваш помочь вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах.

Я вполне сознаю, что ваше величество можете сказать, что не мне вмешиваться в эти дела и что мне следует вернуться к себе на родину, но я имею полное убеждение и веру в то, что ваше величество преданы делу союзников, и только это мое сознание, при беспредельной и искренней преданности вашему величеству и государыне императрице, дает мне смелость говорить, несмотря на то, что такой поступок сам по себе неправилен и что я рискую быть отправленным на мою родину.

Но, что бы ни случилось, никто не может сказать, что в России имеется, как среди русских, так и среди союзников, человек, более искренно преданный счастью вашей страны.

Я служил здесь с самого начала войны с той же преданностью вашему величеству, с какой я служу моему собственному королю; эта же преданность обоим монархам дает мне смелость писать настоящие строки.

Верю, ваше величество, что мне будет прощено, что я говорю то, что так близко моему сердцу.

Вашего величества всепокорнейший и всепреданнейший слуга

Хенбри Вилиамс.

Перевел и верно. Генерального штаба полковник *Базаров.*

1 марта 1917 г.

2.

Письмо начальников союзных военных миссий на имя ген. М. В. Алексеева 6 марта 1917 года [1]).

6/19 III 1917 года.

Дорогой генерал Алексеев.

Мы, начальники союзных военных миссий, предлагаем, — при условии, что, по вашему мнению, правительство на это согласится и что будет принято решение об отъезде его величества в Царское Село, — сопровождать его до Царского Села.

Мы полагаем, что это является нашим долгом, ввиду тех отношений, которые существовали между нами и государем императором, когда его величество был верховным главнокомандующим, и что долг этот будет признан правительством.

При указанных условиях мы просим вас содействовать этой поездке.

Примите, дорогой генерал, наш искренний привет.

Хенбри Вилиамс.
Жанен.
Коанда.
Ромен.
Барон де-Риккель.

Перевел генерального штаба полковник *Базаров.*
6 марта 1917 года.

Полагаю, что эта поездка неудобна. Мне придется снова сноситься с Временным Правительством, что может вызвать задержку отъезда государя императора.

Ген. *Алексеев.*

Сообщено Вилиамсу 6/III 17.

3.

Запись беседы ген. Вилиамса с Марией Федоровной и б. вел. кн. Александром Михайловичем [2]).

Сегодня утром императрица-мать прислала за мной, и мы долго разговаривали в ее поезде.

Ее величество затронула много старых вопросов, касающихся императрицы и Распутина и т. д., относительно которых я не считаю

---

[1]) Подлинник написан небрежно, наспех, карандашом, на французском языке, на отрывном походном блок-ноте.

[2]) Подлинная запись на английском языке. Отметки на полях сделаны карандашом рукой ген. Алексеева.

нужным что-либо сообщать. Главным же образом, по словам императрицы, в данное время предстоит решить вопрос об отъезде государя, который отказывается ехать куда бы то ни было без государыни. Послана телеграмма правительству в Петроград с просьбой разрешить приезд в Царское для свидания с государыней и детьми. Ответ ожидается.

Это стеснит государя императора.

Я сказал ее величеству, что мы, начальники союзных военных миссий, готовы сделать все, что можно, для охраны государя императора и готовы также сопровождать его и видеть его во всякое время.

Что же сделано? Не слишком ли это смело сказано?

Ее величество просила меня выразить моим товарищам ее искреннейшую благодарность за те симпатии, которые, как я сказал, все мы неизменно выказываем в эти тяжелые дни; она благодарила меня также за все, что было сделано для поддержания духа в армии и др.

Чем же могут помочь иностранные представители в этом деле?

Не время было останавливаться на вопросе о том, кем были сделаны ошибки. В настоящее время главной заботой должно быть оказать содействие его величеству и парализовать вредные силы, работающие сейчас в армии и во флоте русского государства.

Вопрос этот в Петрограде был решен уже I/III, 2-го Милюков уже говорил об этом в своей речи.

Ее величество сказала мне, что государь отрекся от престола по настояниям генерала Рузского, который был при нем в Пскове, когда прибыла депутация от правительства; по ее мнению, остальные генералы были согласны с ним; она считала весьма тяжелым, что пришлось настаивать на этом.

Генерал Иванов, находясь в очень тяжелом положении, выказал много лояльности и сочувствия, так что она не находила слов, чтобы достаточно высоко оценить все, что было им сделано.

Самым главным вопросом в данной обстановке и наибольшими затруднениями является нежелание государя быть разлученным с своей супругой и детьми. Я сказал ее величеству, что я уже телеграфировал своему правительству относительно возможных планов государя отправиться в Англию. Вопрос о морском путешествии ее беспокоит, и, по-моему, она предпочла бы,чтобы их величества поехали в Данию.

Я уверял ее величество, что не только благодаря особым связям нашей королевской фамилии с нею я предлагаю оказать ей всякое содействие, но что меня всецело поддержат в этом все остальные представители союзных армий.

Признание и обещание энергичной поддержки, что важно в глухой борьбе с крайними и левыми партиями.

Великий князь Александр Михайлович остановил меня, когда я уходил, и говорил мне о весьма опасном и серьезном положении, в котором сейчас находится страна, а также о немецком влиянии на рабочие классы в пользу прекращения войны Россией. Он выразил мнение, что было бы полезным и имело бы очень большое значение, если бы представители союзных держав теле-

графировали своим правительствам, с тем, чтобы последние снабдили их меморандумом, который они могли бы представить русскому правительству в Петрограде, при чем указывалось бы на то, что в настоящее время все мы — союзники — вовлечены в войну с Германией и в действительности представляем из себя одно общее государство, а также, что союзники признают и готовы поддержать современное русское правительство, образовавшееся в Петрограде. Союзные правительства объявили о своем намерении продолжать войну против Германии и рассчитывают — как одно общее государство, составленное из отдельных союзников, — выиграть эту войну.

Не следует ожидать «обстоятельств», а нужно доброю волею нравственно поддержать умеренное правительство.

Великий князь полагает, что такой меморандум должен бы находиться в руках каждого из представителей союзных держав, с тем, чтобы каждый из них мог одновременно предъявить его или опубликовать, если бы обстоятельства этого потребовали. Немецкие козни и агитация оказывают пагубное влияние на рабочие классы по всей стране и явно работают в пользу сепаратного мира с Россией.

Я настаивал на важном значении скорейшего приезда великого князя Николая Николаевича, с чем великий князь вполне согласился.

Он выразил опасение относительно того, что какие-либо революционеры могут задержать поезд или оказать какие-либо затруднения в дороге и что поэтому, прежде чем он отправится в путь, вероятно, признано было необходимым сделать соответствующие запросы в Петроград.

Я сообщил ему часть моего разговора с императрицей и что мы, военные представители союзников, готовы сопровождать государя до Царского Села, оставив наших помощников для исполнения текущих дел. Он сказал, что не только он думает, что это является необходимым, но и настаивал весьма энергично, чтобы мы настояли на этом, даже против желания его величества.

Я высказал свой взгляд. Более говорить не буду: дело самих представителей принять окончательное решение.

В таком положении находится сейчас этот вопрос. Решение последует, как только мы получим ответ от правительства, который надлежало бы сообщить мне, как только он будет получен. Я буду телеграфировать в этом смысле моему послу; то же сделают мои товарищи.

Совсем непрактичный совет.

Затем я предложил великому князю, чтобы он совместно с другими великими князьями также обратились с манифестом к народу, с просьбой признать правительство и стоящих во главе его, дабы обеспечить продолжение войны. Он сказал, что, по его мнению, это явилось бы полезной мерой, но все же менее действительной по сравнению с декларацией дипломатических представителей союзников, о которой упоминалось выше.

После вышеприведенных свиданий я собрал моих товарищей и сообщил им о происшедшем, не входя в подробности моего разговора с императрицею-матерью.

Я полагаю, что действия мои будут вами одобрены, а также, что король и правительство признают их правильными.

Считаю долгом добавить, что, несмотря на весьма тревожное и трудное время, которое мы переживаем, товарищи мои вполне разделяют мои предложения и оказывают мне полное содействие, за что я им глубоко признателен, тем более что, будучи старшим среди военных представителей союзников, на меня ложится ответственность за многое и что во всех случаях я призывался один.

Время, действительно, тревожное и трудное. Помощь нужна в том именно смысле, как я сказал — нравственная поддержка умеренного правительства в его борьбе с крайними. Последних нужно обуздать, ибо только тогда возможно работать, обеспечить армию и не упустить ее боеспособности. Ген. Алексеев. 7/III 917.

Перевел генерального штаба полковник *Базаров*.
6 марта 1917 года.

4.

Телеграмма представителей союзных армий главнокомандующим армиями фронта [1]).

В момент, когда великий князь Николай Николаевич принимает командование над армией и флотом, генералы, являющиеся представителями союзных армий при главной квартире всех русских армий, сочли своим долгом высказать ему, что они сохраняют полную уверенность в окончательную и близкую победу наших армий, направленных против общего врага.

При современных обстоятельствах представители союзных армий почитают также своим долгом сказать своим русским товарищам по оружию, что эта твердая уверенность их в близкую победу основана на непрерывных успехах, одерживаемых в настоящее время на всех фронтах боевой линии. Она основана также на обширности подготовительных мер, принятых в виду предстоящих операций, равно как и на уверенности в том, что операции эти увенчаются успехом, который обеспечивается полным согласием, достигнутым в отношении священного единения общих усилий. Только это единение может окончательно обеспечить торжество принципов свободы наций и народов.

Генерал сэр Хенбри Вилиамс (Великобритания).
Генерал барон де-Риккель (Бельгия).
Генерал Жанен (Франция).
Генерал Коанда (Румыния).
Полк. Лонткиевич (Сербия).

5 марта 1917 года. Перевел и верно генерального штаба полковник *Базаров*.

[1]) Телеграмма адресована: Главкосев, Главкозап, Главкоюз, Штарум ген. Сахарову, Командарм Кавказской, Огенквар Занкевичу. Телеграмма на франц. языке.

5.

Ответная телеграмма б. вел. кн. Николая Николаевича начальникам союзных военных миссий при штабе верх. главнокомандующего.

Шлю вам и начальникам военных миссий союзников мою самую сердечную благодарность за телеграмму. Уверен, что все вы поможете мне в организации и поддержании той общей согласованности усилий союзников, которая столь необходима для совместного нашего успеха и окончательной победы. *Николай.*

Перевел и верно генерального штаба полковник *Базаров.*

5 марта 1917 года.

6.

Письмо ген. Вилиамса ген. М. В. Алексееву 8 марта 1917 г.

Ставка, 8/21 марта 1917 г.

Его высокопревосходительству генерал-адъютанту Алексееву, начальнику штаба верховного главнокомандующего.

Ваше высокопревосходительство.

Правительству было бы, вероятно, желательно, чтобы в газетах были опубликованы прилагаемые телеграммы, коими обменялись начальники союзных военных миссий и главнокомандующие армиями фронтов.

Если нужно, то можно было бы не упоминать имени великого князя Николая Николаевича; во всяком случае, казалось бы, что опубликование этих телеграмм для сведения публики могло бы послужить поддержкой для правительства в вопросе о продолжении войны до победы.

Я был бы крайне признателен вашему высокопревосходительству за возвращение мне прилагаемых подлинных телеграмм.

Хенбри Вилиамс генерал-лейтенант.

Перевел и верно генерального штаба полковник *Базаров.*

8 марта 1917 года.

Согласен. Поместить в наших армейских газетах. Отправить в столичные органы. Подлинники вернуть.

Ген. *Алексеев.*

2. По резол. Нашт. Л. 8/III.

Телеграммы посланы, оригиналы возвращены. 9/III 1917 г.

К истории восстания киргиз в 1916 г.

Среди уже известных материалов, освещающих события 1916 года в киргизской степи, публикуемые ниже документы, как отражающие, с одной стороны, правительственные, с другой — туземные настроения, должны занять далеко не последнее место [1]). Как известно, непосредственным поводом к волнениям в этом году среди казак-киргизов и кара-киргизов, обусловленным, конечно, рядом весьма длительных и сложных причин, послужило «высочайшее повеление» 25 июня 1916 года о привлечении на тыловые работы «мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно». Это распоряжение не могло, конечно, не вызвать с стороны массы туземного населения упорного сопротивления. Неизбежность этого чувствовали и некоторые высоко стоявшие административные лица, как, напр., наместник на Кавказе вел. кн. Николай Николаевич, который в июле 1916 года добивался отмены состоявшегося распоряжения для вверенного ему края, мотивируя теми соображениями, что «всякое мероприятие, касающееся мусульманского населения, до его осуществления требует ряда подготовительных мер, что, в свою очередь, требует известного времени» [2]). Но если признано было возможным согласиться с этими соображениями по отношению к Кавказской окраине, слишком уж близко лежавшей от театра военных действий, то в Туркестане и Киргизской степи, наоборот, шли к неизбежной и кровавой развязке. Ведь нельзя же было думать, что десятилетиями накапливавшееся недовольство туземного населения, в условиях напряженного состояния военного времени, не выльется, наконец, в открытое сопротивление и восстание. Но, очевидно, в расчете на верный выигрыш в затеянной игре, представлявшейся к тому же совсем неопасной на отдаленной окраине, последняя была начата. Уже на первых порах из-за чрезмерной торопливости в проведении опубликованного распоряжения встретились весьма существенные затруднения, больнее всего отразившиеся на туземном населении и, естественно, усиливавшие и без того уже большое его раздражение против нового правительственного мероприятия. Второй пункт «высочайшего пове-

---

[1]) См. следующую литературу вопроса: З. Миндлин. Киргизы и революция. «Новый Восток» 1924, № 5; — Т. Рыскулов. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание туземцев Туркестана против царизма в 1916 году). «Нов. Восток» 1924, № 6; — Г. И. Бройдо Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. «Нов. Восток» 1924, № 6; — А. Миклашевский. Социальные движения 1916 г. в Туркестане. «Былое» 1924, № 27—28.

[2]) Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). ГИЗ. Л.—М. 1925, стр. 37 и 138—140.

ления» 25 июня 1916 года требовал согласования деятельности двух ведомств — военного и внутр. дел — и установления подробных правил привлечения «инородцев» к тыловым работам; между тем на практике это не было соблюдено, и министерство внутренних дел телеграфными распоряжениями от 27 и 28 июня, т.-е. на следующий день после «высочайшего повеления», предложило подведомственным ему губернаторам в наикратчайший срок произвести мобилизацию первой очереди киргизов, в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. На местах получилась полная неразбериха, о степени которой дает некоторое представление одно из ниже приводимых телеграфных донесений астраханского губернатора, который «за короткое время принужден был дважды объявлять призыв и дважды его отменять» [1]).

На неподготовленность населения и излишнюю поспешность в проведении правительственного распоряжения, соединенную еще с злоупотреблениями властей, туземных и русских, указывают и другие два документа, печатаемые здесь же. Это — памятная записка о киргизах, предназначавшаяся, повидимому, для представления в Государственную Думу, и протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 г. в г. Оренбурге. Эти два документа, вышедшие из рук либеральной казак-киргизской интеллигенции, которая группировалась с 1912 года вокруг первой киргизской газеты «Казак», интересны так же как источники, отражающие настроение этой последней.

Эти же два документа, относящиеся — один к началу августа, другой к половине сентября 1916 г., дают некоторый конкретный материал и для характеристики самого движения за первый период его развития. Даже пользуясь одними этими показаниями, можно почувствовать, что дело шло уже дальше простых трений и отдельных эксцессов. Ведь еще августовский протокол частного совещания киргиз отмечает появление в степи первых казачьих отрядов и расквартирование их — 75 казаков в Чингирлауской волости, 125 казаков в Аракарагайской волости и еще 125 казаков в Кинаральской и Миндыгаринской [2]). Появление их не было, конечно, случайным и говорило о серьезности положения в Тургайской области еще в начале августа 1916 г. Убийства волостных управителей и волостных писарей, отнятие посемейных списков и уничтожение их, недопущение управителей, аульных старшин и аксакалов к составлению списков лиц призывного возраста, столкновения с казачьими отрядами, сопровождавшими уездных начальников, доходившие иногда до кровопролития, отдельные случаи нападения на оседлые поселения — вот те формы, в которые выливалось движение казак-киргизов еще в этот первый период восстания.

Последний из печатаемых ниже документов — донесение военного губернатора Семиреченской области о беспорядках, происшедших в области в связи с набором рабочих, — переносит нас из северной части киргизской степи, которой касались

---

[1]) Копия телеграмы из Астрахани на имя упр. земским отделом от 26 июля 1916 г. Ср. также данные протокола частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. о сроках призыва в Актюбинском и Кустанайском уездах Тургайской обл.

[2]) Отряды казаков вызваны были также в некоторые уезды Акмолинской области, — см. протокол частного совещания 7 авг. 1916 г.; и в Букеевскую орду — см. телеграмму губ. Соколовского от 25 июля 1916 г.

все выше рассмотренные материалы, в южную и в отличие от них дает почти полную картину восстания с его начала до 1 ноября 1916 года. Конечно, не приходится забывать, что здесь перед нами официальное, казенное освещение событий, но, сопоставляя его с имеющимся в нашем распоряжении показанием Г. И. Бройдо, данным им прокурору ташкентской судебной палаты 3 сентября 1916 года, мы можем корректировать одни сведения другими и, таким образом восстановив первоначальную обстановку событий и общий их ход, без особой опаски воспользоваться остальными данными донесения для дорисовки неизвестных еще моментов восстания. Весьма ценным представляется этот документ и с той стороны, что на основании его можно точно установить и район распространения восстания и места наиболее ожесточенной борьбы.

Интересно его указание и на то, что администрация Семиречья, в сущности, предвидела возможность волнений инородцев при призыве их на тыловые работы, «просила (для этого) военной помощи из Ташкента еще в июле, а имеющиеся незначительные военные силы распределила планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков».

Массовое широкое восстание, с собственными вождями и лозунгами, и большая часть либеральной интеллигенции, не сумевшей связаться с его основными требованиями и отстаивавшей перед ним только необходимость подчинения приказаниям правительства, — вот те два полюса национально-революционного движения 1916 г., которые еще раз выявляют перед нами печатаемые ниже документы.

А. Чулошников.

[1 [1]).]

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 20 июля 1916 г.

Среди киргизов явилось несколько тревожное настроение по поводу предстоящего призыва в отряды рабочих на фронт. По произведенному расследованию, виновником смуты является киргиз Кулманов [2]), окончивший университет, быв. член 2-й Госуд. Думы. Кулманов при посещении мною орды 8 июля, когда я объявил высочайшее повеление о призыве киргизов в отряды рабочих, явно обнаружил стремление выговорить совершенно не вызывающиеся потребностью льготы для киргизов, получив с моей стороны отказ и внушение. Ныне, по сведениям моим, Кулманов, собрав с киргизов большие деньги, отправился в Петроград с целью ходатайствовать об освобождении киргизов от призыва. Постановив сего числа о выселении Кулманова из пределов киргизской степи на время нахождения губернии на положении чрезвычайной охраны, сообщаю о сем вашему превосходительству, присовокупляя, что, по сведениям, Кулманов возлагает надежду на успех своих ходатайств также и на мусульманскую фракцию Госуд. Думы. 644.

Губернатор *Соколовский.*

2.

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 25 июля 1916 г.

В дополнение телеграммы от 20 июля, 644, уведомляю, что для исходатайствования отмены реквизиции киргизов из степи выехала в Петроград депутация в составе Гайдула Мукашева, киргиза Торгунской части, уволенного от должности правителя части, Джумгали Карагаева, киргиза Таловской части, также уволенного от должности правителя части; также уволенного части *), Батырханра Ниязова, киргиза Таловской части, помощника присяжного поверенного округа саратовской судебной палаты, лишенного права практики, и Мендыханова, уволенного от должности помощника правителя части и ныне служащего во временном совете.

Кроме того, имеются сведения, что киргизами первого и второго округов Киргизской степи с аналогичным ходатайством послана и вторая депутация, состав которой пока не выяснен.

Для подавления агитации в степи в распоряжение ордынской администрации мною отправлено три взвода казачьего полка. 687.

Губернатор *Соколовский*.

3.

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 26 июня 1916 г.

Согласно телеграммы мин. вн. д. от 28 июня, нум. 18991, коей было приказано в кратчайший срок произвести призыв инородцев для формирования рабочих партий на фронт, я привлек к делу все имевшиеся в моем распоряжении силы и средства и приступил с 10 июля к призыву, но должен был отменить свое распоряжение, так как, по телеграмме мин. вн. д. от 13 июля, нум. 20816, оказалось, что военное ведомство решительно затрудняется осуществить перевозку принятых инородцев.

Войдя в сношение с штабом казанского военного округа, согласно телеграммы мин. вн. д. от 8 июля, нум. 20062, я 23 сего июля получил заявление астраханского уезд. воинского начальника, что с пятого августа он может принимать ежедневно по 1000 инородцев.

Тут же мною был объявлен призыв соответствующих инородцев, и к набору таковых уже было приступлено, но сегодня я получил от того же уездного воинского начальника заявление о приостановлении приема инородцев впредь до получения им плана перевозки от военного ведомства, почему сегодня я вторично вынужден был приостановить набор инородцев.

Таким образом за короткое время я принужден дважды объявлять призыв и дважды его отменять. Продолжать призыв и накоплять на

*) Так в оригинале.

своих приемных пунктах инородцев свыше того, на что эти пункты рассчитаны, я не могу, отменять же призыв считаю крайне нежелательным по следующим причинам: первое — взятый из дома инородец, коему до пункта нужно пройти иногда до 300 верст и затем с пути вернуться, несет совершенно напрасные экономические потрясения; второе — при существующем недовольстве инородцев вообще призывом такие отмены могут вселить предположение о колебании власти и быть использованы личными агитаторами, упомянутыми в телеграммах моих от 20 и 25 июля, нумерами 634 и 687, для еще большего смущения инородцев.

Посему прошу зависящего распоряжения, чтобы военные власти округа давали окончательные и точные заявления о дне и числе инородцев, в кои они на каждый из четырех для Астраханской губ. пунктов воинских начальников могут принять инородцев, и чтобы эти заявления не подвергались изменениям.

Подобные заявления военные власти должны давать не менее как за десять дней до приема ими инородцев, так как ранее этого срока призвать инородцев и выполнить все санитарные требования Ольдена [3]), включая пятидневный карантин, невозможно.

Главноначальствующий *Соколовский*.

4.

Протокол.

Протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 года в помещении тургайского областного правления с разрешения тургайского губернатора [4]).

Совещание было открыто речью господина губернатора, который присутствующим разъяснил смысл высочайшего повеления 25 июня 1916 года и просил содействия их спокойному осуществлению призыва киргиз на работы. Предложив затем собранию избрать председателя, господин губернатор оставил зало.

После ухода господина губернатора, под председательством выбранного присутствующими А. Н. Букейханова [5]) при секретарях О. Алмасове и М. Я. Дулатове, совещание приступило к обсуждению вопроса о призыве киргиз на тыловые работы.

Высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано. Это поразило население, как гром из ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами — грубости и злоупотреблени[ях] в действиях властей, кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений.

Киргизский народ воинской повинности не отбывал никогда. Молодежь его массами, да еще в принудительном порядке, не призывалась никогда. Единовременная и спешная мобилизация 25 возрастов (19—43) поразила население. Мобилизация частичная даже у народов, привычных к воинской повинности, часто проходит с большими трениями. В той обстановке, в которой происходит приведение в исполнение высочайшего повеления 25/VI и при новизне дела мобилизации 25 возрастов киргизского народа, нет ничего удивительного в том, что до сих пор случилось. При наличности: 1) надлежащей подготовки населения, 2) частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного времени по мере надобности, 3) при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства, и 4) при участии уполномоченных от населения — мобилизация рабочих от киргизского населения прошла бы гладко и мирно.

Если мы не видим худшего — открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием. В Актюбинском уезде, в 3-м участке, местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы этого участка разбросаны на пространстве в 400 — 200 верст в длину и ширину.

В Кустанайском уезде местная власть назначила прием в Аракарагайской волости через 9 дней, в Соройской волости через 15 дней.

В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200—300—400 верст.

Всем известно, что в посемейных списках записанные возрасты киргиз не соответствуют действительности. Возраст киргиз в списки заносится аульными произвольно. Никто правильностью этой записи до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильными: богатые киргизы, подготовляя требуемый при выборах на общественные должности возрастный ценз, умышленно записывали лета своих сыновей старшими. Поэтому в степи нередкость 20-летний бий [6]) или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35—25 лет.

До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить заведомо неправильные списки или составить новый верный список.

Между тем местная власть спешно потребовала старые неправильные списки, объявив их правильными, и пожелала мобилизовать по ним единовременно 18% всего мужского населения. Просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью, никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая от волостных управителей списки. Это было в областях Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19—31, другие стали торговать спис-

ками, предлагали за деньги изменить возрасты призываемых. Одни откупались, другие, непризываемые, попадали в списки призываемых. Волостные управители Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саим Кыдыров и Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмед Сарыбалин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили по начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям киргизских властей, нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков. В Чингирлауской волости и по аулам расквартированы 75 казаков, содержание коих обходится киргизам в сутки 25 баранов и 25 пудов овса. В Кустанайском уезде в пределах Аракарагайской волости расквартировано 125 казаков и в пределах Кинаральской и Миндыгаринской — 125 казаков.

Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района. Киргизы, до того мирно ожидавшие приема призываемых рабочих, заволновались: местами, оставив все свое имущество, взяв на семью две решетки и кусок кошмы, откочевали на юг. Молодежь оставила аулы, выехала в степь, и неизвестно, куда она направилась. Повсюду киргизы оставили поспевающий хлеб; скошенное сено остается в копнах, гниет и развевается ветром по степи. Хозяйству нанесен непоправимый ущер, ибо со времени объявления о призыве никто хозяйственными делами не занимается. В Уржарской волости Лепсинского уезда Семиреченской области киргизы, уходя неизвестно куда, потравили скотом весь свой хлеб и покосы.

Отряды казаков вызваны также в некоторые уезды Акмолинской области. Везде результаты одни и те же: обострение волнения народа, которого, быть может, ожидает еще большее несчастье и горе.

Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайною спешностью приведения в исполнение высочайшего повеления.

Необходимо немедленное принятие мер успокоения населения отозванием из степи казачьих отрядов, созывом на местах съездов уполномоченных от населения. Местные власти, особенно волостные управители, сами создали своими спешными действиями, грубостью и злоупотреблениями народное волнение, возмутили самый мирный, покорный высочайшему повелению, народ, которого объявили непокорным властям и закону. Все это неверно — киргизы исполнят повеление.

Необходимо принять в соображение целость хозяйства, поставляющего на нужды войны и населения в тылу скот, мясо и хлеб.

В северных уездах степных областей, где киргизы живут вперемежку с переселенцами, киргизское хозяйство напоминает крестьянское и требует рабочих сил, сколько потребно для крестьянского хозяйства.

Киргизы в этом районе часто хлеб сеют исполу с крестьянами. Отсутствие работника киргиза одинаково поражает хозяйство крестьянина, который, может быть, находится на войне. В уездах Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Акмолинском, Павлодарском, Семипалатинском, Барнаульском, Усть-Каменогорском, Зайсанском после ухода крестьян на войну киргизы составляют единственную рабочую силу для уборки сена и хлеба. В Омском, Павлодарском, Семипалатинском уездах киргизы, арендующие землю в пределах 10-врстной полосы по р. Иртышу, уборкой сена занимаются до первого снега. Здесь же киргизы, по условию с Сибирским казачьим войском, до 1 октября не могут подходить к своим зимовкам и ремонтировать ежегодно размываемые весною свои постройки. В северных уездах киргизской степи на каждое хозяйство приходится 10 десятин посева и 2.000 пудов потребляемого сена. Объявление мобилизации рабочих застало киргиз в самый разгар сенокоса и накануне уборки хлебов. Вот уже месяц как вся степь волнуется, бросила свое хозяйство, сено не успели скосить, а хлеб не убирается. Все это нужно приводить в порядок, нужно наверстать потерянное время. Теперь это потребует временно лишних работников в хозяйстве.

Хозяйство южных киргизов зимою занимает все мужское население, кочующее всю зиму со скотом. Например, иргизские и атбасарские киргизы со скотом уходят в Сыр-дарьинскую область, гурьевские и иргизские киргизы — в Закаспийскую область. Ныне киргизы разбежались по всей степи, собрать их в более или менее короткое время нет никакой физической возможности.

Природные условия — теплые дни, наличность подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей — много способствует образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов и исчезновением всех этих благоприятных условий шайка распадется, и киргизы вернутся в аулы.

1. В виду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 года, а для южных уездов до 15 марта 1917 года.

2. Призвать в первую очередь одну треть 19—31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желанию, производится или по месту жительства, или приписки.

4. Оставить в семье одного работника призывного возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет).

5. Принятых, по возможности, оставлять на работах по обороне государства на местах.

6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом.

7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле.

8. Оставить мугаллима учителя на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, при чем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет шаадат-нам (свидетельство) от медрессе.

9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медрессах в городах.

10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, — нужно их возвратить: избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода.

11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации.

12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости.

13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть переводчик, и на 10 артелей один мулла.

14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция.

16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости.

17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы рабочие пользовались бы отпуском.

18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством.

Председатель *А. Букейханов.*
Секретарь *М. Дулатов.*
О. Алмасов.

5.

Памятная записка о киргизах.

В объявленном военным министром высочайшем повелении от 25 июня 1916 года сказано:

1. Для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ привлечь в реквизиционном порядке в течение настоящей войны мужское инородческое население империи, в возрасте от 19 до 43 лет включительно, в том числе киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей.

2. Определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам, согласно предыдущему (1) пункту, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного совета о реквизиции, предоставить соглашению министров внутренних дел и военного.

О таковом высочайшем повелении министр внутренних дел дал знать губернаторам степных областей по телеграфу 27 того же июня, предложив им исполнить оное в наикратчайший срок, призывая на работу в первую очередь киргизов в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. Губернаторы степных областей предписали г. г. крестьянским начальникам немедленно объявить киргизам означенное повеление и приступить к составлению списков киргизам призывного возраста первой очереди при участии волостных управителей [7]), аульных старшин [7]) и аксакалов (стариков) [8]), определяя возрасты призываемых на основании посемейных списков, что не замедлили выполнить крестьянские начальники.

Закон этот сразу встретил несочувствие со стороны киргизского населения. Киргизы не были подготовлены к восприятию такого закона. Он застал их врасплох и неожиданно свалился на них, как бы с неба. Законом этим не соблюдался никакой порядок постепенности в призыве по возрастам и сразу привлекалось им огромное количество мужского населения в возрастах от 19 лет до 31 года, что не практиковалось доныне в империи и в отношении воинской повинности, протекающей обыкновенно с соблюдением постепенности по возрастам даже в таком населении, которое привыкло к отбыванию оной и среди которого развито чувство гражданственности. Неимение у киргизов метрических книг о рождении и отсутствие упорядоченных посемейных списков для точного определения возрастов и продолжающееся поныне отсутствие тех подробных правил приема, установление которых высочайшее повеление возложило на военного министра и министра внутренних дел (2 пункт), не могли не усилить неудовольствия киргизов против этого закона, так как эти обстоятельства сразу подали повод к разным злоупотреблениям со стороны туземных властей на почве корыстного определения возрастов призываемых на работы. На этой почве происходило то, что, кому было 17 лет от роду, тому местные власти давали 23 года, кому же было 38 лет, тому давали 28 лет, и стал практиковаться торг на повышение и понижение возрастов за определенную мзду.

Полуграмотные переводчики крестьянских начальников, никогда не слыхавшие таких выражений, как «реквизиция», «оборонительные сооружения на театре военных действий», «военные сообщения» и т. д., переводили их на киргизский язык неправильно и туманно, и, по их толкованию, выходило, что киргизы берутся в «солдаты», и прямо на позиции, без обучения их военному искусству, и это так усилило недоверие киргизов к закону, что уже трудно было кому бы то ни было

убедить киргизов в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны.

Нельзя скрыть и того, что среди киргизов стал распространяться слух, якобы означенный закон исходит не от верховной власти, а выдуман местными властями, что подкреплялось слухами же о том, что он не обсуждался в законодательных учреждениях, не был издан в порядке 87 ст. основных законов [9]) и не был распубликован правительствующим сенатом. Наконец, в виду того, что источник благосостояния киргизов составляет скотоводство, требующее бдительного ухода за собой со стороны хозяина, а хлепопашество служит лишь подспорьем к этому хозяйству, означенный закон, отвлекающий всех хозяев от скотоводческого хозяйства и влекущий за собой расстройство его, не мог вызвать к себе сочувствия со стороны киргизов.

Совокупность всех этих и иных отрицательных явлений, сопровождавших жизнь номадов при исполнении высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, создала то повышенное настроение толпы киргизов, называемое брожением, которое выразилось в разных эксцессах, проявлявшихся однообразно повсюду и везде в степных областях.

Все рабочие из киргизов, служившие по вольному найму у самих киргизов, у разных русских и нерусских купцов, у переселенцев, у казаков, казачьих войск и т. д., после объявления высочайшего повеления вдруг бросили работы и разошлись по своим аулам, особенно к своим родовичам, передавая пакику и настроение последним. То, что киргизы бежали к своим родовичам, показало, что родовое начало у киргизов еще сильно и они рассчитывали на защиту родовичей против постигшего их несчастия. То же самое сделали и киргизы-хозяева, работавшие на себя и не нанимавшиеся ни к кому другому. Создалась паника, путаница. Каждый киргиз призывного возраста, хотя бы он был бедный, распродав то имущество, какое у него есть, или приобрел для себя лучшего коня, или такового попросту реквизировал у соседа. Такие молодые люди, объединившись в толпу всадников — где в 50, где в 100, где в тысячу человек и т. д., вооруженную палками с косой или зубцами от грабель на их концах и в редких случаях охотничьими ружьями, разъезжали по аулам и присоединяли к толпе своих сверстников: одних добровольно, других насильно, путем угроз, чтобы сбросить с себя тягость царского повеления. Благодаря этому сено осталось нескошенным, а скошенное неубранным, хлеб остался несжатым совершенно. Можно сказать, что все степь заволновалась. Состояние киргизской молодежи призывного возраста до начала сего сентября напоминало то состояние рогатого скота, в котором он бывает в мае месяце, когда находит на него овод и он, мучимый нестерпимой болью, подняв хвосты, скачет в разные стороны, не различая ни глубоких ям, ни глубоких оврагов, в которые он может упасть. Оно напоминало положение такого коня, которому в бедро неожиданно запущено шило и он, выскакивая, делает разные гневные выкрутасы, чтобы сбросить с себя предмет, причинивший ему такой неожиданный укол.

2. Определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам, согласно предыдущему (1) пункту, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного совета о реквизиции, предоставить соглашению министров внутренних дел и военного.

О таковом высочайшем повелении министр внутренних дел дал знать губернаторам степных областей по телеграфу 27 того же июня, предложив им исполнить оное в наикратчайший срок, призывая на работу в первую очередь киргизов в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. Губернаторы степных областей предписали г. г. крестьянским начальникам немедленно объявить киргизам означенное повеление и приступить к составлению списков киргизам призывного возраста первой очереди при участии волостных управителей [7]), аульных старшин [7]) и аксакалов (стариков) [8]), определяя возрасты призываемых на основании посемейных списков, что не замедлили выполнить крестьянские начальники.

Закон этот сразу встретил несочувствие со стороны киргизского населения. Киргизы не были подготовлены к восприятию такого закона. Он застал их врасплох и неожиданно свалился на них, как бы с неба. Законом этим не соблюдался никакой порядок постепенности в призыве по возрастам и сразу привлекалось им огромное количество мужского населения в возрастах от 19 лет до 31 года, что не практиковалось доныне в империи и в отношении воинской повинности, протекающей обыкновенно с соблюдением постепенности по возрастам даже в таком населении, которое привыкло к отбыванию оной и среди которого развито чувство гражданственности. Неимение у киргизов метрических книг о рождении и отсутствие упорядоченных посемейных списков для точного определения возрастов и продолжающееся поныне отсутствие тех подробных правил приема, установление которых высочайшее повеление возложило на военного министра и министра внутренних дел (2 пункт), не могли не усилить неудовольствия киргизов против этого закона, так как эти обстоятельства сразу подали повод к разным злоупотреблениям со стороны туземных властей на почве корыстного определения возрастов призываемых на работы. На этой почве происходило то, что, кому было 17 лет от роду, тому местные власти давали 23 года, кому же было 38 лет, тому давали 28 лет, и стал практиковаться торг на повышение и понижение возрастов за определенную мзду.

Полуграмотные переводчики крестьянских начальников, никогда не слыхавшие таких выражений, как «реквизиция», «оборонительные сооружения на театре военных действий», «военные сообщения» и т. д., переводили их на киргизский язык неправильно и туманно, и, по их толкованию, выходило, что киргизы берутся в «солдаты», и прямо на позиции, без обучения их военному искусству, и это так усилило недоверие киргизов к закону, что уже трудно было кому бы то ни было

убедить киргизов в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны.

Нельзя скрыть и того, что среди киргизов стал распространяться слух, якобы означенный закон исходит не от верховной власти, а выдуман местными властями, что подкреплялось слухами же о том, что он не обсуждался в законодательных учреждениях, не был издан в порядке 87 ст. основных законов [9]) и не был распубликован правительствующим сенатом. Наконец, в виду того, что источник благосостояния киргизов составляет скотоводство, требующее бдительного ухода за собой со стороны хозяина, а хлепопашество служит лишь подспорьем к этому хозяйству, означенный закон, отвлекающий всех хозяев от скотоводческого хозяйства и влекущий за собой расстройство его, не мог вызвать к себе сочувствия со стороны киргизов.

Совокупность всех этих и иных отрицательных явлений, сопровождавших жизнь номадов при исполнении высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, создала то повышенное настроение толпы киргизов, называемое брожением, которое выразилось в разных эксцессах, проявлявшихся однообразно повсюду и везде в степных областях.

Все рабочие из киргизов, служившие по вольному найму у самих киргизов, у разных русских и нерусских купцов, у переселенцев, у казаков, казачьих войск и т. д., после объявления высочайшего повеления вдруг бросили работы и разошлись по своим аулам, особенно к своим родовичам, передавая панику и настроение последним. То, что киргизы бежали к своим родовичам, показало, что родовое начало у киргизов еще сильно и они рассчитывали на защиту родовичей против постигшего их несчастия. То же самое сделали и киргизы-хозяева, работавшие на себя и не нанимавшиеся ни к кому другому. Создалась паника, путаница. Каждый киргиз призывного возраста, хотя бы он был бедный, распродав то имущество, какое у него есть, или приобрел для себя лучшего коня, или такового попросту реквизировал у соседа. Такие молодые люди, объединившись в толпу всадников — где в 50, где в 100, где в тысячу человек и т. д., вооруженную палками с косой или зубцами от грабель на их концах и в редких случаях охотничьими ружьями, разъезжали по аулам и присоединяли к толпе своих сверстников: одних добровольно, других насильно, путем угроз, чтобы сбросить с себя тягость царского повеления. Благодаря этому сено осталось нескошенным, а скошенное неубранным, хлеб остался несжатым совершенно. Можно сказать, что все степь заволновалась. Состояние киргизской молодежи призывного возраста до начала сего сентября напоминало то состояние рогатого скота, в котором он бывает в мае месяце, когда находит на него овод и он, мучимый нестерпимой болью, подняв хвосты, скачет в разные стороны, не различая ни глубоких ям, ни глубоких оврагов, в которые он может упасть. Оно напоминало положение такого коня, которому в бедро неожиданно запущено шило и он, выскакивая, делает разные гневные выкрутасы, чтобы сбросить с себя предмет, причинивший ему такой неожиданный укол.

Эксцессы толпы были направлены главным образом против своих волостных управителей, аульных старшин, их писарей, аксакалов (стариков), которые призваны составить списки лиц призывного возраста, и особенно против тех неофициальных записей, которые велись так беспорядочно туземными должностными лицами и назывались посемейными списками. Эти эксцессы иногда сопровождались такими актами со стороны толпы, как убийство управителя Чингырлауской волости Уральского уезда Ахмеда Сарыбалина и волостного ее писаря Галия Тяукина, повлекшее за собой взятие под стражу в уральскую областную тюрьму 13 человек киргизов Чингырлауской волости *), убийство управителя Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саима Кыдырова, повлекшее за собой взятие под стражу 21 киргиза Карабалыкской волости в кустанайскую тюрьму **), — убийство волостных писарей Алимбетовской и Тереклинской волостей Актюбинского уезда, повлекшее за собой взятие под стражу 3 киргизов Тереклинской волости в актюбинскую тюрьму по обвинению всех арестованных киргизов в сопротивлениях властям, предусмотренных 263, 264 и 268 ст. улож. о нак.

В иных случаях эксцессы сопровождались отнятием посемейных списков у управителей и аульных старшин и уничтожением сих списков. Так, например, толпа отняла посемейные списки у управителя и волостного писаря Чиликской волости Уральского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 19 киргизов Чиликской волости в уральскую областную тюрьму ***),— у двух аульных старшин Суналинской волости Лбищенского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу в ту же тюрьму 7 киргизов Суналинской волости, — управителя Алимбетовской волости Актюбинского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 15 киргизов Алимбетовской волости, и 2 киргизов Тереклинской волости в Актюбинскую тюрьму, — у управителя Петропавловской волости и уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 6 киргизов Петропавловской волости в петропавловскую тюрьму, — по обвинению всех означенных киргизов в сопротивлении властям, предусмотренном 263—и 264 ст. улож. о нак.

Были и такие случаи эксцессов, когда уездные начальники выезжали с казачьим отрядом на помощь управителям, аульным старшинам и аксакалам, которым мешала толпа составлять списки лиц призывного возраста или которых не пускала толпа молодежи призывного возраста в камеры крестьянских начальников для той же цели. Так, например, казачий отряд, сопровождавший лбищенского уездного начальника, подполковника фон-Галлера, произвел выстрел залпом в толпу киргизских всадников Каракульской волости, находившуюся

*) Из них 4 человека повешено по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

**) Из них повешено тоже 4 человека. (Прим. подлинника).

***) Из них повешено 4 человека по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

на расстоянии более 2 верст от него и отказавшуюся разойтись по требованию г. фон-Галлера, переданному им, как говорят, толпе через какого-то киргиза, при чем оказались на месте убитые (киргизы), и толпа разбежалась, а списки живо были составлены туземными властями наобум, произвольно. Другой же уездный начальник, именно Темирского уезда, Петров, выехавший с казачьим отрядом сначала в Джетикульскую и, затем, в Казбецкую волости, сумел обойтись счастливо без кровопролития, повлияв на толпу обеих волостей путем наставления и увещания допустить управителей, аульных старшин и аксакалов (стариков) выполнить их обязанности по составлению списков, что толпой было и исполнено. Крестьянский же начальник 2-го участка Лбищенского уезда г. Лебедев сам составил списки лиц призывного возраста по Улентинской, Булдуртинской, Сабынульской и Калдыгайтинской волостям Лбищенского уезда на основании сомнительных посемейных списков, без участия управителей, аульных старшин и аксакалов, так как они не являлись в его камеру из боязни насилия со стороны молодежи призывного возраста.

В Кызылджарской волости Лбищенского уезда, против Калмыковской станицы, крестьянский начальник 3-го участка Лбищенского уезда г. Логашкин нанес побои какому-то киргизу, находившемуся в толпе, за то, что этот киргиз указал на неприемлемость составления списков лиц призывного возраста на основании посемейных списков, так как возрасты определены в этих списках неправильно, а раздраженная этим поступком Логашкина толпа набросилась на него, нанося ему удары нагайками, но Логашкину спас жизнь один здоровенный аульный старшина, который, обхватив Логашкина и покрыв его своим корпусом, упал на него, крича: «убейте меня, а не крестьянского начальника». Неизвестно, в связи ли с этим случаем, или нет, арестован почетный и уважаемый киргиз Кызылджарской волости Хажгалий Маулимбериев по обвинению его по 129 ст. уголовн. улож. и содержится в лбищенской тюрьме, хотя всем киргизам известно, что он убеждал и склонял киргизов своей волости к спокойному составлению списков.

Возбужденным состоянием киргизов объясняется следующий случай. Киргизы напали на лавку какого-то татарина, находящуюся в Преображенском переселенческом поселке Темирского уезда, и ограбили товар. Для производства дознания выехал пристав 2-го стана Темирского уезда Музаффар Тяукин, в сопровождении казачьего отряда, состоящего из 8 казаков. Кочующие киргизы Бистюбинской и Акжаловской волостей Гурьевского уезда, летовавшие в районе Койндинской волости Темирского уезда, не хотели допустить производства обыска для отобрания ограбленного товара и не только оказали вооруженное сопротивление приставу с казачьим отрядом, но даже напали на них. Поэтому казачий отряд произвел в них выстрел залпом из винтовок, последствием чего оказались убитыми 6 киргизов, три их лошади, а у четвертой лошади раздроблена была одна нога,

при чем одному казаку попало дроби в щеку, другому казаку в спину, так что из этого видно, что киргизы оказались вооруженными охотничьими ружьями. Раны у казаков признаны легкими. Киргизы разбежались, унося с собой раненых. Пристав же Тяукин (киргиз по происхождению), отражая нападение, выстрелом из револьвера убил наповал одного киргиза. Нападение киргизов сопровождалось их криком: «Майлыбай», «Майлыбай», что означает то, что нападавшие— принадлежат Кетинскому роду (род Кете) и что родовичи приглашаются на помощь.

Многие управители, аульные старшины и аксакалы, спасаясь от насилия молодежи призывного возраста, нашли убежища в таких городах, как Уральск, Илек и иные оседлые русские центры, так что списки лиц призывного возраста были везде составлены в чрезвычайной обстановке при повышенном настроении как населения, так и местных властей, и ручаться за их добросовестность не приходится. Этим, вероятно, объясняется то, что акмолинский губернатор арестовал 6 человек киргизов за то только, что они обратились к нему с ходатайством разрешить собрание киргизов 12 волостей Петропавловского уезда для обсуждения вопроса о льготах, и выпустил их из-под ареста чрез 8 дней.

Вот приблизительно то, что происходило в степных областях в период составления списков киргизам призывного возраста, т.-е. до начала сентября 1916 года. Однако заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарами. Если бы оно было вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов хотя бы путем подкупа или иным способом вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев, что выразилось в разгроме ими богатого и благоустроенного хутора, принадлежащего мещанке г. Риги Елизавете Федоровне Мейер и находившегося на станции Чулак-Анката, в районе Урюктукульской волости Лбищенского уезда. Этот хутор, оцененный в 13 тысяч рублей, был разгромлен до-тла только потому, что он — немецкий, о чем производится предварительное следствие мировым судьей 1-го участка Лбищенского уезда. К счастию киргизов, кроме хутора Мейер, никаких иных немецких элементов в степи не оказалось, иначе киргизы не избегли бы кары закона за свои эксцессы против немцев. Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было, о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы представляется такой неизвинительной и непростительной ошибкой, которая может отразиться несправедливо

и незаслуженно на судьбе несчастных номадов, а потому требует осторожного к себе отношения.

Затем, есть люди, которые без всякого основания подозревают киргизов в сепаратизме или в стремлении к отложению от России. Такие люди, обнаруживая полное незнакомство с текущей жизнью киргизов и клевеща на них понапрасну, обнажают скудость своих познаний и по истории взаимоотношений киргизов и России. Киргизы, или так называемые киргиз-кайсаки, приняли российское подданство в XVIII столетии добровольно, без пролития крови, сами по своему почину, и обязались защищать пределы Российской империи от нападения внешнего врага (жалованная грамота императрицы Анны Ивановны на имя хана киргиз-кайсацкой орды Абулхаира в 1731 г.). В том же XVIII столетии башкирский бунт был усмирен киргизами на основании этого обязательства. В преследовании французского завоевателя Наполеона I, после оставления им Москвы, участвовали добровольцы-киргизы, во главе с киргизом коллежским ассесором Байжазыком Кушукбаевым, вплоть до самого Парижа, побывав по дороге и в Берлине. Завоевание Туркестанского края Черняевым [10]), Хивы и Бухары Кауфманом 1-м [11]) и туркменов Закаспийской области Скобелевым [12]) сопровождалось деятельным личным и материальным участием киргиз-кайсаков. Генералы Черняев и Скобелев составляют не только русских, но и киргизских народных героев, сложить головы за которых киргизские джигиты и батыри (богатыри) считали за честь.

После всего этого вдруг в 1916 году, почему-то, — что, действительно, кажется странным, — наблюдается такой регресс в настроении тех же киргизов, доискаться до причин которого и устранить их — составляет дело мужей государственного ума. Нельзя сомневаться в том, что эти мужи убежденно отвергнут признак киргизского сепаратизма.

Ныне с 15 сентября наступил второй период набора киргизов на работы по составленным уже спискам, и нельзя не сознаться, что он протекает под сильным административным давлением, сопровождаясь в большей или меньшей степени новыми трениями. Вполне естественно предположение, что значительная часть киргизов призывного возраста не явится по призыву на назначенные пункты и, так сказать, разбежится, а начальству предстоит обязанность ловить их, гоняться за ними в степях, производить розыски чрез тех же пресловутых управителей, аульных старшин и аксакалов и прибегать к карательным мерам, наполняя тюрьмы лицами призывного возраста, не говоря уже о том, что могут быть случаи новых эксцессов, против которых представится необходимость посылки карательных отрядов. Если в связи со всем этим принять во внимание, что в степных областях ожидается голод, обусловленный неурожаем хлеба и кормовых трав для скота и тем, что по случаю настоящего призыва киргизы не косили сена и не жали хлебов, какие имелись у них в той или иной мере, то станет понятно, как печально то положение, которое предстоит испытать киргизам степных областей.

Поэтому, в видах предотвращения таких нежелательных явлений в степных областях, которых нельзя не считать маленькой междоусобицей внутри страны, и в целях водворения и поддержания спокойствия в тылу во время такой страшной мировой войны с жестоким врагом, долг гражданина требует заявить, что было бы не умалением авторитета власти в глазах киргизского населения степных областей, а, напротив, всемерным усилением оного, если бы в возможной скорости была исправлена ошибка власти, сопровождавшая издание и осуществление высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, с немедленным разрешением отсрочки призыва киргизов на работы, по крайней мере, до мая 1917 года, тем более потому, что требования 2-го пункта высочайшего повеления доныне не выполнены самим министром внутренних дел и военным министром и на указанное исправление ошибки требуется время.

Такая отсрочка безусловно обрадовала бы киргизов-мусульман, проникнутых религиозным фанатизмом, если бы она была разрешена по случаю наступающего в субботу 24 сего сентября мусульманского праздника «Курбан-байрам», который в нынешнем году считается мусульманами всего мира «особенно великим», так как канун его — пятница, что бывает редко, а потому и праздник называется «Хаджи-акбяр».

Тем более, казалось бы, надо поспешить отсрочкой, что в некоторых областях, например в Тургайской, издан такой циркуляр, по которому за неявку молодежи призывного возраста ответствуют и подлежат наказанию аксакалы (старики), хотя никакой аксакальской должности по закону не существует и наказание их противоречит закону.

6.

Донесение военного губернатора Семиреченской области ген. Фольбаума туркестанскому генерал-губернатору [13]).

О беспорядках, происшедших в Семиреченской области в связи с набором рабочих.

Где и в чем выразились беспорядки.

Недовольство киргиз, как основное настроение массы, приведшее к открытому бунту, замечалось давно.

После объявления высочайшего указа о наряде рабочих в начале июля с большой настойчивостью стал распространяться агитаторами среди киргизской массы слух о введении воинской повинности, что и послужило ближайшим поводом сначала к пассивному сопротивлению распоряжениям властей, а затем и к открытому неповиновению и беспорядкам во многих волостях, под давлением призываемых, на которых не действовал благоразумный голос старейшин. Смута и паника охватили целые волости: приграничные волости Лепсинского и Джаркентского уездов в половине июля стали уходить

в Китай, другие — в степи Балхаша или же в горы, бросая свои поля и зимовки. Рабочие киргизы убегали от русских, воруя лошадей и скот. Первым значительным столкновением нужно считать нападение киргиз Эмельской и Барлынской волостей 24 июля — 1 августа на Тахтинский таможенный пост и с. Пограничное в Алакульской долине, вызванное желанием киргиз прорваться в Китай. Первым же мятежным выступлением было открытое нападение, с оружием в руках, 3 августа призывных Кызылбурговской волости Верненского уезда, на уроч. Ассы, во время составления призывных списков, на почетных лиц волости и на помощника уездного начальника г. Хлыновского и его конвой, из которого был один убит и три ранено. Уже 4 августа на Ассы выступила казачья сотня, и в ближайшие затем дни Кызылбурговская волость была примерно наказана.

6 августа мятежники нескольких волостей Кастекской группы оказали вооруженное сопротивление отарскому участковому приставу около станции Самсу и напали на его конвой, а 7 августа — на небольшой охранный отряд дружины прапорщика Вяткина в с. Пригорном, близ Кастекского перевала. С этого момента мятежные шайки киргиз быстро распространились в 6 ближайших волостях до Курдая, в районе станции Самсу-Отар и русских селений Сергиевского-Кастек, где 7—8 августа киргизами было убито 16 человек и уведено в плен до 35 человек, которые были ограблены, многие изранены и затем освобождены. Остальные две волости Верненского уезда, хотя и не примкнули открыто к мятежникам, но брожение и агитация значительных конспиративных групп у них наблюдалась: напр., в Джаильмышевской волости на уроч. Уш-Кунур банда бунтовщиков до 500 человек была рассеяна казачьим отрядом 13 августа под командой и. д. верненского уездного начальника подполковника Базилевского.

Через Кастекский перевал движение быстро передалось и каракиргизам Атекинской и Сарыбагишевской волостей Пишпекского уезда, где 8 августа было вооруженное нападение на почту близ ст. Джил-Арык, а затем 9—12 августа на станицу Самсоновскую и селения, расположенные по р. Чу около Токмака: Быстрорецкое, Орловское, Ново-Российское и др.; 13 августа самый Токмак был осажден громадным скопищем, до 5 т. человек, киргиз соседних волостей: Шамсинской, Байсеитовской и др. Для усмирения мятежа был отправлен отряд подъесаула Бакуревича, который, пройдя русские поселки Кастекской группы, перешел в Чуйскую долину для защиты Токмака с ближайшими селениями. Главари Сарыбагишей для обеспечения успеха своего выступления разослали послания и гонцов во все каракиргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых. Уже 9 августа мятежные выступления начались в Пржевальском уезде, где одновременно было сделано нападение на сел. Григорьевку (у оз. Иссык-Куля) и на с. Столыпино и Белоцарское, по долинам р. Кечкорки и Джум-

гола. Мужское население Белоцарского почти все было перебито, а женщины уведены в плен. Столыпинцы же ушли с подоспевшим из Нарына военным конвоем к Токмаку (Карабулак). Около селения Беловодского 10 августа также возникли беспорядки в соседних волостях, но быстро были подавлены.

День 10 августа можно считать вообще началом мятежа, вспыхнувшего в Пржевальском уезде и Нарынкольско-Чарынском участке Джаркентского уезда, где он охватил все побережье Иссык-Куля, долины Каркару и реки Текеса.

Для русского населения и администрации особенно мятеж кара-киргиз Пржевальского уезда был неожиданным и коварно-предательски подготовлялся влиятельными главарями, которые накануне самого мятежа высказывали заверения в полной преданности правительству; поэтому кара-киргизам удалось причинить весьма значительные бедствия и иметь временный успех в этом отдаленном и оторванном уголке области. Банды бунтовщиков, вооруженные пиками, палками и отчасти ружьями, прежде всего набросились на хутора, заимки, станции и мелкие изолированные поселки, расположенные по берегу озера Иссык-Куля и по почтовому тракту от Пржевальска до Охотничьего.

Набеги повсюду сопровождались грабежами, пожарами, зверскими убийствами и уводом в плен женщин и девушек. Нападение было произведено сразу на все беззащитные поселки северного и южного берега озера. Население, невооруженное и неподготовленное, бросило дома и имущество и бежало; на дороге киргизы грабили и избивали, а поселки поджигали. Таким образом пострадали: 11 поселков и 16 хуторов по южному берегу, 8 поселков по северному берегу и 9 поселков с 11 хуторами по тракту на Каркару. Русское население, спасаясь от грабительских шаек, сконцентрировалось в более значительных селах, где администрация уже успела наладить самооборону путем организации местных дружин, снабжения их оружием и устройством защитных сооружений. Таким центром сосредоточения беженцев для Пржевальского уезда были: г. Пржевальск, сел. Теплоключевское и Преображенское. Во время бегства крестьян из селений южного берега Иваницкого, Торханы и друг. к г. Пржевальску к восставшим киргизам присоединились дунгане Мариинской волости, вероломно избивавшие беженцев, перехватывая их на пути в город. Это вызвало сильное озлобление русского населения, окончившееся избиением дунган и разгромом их села.

Все селения Нарынкольско-Чарынского участка выведены подоспевшими военными отрядами 12—14 августа к г. Пржевальску, но поселки разграблены и сожжены киргизами: Таврическое, Новокиевское, Ново-Афонское, Владиславское, Красноярское, Мещанское и казачий выселок Охотничий.

Необходимо отметить, что администрация, предвидя возможность недоразумений и волнений на почве призыва рабочих, просила военной помощи из Ташкента еще в июне, а имеющиеся незначительные всен-

ные силы распределила планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков; поэтому на Каркаре к началу мятежа была рота дружины, под командой нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра Кравченко, и скоро прибыла сотня казаков из Джаркента; этот отряд затем энергично стал восстановлять порядок в районе Иссык-Куля и Текеса.

К Нарыну прибыли войска из Андижана, а в Пишпек и Токмак — 20—21 августа из Ташкента, после чего началось усмирение мятежников военной силой и постепенное возвращение населения на свои места.

Убытки, причиненные мятежом, так огромны, что трудно поддаются учету. Особенно пострадал Пржевальский уезд и южная часть Джаркентского. По приблизительному подсчету сожжено и разрушено дворов около 2.600, пострадавших семей до 8.000.

Заявлено частных убытков до 10 миллионов. Но это не исчерпывает всего материального вреда, так как много погибло разного казенного имущества: церкви, школы, станции, мосты, сооружения и проч. Иссык-Кульская котловина не только имела запасы хлеба, но и предстояло собрать богатый урожай, большею частью погибший; оставшееся население разорено.

На восстановление хозяйства потребуется весьма значительная сумма. Казна и земская касса также понесли большие убытки недобором поступлений, которых и в ближайшем будущем нельзя ожидать из Пржевальского уезда.

Бунтующие волости Пишпекского уезда и южного берега Иссык-Куля Пржевальского уезда в половине октября, под давлением военных отрядов, бежали через перевалы в Кашгар, а кара-киргизы северного берега Иссык-Куля и киргизы рода Атбан Нарынкольско-Чарынского участка направились по Текесу в Кульджинский район.

Перечисленными районами ограничились главнейшие киргизские беспорядки в области: остальное население во всех уездах осталось совершенно лойяльным и выполняло беспрекословно все требования администрации: давало лошадей и юрты для нужд армии и проч. Необходимо еще упомянуть, что часть населения бунтующих волостей, терроризируемая вожаками, бежала в Прибалхашские степи, где на границе области начались грабежи аулиеатинских киргиз, но посланный отряд Полторацкого быстро усмирил грабителей.

Копальский уезд остался наружно спокойным, хотя и имелись сведения, что киргизы решили оказать сопротивление набору рабочих, и только в Лепсинском уезде, на уроч. Маканчи, 10—13 сентября, около Саратовских хуторов, возникло волнение среди призываемых киргиз, которое подавлено было силой с приходом военных отрядов из Лепсинска и Копала, действовавших под руководством помощника лепсинского уездного начальника Маслова. Убитых и раненых нет, а ограбленный у крестьян в начале беспорядков скот был затем возвращен.

О числе убитых и раненых при беспорядках.

Жертвой мятежа явилось по преимуществу русское население Пржевальского уезда, в других же уездах пострадавших сравнительно мало; убитых должностных лиц туземной администрации не было. К 1 ноября выяснились следующие жертвы по области: воинских чинов убито: 3 офицера и 52 нижних чинов; раненых 41, пропавших без вести 75, всего выбыло 171 человек. Кроме того, убито 2 чина администрации, 12 чинов разных ведомств и 2.025 человек русского населения; без вести пропало 1.088 человек. Розыск производится. Всего по области убито 2.094 челов., ранено 41 ниж. чин., и пропало без вести 1.163.

Число раненых среди населения не приводилось в известность, так как помощь оказывали в большинстве случаев фельдшера весьма спешно, поэтому они не могли вести регистрацию.

Подробные сведения о пострадавших по уездам приводятся в прилагаемой ведомости.

О причинах, вызвавших движение.

Главнейшими причинами недовольства киргиз, приведшими к открытому возмущению, надо считать: 1) изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин, иногда с значительными смещениями хозяйств, и — как следствие отсюда — земельное стеснение киргиз и сокращение перекочевок, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей, куда киргизы стали допускаться только на особые площади по билетам; форсированное водворение и устройство до 40 тысяч самовольцев крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпека и Пржевальска в первые годы деятельности семиреченской партии, повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств киргиз в этих уездах и вызвало неприязненное отношение к крестьянам. 2) Пропаганда, проникавшая из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и в Пржевальск. Найдены указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии «Геляо», имевших связь с немецкими агентами. 3) В области оставалось очень мало войск для охраны огромной территории. Кроме того, русское население области было значительно ослаблено мобилизацией всего наиболее деятельного и молодого мужского элемента: домохозяевами в большинстве случаев остались женщины и старики. Имевшиеся запасы оружия и патронов также вывезены из области. 4) Непосредственная же причина недовольства — призыв рабочих; киргизы поняли это как набор в солдаты для участия в войне. Разъяснениям не верили. Всякие материальные жертвы для войны киргизы несли безропотно, но растерялись от неожиданного призыва, и многие бежали в Китай. При составлении списков и приговоров некоторые влиятельные лица и манапы [14]) допускали злоупотребления, подкупы, вымогательства и проч., что, ко-

нечно, также отражалось на настроении массы. При малочисленности администрации искоренить это зло невозможно.

О настроении туземных масс во время беспорядков.

Воспользовавшись смутным тревожным настроением киргизской массы, некоторые влиятельные киргизы, решив, под влиянием пропаганды, что Россия ослаблена войной, что в Семиречье нет охраны и что наступил удобный момент уничтожить русскую власть для создания киргизского ханства, выступили руководителями восстания. К счастью, не все население бунтующих волостей было враждебно настроено: среди них не было согласия: обычные партийные споры продолжались. Активный элемент часто силою принуждал колеблющихся примыкать к восстанию. Необходимо отметить, что степные киргизы обходились мягче со своими жертвами, тогда как кара-киргизы и особенно дунгане проявили к беззащитным русским поразительную жестокость, подвергая мучениям, прежде чем убить, выкалывали глаза, отрезали уши, груди и проч., детей разрывали на части. Но когда они встречали силу и видели опасность, то убегали, бросая имущество.

Брожение и выжидательное положение и в мирных волостях все время продолжалось до прихода войск, когда туземцы начали успокаиваться, возобновились полевые работы, торговые и хозяйственные сношения киргиз с русскими.

О мерах, последовательно и разновременно принятых к подавлению беспорядков и к успокоению населения.

Было уже указано, что еще с июля месяца имеющиеся войска были распределены по намеченному плану на случай беспорядков. При получении сведений о нападениях шаек были немедленно приняты следующие меры: призвано на службу ополчение Семиреченского казачьего войска, запряжены были два старых орудия, случайно сохранившихся в артиллерийском складе, использованы все нестроевые команды. Войска были пополнены добровольцами из горожан и отпускных нижних чинов, для вооружения которых были использованы все войсковые запасы оружия и патронов, а также реквизированы охотничьи ружья в магазинах.

Вообще, основною задачею при подавлении киргизских беспорядков была поставлена охрана жизни и имущества русского населения области. В этих видах все способное носить оружие русское население было организовано в городах порядком, как это было уже выше указано, а в деревнях крестьяне, вооруженные имевшимся огнестрельным и холодным оружием, считая в том числе и топоры, были сведены в десятки, сотни и дружины, начальствующие лица в которых были выбраны самим населением. Часть дружин была посажена на лошадей.

Во всех городах и селениях была организована ближняя и дальняя охрана как днем, так и ночью, дабы не допустить возможности внезапных нападений. Города и села, насколько возможно, были укреплены.

Пришедшие в область войска направлялись для подавления беспорядков по заранее выработанному плану.

Среди туземного населения были распространены особые воззвания, приглашающие мирных киргиз возвратиться на свои стойбища, а бунтовщиков призывали к покорности с требованием выдать главарей и зачинщиков беспорядков.

О настроении туземных масс в настоящее время.

К началу сентября во всех уездах области, за исключением Пржевальского и южных частей Джаркентского и Пишпекского, наступило заметное успокоение: началась уборка полей, а в частности Копальский уезд начал мобилизационную поставку лошадей для армии, которая протекала успешно.

Пржевальские и загорные пишпекские кара-киргизы, а также киргизы рода «Атбан» Джаркентского уезда, не покорялись, при чем кара-киргизы продолжали оказывать упорное сопротивление посланным против них, как со стороны Пишпека, так и со стороны Андижана и Нарына, войсковым отрядам. Атбаны и 8 волостей Пржевальского уезда, из района северного берега озера Иссык-Куля и окрестностей города Пржевальска, под натиском войск отошли и сгруппировали мятежные скопища в долинах Каркары и Текеса, вплоть до китайской границы, очевидно, намереваясь, в случае окончательной неудачи, уйти в Китай, куда они ушли в октябре; мятежные же банды районов Сонкуля и Сыртов, получив тогда же сильные удары от войск на Джумголе, Кочкорке и Улахоле, устремились в Китай, куда заблаговременно были ими отправлены семьи и скот. Негостеприимно встреченные в китайских пределах, кара-киргизы скоро прислали своих представителей в Нарын с изъявлением покорности и с просьбой разрешить вернуться в наши пределы. Такое разрешение было дано с непременным условием вернуть всех пленных, выдать оружие и главарей и поставить для нужд армии по 200 хороших лошадей от волости.

Из остатков мятежных волостей, вернувшихся из Китая, а также остатков волостей, удерживавшихся на своих кочевьях в Нарынском районе, к 1 ноября было образовано 17 волостей, общих числом до 17 тысяч кибиток.

По донесениям уездных начальников, настроение смирившихся волостей в высшей степени угнетенное, так как они, сознавая свою виновность, боятся мести русского населения и, кроме того, лишившись стад и имущества во время бегства в Китай, они разорились и во всем терпят большую нужду. Потребованные поставки рабочих, затем лошадей и юрт исполняются ими исправно.

Мирное же киргизское население, успевшее во-время убрать свой хлеб и сено, держит себя вполне лойяльно и оказывает значительную помощь при обнаружении руководителей бывшего мятежа.

В настоящее время можно считать, что начинают восстанавливаться торговые и хозяйственные сношения русского и киргизского населения во всех уездах, кроме Пржевальского, где хотя и появля-

ются на указанные места значительные группы киргиз, но взаимного доверия у населения нет. Взаимное озлобление, подозрительность и недоверие еще долго будут служить серьезным препятствием к установлению мирных добрососедских отношений, что, несомненно, весьма серьезно отражается на торговле, хозяйстве и на общем экономическом укладе жестоко пострадавшего района.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Первые три документа взяты из архива м-ва вн. д. (б. III отдел. юрид. секции) — 8-го делопроизводства земского отдела м. в. д. 1916 г. № 129.

[2]) Кулманов, Бахти Гирей Ахметович, р. 1858 г., чл. Госуд. Думы I и II созыва от киргиз внутренней орды, примыкал в Думе к мусульманской фракции.

[3]) Ольден — сокращ. телеграфное наименование управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского.

[4]) Протокол частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. и памятная записка о киргизах от половины сент. 1916 г. — печатаются с копий, полученных от казак-киргизских деятелей на месте.

[5]) Букейханов-Алихан, член I Госуд. Думы от Семипалат. обл., сотрудник газеты «Казак» с 1912 г., комиссар Временного Правительства в Тургайской обл. — в 1917 г., председатель временного киргизского правительства «Алаш орды» в 1917—1918 г.г.

[6]) Бий — у казак-киргиз народный судья и вообще влиятельный человек.

[7]) Волостные управители и аульные старшины — выборные туземные власти по степному положению 25 марта 1891 г.

[8]) Аксакалы — в старину почетные старики, пользовавшиеся влиянием и уважением среди казак-киргизов по своему возрасту.

[9]) 87-я статья основных законов гласила: «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней государю императору непосредственно».

[10]) Черняев Михаил Григорьевич (1828 — 98 г.г.), ген., участник крым. и кавказ. войн; в 1865 г. взял г. Ташкент; в 1882—1884 г.г.— туркестанский ген.-губ.

[11]) Кауфман 1-й Константин Петрович, ген. (1818—1882 г.г.), участник войны 1853—1856 г.г., завоеватель Туркестана и первый туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.).

[12]) Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882 г.г.), боевой генерал, участник хивинской и кокандской экспедиций (1873—1876 г.г.), турецкой войны 1877 — 1878 г.г., завоеватель Туркмении (1881 г.).

[13]) Донесение семиреченского военного губернатора ген. Фольбаума о «беспорядках» в области, представленное им туркестанскому ген.-губ. г.-ад. А. Н. Куропаткину в конце 1916 г. и сохранившееся в архивохранилище на пл. Декабристов (б. I отд. эконом. секции) в копии с копии; взято из разрозненных, несшитых бумаг переселенческого управления за 1916 г.

[14]) Манапы — это остатки института родового руководства, выродившиеся в ростовщиков и эксплоататоров трудящихся кара-киргиз.

К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Государственной Думы.

Третье-июньскому перевороту предшествовал акт, действие которого было рассчитано не только на психику широких кругов буржуазии и дворянства, но в известной степени и на «общественное мнение» соответствующих сфер Европы. Необходимо было показать, что существование Государственной Думы, такой, какой она была по закону 11 декабря 1905 г., угрожает всему социально-политическому укладу страны. Орудием этой показательной инсценировки правительство избрало социал-демократическую думскую фракцию, средства же им были выбраны привычные: провокация при помощи секретной агентуры. Как известно, в заседании Г. Д. 1 июня 1907 г., по докладу следователя по важнейшим делам Зайцева, правительство потребовало выдачи пятидесяти пяти социал-демократических депутатов. Этому требованию предшествовала некоторая подготовка: 5 мая в помещении с.-д. фракции был сделан обыск вскоре после того, как помещение фракции посетила депутация военной организации петербургского комитета, которая в тот же день была ликвидирована; 8 мая во фракции был сделан вторичный обыск. Результаты как ликвидации военной организации, так и обысков дали тот материал, который лег в основание сообщения Зайцева и требований правительства. Заседание Государственной Думы было закрытым, закрытыми были и двери особого присутствия сената, где судили депутатов, закрытыми также были и третьедумские заседания по обсуждению внесенного о деле запроса.

В сборнике: «Тернии без роз», вышедшем в Женеве в 1908 году, депутат Думы Герус сообщил лицевую сторону этого дела: именно он участвовал как член думской с.-д. фракции в заседании военной организации при петербургском комитете. Гораздо позже другой из участников, В. С. Войтинский, принимавший некоторое участие в деятельности военной организации и явившийся автором солдатского «Наказа» [1]), сообщил о том, как А. Сапотницкому, главе военной организации, пришла мысль связаться с Госуд. Думой через Геруса, дал описание собрания 29 апреля, где участвовал Герус, а затем, уже с чужих слов, изложил последующие события [2]).

---

[1]) В печатаемом ниже отношении нач-ка сиб. охр. отд. (см. № 4) автором наказа назван Иосиф Войтинский. Последний был арестован вследствие отсутствия в ордере имени подлежавшего аресту брата его Владимира. В дальнейшем следствии фигурировал Иосиф Войтинский, фактически непричастный к делу с.-д. фракции.

[2]) В. Войтинский. «Годы побед и поражений». Берлин, 1924, стр. 199 и сл. (подробнее в статье в «Летописи революции». Берлин, т. I). — О военной организации при петерб. ком. см. ст. М. Ахуна и В. Петрова в «Красной Летописи», 1926, № 3.

Роль, которая в происшедшем принадлежала петербургскому охранному отделению, а тем более — правительственным верхам и самому премьер-министру П. А. Столыпину, который был осведомляем о всех этапах подготовки налета на фракцию, в течение нескольких лет оставалась скрытой от каких бы то ни было глаз. Лишь в 1911 г. в «Будущем» (№ 4), издававшемся В. Л. Бурцевым, появилось письмо Болеслава Бродского, агента петербургского охранного отделения, в котором он приписывал себе как агенту и петербургскому охранному отделению как своему начальству провокационную роль в деле установления связи думской с.-д. фракции с военной организацией петербургского комитета. Письмо Бродского послужило поводом к запросу, внесенному 15 ноября 1911 года в III Государственную Думу от имени с.-д. и других думских фракций, вплоть до кадетов. В тот момент казалось, что разоблачения Бродского раскрывают режиссерские приемы охранного отделения. Однако в 1913 году газетные информаторы дали новые и неожиданные факты политическому миру. С теми же по существу данными, с присвоением себе той же роли в деле устройства связи военной организации и думской фракции, выступила Е. Н. Шорникова, которая, как и Бродский, требовала над собою суда. И опять — новый запрос в Госуд. Думе. Как это ни покажется странным, из этих двух претендентов на провокационную роль молва и традиция сохранили это звание не за тем, которому оно по праву принадлежало. И Войтинский в своей вышедшей в 1924 году книге и один из близких друзей покойного А. Сапотницкого, Хейфец, говорят об одном лишь Бродском.

Документы, публикуемые ниже, помогут в известной степени разобраться в обстоятельствах всего дела: первая их группа относится ко времени, предшествовавшему роспуску Думы. Мы даем текст «Наказа» если не ошибаемся, не появлявшегося до сего времени в печати, а затем документы, относящиеся к первому обыску в помещении фракции и к возбуждению судебного преследования против фракции.

Вторая группа документов связана с упомянутым выше заявлением Бродского. Заявление это было звеном в довольно длительной цепи колебаний судеб Бродского. Его агентурная работа сперва в Варшаве, а затем в Петербурге нашла свое продолжение в Казани, где в 1908 г. он был ранен и вынужден прекратить свою розыскную карьеру. В начале 1909 г. Бродский уже в Харбине, а осенью опять в Петербурге, где «в воздаяние прежних заслуг» ему было выдано в качестве пособия 300 рублей. В июне 1910 года Бродский, переселившийся в Льеж, по словам В. Л. Бурцева (в письме Герману Лопатину), «исповедывался ему». Однако с октября 1910 года начинаются упорные попытки Бродского возобновить отношения с департаментом полиции. Он обращается туда с прошением, в котором пишет, что с июня (ср. указание Бурцева) к нему пристают революционеры, требуя публичной исповеди, что к нему являлись Бурцев и Бакай, но что он категорически отказался от разоблачений и согласился лишь дать объяснения с целью опровергнуть ложные обвинения его в провокации. Бродский просил в этом письме защиты против газетной травли. С начала 1911 г. Бродский несколько раз обращается в заграничную агентуру департамента полиции с просьбами о личном свидании с заведующим для борьбы с Бурцевым, с заявлениями, что он стремится «доказать свою преданность», и т. п. И эти письма были оставлены без ответа. Наконец, столь же безрезультатно обращался Бродский к подполковнику Еленскому, который им руководил в петербургской работе 1907 г. Тогда-то и появи-

лось столь нашумевшее заявление Бродского в «Будущем» (№ 4), которого оригинал, адресованный министру юстиции, находится в настоящее время в деле департамента полиции. Мы не перепечатываем этого, известного уже в печати, заявления, но даем три документа, которые непосредственно связаны с этим заявлением: справку департамента полиции и затребованные департаментом объяснения ген. Герасимова и подп. Еленского. Все эти три документа в своей совокупности бросают некоторый свет на утверждения Бродского: не отрицая участия в деле фракции своего «сотрудника», Еленский тем не менее определенно отклоняет версию Бродского. И эта оценка роли Бродского, думается, лишь гармонирует с авантюристскими опытами последнего, первым из которых были его заявления своему бывшему начальству, а последним — сознательно и хлестаковски преувеличивающим свою роль — было обращение — не столько к министру юстиции, сколько к падкому на разоблачения Бурцеву.

Роль Е. Н. Шорниковой, о которой, как мы говорили выше, первые документальные сведения появились уже в 1913 г. в настоящее время освещена рядом показаний самих деятелей полицейского и судебного мира, напечатанных недавно в «Падении старого режима» т. III (Ленинград, 1925). Здесь же и процитирован, в связи с показаниями Виссарионова, ряд документов, относящихся к Шорниковой и взятых из того же дела департамента полиции, из которого нами дается самый существенный и до сих пор неопубликованный документ — рассказ самой Е. Н. Шорниковой о ее работе.

Последний из печатаемых нами документов — заключительный в официальном дореволюционном течении дела социал-демократической фракции — сводная записка, составленная в департаменте полиции в связи с запросом, внесенным в IV Государственную Думу после появления в печати сведений о роли Е. Н. Шорниковой; задачею этой записки было — дать материал для ответа по запросу в Государственной Думе, и этим объясняются те цели, к которым сведено построение этой записки.

№№ 1, 2 и 4 печатаются по копиям, №№ 3, 5—8— по подлинникам. №№ 1, 3 и 4 взяты из дела департамента полиции, 7 делопр., 1907 г., № 3239 — «По наблюдению за предварительным следствием о преступном сообществе, образовавшемся среди членов Государственной Думы второго созыва»; №№ 2, 5, 6 и 7 — из дела д. п., о.о., 1909 г., № 339, «По запросу Государственной Думы о ликвидации социал-демократической фракции II созыва»; №№ 8 и 9 — из дела о. о., 1907 г., № 562, «О мещанке Екатерине Николаевне Шорниковой».

С. Валк.

1.

Наказ воинских частей петербургского гарнизона в социал-демократическую фракцию Государственной Думы.

В социал-демократическую рабочую фракцию Государственной Думы.

От военных частей петербургского гарнизона.

Мы, представители петербургского гарнизона, обращаемся к вам, к членам Государственной Думы, к рабочей социал-демократической фракции, в уверенности, что заявление наше будет услышано.

Мы — представители тех войсковых частей, которые стоят в Петербурге и на которых первых будет опираться правительство при столкновении с Государственной Думой. Эти части двинет вперед правительство, чтобы раздавить рабочее восстание, если рабочие по вашему призыву подымутся на защиту рабочих представителей. Эти части должны перейти на сторону народа, чтобы здесь, в Петербурге, где стоят друг против друга Государственная Дума и царский дворец, чтобы здесь победило народное дело. И когда столкнутся народные представители с царским правительством, на нас, представителях этих частей, будет лежать трудная задача — сказать всем солдатам, что́ нужно им делать. И мы сделаем это, хотя бы нам пришлось первым пасть в этом деле и не видать его торжества. Но, чтобы наше дело было посильно нам, вы, представители рабочих в Думе, которые все время держали свой путь прямее всех других партий, должны теперь прислушаться к нашему заявлению.

Масса солдат не думает о Государственной Думе, так как в Думе ничего не говорят о солдатских нуждах. То, что изредка говорится в Думе о борьбе войск против внутреннего врага, понятно передовым солдатам, а не темной массе. То, что говорится о рабочих и крестьянских нуждах, тоже не всем понятно, так как начальство приучило солдат забывать, что они — крестьяне и рабочие, и помнить только то, что они — солдаты. Ближе всего им их собственные солдатские нужды, их собственные солдатские лишения. Об этих нуждах и лишениях должны вы сказать в Думе свое слово, чтобы вся масса солдат к вам прислушивалась. Заговорите же в Думе о том, как запирает начальство солдат в каменные клетки-казармы, как мучает их непосильной и ненужной работой, как терзает их бессмысленными учениями, как не дает им ни минуты свободного времени, как шпионит за ними и старается непроходимой стеной отгородить их от общей жизни. Заговорите в Думе о том, как невежественные и трусливые подлецы-офицеры издеваются над солдатами, заставляют их служить, убирать за ними, вытягиваться поминутно пред ними во фронт. Заговорите же о сроке службы и о всех экономических лишениях солдата.

Составьте законопроект, чтобы солдат и на службе сохранил все свои права, чтобы казарма была лишь местом обучения военному искусству, а не темницей, чтобы за все преступления солдат лишь отвечал перед общим судом, а офицерам подчинялся лишь во время ученья.

Не на словах, а на деле покажите солдатам, что вы заботитесь о них. Спросите самих солдат, в чем их нужда. Обратитесь ко всем военным частям с призывом доставлять вам материалы для вашего законопроекта. Призовите к себе во фракцию представителей солдат, чтобы поближе узнать солдатские нужды.

Сделайте это теперь же немедля, так как время уходит, пусть солдаты слышат не только призывы к бунту против начальства, но и участливое слово и заботы о них со стороны народных представителей.

От этого вашего шага, товарищи-депутаты, зависит все ваше дальнейшее дело, от этого зависит, быть может, за кем пойдет армия, за кем останется поле борьбы — за народными представителями или же за старой властью.

Если Дума не захочет пойти за вами, настаивайте со всей силой, со всей энергией. Если на солдатском вопросе правительство разгонит Думу, не бойтесь, армия будет за вами.

Пока вы не обратитесь к солдатам с участливым словом об их солдатских нуждах, до тех пор темная масса солдат будет недоверчиво слушать ваши призывы и убеждения — стоять за народное дело. И потому наш наказ вам: с думской трибуны подымите немедля солдатский вопрос, призвав к обсуждению его все войсковые части.

Это наш наказ, и вы должны внять нам, представителям петербургского гарнизона, [которым] суждено первыми пролить свою кровь за народное дело, когда вы призовете солдат на поддержку Государственной Думы, и от этого, примете ли вы наш наказ, зависит, пойдет ли солдатская масса за нами, или против нас.

С подлинным верно: [подпись неразборчива]

2.

Рапорт чиновника для поручений при петербургском охранном отделении начальнику отделения о произведенном 5 мая обыске в помещении с.-д. фракции.

Его высокоблагородию господину начальнику с.-петербургского охранного отделения.

Младшего чиновника для поручений при с.-петербургском охранном отделении губернского секретаря Ксензенко.

Рапорт.

5-го сего мая мне вашим помощником подполковником Комиссаровым поручено, совместно с чиновником для поручений при отделении Губским и приставом 2 участка Литейной части, арестовать собрание в доме № 90—92 по Невскому проспекту, которое должно было собраться около 7 часов вечера в квартире № 4; при этом подполковником Комиссаровым мне и Губскому дана была следующая инструкция: «войти в квартиру не ранее 7 часов вечера, а по заходе в нее и обнаружении собрания немедленно произвести личный обыск у всех застигнутых лиц, а затем немедленно приступить к обыску всей квартиры. Если же среди застигнутых на собрании лиц окажутся члены Государственной Думы, то, не подвергая их личному обыску, немедленно дать знать судебным властям, а обыск — как личный присутствующих частных лиц, так и всей квартиры — продолжать своим порядком».

Около 9 час. вечера я с приставом, чиновником для поручений Губским и нарядом полиции прибыли в указанную квартиру, где застали около 75 человек мужчин и женщин. По заходе в квартиру полицией были заняты все комнаты, и немедленно было приступлено к личному обыску всех застигнутых лиц. При начале личного обыска некоторые заявили, что они — члены Государственной Думы, в удостоверение чего предъявили членские билеты; после этого пристав немедленно попросил всех членов Государственной Думы, имеющих членские билеты, отделиться от частных лиц и выйти в отдельную комнату, не подвергая их личному обыску, а тем, которые до заявления подверглись личному обыску, отобранные вещи были немедленно возвращены без рассмотрения. Личный же обыск частных лиц продолжался, не прекращаясь. Одновременно с обнаружением на собрании членов Государственной Думы приставом по телефону было дано знать судебным властям, которые явились спустя 2 часа времени. По окончании личного обыска у частных лиц немедленно было приступлено к производству обыска во всей квартире. Но в самом начале обыска хозяин квартиры Озоль, оказавшийся членом Государственной Думы, и другие члены Думы заявили протест против обыска квартиры, считая ее также неприкосновенною, как и личность ее хозяина Озоля. Но когда пристав, не соглашаясь с мнением членов Думы, продолжал производить обыск и на одном из столов было обнаружено несколько листов исписанной бумаги и разные записки, которые пристав завернул в газетную бумагу и передал в руки одному из понятых на хранение, то в это время один из членов Думы, фамилии которого не помню, выхватил из рук понятого отданный приставом сверток и заявил, что эта квартира думской социал-демократической фракции и что члены Думы обыска в ней ни в каком случае не допустят, разве только полиция употребит физическое насилие.

Пристав, не смотря на мое требование отобрать сверток и продолжать обыск, не решился отобрать таковой и обыск квартиры прекратил до прибытия судебных властей.

Около 11 часов вечера прибыли в обыскиваемую квартиру товарищ прокурора окружного суда и судебный следователь, а вскоре прибыл и прокурор судебной палаты, но и по прибытии их обыск квартиры допущен не был.

О вышеизложенном имею честь доложить вашему высокоблагородию.

Губернский секретарь *Ксензенко*.

С подлинным верно: Подполковник [подпись].

6 мая 1907 года.

3.

Отношение начальника петербургского охранного отделения мин-ру вн. дел об обстоятельствах обыска в помещении с.-д. фракции.

Его высокопревосходительству господину министру внутренних дел.

29 апреля сего года в $2^1/_2$ часа дня во втором общежитии Политехнического института состоялось гарнизонное собрание военной организации петербургского комитета РС-ДРП, на котором присутствовало десять нижних чинов от различных частей войск спб. гарнизона в штатском платье, а именно: два матроса Гвардейского экипажа, 1 писарь главного штаба, 2 писаря местной команды, 1 писарь одного из местных полков, 1 нижний чин телеграфной роты и 3 нижних чина, — каких частей, не установлено, — ответственный организатор, 5 районных организаторов и секретарь названной организации.

Кроме упомянутых лиц, были приглашены, для обсуждения проекта наказа от частей войск спб. гарнизона, автор этого наказа литератор Войтинский и член Гос. Думы Герус.

На этом собрании внесли следующий порядок дня: 1) отчет о работе спб. гарнизона; 2) обсуждение переработанного устава; 3) финансы; 4) об отношении к Государственной Думе; 5) выбор секретаря; 6) распределение работы по случаю выступления войск в Красное Село и 7) проект наказа в парламентскую фракцию с.-д. Госуд. Думы от частей войск спб. гарнизона, у сего представляемый [1]).

В виду того, что собрание было поспешно закрыто через $1^1/_2$ часа, вследствие заявления одного из присутствовавших о приближении полиции, собрание успело рассмотреть только два нижеследующих вопроса: 1) выбор секретаря и 2) обсуждение предполагаемого проекта наказа, который решено было внести в ближайшее заседание парламентской фракции с.-д. для совместного обсуждения внесения его в виде законопроекта в Госуд. Думу.

5 сего мая, в $7^1/_2$ час. вечера, в помещении фракции с.-д. (Невский пр., 92, кв. 4), занимаемой членом Г[осуд.] Д[умы] Озоль, должно состояться заседание членов фракции с.-д. Госуд. Думы, членов ЦК РС-ДРП, оставшихся от съезда, членов военной организации той же партии, куда по условию должна прибыть депутация от частей войск спб. гарнизона для вручения упомянутого наказа.

Вследствие изложенного, а также данных наружного наблюдения за домом № 92, по Невскому пр., был произведен обыск в помещении с.-д. фракции Госуд. Думы. По обыску обнаружено 14 членов Госуд. Думы и 47 посторонних лиц (из коих 6 человек не имеют определенного местожительства в столице), список коих при сем представляю.

---

[1]) Проект наказа см. выше, стр. 78 — 80.

Во время обыска в помещении фракции, в одной из комнат на полу были обнаружены следующие записки: 1) перевод с немецкого постановления социалистических партий, бывших на митинге [в] Цюрихе 28 апреля с. г., по поводу убийства инженера Иванова [1]) в Варшаве и о признании участника этого убийства товарища Килочицкого политическим преступником; к постановлению приложено 7 мастичных печатей разных партий; 2) письмо с химическим текстом, с датой «Вильна, 30 апреля с. г.»., в котором сообщается, что делегаты из Вильны не будут; 3) письмо из Архангельска с датой «25 апреля сего года» по поводу неудавшейся стачки, ареста товарищей и присылки писем от думской фракции; 4) письмо с химическим текстом за подписью «Глеб», в котором сообщается о провале адресов и явок кавказских организаций и о том, что Алмазно-Юрьевский район делегатов не посылает за неимением средств; 5) письмо из Поневежа за подписью «Алексей», в котором сообщается, что цирк[уляр] о безработных от с.-д. фракции в Думе пропал и просит выслать новый; 6) письмо с химическим текстом из Владивостока с датой «14 апреля с. г.» о том, что наказ ниж. чин. получен и переиздан в 3.500 экз. и сообщается о деятельности владивостокского комитета и его финансовом положении; 7) подлинная записка фин. ком. при воен. ком. за печатью «Военная Организация» и подписью «Секретаря» «Ф. К.» с датой «13 апреля 1907 года» о неимении средств на устройство концерта.

Кроме того, при личном осмотре у Виктора Константинова Сережникова, среди других записок, обнаружено следующее: 1) в пользу голодающих и безработных от Аль[берта] Д. Кораблева получено сто (100 рублей) за снятие бойкота с его лавки на Выборгской стороне, Безбородкинский проспект, д. № 7. Получил Геловани. 12 апреля 1907 года. Получено думской фракцией соц.-дем. фр.

2) № 50. 13 апреля. «Получено через с.-д. фракцию Госуд. Думы от Кораблева за снятие бойкота сто рублей. А. Ингульский. С приложенной печатью «Совета безработных».

Принятыми вслед за сим мерами установлено, что 5 сего мая, в 7 час. 40 минут вечера, в помещение с.-д. фракции Госуд. Думы явилась депутация от частей войск спб. гарнизона в составе: матроса Гвардейского экипажа Архипова, рядового Новочеркасского полка Эпштейна, рядового офицерской кавалерийской школы Долгова, рядового электротехнической школы Кудрева и одного неизвестного, рядового воздухоплавательного парка. — Требование об аресте их послано.

Означенную депутацию проводили в заднюю комнату, куда к ним вышел один из членов Госуд. Думы, которому матрос Архипов и вручил наказ. Через некоторое время в эту комнату вошло много народа из бывших ранее в этом помещении.

---

[1]) Директор Привислинской ж. д.

Разговаривавший с солдатами член Госуд. Думы, переговорив о чем-то с вошедшими в комнату, обратился к нижним чинам с заявлением, что наказ фракции будет принят к обсуждению, и просил их удалиться из помещения вследствие полицейских условий, при чем употребил дословное выражение: «здесь кругом много шпиков». Несмотря на протесты нижних чинов, их, минут за пять до прихода полиции, удалили через задний ход.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству, присовокупляю, что обыск произведен на основании 258 и 1035 ст. ст. уст. уг. суд., вследствие циркуляра департамента полиций от 18 ноября 1906 года за № 8107 и [по] инструкциям охран. отд., что же касается действия чинов вверенного мне отделения на обыске, то особый доклад у сего представляется [1]).

Полковник *Герасимов.*

16 мая 1907 г.

4.

Отношение начальника петербургского охранного отделения судебному следователю по важнейшим делам Н. В. Зайцеву за № 12042 с препровождением следственной переписки по делу военной организации при ПК РС-ДРП и с.-д. фракции Государственной Думы.

Судебному следователю по важнейшим делам Н. В. Зайцеву.

29 апреля с. г., в $2^1/_2$ часа дня, во втором этаже второго общежития Политехнического института состоялось преступное собрание так называемой военной организации петербургского комитета РС-ДРП, на котором присутствовало 14 нижних чинов от разных частей войск с.-петербургского гарнизона, а именно: 2 матроса (один с императорской яхты «Штандарт»), один нижний чин из электротехнической школы, 1 л.-гв. Семеновского полка, 2 местной команды, 2 писаря (один из главного штаба), один нижний чин телеграфной роты, 2—1-го железнодорожного батальона, казак Хоперского полка Долгов, состоящий в переменном составе кавалерийской школы, казак л.-гв. Атаманского полка Ковалев и нижний чин воздухоплавательного парка Бритовский. Кроме упомянутых лиц, присутствовали на обсуждении проекта наказа от частей войск с.-петербургского гарнизона: ответственный организатор военной организации при петербургском комитете РС-ДРП студент С.-Петербургского университета Альберт Борисов Сапотницкий (революционная кличка «Алибей»), он же организатор 1-го железнодорожного батальона, автор этого наказа, член литературной комиссии военной организации, студент С.-Петербургского университета Иосиф Савельев Войтинский, организаторша электротехнической школы и Гвардейского экипажа, дочь надворного советника Нина Ивановна Морозова (организационная кличка «Варя») и член Государственной Думы Герус.

---

[1]) См. № 2, стр. 80—81.

На этом собрании был представлен Войтинским упомянутый наказ, который, после всестороннего обсуждения присутствующими, было решено внести в ближайшее заседание думской фракции с.-д. для совместного обсуждения внесения его, в виде законопроекта, в Государственную Думу.

4 сего мая упомянутая Морозова пригласила каптенармуса катера его величества № 2 Алексея Архипова и мастерового старшего разряда электротехнической школы Ивана Андреева Кутырева на следующий день, 5 мая, к 6 часам вечера, в д. № 129, кв. 34, по набережной реки Фонтанки, к мещанину г. Новгорода Соломону Фишеру, где они застали ефрейтора 145 пехотного Новочеркасского полка Исаю Эпштейна, ефрейтора воздухоплавательного парка Константина Колясникова, состоящего в переменном составе кавалерийской школы казака Хоперского полка Долгова, беглого солдата л.-гв. Егерского полка Клементия Запорожченко, пропагандистку военной организации мещанку г. Казани Екатерину Шорникову и вышеупомянутого студента Сапотницкого.

После того как Шорникова дала всем присутствующим нижним чинам прочесть наказ, Сапотницкий (Алибей) подписал название тех частей войск, от коих там присутствовали нижние чины. Затем они группами, при чем некоторые нижние чины в штатском платье, отправились в д. № 92 по Невскому проспекту, в квартиру, занимаемую членом Государственной Думы Озолем, которая служит для собраний с.-д. фракции Государственной Думы, где от них принял наказ член Государственной Думы от Владимирской губернии фабричный рабочий Николай Андреев Жигилев или член Государственной Думы Мандельберг, а затем, в присутствии депутации и 12 человек членов Думы, прочел наказ вслух Озоль.

Вся упомянутая депутация, по настоянию членов Думы, ушла по черному ходу за несколько минут до прихода полиции, но принятыми отделением мерами были арестованы: студент С.-Петербургского университета Альберт Борисов Сапотницкий, каптенармус катера его величества № 2 Алексей Архипов, мастеровой старшего разряда электротехнической школы Иван Андреев Кутырев, ефрейторы: 145-го пехотного Новочеркасского полка Исай Эпштейн и воздухоплавательного парка Константин Колясников и состоящий в переменном составе кавалерийской школы казак Хоперского полка Долгов.

Кроме этих лиц, арестованы: дочь надворного советника Нина Иванова Морозова, мещанин г. Новгорода Соломон Фишер и казак л.-гв. Атаманского полка Ковалев.

Казанская мещанка Екатерина Николаева Шорникова и беглый солдат л.-гв. Егерского полка Клементий Запорожченко скрылись, и к розыску их приняты меры.

Сообщая об изложенном, отделение препровождает при сем на распоряжение вашего высокородия всю следственную по сему делу переписку с вещественными доказательствами, по особой прилагаемой

ведомости, присовокупляя, что указанные в ведомости лица с сим дальнейшим содержанием под стражей перечислены за вами.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Подполковник *Гаврилов.*

18 мая 1907 г.

5.

Справка, составленная департаментом полиции в связи с заявлением Б. Бродского на имя министра юстиции.

Утверждения Бродского в его прошении на имя министра юстиции.	Данные, добытые из дел департамента полиции о Бродском.
1. В 1904 году поступил в варшавское охранное отделение сотрудником.	1. По отзыву подполковника Карпова, сотрудничество Бродского действительно началось с 1904 г. в г. Варшаве.
2. Привлек к сотрудничеству Гандке.	2. Сведений нет.
3. При возвращении в Россию был арестован с революционными изданиями на границе.	3. В апреле 1906 года Бродский был привлечен при бендинском уездном жандармском управлении к формальному дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 2 ч. 132 ст. угол. улож.; основанием привлечения послужил факт задержания Бродского при возвращении из-за границы с транспортом преступных изданий; по этому делу Бродский содержался под стражей в петроковской тюрьме с 14 по 30 апреля 1906 года, а затем был отдан под особый надзор полиции в гор. Варшаве и, наконец, решением варшавской судебной палаты от 24 ноября 1906 года был приговорен по этому делу к заключению в крепость на две недели, с зачетом предварительного ареста.
4. Под угрозами начальника бендинского уездного жандарм-	4. Сведений нет.

ского управления согласился возобновить сотрудничество.

5. Полковник Шевяков, командируя его в Краков, дал ему 50 рублей, но отобрал расписку в получении 150 рублей.

5. Сведений нет.

6. Бродский разоблачил «железнодорожную организацию польской социалистической партии».

6. По отзыву подполковника Карпова, благодаря указаниям Бродского в Варшаве было обнаружено и арестовано бюро железнодорожной организации польской партии социалистической и типография вольского района партии и несколько членов боевой и военной организации партии.

7. По совету варшавского охранного отделения, предоставил свою квартиру для склада революционной литературы.

7. Сведений нет.

8. Полковник Шевяков и его заместитель Меньщиков понуждали Бродского, в целях большей осведомленности, участвовать в революционной организации активно.

8. Сведений нет.

9. Сдавая Бродского Меньщикову, Шевяков велел первому, работавшему, в действительности, безвозмездно, не опровергать фиктивной выдачи ему 100 рублевого месячного жалованья.

9. Сведений нет.

10. В 1906 году, по поручению с.-петербургского охранного отделения, вошел в состав боевой социал-демократической организации и устроил в своей квартире склад оружия и литературы.

11. По поручению генерала Герасимова Бродский стал секретарем временного бюро этой организации, посещал динамитную школу в Куоккала и революционные собрания.

10 и 11. По отзыву полковника Карпова, по указаниям Бродского были обнаружены и арестованы в С.-Петербурге: боевая организация при петербургском комитете российской социал-демократической рабочей партии, временное бюро военных и боевых организаций при упомянутой партии, некоторые склады литературы и многие члены местной организации той же партии.

12. По поручению генерала Герасимова искусственно создавал,

12. Сведений нет.

путем подброса документов, несуществовавшую в действительности связь думской социал-демократической фракции с военной и боевыми организациями.

13. Охранное отделение заранее подробно знало о предстоящем вручении фракции солдатами наказа, подлинник коего был у генерала Герасимова.

13. Сведений нет.

14. Уезжая к больной матери, Бродский сдал, по поручению отделения, бюро на хранение Колтышеву, который был затем объискан и привлечен по делу о боевой организации.

14. Сведений нет.

15. По этому же делу были преданы военному суду заведомо для отделения невинные: Дилевская, Костицын и Субботина.

15. Сведений нет.

16. Зная со слов Бродского настоящих членов бюро, проживающих за границей, и не будучи в состоянии их арестовать, отделение выхватило из общего числа привлеченных 5 человек и ложно обвинило их в принадлежности к бюро.

16. Сведений нет.

17. Бродский неоднократно, но безуспешно, добивался возвращения охранным отделением своих документов, из-за отсутствия коих в 1908 году он, при возвращении в Россию, был на границе арестован и обвинен в бродяжничестве.

17. По отзыву полковника Климовича, «отсутствие надлежащих личных документов, утерянных во время агентурных странствований, помешало Бродскому упрочиться на железнодорожной службе в Харбине, почему он и вернулся в С.-Петербург».

18. Затем при отъезде, по поручению полковника Климовича, в Харбин Бродский был снабжен секретарскою частью департамента полиции нелегальным паспортом, и ему было обещано дать 200—300 руб. и билет; однако дано только 100 рублей.

18. Сведений нет.

19. В виду склонности полковника Федоренко к преступной провокации, Бродский самовольно уехал из Харбина в С.-Петербург, за что полковник Климович грозил ему судебной карой.

20. Бродскому было выдано департаментом полиции пособие.

Ноябрь 1911 г.

19. По отзыву полковника Федоренко, Бродский действительно находился под чужим именем в Харбине в начале 1909 г. и, не дав почти никаких сведений, выехал обратно в Россию.

20. Бродскому было действительно, в воздаяние прежних заслуг, выдано департаментом полиции пособие в 300 рублей.

6.

Письмо генерала для поручений при мин. внутр. дел, б. начальника петербургского охранного отделения А. Герасимова директору департамента полиции Н. П. Зуеву об агентурной работе Б. Бродского.

Совершенно доверительно.

Его превосходительству
Н. П. Зуеву.

Милостивый государь
Нил Петрович!

На письмо от 12 сего ноября, за № 118526, имею честь уведомить ваше превосходительство, что упоминаемый в вашем письме дворянин Болеслав Болеславов Бродский действительно одно время был сотрудником с.-петербургского охранного отделения.

Изложенные сведения в его прошении далеко не соответствуют истине, а некоторые из них совершенно ложны. Я лично Бродского никогда не видел, и сношение с ним имел подполковник Еленский. Я помню, что Бродский был принят в отделение, когда его деятельность как сотрудника получила огласку и он, кажется, был уже объявлен провокатором.

Из этого следует, что он, благодаря провалу в Варшаве, не мог пользоваться тем доверием в революционной среде, каковое необходимо, чтобы оказывать содействие отделению в борьбе с революционными организациями. В деле раскрытия преступления думской социал-демократической фракции он не принимал никакого участия. Копию петиции, которую нижние чины петербургского гарнизона должны были вручить вышеупомянутой фракции, я получил от подполковника Еленского; но от кого именно он получил, я теперь не помню. Эта копия была получена после ареста членов Думы, и так как подлинная петиция во время ареста и обыска была уничтожена одним из обыскиваемых членов Думы, то являлось необходимым приложить копию петиции к производившемуся следствию. Тождество копии установлено следствием. Я удостоверяю, что сведение об этом преступлении

было получено от другого лица. Точно так же в раскрытии остальных указанных им политических преступлений Бродский не мог принимать участие по вышеуказанным причинам.

В бытность мою начальником с.-пет[ербургского] охранного отделения было ликвидировано громадное количество дел по всем революционным организациям, и припомнить сущность таковых я не могу в настоящее время без надлежащего материала. Подробные сведения о всех этих делах имеются в архиве отделения. Подполковник Еленский, как заведывавший в то время соц.-демократической агентурой и ныне служащий в отделении может дать точные сведения по всем делам, указанным Бродским.

Я помню, что летом 1909 года мой заместитель полковник Карпов говорил мне, что Бродский, проживая в Петербурге, голодал и просил оказать ему материальную помощь и что, по ходатайству Карпова, полковник Климович выдал Бродскому 200 рублей, с тем, чтобы он никогда не обращался за пособием и выбыл за границу. Предложение это Бродский исполнил.

Не подлежит сомнению, что Бродский, не получив никакой поддержки и будучи озлоблен, войдя в сношения с Бурцевым, инспирируется последним для агитационных целей.

Примите и т. д.

А. Герасимов.

29 ноября 1911 г.

7.

Записка пом. нач. петербургского охранного отделения подпол. Еленского об агентурной деятельности Б. Бродского.

Мещанин г. Варшавы Болеслав Болеславов Бродский явился в отделение с предложением услуг по политическому розыску в начале 1907 года. Познакомил меня с ним заведывающий агентурой полковник Кулаков. В виду того, что, прибыв из Варшавы, Бродский никакой связи с местными революционными организациями не имел, ему было предложено войти в какую-либо организацию и затем явиться в отделение, при чем никакого вознаграждения ему назначено не было. Из расспросов о его деятельности в Варшаве мною было установлено, что там он провалился, вследствие чего и приехал в С.-Петербург, что в Варшаве он проживал совместно с офицерами корпуса жандармов, появлялся с ними открыто на улицах города, и, вообще, его знакомство с варшавским охранным отделением было широко известно.

Спустя 2 месяца, приблизительно в средине марта, Бродский явился вновь в отделение и заявил, что он познакомился с двумя членами боевой организации местной с.-д. организации, студентами — С.-Петербургского университета, Альфредом Нейманом, и Московского университета — Александром Чесским. С этого времени он стал

работать очень продуктивно и вскоре был избран секретарем военно-боевой организации местной с.-д. организации, когда в его распоряжении поступили явки местных военных организаций партии, различная партийная переписка и другие документы, которые он, действительно, показывал мне и с которых были сняты копии. О том, что на его квартире хранились оружие и литература, он никогда не говорил, — но сообщил, что в квартире Неймана имеются несколько пироксилиновых шашек и подрывных патронов, которые однажды он и принес, для подтверждения даваемых сведений, на конспиративную квартиру отделения.

В середине апреля 1907 года Бродский сообщил, что в Финляндии, в дер. Хаапала, предполагается устройство лаборатории, но, за неуказанием им тогда организаторов ее, наружное наблюдение за ними установлено не было. Затем, 3 мая того же года, после убийства в Финляндии вблизи имперской границы членами боевой организации часового пограничной стражи, лаборатория и находящиеся в ней члены боевой организации были арестованы финляндскими властями, и только впоследствии отделение, благодаря сведениям Бродского и сотрудника «Тюремного», установило арестованных по фотографическим карточкам, присланным финляндскими властями (сообщение начальнику с.-петербургского губернского жандармского управления от 18 мая 1907 года, за № 11726, и дополнение 22 августа 1907 года, за № 22171, в копии прилагаются). Таким образом отделение знало о существовании лаборатории всего около двух недель. В Хаапальской лаборатории Бродский был только один раз, именно в день ее ареста 3 мая, но уехал до прихода финляндских властей, сейчас же после убийства часового пограничной стражи.

Что касается обыска в думской с.-д. фракции и ареста депутатов от военной организации, то Бродский в этой ликвидации никогда участия не принимал. Действительно, он сообщил, что 29 апреля в Политехническом институте предполагается собрание руководителей военной организации и депутатов от войск для обсуждения наказа от петербургского гарнизона, но в виду того, что на сходке должен был быть и Бродский, она допущена не была; наружным наблюдением развести участников собрания не удалось. Относительно с.-д. фракции II Госуд. Думы Бродский лишь сообщил, что депутация от военной организации должна вручить наказ думской фракции, но в то время произвести ликвидацию не было возможности, так как время вручения наказа думской фракции и состав депутации им сообщены не были и в отделении сведений тоже не имелось. Подробные сведения были получены от сотрудника «Черноморского», с указанием, что депутация от военной организации пойдет в думскую фракцию 5 мая. Обыск фракции был произведен того же 5 мая, но нижние чины успели уйти из фракции и были арестованы по местам их службы, частью по сведениям «Черноморского», но не Бродского, и частью благодаря откровенному показанию арестованного члена депутации от военной орга-

низации квартирмейстера 2 роты Гвардейского экипажа Архипова (передача судебному следователю по важнейшим делам с.-петербургского окружного суда Зайцеву 18 мая 1907 года, за № 12042, копия прилагается). Наказ обыском фракции обнаружен не был, и хотя и находился там, но после 5 мая Бродский принес копию его, которая находится в делах отделения (копия с копии прилагается). Во время обыска в думской фракции пристав взял со стола несколько листов исписанной бумаги, между которыми, по полученным впоследствии сведениям, находился и наказ, но один из членов Государственной Думы вырвал их из рук понятого (копия донесения чиновника Ксензенко прилагается). Автор наказа Бродским выяснялся, но безуспешно, и таковой был установлен лишь впоследствии показанием одного из арестованных нижних чинов.

Что касается ареста Колтышева, Дилевской, Субботиной, Неймана, Чесского, Парамоновой и Михайлова, то Нейман, Чесский и Михайлов были арестованы не отделением, а финляндскими властями в д. Хаапала, — остальные были арестованы распоряжением отделения, по сведениям Бродского.

Ансберг совершенно арестован не был, так как успел скрыться после ареста лаборатории финляндскими властями в дер. Хаапала.

Указаний Бродскому на передачу архива бюро Колтышеву я не давал, так как это было исполнено по постановлению членов бюро и, кроме того, мои указания не имели бы никакого значения. Дилевская, по настоянию Бродского, не освобождалась; после ареста она была передана в с.-петербургское губернское жандармское управление.

О заграничных членах боевой организации РС-ДР партии Бродский никаких сведений не давал.

После ареста 1 июня 1907 года, по сведениям Бродского, членов военно-боевой организации в Лесном (передача начальнику с.-петербургского губернского жандармского управления 26 июня 1907 г., № 13323, — копия прилагается) Бродский обратился ко мне с просьбой о разрешении уехать в Варшаву, мотивируя необходимость поездки разделом имущества с братьями. Я предупреждал его, что неудобно уезжать из Петербурга после только что произведенных ликвидаций: лаборатории в Хаапале и членов боевой организации — в Лесном, что́, в связи с бывшим его провалом в г. Варшаве, может вызвать подозрение в организации, но он настоял и уехал. Действительно, мои предположения оправдались. Вскоре после его отъезда в организации был поднят вопрос о провокации Бродского, при чем организация сообщила об этом в Москву, Варшаву, Одессу и другие города; вскоре затем было выпущено об этом и извещение Центрального Комитета партии. В виду изложенного пребывание его в Варшаве стало невозможным, и Бродский уехал заграницу, откуда вскоре сообщил письмом, что оставаться долее там не может, так как его, действительно, подозревают в провокации, и просил для конспирации арестовать его на границе, при возвращении в Россию. 9 апреля 1908 года Бродский был арестован

на ст. Александрово, Варшаво-Венской ж. д., под фамилией Раковского, паспорт на имя которого он достал в Варшаве, и после доставления в Петербург был заключен в одиночную тюрьму, где сейчас же был опознан заключенными. В виду дальнейшей невозможности пребывания в тюрьме он был передан для установления личности мировому судье, а затем и освобожден. После сего провала в отделение стали поступать сведения, что организация хочет его убить, вследствие чего, с его согласия, ему был выдан нелегальный паспорт (на какую фамилию, сейчас не помню), с которым он и уехал в Харбин. Паспорт Бродского хранится в отделении, а после возвращения из Харбина ему была выдана 27 августа 1909 года, за № 119, контромарка на временное проживание в Петербурге на один месяц. 20 декабря 1909 года, за № 141010, департамент полиции препроводил в отделение паспортную книжку Бродского, за № 773, которая была препровождена приставу 4 участка Московской части, для вручения Бродскому, при отношении от 31 декабря 1909 года, за № 22062, но, за выбытием его из Петербурга 29 октября 1909 года, 29 ноября сего года возвращена приставом в отделение.

Я никогда Бродскому никаких поручений провокационного характера не давал и категорически отрицаю подговор его на подбрасывание каких-то документов в лабораторию, которые должны были установить преступность членов II Думы и связь их с лабораторией в Хаапале, а также и военно-боевой организацией.

Бывший начальник отделения генерал-майор Герасимов и ротмистр Лукьянов никогда Бродского не видели.

Из прилагаемых копий писем Бродского на мое имя видно, что пересмотр дела с.-д. фракции Государственной Думы II созыва задуман Бурцевым, который и понудил Бродского дать сведения, несоответствующие действительности.

Личные мои отношения с Бродским были хороши.

Приложения: копии 1) записки начальника варшавского губернского жандармского управления, за № 4049, 2) записки отделения директору департамента полиции, за № 231, с копиями 2 писем Бродского и газетной вырезки, 3) рапорта младшего чиновника для поручений при спб. охранном отделении губ. секр. Ксензенко от 6 мая 1907 г., 4) наказа от военных частей петербургского гарнизона, 5) передаточной записки отделения судебному следователю по важнейшим делам Зайцеву от 18 мая 1907 года, за № 12042, 6, 7, 8) таких же записок начальнику спб. губернского жандармского управления от 18 мая, 26 июня и 22 августа 1907 г., за № № 11726, 13323 и 22175, и 9 — 10) справки из дел отделения — на лиц, упоминаемых в настоящем докладе, — и на Бродского.

Подполковник *Еленский*.

30 ноября 1911 г.

8.

Запись рассказа Е. Н. Шорниковой об ее агентурной деятельности, сделанная директором департамента полиции Белецким.

Явившаяся 25 сего июня на прием к товарищу министра внутренних дел свиты его величества генерал-майору Джунковскому Екатерина Шорникова, в присутствии директора департамента полиции действительного статского советника Белецкого, заявила:

В 1905—1906 г. г., имея 22 года от роду, я работала в социал-демократической фракции в Казани. По приезде в С.-Петербург на юридические курсы была арестована по требованию казанского губернского жандармского управления, в виду обнаружения письма, найденного в социал-революционной газете. Допрашивали меня товарищ прокурора, генерал Иванов и подполковник Кормилев. Эти лица меня уговаривали оказывать услуги политическому розыску. Затем меня отвезли в охранное отделение, где мне подполковник Кулаков предложил быть секретной сотрудницей. Я согласилась, стала работать в социал-демократической партии. На конспиративной квартире виделась с генералом Герасимовым 1 раз, а с ротмистром Еленским все время, почти ежедневно. В это время я встретила партийного работника Анатолия, который просил работать у них. Охранное отделение согласилось, дабы провести меня в центр: я была организаторшей Атаманского полка. Подполковник Еленский настаивал на проведении меня в секретари организации. Случилось, что мне предложили быть секретарем петербургской военно-революционной организации. Я назвала всех организаторов солдат, дала боцмана Архипова (с катера его величества), всех членов партии, боевой организации и социал-демократической фракции, Озоля и др., передала весь военный архив. Само охранное отделение было преступно-небрежное в отношении сотрудников, проваливая их. На Фурштадской улице, в д. № 4, кв. 5, принимали всех сотрудников в один час, рассортировывая по комнатам. О том, что Бродский оказывал услуги розыску, я не знала, и сотрудники друг друга тогда не проваливали. Конспиративная квартира на Садовой тоже была невозможна: в щели я видела другую сотрудницу. Платили мне по 50 рублей, со всеми расходами, т.-е. по разъездам и т. п. Подполковник Еленский не умел руководить мною, так как не давал никаких указаний. Единственное его указание было, что я не должна видеться с солдатами, но везде бывать и все видеть. Была горячая работа. Когда я хотела уехать в Москву к полковнику Котену, то он запретил мне это, в виду существовавших трений между московским и петербургским охранными отделениями. На массовке (летучке) солдат и офицеров в Лесном были 2 члена Государственной Думы, где и был выработан литератором, фамилию коего я не знаю, наказ.

Я имела в военном комитете голос. На одном из заседаний комитета было решено, что сами солдаты должны итти в форме и нести наказ. Наказ не был составлен по инициативе охранного отделения, но, какую роль играло охранное отделение в выработке наказа, я не знаю, ибо работали Озоль и Бродский. Я лично обращалась к фракции через Озоля. Подполковнику Еленскому я сообщила день и час, когда должны были явиться солдаты во фракцию. На это подполковник Еленский мне заявил, что начальник охранного отделения (генерал Герасимов) ездил к министру Столыпину, который выразил желание иметь наказ, который был еще написан от руки. Так как солдаты плохо читали по писанному, то мне, как секретарю, было предложено членами организации перепечатать его на пишущей машине. Заботясь об охранном отделении, я вместо одного экземпляра напечатала 2 экземпляра, причем первый экземпляр, с печатью комитета, я отдала в организацию, а второй подполковнику Еленскому. Наказ же от руки я с членом организации Елабеевым уничтожила. Я точно сообщила, когда и куда пойдут солдаты, и спросила, будет ли арест или обыск, но подполковник Еленский сказал, что арестов не будет. Отвести солдат в помещение фракции должен был Елабеев. Так как помещение фракции находилось на Невском проспекте, то Елабееву неудобно было итти со всеми солдатами, бывшими в форме, и он просил пойти и меня. Я взяла с собой Архипова и какого-то рядового из конвоя его величества, а Елабеев 3 остальных солдат. Елабеев пошел со двора с черного хода, а я с улицы. Еленскому не было известно, что я пойду в помещение фракции. Я решила итти, будучи уверена, что нас не арестуют. Состав фракции был почти полностью; часть ее была предупреждена, но большинство не знало о приходе солдат и было смущено и даже, увидев солдат, перепугалось. Когда солдаты прочли наказ, то Озоль взял его и сказал: «вы идите, дабы не возбуждать подозрения, а мы вас поддержим». Как только мы успели выйти, то прошло не более 5 минут, как явилась полиция. Наказ остался в портфеле у Озоля, которого полиция не обыскала, так как Озоль указал на свою неприкосновенность. В обвинительном акте фигурирует не этот наказ, а второй экземпляр, переданный мною подполковнику Еленскому. На другой день подполковник Еленский вызвал меня телеграммой на конспиративную квартиру на Фурштадтскую улицу и объявил, что в Морском экипаже было буйство матросов, где взяли в участок в пьяном виде Архипова. Последний, думая, что он задержан за посещение фракции, все рассказал. Подполковник Еленский сообщил, что придется сделать аресты и обыски у всех, а следовательно, и у меня, при чем подполковник Еленский сказал, что он предполагает арестовать одного организатора и одного мелкого работника, а через 3 дня снова двоих, дабы предоставить мне возможность бежать. В организации было устроено заседание, где был поднят вопрос о причинах провала и было вынесено постановление, что провал произошел по вине самой организации, вследствие ее небрежности. Мне комитетом предложено было выехать за границу, для чего

комитет выдал мне нелегальный паспорт. Я заявила об этом подполковнику Еленскому и просила денег, но он мне их не дал, а когда я просила видеть генерала Герасимова, то он сказал, что ему некогда видеться со мной. После этого подполковник Еленский дал мне 35 рублей и сказал, чтобы я уезжала, куда угодно. Не имея денег ни от организации, ни от охранного отделения, я должна была выехать на родину. Живя открыто, я подвергалась страху с двух сторон — со стороны полиции и со стороны революционеров. Судебный следователь прислал в Казань требование арестовать меня. Еленский предупредил, чтобы я бежала. Я пошла к полковнику Калинину, начальнику казанского губернского жандармского управления, который мне сказал, что сообщит обо мне департаменту полиции. Когда я вторично зашла к полковнику Калинину, то тот заявил, что департамент сказал, чтобы меня охраняли. Тогда я, по окончании процесса в марте 1908 года, решила ехать в С.-Петербург, дабы выяснить, что́ мне предпринять, так как мне было известно, что я разыскиваюсь циркуляром. В департаменте меня принял чиновник Пешков. Я просила у него денег, хотя бы сто рублей, но ничего не получила. Тогда же меня вызвал подполковник Еленский и заявил, что меня могут в С.-Петербурге арестовать, что денег я не получу. Тогда я снова пошла к чиновнику Пешкову, который также мне ничего не дал. В виду этого я уехала в Казань, где должна была конспирироваться и от жандармов и от полиции. Была в Самаре у полковника Критского, просила у него паспорт, но он мне его не дал, хотя хорошо ко мне отнесся. Я поехала в Уфу, где меня устроил на должность ротмистр Остромысленский. В Уфе жить было опасно, так как там имеется целое гнездо революции. В виду этого я просила у полковника Критского дать мне должность в другом месте. Он обещал устроить меня в акциз. Дабы скрыться, я решила выйти замуж за машиниста депо Уфа. Он не состоял в партии. Прошел год. При запросе в III Государственной Думе Бурцев напечатал, а мужу кто-то написал письмо обо мне. Муж поднял вопрос о разводе. Временно я поступила в Уфе к присяжному поверенному. Пошли опять толки обо мне. Тогда начальник жандармского железно-дорожного отделения ротмистр Бородин, узнав о моем месте пребывания, решил меня арестовать, заявил полиции, та — дворнику, а последний предупредил об аресте меня. В виду этого я обратилась за помощью к начальнику губернского жандармского управления и уехала в Самару. В Самаре меня узнали рабочие. Один из них — слесарь — сообщил, что зарежет меня. Я решила уехать. Полковник Познанский мне сказал, что в Саратове находится полковник Комиссаров, знающий меня по С.-Петербургу. Прибыв в Саратов, я просила полковника Комиссарова сообщить обо мне в департамент, при чем указала и теперь подтверждаю, что для меня единственный выход — уехать в Южную Америку, или социал-демократы меня уничтожат. Из департамента долго не было никакого ответа. Начались разоблачения Озоля. Я взволновалась и заявила, что поеду в С.-Петербург к товарищу ми-

нистра. До 13 числа товарища министра не было в С.-Петербурге, а потому я пошла в департамент, где меня принял заведующий особым отделом полковник Еремин со своим помощником. Я объяснила свое положение, что у меня нет средств, и просила доложить обо мне директору, указав, что в С.-Петербурге меня могут узнать социал-демократы и потому долго жить мне здесь нельзя. Полковник Еремин сказал, что директора нет в департаменте, обещал обо мне доложить и дал 25 рублей. После я несколько раз просила свидания с директором через помощника полковника Еремина, так как последнего не было. Он просил меня обождать, так как еще не мог получить распоряжений директора. 20 июня я пришла в департамент полиции и заявила помощнику заведующего особым отделом, что у меня вышли деньги. Он принес мне 50 рублей и сказал, что он не мог еще видеть директора, так как последний очень занят. Я сказала, что я не могу спокойно жить в Петербурге. Меня не понимало охранное отделение. С моей стороны нет никакой просьбы. Я должна уехать в Южную Америку. Я больной человек, почему мне нужно хотя бы 2 тысячи рублей. Раз департамент полиции выдает мне деньги на прожитие, то он считает себя обязанным заботиться обо мне. Правительство должно дать мне возможность уехать. Я не сама пошла в революционную работу. Мне обещали за сотрудничество полную ненаказуемость. К сожалению, у нас жандармские офицеры ничего не понимают в розыске. Зная о таких результатах, я никогда бы не пошла в сотрудницы. Убеждения вырабатываются не в 22 года. Теперь бы я не пошла. Мне заявил и товарищ прокурора, кажется, Юревич, что я буду безнаказанна. Я скрывалась под покровительством власти. Раз я попаду в руки социал-демократов, будет лишь лишний шум. Проживая в С.-Петербурге, я заметила за собой наблюдение.

Живу я на Невском проспекте, д. № 75, меблированные комнаты Колоссовой, прописалась под фамилией Юдкевич, каковую носит мой муж.

25 июня 1913 года.

9.

Справка департамента полиции по поводу внесенного в IV Государственную Думу запроса о деле с.-д. фракции II Гос. Думы.

В Государственную Думу IV созыва внесен, за подписями 36 членов Думы, обращенный к министрам—внутренних дел и юстиции—запрос о незакономерных действиях членов с.-петербургского охранного отделения в деле привлечения к судебной ответственности членов социал-демократической фракции II Государственной Думы.

По поводу настоящего дела надлежит прежде всего отметить то обстоятельство, что подобный запрос вносился уже на рассмотрение Государственной Думы II созыва, при чем, будучи передан тогда

в комиссию по запросам, был признан (большинством всех голосов против четырех воздержавшихся членов оппозиции) неосновательным и подлежащим поэтому отклонению.

Такое решение комиссии нельзя не учесть при обсуждении возникшего ныне однородного дела, тем более что в основу прежнего запроса были положены те же разоблачения Бродского, на коих отчасти обосновывается и настоящий запрос.

Предварительно, однако, рассмотрения этих разоблачений по существу не лишним представляется, для выяснения степени их достоверности, коснуться вопроса о том, насколько вообще заявления Бродского заслуживают доверия.

Из имеющихся в департаменте полиции сведений о названном лице усматривается, что Бродский, — в бытность секретным сотрудником первоначально при отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Варшаве, а затем при таком же отделении в С.-Петербурге, — содействовал раскрытию нескольких серьезных противоправительственных организаций. Таковой своей деятельностью, ставшей известной революционерам, Бродский вызвал против себя настолько сильное озлобление в революционном лагере, что в 1908 году он, из опасения подвергнуться кровавой расправе, поспешил оставить службу и выехал за границу. Но так как воздвигнутые против него гонения и там не прекратились, то Бродский, в видах примирения с революционной средой, вошел в сношения с Бурцевым и, под давлением последнего, опубликовал свои признания в угодном для революционеров духе. Этому выступлению Бродского предшествовал ряд поданных им в департамент полиции прошений, в коих он, возбуждая разного рода ходатайства, указывал на то, что революционеры настойчиво домогаются от него сенсационных разоблачений. В виду того, что подобные заявления Бродского до некоторой степени носили шантажный характер, все прошения его были оставлены без последствий и без ответа.

Не подлежит сомнению, что, при наличии приведенных условий, к направленным в подрыв престижа правительственных органов заявлениям Бродского, сделанным притом по настояниям революционеров, следует относиться с крайней осторожностью.

Между тем, авторы настоящего запроса, принимая на веру опубликованные заграничной революционной прессой разоблачения Бродского, утверждают, что названный бывший сотрудник в прошениях, поданных 18 августа 1911 года на высочайшее имя и на имя министра внутренних дел, ходатайствовал о предании его суду за инсценирование сношений социал-демократической фракции II Государственной Думы с военно-революционной организацией, выразившееся в том, что он, Бродский, с ведома бывшего начальника спб. охранного отделения генерала Герасимова:

1) был инициатором посылки в социал-демократическую фракцию депутации солдат петербургского гарнизона;

2) на своей квартире производил переодевание солдат перед отправлением депутации;

3) участвовал в передаче социал-демократическим депутатам наказа революционного содержания, черновик которого был выработан в охранном отделении и одобрен генералом Герасимовым.

Из сопоставления этих сведений с содержанием всеподданнейшего прошения Бродского от 18 августа 1911 года усматривается, что в прошении этом приведенных интерпеллянтами заявлений Бродского в действительности не имеется. В означенном всеподданнейшем прошении, присланном из Парижа, Бродский ходатайствовал о разрешении ему, как лицу, не явившемуся своевременно к отбытию воинской повинности, права безнаказанно возвратиться в Россию. При этом Бродский, в подкрепление своего ходатайства, пояснил, что он не мог прибыть из-за границы для освидетельствования в годности к военной службе по причине угрожавшей ему опасности со стороны революционеров, вынесших ему смертный приговор и дважды уже покушавшихся на его жизнь; что, израненный революционерами, он совершенно непригоден к несению военной службы; что во время проживания своего в России он никаких преступных деяний не совершил и что это, в случае надобности, может быть установлено производством специального о его прежней деятельности следствия. Изложенное всеподданнейшее прошение Бродского канцелярией его императорского величества по принятию прошений было передано в министерство внутренних дел и, в виду имевшихся уже в то время неопровержимых данных, свидетельствовавших о переходе просителя на сторону революционеров, было оставлено без последствий на основании примечания к ст. 196, т. I, ч. 2 св. зак.

Точно также и непосредственно в министерство внутренних дел не поступало решительно никаких заявлений Бродского о допущенных им в бытность агентом охранного отделения злоупотреблениях. Хотя интерпеллянты и указывают в настоящем запросе, что подобные заявления были сделаны Бродским в прошении, поданном на имя министра внутренних дел 18 августа 1911 года, но в действительности такового прошения вовсе не имеется.

Единственным прошением Бродского, которое по своему содержанию имеет более или менее близкое отношение к данному делу, является прошение его, направленное министру юстиции из Парижа 15 сентября 1911 года. В этом прошении Бродский объяснил, что он в 1906 году, проживая в С.-Петербурге, вступил в число сотрудников местного отделения по охранению общественной безопасности и порядка и, по поручению жандармских ротмистров Лукьянова и Еленского, проник в состав боевой организации «российской социал-демократической рабочей партии», при чем устроил в своей квартире склад оружия и литературы; что он, по приказанию бывшего в то время начальником отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге генерал-майора Герасимова, стал секретарем временного

бюро названной боевой организации и посещал как революционные собрания, так и динамитную школу в Куоккала; что перед роспуском II Государственной Думы генерал-майором Герасимовым было поручено Бродскому искусственно, путем подброса документов, создать несуществовавшую в действительности связь думской социал-демократической фракции с военной и боевой организациями; что, наконец, отделению было заранее подробно известно о предстоящем вручении солдатской депутацией членам фракции наказа, подлинник коего был на руках у генерал-майора Герасимова, поручившего Бродскому выяснить автора наказа.

Заявляя об изложенном, Бродский ходатайствовал о пересмотре всех тех политических дел, в том числе и дела о думской социал-демократической фракции, которые были искусственно созданы при его, Бродского, непосредственном участии.

Означенное прошение Бродского, в части, касающейся возобновления разрешенных уже дел о государственных преступлениях, было оставлено министром юстиции без последствий, так как соответственные заявления Бродского не заключали в себе указаний на какие-либо определенные обстоятельства, но то же прошение, в части, касающейся неправильных будто бы действий отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге, подало министерству внутренних дел повод произвести особое расследование.

В результате извлеченных из дел департамента полиции сведений, а равно и истребованных от оговоренных Бродским чинов отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге объяснений выяснилось следующее:

В начале 1907 года Бродский, явившись в отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге, предложил свои услуги по разоблачению тайной деятельности преступных организаций. Принявший его подполковник Еленский, в виду отсутствия у Бродского связей в революционной среде, рекомендовал ему предварительно войти в какую-либо организацию. Спустя 2 месяца, приблизительно в середине марта 1907 года, Бродский явился вновь в отделение и заявил, что он познакомился с двумя членами боевой организации местной социал-демократической организации — студентами Альфредом Нейманом и Александром Чесским. С этого времени он стал работать в качестве постоянного сотрудника отделения очень продуктивно, и, между прочим, по его указаниям, в С.-Петербурге были обнаружены и арестованы боевая организация при петербургском комитете российской социал-демократической рабочей партии, временное бюро военных и боевых организаций при упомянутой партии, склады подпольной литературы и многие члены местной организации той же партии.

Заявление Бродского о том, что он добивался должности секретаря временного бюро боевой организации российской социал-демократической рабочей партии именно по поручению генерал-майора Герасимова, категорически отвергнуто генералом Герасимовым, заявившим,

что он вовсе Бродского не видел. Все деловые сношения отделения по охранению общественной безопасности и порядка с Бродским велись при посредстве подполковника Еленского, по отзыву коего Бродский, вскоре после знакомства своего с боевиками Нейманом и Чесским, был избран секретарем военно-боевой организации местной социал-демократической организации, и тогда в его распоряжение поступили явки местных военных организаций партии, различная партийная переписка и другие документы, которые он, действительно, показывал подполковнику Еленскому и с которых были сняты копии. О том, что на его квартире хранилось оружие и литература, Бродский никогда не говорил, но сообщал, что в квартире Неймана имелись несколько пироксилиновых шашек и подрывных патронов, которые однажды он и принес, для подтверждения даваемых сведений, на конспиративную квартиру отделения.

В апреле 1907 года Бродский сообщил, что в Финляндии, в дер. Хаапала, предполагается устройство лаборатории, но, за неуказанием им тогда организаторов ее, наружное наблюдение за ними установлено не было. Затем 3 мая того же года, после убийства в Финляндии вблизи имперской границы членами боевой организации часового пограничной стражи, лаборатория и находившиеся в ней члены боевой организации были арестованы финляндскими властями, и только впоследствии отделение, благодаря сведениям Бродского и сообщению другого сотрудника, установило арестованных по фотографическим карточкам, присланным финляндскими властями. Таким образом отделение знало о существовании лаборатории всего около двух недель. В Хаапальской лаборатории Бродский был только один раз, именно в день ее ареста 3 мая, но уехал до прихода финляндских властей.

Равным образом не подтвердилось и заявление Бродского о том, что он, по поручению генерала Герасимова, искусственно создавал, путем подброса документов, несуществовавшую в действительности связь думской социал-демократической фракции с военной и боевыми организациями. Генерал-майор Герасимов, по его отзыву, никаких сношений с Бродским не имел. Руководивший же деятельностью Бродского как сотрудника подполковник Еленский категорически заявил, что он никогда Бродскому никаких поручений провокационного характера не давал и, в частности, не уполномочивал его подбрасывать какие-то документы, которые должны были установить преступность членов II Думы и связь их с лабораторией боевиков в Хаапале и с военно-боевой организацией.

По поводу заявления Бродского о том, что отделение по охранению общественной безопасности и порядка заранее знало о предстоявшем вручении солдатами членам думской социал-демократической фракции наказа и что еще до этой передачи подлинник наказа был уже в руках у генерала Герасимова, бывший начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге генерал-майор Герасимов дал отзыв, что вообще в деле раскрытия

преступной деятельности членов социал-демократической фракции II Государственной Думы Бродский не принимал никакого участия. Копию петиции, которую нижние чины петербургского гарнизона должны были вручить вышеупомянутой фракции, генерал-майор Герасимов получил от подполковника Еленского, но, от кого именно тот получил, генерал Герасимов теперь не помнит. Эта копия была получена после ареста членов Думы, и так как подлинная петиция во время ареста и обыска была уничтожена одним из застигнутых членов Думы, то являлось необходимым приложить копию петиции к производившемуся следствию. Тождество копии вполне установлено следствием. Подполковник же Еленский по данному вопросу, с своей стороны, засвидетельствовал, что Бродский в указанной ликвидации никакого участия не принимал. В действительности, от него были получены лишь сведения о том, что 29 апреля в Политехническом институте предполагалось собрание руководителей военной организации и депутатов от войск для обсуждения наказа от петербургского гарнизона, но в виду того, что на сходке должен был быть и Бродский, она допущена не была; наружным наблюдением развести участников собрания не удалось. Относительно социал-демократической фракции II Государственной Думы Бродский лишь сообщил, что депутация от военной организации должна вручить наказ думской фракции, но в то время произвести ликвидацию не было возможности, так как время вручения наказа думской фракции и состав депутации Бродским сообщены не были, а в отделении сведений по этому предмету тоже не имелось. Подробные сведения, спустя некоторое время, были получены не от Бродского, а от другого сотрудника, заявившего, что депутация от военной организации пойдет в думскую фракцию 5 мая. Обыск фракции был произведен того же 5 мая, но нижние чины успели уйти из помещения фракции и были арестованы по местам их службы частью по агентурным сведениям и частью благодаря откровенному показанию арестованного матроса Архипова. Наказ при обыске фракции обнаружен не был, хотя и находился там, но после 5 мая Бродский принес копию его, которая находится в делах отделения. Во время обыска в думской фракции пристав взял со стола несколько листов исписанной бумаги, между которыми, по полученным впоследствии сведениям, находился и наказ, но один из членов Государственной Думы вырвал эти бумаги из рук понятого. Автор наказа Бродским выяснялся, но безуспешно, и таковой был установлен лишь впоследствии показанием одного из арестованных нижних чинов.

В виду того, что направленные против отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге обвинения Бродского по проверке не подтвердились, упомянутое прошение его и министерством внутренних дел также было оставлено без последствий [1]).

[1]) Переданное м-вом юстиции 18 февраля 1914 г., за № 1398, второе прошение Бродского, ходатайствовавшего о привлечении к уголовной ответственности

Попутно нельзя не отметить того обстоятельства, что Бродский, возбудив ходатайство о предании его по настоящему делу суду, продолжает тем не менее поныне оставаться за границей, вне района действий русских судебных установлений. Не подлежит, однако, сомнению, что если бы он имел действительное намерение предать себя в руки властей, то, вслед за подачей означенного прошения, не преминул бы тотчас явиться в пределы России. Все это приводит к заключению, что прошение на имя министра юстиции было подано Бродским вовсе не с целью выяснения обстоятельств данного дела, а исключительно лишь в видах предоставления революционерам лишнего повода к нападкам на правительство и подкрепления тем крайне шаткой их позиции.

Из сопоставления текста упомянутого прошения с имеющимися в настоящем запросе утверждениями интерпеллянтов о том: 1) что Бродский был инициатором посылки в социал-демократическую фракцию депутации солдат от петербургского гарнизона, 2) что на его квартире происходило переодевание солдат перед отправлением депутации и 3) что он участвовал в передаче членам социал-демократической фракции наказа революционного содержания, черновик коего был выработан в охранном отделении и одобрен генералом Герасимовым, явствует, что все эти три положения, выставленные интерпеллянтами, не находят себе подтверждения в содержании указанного прошения.

Будучи всецело позаимствованы из сообщений русской заграничной революционной прессы, не упускающей, как известно, случаев взводить на правительственные органы и отдельных должностных лиц заведомые инсинуации, означенные положения, по детальном обсуждении их в комиссии по запросам III Государственной Думы, были признаны безусловно неосновательными. По этому поводу в докладе комиссии выражено, что 1) инициатива посылки в думскую социал-демократическую фракцию солдатской депутации исходила вовсе не от Бродского, а от временного бюро боевых и военных организаций при российской социал-демократической рабочей партии, 2) что переодевание солдат происходило не в квартире Бродского, а в конспиративной квартире сосланного впоследствии на поселение мещанина Фишера и 3) что черновик наказа был составлен не в охранном отделении, а организаторами военно-революционных собраний (Сапотницким, Субботиной и др.), при соучастии бывшего члена II Государственной Думы Геруса. В конечном же своем выводе комиссия, основываясь на всей совокупности находившегося в ее распоряжении материала, в самой категорической форме засвидетельствовала, что «в настоящем деле не имеется никаких даже косвенных данных для того, чтобы усмотреть провокационную деятельность агента охранного отделения Бродского».

чинов русской политической полиции за неправильные по службе действия, равным образом оставлено м-вом вн. дел без последствий.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, надлежит признать, что заявления бывшего агента охранного отделения Бродского как сделанные под давлением революционеров никакого доверия вообще не заслуживают; что разоблачения его, приведенные в поданном министру юстиции прошении, послужили поводом к производству особого расследования, установившего полную неосновательность взведенных Бродским на отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге обвинений в незакономерности действий; что на почве тех же разоблачений Бродского, подхваченных и раздутых революционной прессой, создался ряд опорочивающих деятельность означенного охранного отделения инсинуаций; что в настоящем запросе, внесенном в Государственную Думу, разоблачения Бродского изложены именно в версии, измышленной революционной печатью; что имеющаяся в запросе, в подкрепление этих сенсационных и якобы исходящих лично от Бродского разоблачений, ссылка на его прошения, поданные на высочайшее имя и на имя министра внутренних дел, сделана неправильно; что на ряду с этим в запросе осталось неотмеченным состоявшееся уже по этому делу решение комиссии III Государственной Думы, категорически отвергшей все инкриминируемые ныне интерпеллянтами охранному отделению деяния; что, наконец, в нынешнем запросе равным образом не приведено и заключение той же комиссии, признавшей полное отсутствие в настоящем деле каких-либо признаков провокационной деятельности.

В основу внесенного ныне в Государственную Думу запроса положены, помимо разоблачений Бродского, добытые предварительным следствием по делу о думской социал-демократической фракции данные, в силу коих на бывшую сотрудницу отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге Екатерину Шорникову упадало обвинение в том, что она, исполняя обязанности секретаря в военной организации петербургского комитета российской социал-демократической рабочей партии, приглашала нижних чинов на конспиративные собрания, читала им на этих собраниях наказ революционного содержания и водила солдат в помещение социал-демократической фракции в доме № 92 по Невскому проспекту, где ими и был вручен членам Государственной Думы вышеуказанный наказ.

Ближайшим поводом к предъявлению Шорниковой означенных обвинений послужил оговор привлеченных к делу о военнореволюционной организации нижних чинов: Архипова, Колясникова, Кутырева, Кременского и др., заявивших, между прочим, что Шорникова была известна в организации под кличкой «Ирины».

Будучи на основании этого оговора привлечена к судебной ответственности, Шорникова, еще до допроса ее в качестве обвиняемой, выбыла неизвестно куда из С.-Петербурга, в виду чего возникшее о ней дело было приостановлено производством впредь до ее явки или

задержания, и она была помещена в розыскной циркуляр департамента полиции. В июне 1913 года Шорникова, вступившая к тому времени во второй брак, возвратилась в С.-Петербург, где и проживала легально под новой своей фамилией Юдкевич до 3 июля, когда она, тотчас же по установлении ее самоличности, была по распоряжению департамента полиции арестована и передана в распоряжение судебных властей.

На допросе Шорникова-Юдкевич не признала себя виновной в приписываемом ей преступлении и объяснила, что в конце 1906 года она поступила на службу секретным агентом в отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге за определенное ежемесячное вознаграждение. Сначала никакой работы у нее не было, и означенное отделение рекомендовало ей проникнуть в военную организацию российской социал-демократической рабочей партии, при чем высказано было пожелание, чтобы она устроилась секретарем этого сообщества, так как обыкновенно у секретаря сосредоточиваются все сведения и документы. В начале 1907 года ей случайно удалось занять это положение, и с марта месяца того же года она о всем происходившем в организации почти ежедневно докладывала отделению. По поручению членов комитета названного сообщества, ей действительно приходилось бывать на конспиративных собраниях и приглашать туда нижних воинских чинов. В апреле 1907 года в Лесном, при участии членов Государственной Думы социал-демократической фракции, нижних чинов и членов организации, состоялось собрание («массовка»), на котором выработан был «наказ» от нижних чинов с.-петербургского гарнизона в думскую социал-демократическую фракцию. Текст этого наказа составил «литератор» военной организации, фамилии которого она не помнит. Сама она, Шорникова, на собрании в Лесном не была, но, получив от членов комитета подробные сведения, тотчас же о всем происходившем сообщила отделению, которое потребовало от нее добыть копию выработанного наказа. Во исполнение этого, она предложила членам комитета не гектографировать этот документ, а отпечатать его на машинке. Предложение это было принято, и она с рукописи отпечатала два экземпляра; к одному из них она приложила печать сообщества и передала его в комитет, а второй тайно вручила отделению. 5 мая 1907 года она, Шорникова, по поручению комитета читала этот наказ нижним чинам на конспиративном собрании в доме № 129 по Фонтанке, а в тот же день вечером, по настоянию члена комитета «Алибея» (Сапотницкого), она с депутацией от солдат пошла в квартиру социал-демократической фракции членов Государственной Думы в доме № 92 по Невскому проспекту, и там кто-то из солдат передал этот наказ члену Государственной Думы Озолю. Требование «Алибея» итти во фракцию она, Шорникова, не сочла возможным отклонить, так как отделение настойчиво требовало от нее, чтобы она по возможности присутствовала на всех важных собраниях военной организации, в особенности на таких, в которых

принимали участие члены Государственной Думы. Вскоре после этого начались аресты, у нее произведен был обыск, и она, считая себя «проваленной», решила уехать из С.-Петербурга. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка предоставило ей полную свободу и дало 35 рублей на дорогу. В виду всего этого, она, Шорникова-Юдкевич, ни в чем себя виновной не признала, так как участие в военной организации она приняла не с преступной целью, а исключительно в целях оказания услуг правительству в борьбе с революционными организациями. Тяготевший над нею сыск, с одной стороны, и вечное опасение мести революционеров — с другой, создали настолько тягостное для нее, Юдкевич, положение, что она решила отдаться в руки властей с тем, чтобы ее судили, если она в чем-либо виновата.

Объяснения Юдкевич-Шорниковой, по существу во всем согласные с обстоятельствами дела, нашли себе и дальнейшее подтверждение при следствии, так как, по сведениям департамента полиции, Шорникова в указываемое ею время действительно состояла секретным агентом отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. С.-Петербурге и работала в военной организации, а допрошенный в качестве свидетеля помощник начальника этого отделения подполковник Еленский подтвердил, что Шорникова была «сотрудницей» отделения в 1906 году, удостоверив при этом, что уже в начале 1907 г. ей удалось проникнуть в военную организацию, где она известна была под конспиративной кличкой «Ирины»; что действительно почти ежедневно Шорникова-Юдкевич сообщала ему все сведения, которые ей удалось собрать об этой преступной организации, и только благодаря этим сведениям возможно было ликвидировать это дело и «разгромить» всю организацию, подготовлявшую вооруженное восстание.

Исп. об. прокурора особого присутствия правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях, рассмотрев данные следственного производства по настоящему делу, нашел, что, как это установлено по делу, — тайное сообщество военной организации при петербургском комитете российской социал-демократической рабочей партии существовало задолго до появления в нем Шорниковой и широко поставило свою преступную деятельность, войдя в связь со многими полками и даже с социал-демократической фракцией Государственной Думы; Шорникова вошла в эту организацию с ведома и согласия подлежащих властей, ведающих политическим розыском, и не с целью насильственного ниспровержения государственного строя в России, а — наоборот — с целью раскрытия замыслов и деятельности этого преступного сообщества, дабы обеспечить правительству борьбу с ним. На ряду с этим ничем по делу не установлено, чтобы Шорникова-Юдкевич в чем-либо проявила преступную инициативу, сама замышляя преступные деяния и втягивая в них лиц, непричастных к сообществу. Наоборот, вся небольшая деятельность ее как секретаря организации сводилась к исполнению отдельных поручений членов преступного комитета; так, она должна

была разносить приглашения указанным лицам на собрания сообщества и присутствовать на этих собраниях; ей поручено было перепечатать «наказ» от нижних чинов с.-петербургского гарнизона, один экземпляр коего она тайно передала в отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге, она же, по поручению члена комитета Сапотницкого, должна была отвести депутацию солдат в социал-демократическую фракцию, где этот наказ был передан члену Государственной Думы Озолю. Эта незначительная активная деятельность Шорниковой-Юдкевич, от которой она не могла отказаться, не возбудив против себя подозрений, — и к тому же предпринятая с ведома и согласия подлежащей правительственной власти, ведающей политическим розыском, — не может быть, по мнению исп. об. прокурора особого присутствия, вменена Шорниковой в вину, так как деятельность эта направлена была не к достижению преступных целей сообщества, а к разрушению таковых, ибо обо всем, что Шорниковой удавалось узнать про организацию, она почти ежедневно сообщала правительственным розыскным органам и тем дала им возможность ликвидировать опасную группу революционеров, подготовлявших вооруженное восстание. Таким образом ни по положению своему, ни по характеру своей деятельности Шорникова-Юдкевич не может быть признана членом преступного сообщества, поставившего целью своей деятельности насильственное ниспровержение в России существующего государственного строя.

На основании изложенного, не усматривая в деятельности Шорниковой признаков уголовно-наказуемого деяния, исп. об. прокурора особого присутствия правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях в своем заключении от 9 июля 1913 года полагал: уголовное преследование, возбужденное против варшавской мещанки Екатерины Николаевой Юдкевич, по первому браку Шорниковой, 30 лет, по обвинению ее в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. угол. улож., за отсутствием состава преступления дальнейшим производством прекратить и принятую против нее меру пресечения — содержание под стражей — отменить.

Изложенное заключение на основание 1042 ст. уст. угол. суд. было предложено на благоусмотрение правительствующего сената. Выслушав заключение исп. об. прокурора при особом присутствии и соглашаясь с мнением его об отсутствии в действиях мещанки Юдкевич, по первому браку Шорниковой, признаков преступления, предусмотренного 1 ч. 102 ст. угол. улож., правительствующий сенат определил: возбужденное против варшавской мещанки Екатерины Николаевой Юдкевич (по первому браку Шорниковой) уголовное преследование прекратить, отменив принятую против нее меру пресечения — содержание под стражей.

По сопоставлении вышеприведенных данных с выставленными против Шорниковой-Юдкевич в настоящем запросе обвинениями надлежит заключить, что хотя инкриминируемые ей интерпеллян-

тами деяния действительно имели место, но на ряду с сим в запросе оказались упущенными все те дающие этому делу истинное освещение детали, на основании коих правительствующий сенат признал Шорникову-Юдкевич по суду оправданной. Не подлежит сомнению, что если бы интерпелляты с должным беспристрастием отнеслись к деятельности Шорниковой-Юдкевич, проявленной ею в качестве секретной сотрудницы отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. С.-Петербурге, то безусловно не усмотрели бы в данном деле признаков провокации.

К изложенному не лишним представляется добавить, что в декабре минувшего года, т.-е. уже после того, как Шорниковой-Юдкевич был вынесен оправдательный приговор, выяснилось новое обстоятельство, свидетельствующее о том, что в деле изобличения осужденных членов думской социал-демократической фракции в сношениях с военно-революционной организацией чины охраны к провокаторским приемам не прибегали. Именно в газете «День», в выпуске от 14 декабря минувшего года, помещена, за подписью бывшего члена Государственной Думы II созыва Григория Белоусова, статья, трактующая о том, что хотя в руках у Шорниковой и находился подлинник наказа задолго до того, как он был передан солдатами членам Государственной Думы в помещении социал-демократической фракции, но автором наказа явилось другое лицо, содержащееся ныне в одной из сибирских тюрем. При этом Белоусов, подтверждая данные по этому предмету объяснения Шорниковой, сообщил, со слов вышеуказанного автора наказа, следующее: «в первых числах апреля месяца военная организация решила составить наказ от войск петербургского гарнизона в социал-демократическую фракцию. Но так как среди членов военной организации не оказалось литераторов, то организация поручила секретарю обратиться к кому-нибудь из литераторов с просьбой написать проект наказа. Секретарь обратился к одному социал-демократу, который в это время работал в одной крупной легальной организации. Он написал проект наказа, и этим его дело ограничилось, ибо никакого касательства к военной организации он не имел».

Приведенное сообщение Белоусова получает особое значение в виду того, что он сам входил в состав социал-демократической фракции Государственной Думы II созыва. Исходящее из столь компетентного источника заявление о том, что проект наказа, переданного впоследствии в думскую социал-демократическую фракцию, был изготовлен, по специальному поручению военной организации, некиим «литератором» — членом российской социал-демократической рабочей партии, находится в прямом противоречии с выставленным интерпеллянтами в настоящем запросе утверждением, что «черновик наказа был выработан в охранном отделении и одобрен генералом Герасимовым». Этот навет, надо думать, окончательно ныне снят с охранного отделения последним заявлением Белоусова.

Совокупность выяснившихся по делу Шорниковой-Юдкевич обстоятельств приводит к заключению: 1) что выработанный по инициативе военной организации наказ революционного содержания был перепечатан названной сотрудницей в двух экземплярах, из коих один был передан ею в охранное отделение, а другой был сдан в революционный комитет и спустя некоторое время был вручен солдатской депутацией членам социал-демократической фракции Государственной Думы II созыва; факт перепечатки означенного наказа объясняется исключительно желанием Шорниковой-Юдкевич предоставить розыскному органу, при котором она состояла секретной сотрудницей, точную копию этого документа; никаких признаков провокации в данном ее поступке не усматривается, так как наказ, в случае если бы он не был отпечатан ею на пишущей машине, был бы передан в думскую социал-демократическую фракцию, согласно первоначальным предположениям главарей революционного комитета, в гектографированном виде; 2) что инкриминируемое интерпеллянтами Шорниковой-Юдкевич деяние, выразившееся в прочтении ею солдатам указанного наказа, также не носит провокационного характера, ибо все эти нижние чины уже ранее принадлежали к составу военной организации, по решению коей был выработан наказ, и, следовательно, ознакомление их с содержанием этого документа предварительно передачи такового теми же солдатами в думскую социал-демократическую фракцию являлось выполнением лишь простой формальности; при этом нельзя не отметить и того обстоятельства, что Шорникова-Юдкевич не присутствовала лично на бывшем в апреле 1907 года в Лесном собрании членов военной организации, на котором было принято решение послать в социал-демократическую фракцию наказ, а равно и не участвовала в выработке текста наказа; 3) что Шорникова-Юдкевич, разнося солдатам приглашения на тайные собрания, отнюдь не завлекала на таковые непричастных к военно-революционной организации нижних чинов, в каковом только случае и можно было бы усмотреть в этом ее деянии признаки провокации, а осведомляла, по своей должности секретаря организации, о месте и времени имевших состояться собраний тех солдат, которые уже состояли членами указанной преступной организации; 4) что хотя Шорникова-Юдкевич и проводила солдат в помещение думской социал-демократической фракции, но никого из них итти туда не побуждала; таким образом роль ее в данном отношении исключительно ограничивалась тем, что она служила простым лишь провожатым для вошедших в состав солдатской депутации нижних чинов, указывая им место нахождения социал-демократической фракции; 5) что все вышеуказанные деяния Шорниковой-Юдкевич были предприняты ею не по личной инициативе, а по настояниям членов революционного комитета, ослушаться коих она не могла, не возбудив против себя подозрений; что содеянное ею нисколько не усугубило виновности прочих привлеченных к делу лиц, так как она никого из обвиняемых на преступный путь не направляла, а исключительно

лишь выполняла обычные, присвоенные должности секретаря организации, второстепенные функции, которые, в случае отказа Шорниковой-Юдкевич, могли быть выполнены вместо нее кем-либо другим из членов преступного сообщества; 6) что таковая незначительная деятельность Шорниковой-Юдкевич была проявлена ею с ведома подлежащей правительственной власти, ведающей политическим розыском, и в конечном результате клонилась к раскрытию преступных замыслов и предприятий тайного противоправительственного сообщества.

В настоящем запросе интерпелляты ссылаются на то обстоятельство, что осужденным членам социал-демократической фракции Государственной Думы II созыва инкриминировались главным образом сношения их с военно-революционной организацией, между тем как связь фракции с означенной организацией была искусственно создана чинами охраны Бродским и Шорниковой.

Не касаясь роли в этом деле Бродского и Шорниковой, деятельность коих, как это указано выше, вовсе не носила того характера, который приписывается ей авторами запроса, — надлежит отметить, что виновность членов думской социал-демократической фракции в сношениях с военной организацией была установлена, судя по обвинительному акту, следующими данными.

В апреле 1907 года отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге, наблюдая за преступною деятельностью тайного сообщества, именовавшего себя «военною организациею при петербургском комитете российской социал-демократической партии», получило сведения о том, что ответственный организатор одного из городских районов военной организации студент С.-Петербургского университета Альберт Сапотницкий и организаторша того же тайного сообщества в районе расположения военно-электротехнической школы и Гвардейского экипажа дочь надворного советника Нина Морозова устраивают собрания нижних чинов войск петербургского гарнизона, вошедших в состав военной организации, на которых вырабатывают текст наказа от войск членам социал-демократической фракции Государственной Думы II созыва.

Собрания названных и других сочувствующих им лиц происходили в доме под № 129 по Фонтанке, в квартире новгородского мещанина Соломона Фишера, а 29 апреля собрание состоялось в одном из помещений студенческого общежития Политехнического института, при чем на собрании этом, при участии члена Государственной Думы Лонгина Геруса, выработан был и текст наказа.

Вслед затем организована была депутация от нижних чинов, входивших в состав военной организации, которая 5 мая вручила этот наказ членам социал-демократической фракции Государственной Думы в помещении фракции, в доме под № 92 по Невскому проспекту, в квартире, нанятой на имя члена Государственной Думы Ивана Озоля.

С целью задержания солдат, из коих некоторые были переодеты, чины местной участковой полиции вошли 5 мая вечером в квартиру Озоля, но, как впоследствии оказалось, депутация военной организации оставила квартиру Озоля незадолго до входа в нее чинов полиции. По приведении в известность всех лиц, как застигнутых в квартире, так и пришедших в нее после входа полиции, оказалось, что в квартире этой были 35 членов Государственной Думы и, кроме того, свыше 30 посторонних, к составу членов Государственной Думы не принадлежащих лиц, из коих шестеро не в состоянии были указать места своего постоянного жительства. При задержании посторонних лиц на полу комнаты, в которой они находились, найдены были выброшенными неизвестно кем из задержанных шесть писем и одна резолюция, по содержанию своему относящаяся к деятельности тайных преступных сообществ и, в частности, и к военной организации.

Из осмотра обнаруженной у члена Государственной Думы Викентия Ломтатидзе книги, озаглавленной «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций российской социал-демократической рабочей партии, состоявшейся в ноябре 1906 года», видно: 1) что военные организации социал-демократической рабочей партии имеют своею задачею вести среди войск социал-демократическую пропаганду и организовать их для всенародного вооруженного восстания; 2) что членом военной организации состоит каждый революционно-настроенный и сознательный солдат, а также пропагандисты и организаторы, работающие в организации; 3) что в конференции приняли участие представители 11 военных организаций (воронежской, казанской, кронштадтской, калужской, либавской, московской, нижегородской, петербургской, рижской, севастопольской и финляндской) и 8 боевых организаций (московской, петербургской, саратовской, технического бюро при Центральном Комитете, двух уральских, южно-технического бюро и финляндской); 4) что в конференции с правом совещательного голоса участвовал представитель петербургского комитета российской социал-демократической рабочей партии и 5) что к 1 сентября 1906 г. Петербург и некоторые части Петербургской губернии, находящиеся в сфере деятельности военной организации, разделены были на 5 районов (1-й городской, 2-й городской, выборгский, петербургский и окружный) с отнесением к каждому из этих районов определенных и поименованных в протоколах частей войск петербургского гарнизона.

Факт существования военно-революционных организаций не только в Петербурге, но и в других местах России удостоверили допрошенные в качестве свидетелей Константин Докукин и Иван Фельдман, близко сошедшиеся с членами этих преступных сообществ, один в Брянске, а другой в Бобруйске; Фельдман, кроме того, показал, что его знакомый, солдат петербургской электротехнической школы Иван Кутырев, принимал участие в депутации нижних чинов, вручивших наказ члену Государственной Думы Озолю, и дал Фельдману для прочтения копию этого наказа, в котором нижние чины обращались

к членам Государственной Думы с просьбою поставить на очередь вопрос об улучшении солдатского быта и за это обещали в случае роспуска Государственной Думы поддержать членов ее с оружием в руках.

Независимо от сего в числе вещественных доказательств, отобранных у обвиняемых по настоящему делу, между прочим оказались: 1) 35 экземпляров издаваемой в тайной типографии Центральным Комитетом российской социал-демократической рабочей партии газеты «Солдатская Беседа» № 9, от 28 марта 1907 года. Помещенные в этой газете, предназначенной для распространения среди войск, статьи внушают солдатам мысли о том, что присяга, принятая ими при поступлении на службу, для них не обязательна, что они не должны стрелять в народ по приказанию начальства, что без поддержки силою Государственная Дума не в состоянии освободить народ, что сила эта в руках солдат и что они как сыны народа могут ускорить наступление часа освобождения и должны готовиться к тому, чтобы вместе с народом поднять голос в защиту своих представителей, 2) 61 экземпляр № 1, от 1 марта 1907 года, такой же газеты под названием «Солдатская Жизнь», издаваемой московскою военною организациею российской социал-демократической рабочей партии и 3) отобранные у члена Государственной Думы Григория Алексинского печатные экземпляры изданного петербургскою военною организациею российской социал-демократической рабочей партии наказа нижних чинов армии и флота депутатам социал-демократической рабочей партии в Государственной Думе. В наказах этих, по содержанию своему совершенно аналогичных, после перечня политических требований, заключается обращение, в котором авторы наказа приглашают Государственную Думу добиваться того, чтобы вся власть перешла в руки народа, в руки всенародного Учредительного собрания, и обещают, что «армия и флот будут с вами, будут за вас на стороне борющегося народа»; на двух экземплярах этого наказа имеются собственноручные приписки нижних чинов Колясникова и Воробьева, привлеченных к делу в качестве обвиняемых. Приписки эти революционного содержания.

На ряду с этим, а равно и с целым рядом других документов, — обнаруженных у членов социал-демократической фракции и свидетельствующих о тесной связи думской фракции с Центральным Комитетом и с различными местными организациями Российской социал-демократической рабочей партии, к настоящему делу была приобщена препровожденная начальником с.-петербургского охранного отделения копия наказа, переданного 5 мая 1907 года в квартире Озоля членам думской социал-демократической фракции депутациею нижних чинов. Наказ этот начинается словами: «Мы, представители тех войсковых частей, которые стоят в Петербурге и на которых первых будет опираться правительство при столкновении с Государственною Думою. Эти части двинет правительство, чтобы раздавить рабочее движение, если рабочие по вашему призыву подымутся на защиту рабочих представителей.

Эти части должны перейти на сторону народа, чтобы здесь победило народное дело. И когда столкнутся народные представители с царским правительством, на нас, представителях этих частей, будет лежать трудная задача — сказать всем солдатам, что́ нужно им делать. И мы сделаем это, хотя бы нам пришлось первыми пасть в этом деле и не видеть его торжества. Но, чтобы наше дело было посильно нам, вы, представители рабочих в Думе, которые все время держали свой путь прямее всех других партий, должны теперь прислушаться к нашему заявлению».

Тесная связь думской фракции с военно-революционными организациями устанавливается не только этим наказом, но и нижеследующими документами: 1) в помещении фракции в бумагах ее найден был препровожденный во фракцию чрез виленский комитет российской социал-демократической рабочей партии и снабженный печатью названного тайного сообщества «проект наказа солдат в Государственную Думу чрез социал-демократическую думскую фракцию».

В проекте этом указано, что он составлен от нижних чинов 2-го и 3-го́ саперных батальонов. Документ этот снабжен резолюциею, положенною во фракции, о передаче его в комитет военной организации.

2) При задержании 5 мая 1907 года чинами полиции в помещении фракции посторонних лиц на полу найдены были: а) помеченная 13 апреля 1907 года записка за печатью военной организации и с подписью секретаря финансовой комиссии этой организации, в коей говорится о необходимости устройства концерта для увеличения средств организации и заключается просьба, обращенная к Центральному Комитету, о ссуде ста рублей для указанного назначения и б) написанное химическими чернилами и проявленное письмо из Владивостока от 14 апреля 1907 года, в коем сообщается отчет о деятельности владивостокского революционного комитета и заключается уведомление о том, что «наказ нижних чинов получен», издан в количестве 3.500 экземпляров и распространен. У обвиняемого Алексинского было обнаружено несколько экземпляров такого же наказа, на одном из коих была положена резолюция: «К сведению социал-демократической фракции».

3) В бумагах Алексинского оказались два экземпляра печатного воззвания под заглавием «Ко всем солдатам», изданного витебскою военною организациею российской социал-демократической рабочей партии в марте 1907 года и отпечатанного в типографии названной организации. Рукописный черновик этого воззвания найден был в Витебске у молодого солдата 164 пехотного Закатальского полка Эльи Прокубовского.

4) В квартире того же Алексинского найдены были — аналогичное по смыслу обращение к социал-демократической фракции собрания 70 солдат разных частей войск, расположенных в Гельсингфорсе, и подписанный «военно-революционною организациею мариампольс-

ского гарнизона» Сувалкской губернии, с печатью этого сообщества, «ответ» солдат 111 пехотного Донского полка «на воззвание рабочих депутатов Государственной Думы».

В ответе этом, «прочитанном и утвержденном в десяти ротах полка», авторы его сообщают, что, прочитав воззвание членов Думы, они теперь понимают, что «только силою можно заставить правительство повиноваться воле народной», «что сила эта находится в солдатских руках» и что они «клянутся впредь не только не итти против восставшего народа, но с оружием в руках поддерживать его справедливые требования».

5) В бумагах обвиняемых Виноградова и Ломтатидзе найдены — у первого петиция писарей омского военного госпиталя, а у второго — один экземпляр такого же наказа нижних чинов армии и флота, какой обнаружен был у Алексинского, и книжка, озаглавленная «Протокол первой конференции военных и боевых организаций российской социал-демократической рабочей партии, состоявшейся в ноябре 1906 года».

6) Такой же экземпляр печатных протоколов конференции военных и боевых организаций найден был у обвиняемого Махардзе, и

7) В квартирах обвиняемых Нестерова и Салтыкова были обнаружены — у первого один печатный экземпляр такого же наказа нижних чинов армии и флота, какой оказался у Алексинского, а у второго — один печатный экземпляр требований матросов, солдат и хоровых музыкантов севастопольского гарнизона.

При наличии приведенных условий было признано соответственным, при производстве предварительного следствия, дело «о социал-демократической фракции Государственной Думы второго созыва» связать с делом «о военной организации петербургского комитета российской социал-демократической рабочей партии».

Основываясь на данных предварительного следствия, особое присутствие правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях, приговором от 1 декабря 1907 г., признало:

27 обвиняемых — виновными в том, что они участвовали в образовавшемся в 1907 году в С.-Петербурге преступном сообществе, которое, подчинив свою деятельность руководству и контролю Центрального Комитета российской социал-демократической рабочей партии, поставило целью своей деятельности насильственное, посредством вооруженного народного восстания, ниспровержение установленного основными законами империи образа правления и учреждение в России демократической республики, при чем названные обвиняемые, зная о преследуемых сообществом целях и в видах осуществления этих целей, как в совокупности, так и в отдельности в качестве членов сообщества входили в непосредственные сношения с существовавшими в разных местностях империи тайными организациями, составляли и рассылали им циркулярные письма с поручением: возбуждать население против правительства и имущих классов, сплачивать возбу-

ждаемых ими крестьян, рабочих и солдат в тайные союзы, кружки и группы и объединять эти группы между собою, с тем, чтобы, воспользовавшись недовольством и возбуждением беднейших классов населения, организовать и вызвать восстание войск, крестьян и рабочих; обращались к крестьянам с призывом соединяться в тайные союзы, вступать в тайные сношения и соглашения с рабочими и готовить себя к борьбе с существующим в России законным правительством, для захвата государственной власти и передачи ее всенародному Учредительному собранию, избранному на началах всеобщего, прямого, тайного и равного голосования; руководили деятельностью тайных местных в империи сообществ и отдельных их членов по составлению и присылке на свое имя наказов и обращений разных групп населения, с предъявлением в этих документах требований революционного характера, с обещанием поддержать эти революционные требования силою; распространяли произведения нелегальной литературы; вступали в непосредственные сношения с тайными преступными сообществами, присвоившими себе наименование «военных организаций» российской социал-демократической рабочей партии; принимали наказы, содержавшие революционные требования от разных частей войск; служили центром, в котором сосредоточивались революционные требования о созыве всенародного Учредительного собрания и насильственном учреждении в России демократической республики;

10 обвиняемых — виновными в том, что они участвовали в образовавшемся в 1907 году в г. С.-Петербурге преступном сообществе, примкнувшем под названием «военной организации» к петербургскому комитету российской социал-демократической рабочей партии и поставившем конечною целью своей деятельности насильственное, посредством вооруженного восстания и бунта в войсках, ниспровержение установленного основными законами империи образа правления, при чем для достижения этой цели сообщество устраивало тайные собрания нижних чинов петербургского гарнизона, в которых членами сообщества пропагандировались способы объединения революционных элементов в войсках и изготовлялся наказ от с.-петербургского гарнизона, врученный 5 мая 1907 года социал-демократической фракции Государственной Думы депутацией от нижних чинов, в помещении фракции на Невском проспекте, в доме № 92, в каковом наказе члены военной организации обещали фракции поднять по ее призыву восстание в войсках и силою оружия поддержать ее требования; такие собрания происходили в С.-Петербурге в доме № 4 по Романской улице, в доме № 129 по Фонтанке и в студенческом общежитии Политехнического института, при участии названных обвиняемых;

1-го обвиняемого (Фишера) — виновным в том, что он предоставил свою квартиру в С.-Петербурге в доме № 129 по Фонтанке для неоднократных собраний членов образовавшегося в 1907 году преступного сообщества, примкнувшего, под названием «военной организации», к петербургскому комитету российской социал-демократической

рабочей партии, при чем, зная как о том, что в его квартире собираются члены составившегося уже преступного сообщества, так и о том, что цель этого сообщества состоит в насильственном посягательстве на изменение установленного основными законами империи образа правления, без уважительной причины не довел о собраниях этих до сведения подлежащих властей;

и 11 обвиняемых — по суду оправданными по недоказанности обвинения.

Ознакомившись с данными следственного производства по настоящему делу, комиссия по запросам III Государственной Думы признала безусловно несостоятельным заявление Бродского о том, что связь социал-демократической фракции II Государственной Думы с военной организацией при с.-петербургском комитете российской социал-демократической рабочей партии была инсценирована чинами отделения по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге.

При этом, в подкрепление такового своего заключения, комиссия привела следующие соображения:

1) Военные организации российской социал-демократической рабочей партии несомненно существовали во многих городах империи, в том числе и в С.-Петербурге, еще до ноября 1906 года, когда в г. Таммерфорсе состоялась конференция военных и боевых организаций, 2) что этими преступными сообществами вырабатывались и затем направлялись в Государственную Думу так называемые наказы, заключавшие в себе ряд революционных требований, 3) что подобные революционного содержания документы, озаглавленные «наказ нижних чинов армии и флота депутатам социал-демократической рабочей партии в Государственной Думе», были обнаружены при обысках как в помещении думской социал-демократической фракции, так и у отдельных ее членов, Алексинского, Ломтатидзе, Нестерова, 4) что последнее обстоятельство служит бесспорным доказательством существовавшей тесной связи между военными организациями и социал-демократической фракцией Государственной Думы II созыва, 5) что действительность такого положения подтверждается также исходящими из революционной среды заявлениями (в опубликованных газетой «Будущее» письмах бывшего члена военной организации при петербургском комитете российской социал-демократической рабочей партии Андреича и бывшего секретаря ковенской военной организации той же партии Павла Салина), удостоверяющими наличие прочной связи между социал-демократической фракцией II Государственной Думы и военными организациями, 6) что в силу уже своей сплоченности с Центральным Комитетом российской социал-демократической рабочей партии, директивами кого направлялась деятельность всех местных организаций, в том числе и военных, думская социал-демократическая фракция неизбежно должна была входить в сношения с военными организациями, 7) что факт вручения солдатской депу-

гацией членам Государственной Думы наказа от войск петербургского гарнизона в самом помещении социал-демократической фракции был бы немыслим при условии отсутствия тесной связи между фракцией и петербургской военной организацией.

Свои заключения по данному вопросу означенная комиссия закончила следующим выводом: «обвинение бывшим членам Государственной Думы предъявлено по 18 пунктам, из коих один содержит в себе указание на революционирование войска. Но если даже совершенно устранить этот пункт из обвинительного акта, то из остальных 17 пунктов большинство, каждый сам по себе, достаточны для применения к обвиняемым 1 ч. 102 ст. угол. улож., следовательно, даже инсценированная с провокационною целью посылка военной депутации не могла оказать влияния на судьбу бывших членов Государственной Думы».

Записки современника о 1861 г.

Здесь печатаются четыре записки Эр. П. Перцова, хранящиеся в архиве б. III отделения [1]): 1) «Ночь с 18 на 19 февраля 1861 года»; 2) «Печатание и брошюрование Положений»; 3) «5 марта» и 4) «Манифестации».

Написанные весной и частью, быть может, летом, не позднее 1861 года, на основании сведений, собранных во время самых событий или сейчас же после их совершения, по свежим следам, записки проливают яркий свет на некоторые моменты истории освобождения крестьян, которые до сих пор оставались недостаточно освещенными. Автор хочет раскрыть всю подноготную и рассказать без прикрас, как именно происходило объявление воли: как правители пред 19 февраля «почувствовали озноб, какой чувствует всякий дремлющий пред восходом солнца»,— предчувствие надвигающейся революции, — и принимали в ночь с 18 на 19 февраля чрезвычайные меры, чтобы встретить ожидаемый бунт; какие сцены разыгрывались во дворце, за царским ужином, в эту роковую ночь; как в глубочайшей тайне печатались манифест и «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и какие чудовищные меры принимались, чтобы предотвратить преждевременное разглашение тайны; с какими чувствами встретил народ внезапно, как снег на голову, упавшее объявление воли 5 марта; как начальство приказало купцам благодарить государя за дарованную народу волю, как крепостники-фабриканты, при помощи полиции, сгоняли своих рабочих, вчера еще крепостных и только что объявленных свободными, — тех самых рабочих, которых (обстоятельство, подчеркиваемое автором) так боялись власти в ночь на 19 февраля, — сгоняли ко дворцу для выражения своих чувств пред царем. Автор записок имел обширные знакомства в разных слоях общества, среди власть имущих, среди военных, среди фабрикантов и купцов и получал сведения из первых рук; он любил толкаться среди простого народа, придавая себе «демократический» вид, и, когда ему нужно было ехать, выбирал извозчика непременно из барских крестьян; он вмешивался в толпу невольных манифестантов, только что объявленных вольными, и целые часы простаивал в ней пред дворцом, приглядываясь и вступая в разговоры.

Автор называет себя летописцем. Но мы не найдем в его записках бесстрастного и бесцветного перечня фактов. Автор — человек «от мира сего», в груди

---

[1]) Вещественные доказательства к делам 1-й экспедиции, III отдел. с. е. имп. в. канцелярии, пакет № 63, к делу 1860 года, № 237.

которого ключом кипит любовь и ненависть. Он — мастер отыскивать больное место и умеет больно бить по нему. При некоторой склонности идеализировать Александра II, он все же изображает его пустым человеком, у которого на уме только разводы да охота, а об освободительной деятельности его говорит, возражая Герцену: «Александр II не сделал ничего путного, если под словом «путный» не разуметь беспутицу». Ближайшие советники царя — это генералы, приобретшие свою боевую опытность «в походах против здравого смысла, просвещения и русской орфографии». Царские флигель-адъютанты, рассылаемые по губерниям для объявления воли, вызывают у него недоумение: «Зачем населению в день освобождения могут быть нужны люди, которые в Петербурге не нужны ни на что, а при дворе нужны только для счета, да разве иногда для танцев». Петербургские купцы, собравшиеся для «выражения богопочитания и ноголизания высочайшей особы» в «холопском» адресе и решившие ознаменовать объявление воли устройством больницы для чернорабочих, заставляют его воскликнуть: «Русское купечество так организовано, что делает добро только в царские дни, и, не будь именинниками великие князья, оно бы только и знало надувать ближнего». Такими едкими афоризмами насыщены его произведения. Начатые, было, тоном летописца записки Герцова быстро превращаются местами в весьма яркий памфлет, представляющий собой одно из любопытных произведений русской политической литературы 60-х годов.

Как исторический документ записки Герцова нуждаются, разумеется, в проверке по другим источникам. Многое из того, о чем рассказывается в записках, автор видел своими глазами; но многое он знает лишь по рассказам других. В чужих рассказах могло быть, конечно, и много неточностей. Но и в виденном собственными глазами кое-где, быть может, автором слишком сгущены краски, под влиянием волновавших его чувств, кое-что, может быть, представлено односторонне, даже совсем извращено. Во всяком случае, записки дают ценный материал как для истории освобождения крестьян, так и для характеристики старой крепостнической монархии в момент вступления ее в эру революционных бурь.

Среди бумаг Герцова оказалось несколько стихотворений, которые III отделение не решилось даже доложить великому князю Михаилу Николаевичу, «по причине чрезмерно сильных и неприличных выражений». Стихотворения писаны рукой Герцова; он показал, что они не сочинены им, а только списаны «с неизвестной рукописи» (в деле сохранились только копии их, подлинники отсутствуют). Но едва ли можно дать веру этому показанию. По всей вероятности, он сам их автор. Во всяком случае, по содержанию и тону они гармонируют с его записками и отражают его взгляды и настроение. Одно стихотворение направлено против Николая I и заключает в себе страстное проклятие самодержавию. Оно состоит из трех строф. Каждая строфа начинается словами: «Нет имени ему! Но жив он между нами — и долго будет жить» — в первой строфе «безумными делами», во второй — «позорными делами», в третьей — «преступными делами». Первая строфа оканчивается стихами: «И скажет потайных законов обличитель, — историк будущий: нет имени ему»; вторая: «Бразды правления доверены кому? — Кто держит меч в руке, весы или кадило? — Рабы, одни рабы. Нет имени ему!»; третья: «Посеял в будущем различных бедствий тьму; — они взойдут, взрастут и отравят потомков. — Будь проклят он вовек! Нет имени ему!». В другом стихотворении, по форме представляющем пародию на стихи: «Как яблочко

румян» и т. д., подвергается осмеянию Александр II, и «оскорбляется честь его величества», как говорит III отделение. Критик III отделения отчеркнул сбоку красным карандашом следующие стихи: «Его не огорчит, коль царство распадется, — он к фрейлине прижмется: — Да ну их, говорит»... Стихотворение заканчивается пророчеством:

А близок грозный час
Отечества паденья;
Постигнет скоро нас
Кровавое боренье.
Кругом мятеж кипит,
Встает топор багровый,
А он-то, бестолковый,
«Да ну их», говорит...

Есть еще в бумагах Перцова черновые наброски двух писем к Герцену с возражениями против некоторых его статей в «Колоколе». Остановимся на одном из них, чтобы закончить характеристику политических взглядов автора записок. Дело идет о том, что̀ лучше: «топор» или «метла»? Герцен высказывается за метлу — против революционного топора. Перцов не хотел бы ни того, ни другого, ни топора, ни метлы: он против самоуправства, как сверху, так и снизу. Но если уж приходится делать выбор между ними, то он выбирает топор и с презрением отбрасывает метлу. «Топор может истребить разом и до корня все колючие и вредные растения, не дающие расти ничему доброму, а метла оставит эти растения гнить в кучах, заражать воздух и разносить семена по ветру». Он поясняет, какие именно колючие и вредные растения не дают у нас расти ничему доброму: «Что же истребит у нас революционный топор? Двадцать-тридцать негодяев, окружающих престол и играющих в самодержавие, как в рулетку, сотни три-четыре чиновничьего люда,.. тысячу-другую разной мелкой сволочи»... Он далек от мысли, что революционный топор может снести голову с плеч и самому самодержцу и искрошить в щепки его престол, что он может истребить и еще кое-что. Как бы то ни было, необходимо заметить, что автор записок — не поклонник Герцена и даже не считает себя единомышленником его.

Сведения о жизни Перцова очень скудны. Сообщаем то немногое, что есть в архивных делах [1]). Эраст Петрович Перцов родился 29 декабря 1804 года и во время ареста, в августе 1861 года, ему было почти 57 лет. Родом он — казанец. В Мамадышском уезде было у огромной семьи Перцовых, состоявшей из 8 братьев и 3 сестер, имение в 372 «души», а в селе Хотине Казанского уезда в 90 верстах от Казани, винокуренный завод. Эраст Перцов как старший в семье в 30-х годах воспитывал и «выводил в люди» своих братьев и сестер, занимаясь сельским хозяйством и винокурением. В октябре 1834 года шефом жандармов, графом А. Х. Бенкендорфом, был получен из Казани, за неразборчивой подписью, донос на Перцова, в котором чем-то глубоко обиженный им, но, повидимому, хорошо знавший его обыватель, между прочим, писал, что от него «беспрестанно» слышатся «непозволительные и дерзкие выражения, разного рода пасквили» и что он «привез из Петербурга множество запрещенных книг, старается

[1]) Дела III отделения, 1-й экспедиции 1835 года № 2, и 1837 года № 82, а также указанное выше дело 1860 года № 237.

всячески давать читать студентам и прочим, свел дружбу с поляками, по рекомендации которых был у некоторых и в Питере». Однако на запрос III отделения в феврале 1835 года от начальника 6-го округа корпуса жандармов, генерал-майора графа Апраксина, был получен благоприятный отзыв о Перцове: «в вольнодумстве и непозволительных выражениях никогда не был замечен, и оных от него никто не слыхал»; а потому и донос был оставлен без последствий. Летом 1837 г., по случаю посещения Казани путешествовавшим тогда по России наследником, там «в доме градского общества» (как в те времена говорилось) была устроена «выставка мануфактурных и естественных произведений Казанской губернии». В числе членов этой выставки был и «коллежский ассесор Перцов», который, в качестве такового, «имел счастье» быть представленным будущему императору Александру II и отвечать на его многочисленные вопросы при осмотре им выставки. В печатном «Указателе» выставки в числе выставленных произведений значится и «коллежского советника Эраста Петровича Перцова, Мамадышского уезда, деревни Кашкары, — английский многоплодный овес, весом в четверике 38 фунтов, урожай сам 7». Кроме службы, сельского хозяйства и винокурения, а также чтения и распространения запрещенных книг да беспрестанного сыпания «непозволительными выражениями», в 30-х г.г. Перцов занимался и литературой: тогда напечатана была его комедия «Андрей Бичев» и другие вещи, о которых он глухо упоминает в своих показаниях в III отделении.

Когда бросил Перцов службу, сельское хозяйство и винокурение и переселился в Петербург, чтобы посвятить себя всецело «вольнодумству» и писанию «непозволительных» вещей, неизвестно. В 1858 году мы видим его уже «отставным надворным советником», «нигде не служащим». В этом году он путешествует по Европе, заезжает в Лондон, видится с Герценом, носится с планом завести типографию «в Петербурге, с дозволения правительства», как объясняет он в своих показаниях. Но обо всем этом нет точных сведений. В начале августа 1860 года в III отделение был переслан от министра государственных имуществ полученный им донос на Перцова: «Это — самый ожесточенный корреспондент Герцена,— писал доноситель и прибавлял: — у Московской заставы пробочная фабрика брата Перцова..., там фабрикуются все материалы для «Колокола».

Однако в доносе не называлось имени Перцова и сообщалось, будто бы он служит в министерстве внутренних дел. III отделение навело справки о всех Перцовых, живущих в Петербурге, и этим ограничилось. Прошел целый год. Наконец, в августе 1861 года перехвачено было несколько толстых пакетов из Казани в Петербург на имя Эр. П. Перцова, с подробным изложением истории крестьянских волнений в с. Бездне. Решено было, что посылка предназначается для «Колокола». Вспомнили про донос. Доложено было Александру II; 29 августа 1861 года был произведен обыск у Эр. П. Перцова, бумаги забраны, и сам он арестован. Началось дело. Доказательств преступных сношений Перцова с Герценом и сотрудничества его в «Колоколе» найти не удалось; он оказывался виновным только в составлении и хранении у себя возмутительных сочинений без попытки распространять их. III отделение нашло неудобным предавать Перцова суду: во-первых, потому, что найденные у Перцова бумаги не входят в сферу занятий наших обыкновенных судов, и, во-вторых, переход этих бумаг из одной инстанции в другую повлек бы неизбежно к опасному оглашению такого рода идей, проявле-

ние которых именно преследуется правительством, и произвел бы неминуемо соблазн». Дело решено было в административном порядке: высочайше повелено было заключить Перцова на 6 месяцев в крепость и затем выслать под надзор полиции в Вятку. Однако потом, в виду расстроенного здоровья и «преклонных лет», заключение в крепость было отменено, а Вятка заменена Новгородом, куда его и отправили в сопровождении жандарма в начале ноября 1861 года. В августе 1862 года ему разрешено было временно приехать в Петербург для лечения, а потом он и совсем тут остался. Умер Перцов здесь же 11 июля 1873 г. и погребен на Митрофаниевском кладбище [1]).

М. И. Михайлов рассказывает в своих записках, что во время своего заключения в III отделении, во второй половине сентября 1861 года, он, смотря в окно своей камеры на двор, «по нескольку раз в день видел одного арестанта — господина с седой французской бородкой, в сером инвернесе», который, как ему объяснили, ходил гулять по садику. Он думает, что это был не кто иной как Перцов, «тоже отчасти литератор», об аресте которого он слышал перед своим арестом [2]). Очевидно, к лету автор записок остриг свою «купеческую бороду», с которой он совершал свои «хождения в народ» в Петербурге в дни объявления воли.

Перцов пространно доказывает в своих показаниях, что он писал свои записки отнюдь не с целью напечатать их, а только для того, чтобы потом, обработав их, передать их в Публичную Библиотеку для хранения «на основании существующих законов». Но это — не более как ловкий прием, который, повидимому, и удался ему. В действительности, разумеется, записки предназначались к напечатанию в ближайшем будущем, конечно, за границей, быть может, даже и в «Колоколе». Об этом назначении их красноречиво свидетельствует следующая фраза из вступления ко второй записке: «Мои заметки о России вообще будут напечатаны особо». Для напечатания в «Колоколе», в виде поправки к опубликованному там, в № 100, письму профессора Н. Н. Булича, предназначались, по всей вероятности, и те материалы о крестьянских волнениях, которые присылались Перцову из Казани братом его Константином (советник губернского правления) и другими лицами. Писал ли Перцов в «Колоколе» что-нибудь раньше, — это вопрос, на который трудно ответить.

Каждая из печатаемых нами записок Перцова занимает особую, тщательно сшитую тетрадь в 4-ю долю, в которой исписаны чернилами обе стороны листа, без нумерации страниц. На записках, над заголовками, проставлены карандашом цифры: 1, 2, 3, 7. Это — порядковые нумера записок. После № 3 идет прямо № 7. Значение этого скачка объясняет листок в восьмушку, вложенный в первую тетрадь. Здесь набросаны карандашом, видимо, на скорую руку, с сокращениями текста и отдельных слов, заголовки наших четырех записок с прибавлением пяти других, при чем порядковые нумера предпоследних пяти записок переправлены, тоже карандашом. Воспроизводим этот перечень, проставляя в скобках первоначальные нумера, где они изменены, и отмечая звездочкой печатаемые нами записки:

*1.— 19 февр[аля].

*2.— Печатание и брошюрование.

---

[1]) «Петербургский Некрополь», том III, СПБ. 1912, стр. 390.

[2]) М. И. Михайлов. «Записки», под редакцией и с вступительной статьей А. А. Шилова. Петроград, 1922 года, стр. 47.

*3.—5 марта.
4.—Продажа Положений.
*7 (5).—Манифестации.
8 (6).—Журнальные возгласы.
5 (7).—Разбор Положений.
9 (8).—Заключение.
6.—Первые впечатления народа.

Мы имеем перед собой план большого труда об освобождении крестьян, предпринятого автором, и находящиеся в нашем распоряжении записки — только четыре из девяти этого труда. Наши записки в плане помещены рядом, только между третьею и четвертою вставлена новая записка; расположены они в том же порядке, что и в тетрадях, и носят нумера: 1, 2, 3 и 7 (5). План подвергался переработке. Четвертая из печатаемых нами записок («Манифестации») первоначально поставлена была на пятом месте, а потом автор решил передвинуть ее на седьмое. «Разбор Положений» с 7-го места перенесен на 5-е. Прибавлена новая записка — «Первые впечатления народа», которой предназначено было место сейчас же после «Разбора Положений». На позднейшее происхождение записки № 6 указывает то, что заголовок ее помещается в последней строке плана, уже после «Заключения»; почерк, которым он написан, — более торопливый, с другим наклоном букв, и в цифре «6», обозначающей нумер, нет никаких следов переправки. Эта записка внесена была в план, очевидно, в то самое время, когда в нем переделывалась нумерация записок, при чем ей и дан был прямо № 6.

Итак, есть прямые указания на 9 записок, а на-лицо только 4. Где остальные 5? При обыске у автора были взяты и по всему его делу проходят только 4 записки. Этим исключается предположение, что остальные 5 записок пропали в III отделении или в его архиве. Остается, значит, предположить одно из двух: либо автор до своего ареста, т.-е. до конца августа 1861 г., успел составить лишь 4 записки, а к составлению остальных совсем не приступал, либо остальные записки, или наброски для них, в момент ареста автора находились у кого-нибудь из друзей. Последнее представляется более вероятным. Трудно, в самом деле, допустить, чтобы у автора не было не только самых записок или набросков их, но даже и материалов и заметок, к ним относящихся; а, между тем, ничего такого при обыске у него не взято. В начале второй из печатаемых нами записок автор упоминает о каких-то своих «заметках о России вообще», которые «будут изданы особо», т.-е. отдельно от записок об освобождении крестьян. Речь идет не о проекте сочинения, которое еще предстоит написать, а о готовом сочинении, которое остается только напечатать. Так приходится понимать вскользь брошенное замечание автора. Стало быть, не все его бумаги попали в руки III отделения. Среди бумаг, во время обыска находившихся у друзей, могли быть и отсутствующие 5 записок об освобождении крестьян.

Все четыре печатаемые нами записки продолжали обрабатываться автором, повидимому, до самого последнего времени. Об этом свидетельствуют многочисленные вставки в середине и дополнения в конце, написанные в большинстве случаев карандашом, мелкие — на полях тетрадей, крупные — на вкладных листках в 8-ю или 4-ю долю. Почти все вставки и дополнения, набросанные карандашом, написаны очень неразборчиво, испещрены помарками и поправками, и местами карандаш

до такой степени стерся, что разобрать написанное стоит большого труда. Все эти вставки и дополнения отмечены нами в примечаниях.

В виде прибавления к четырем главам записок Перцова печатается заметка его по поводу опубликованных в «Колоколе» донесений генерал-майора Дренякина царю и шефу жандармов о том, как он пулями, шпицрутенами и розгами вбивал пензенским мужикам истинный смысл манифеста и Положений 19 февраля. Эта заметка составляет необходимое дополнение к запискам об объявлении воли. Ею заполняется до некоторой степени существенный пробел в них, происшедший вследствие того, что ко времени составления их еще не было сведений о том, как народу объявлялась и растолковывалась воля в деревне. Вначале Перцов только смеялся над командировкой генералов свиты и флигель-адъютантов в губернии, усматривая в этом скорее курьез, чем что-нибудь серьезное; но несколько позднее, когда стало известно, что̀ творилось в деревне весной 1861 г., он понял, что, посылая «особо доверенных лиц» на места, правительство подготовляло войну освобождаемым мужикам. Тщательно делавшиеся автором выписки из сообщений «Колокола» о том, что творилось в деревне, и подробные описания событий в селе Бездне, получаемые Перцовым от очевидцев, показывают, как сильно интересовался он работой свиты его величества генерал-майоров и флигель-адъютантов, а заметка о донесениях Дренякина дает основание предполагать, что в его голове созревал план новой записки об объявлении воли, долженствовавшей дополнить написанные ранее. Заглавие этой заметке дано нами.

Печатая записки Перцова с соблюдением нового правописания, мы считаем, однако, необходимым сохранить характерные старинные выражения — «градская дума», «градской голова» и пр.

А. Санин.

1.

Ночь с 18 на 19 февраля 1861 года.

За долго до наступления 19 февраля 1861 года, дня восшествия на престол государя *), распространилось в Петербурге общее убеждение, что в этот день будет объявлена воля крепостным людям. Нельзя было ни одного простолюдина уверить, что и этот день пройдет так же напрасно, как и многие предшествовавшие дни, заранее отмеченные народным ожиданием, каковы были: 1 октября (Покров) и день Рождества Христова в прошлом году и день нынешнего нового года [1]).

Из многих внутренних губерний писали в Петербург, что и там крестьяне ждут дня восшествия на престол, как дня своего освобождения. Зная, что в большей части губерний крепостное сословие составляет полови̇ну, а в иных даже три четверти населения, что в двух столицах, Петербурге и Москве, число простонародья простирается до двух третей общего числа жителей и что на пространстве целой России

*) 19 февраля 1861 г. было шестой годовщиной восшествия на престол Александра II. — *(Прим. ред.)*

нет клочка земли, на который не имел бы влияния человек, более или менее заинтересованный крестьянским вопросом, — можно смело и без преувеличения сказать, что 19 февраля 1861 года вся Россия была в напряженном состоянии. Казалось, почему бы не думать, что это был лук, сильно натянутый до того, что тетива готова отскочить сама собой и отбросить наложенную на нее стрелу; почему бы не думать, что это был паровик, готовый лопнуть от избытка накопившихся в нем паров? В любом европейском государстве обманутое ожидание народной массы произведет взрыв, шум, толки, — по крайней мере, что-нибудь похожее на то, что происходит в каждом отдельном человеческом организме вследствие несбывшейся надежды или ошибочного расчета. Но у нас подобные причины не производят даже досады: мы — лук, на тетиве которого нет стрелы; мы — паровик, которому не нужно клапана, потому что пары просачиваются сами собою сквозь его стенки.

С душевным волнением, но покойно ждали 19 февраля и крестьяне и помещики, которых судьба зависела от решения крестьянского вопроса. Ждали его со всеми очевидными признаками боязни и трепета те, в руках которых он обращался, которые одни знали секрет его разрешения и которых судьба вовсе от него не зависела.

Вот правдивая летопись современных событий.

За неделю до наступления дня восшествия на престол в 1861 г., слыша со всех сторон о народном ожидании, министр внутренних дел Ланской [2]) доложил о том государю и выпросил у него разрешение сообщить секретно, по телеграфу, всем губернаторам, чтобы в случае возмущения они объявляли, что указ об освобождении будет объявлен в продолжение поста *).

Такая секретная телеграмма дана была и с.-петербургскому военному генерал-губернатору Игнатьеву [3]).

Ланской знал, что никаких публикаций народу не нужно, но ему было выгодно нашептывать о том государю и вести дело в секрете. Каково же было его удивление, когда за день до дня восшествия на престол, именно утром 17 февраля, ему показали обнародование его секрета: на первой странице вышедшего в тот день № 39 «Ведомостей С.-Петербургской Полиции» он прочел, что с.-петербургский генерал-губернатор Игнатьев, в опровержение разнесшихся слухов, от своего имени объявляет, что «19 февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу не будет».

Ланской понял, что Игнатьев забегает мимо его к государю с распоряжениями по крестьянскому делу. Он очень хорошо знал, что при общей безграмотности нашего простонародья никакие на свете публикации не проникают не только в глушь наших сел и деревень, но даже и в городское население и что в самом Петербурге найдется не одна

*) С первых дней, как крестьянский вопрос получил решительный ход, в доме министра внутренних дел устроен свой отдельный телеграф для секретных сношений с губернаторами. — *(Прим. автора.)*

сотня тысяч людей, которые во всю свою жизнь не будут знать, что Игнатьев когда-то успокаивал их опровержением слухов. Но он также очень хорошо знал, что никакое всенародное объявление не может быть у нас сделано иначе как с утверждения государя. Следовательно, в прочитанной им публикации Игнатьева дело шло не о народе, не об успокоении будто бы воспаленных голов, а, гораздо важнее, о том: кому из двух—министру или генерал-губернатору—принадлежит первая честь успокаивать государя? В сфере высшей бюрократии действительная жизнь очень часто принимается за ничто, но зато каждый лоскуточек бумаги, выставленный на показ царя, имеет жизненное, а подчас и роковое значение.

Публикация Игнатьева явилась в печати в пятницу, день, в который Ланской обыкновенно ездит с докладом к государю, и он не потерял этого случая: он в тот же раз доложил государю, что публикация Игнатьева неполна, не выражает той спасительной идеи, какую он, министр, глубоко обдумал, и он предложил свой проект публикации, наскоро составленный в то же самое утро в земском отделе его министерства. Государь его одобрил, и, таким образом, лакейская выходка удалась: ливрея министра удержала за собой передовой шаг перед ливреей генерал-губернатора.

В следующее за тем утро, 18 февраля, в «Северной Пчеле» (орган Ланского и князя Долгорукого [4]) явилась статья, в которой, после бестолковой прелюдии о каких-то многознаменательных днях, сказано: «Мы поспешили осведомиться о настоящем положении крестьянского вопроса и узнали из достоверного источника, что можно надеяться, что в седьмой год царствования Александра II, в предстоящие дни молитвы и поста, свершится давно ожидаемое народное событие» [5].

Министр вполне перещеголял генерал-губернатора. Тот просто, напрямик и без затей, приказывает не ждать воли 19 февраля, как и подобает храброму военачальнику, своей команде; а этот, высоким министерским слогом, обещает посулить ее во дни поста, но какого? Как будто и не знает, что в седьмой год царствования Александра II, т.-е. по-просту в нынешнем, текущем 1861 году будет, по обряду русской церкви, как и всегда бывает, четыре поста: великий в марте и апреле, петровский в июне, успенский в августе и рождественский в декабре. Такое увлечение к высокому слогу, всегдашний признак отсутствия искренности, могло бы поставить русский народ, еще более прежнего, в тяжелое, загадочное раздумье, если б он верил обещаниям министров. Потом: кто эти м ы, которые п о с п е ш и л и и у з н а л и и з д о с т о в е р н о г о и с т о ч н и к а, когда все делопроизводство по крестьянскому вопросу ведется под величайшим секретом и когда всем журналистам строжайше запрещено помещать в своих изданиях даже малейшие намеки об освобождении крестьян? Эти м ы еще тем более смешны, что шеф жандармов и начальник шпионов, князь Долгорукий, ревнуя также выказать лакейскую услужливость, разослал статью «Северной Пчелы» во все прочие редакции с.-петербургских

газет, с приказанием ц е л и к о м перепечатать ее, а некоторые и перепечатали ее от своего имени, без указания источника («Русский Мир» и др.).

Ненужным выстрелом на воздух оказалась выдумка Игнатьева для людей, хватающихся за всякий случай выказать свою преданность царю: его публикация поселила в наших бюрократах идею отличиться усмирением бунта, а лучшего повода к усмирению трудно было и найти: в царствование Николая он удался бы отлично. И вот люди, всю свою жизнь проливающие чернила и боящиеся стука отдаленного выстрела, принялись усмирять то, что смиренно падает ниц перед всяким признаком власти; люди, считающие занумерованный лист бумаги решителем судеб, взялись за оружие, которое убивает наповал, без всякой формы. Со всех сторон начались воинственные приготовления; но прежде, чем говорить о них, заметим, что народ во все это время вел себя как нельзя более покойно и тихо. Во все это время я и мои приятели беспрестанно толкались между простонародья, а моя купеческая борода особенно вызывала на откровенность мастеровых, извозчиков и вообще людей из крепостного сословия.

Никто ни в ком не заметил ни малейшего буйного порыва. Правда, все до единого во всех сословиях, не исключая даже духовенства, ждали 19 февраля с каким-то тревожным чувством нетерпения, как уже сказано выше; но опять повторю: это был лук без наложенной на него стрелы; паровик, пропускающий пары во все пазы. Между тем, вот что делало в Петербурге правительство, вовсе отчужденное от народа и не упускающее случая разыгрывать на его счет вариации своего сочинения.

Накануне 19 февраля было заготовлено в каждом съезжем доме [6]) (а их в Петербурге тринадцать) по нескольку возов, от 2-х до 6-ти, розог. Полицейские, когда их спрашивали: «зачем им вдруг понадобились розги в таком огромном количестве?», не запинаясь, хотя и шопотом, отвечали: «для сечения дворовых людей, которые перестанут слушать своих господ».

В каждый съезжий дом была секретно введена рота солдат, с заряженными ружьями, под командой офицера, которому было приказано повиноваться полицейскому начальству и стрелять, в кого оно велит.

Полиция созвала дворников со всех домов и приказала им наблюдать, чтобы ни внутри двора, ни на улице перед домом не собиралось более трех человек и чтобы они подслушивали, не говорит ли кто об освобождении помещичьих крестьян, а также и присматривали бы, не окажется ли у кого гостей более трех человек, хоть бы и за карточным столом, и обо всем этом немедленно давали бы знать надзирателю своего квартала. При этом полиция обещала 5 рублей за донос и 200 розог в случае, если о чем-нибудь из сказанного сама узнает мимо дворника. Такими средствами правительство уже издавна развращает наш народ; но, к счастью, шпионство к нему не прививается, не потому, впрочем, чтобы ему были свойственны понятия о чести, а, главное,

потому, что сама же полиция украдет обещанные 5 рублей и самого же доносчика затаскает к допросам, справкам и очным ставкам.

Вместе с тем полиция приказала всем дворникам, без исключения и без отговорок, караулить ворота дома напролет три ночи сряду. В обыкновенное же время дворники соседних домов чередуются между собой для ночного караула, через два и три дня.

Фабрикантов, имеющих заведения в городской черте и в окрестностях Петербурга, полиция обязывала задать с вечера приходящим рабочим такие уроки, чтобы они не могли исполнить их ранее утра и утомлением были бы доведены до необходимости отдыхать весь день 19 февраля, а рабочих, живущих на фабриках, не выпускать из квартир во весь этот день. Фабриканты, выслушивая предписание (которое им в руки, однако, не давали) и расписываясь в его чтении, тут же объявляли, что они не в состоянии исполнить ничего из предписанного, без нарушения своих условий с рабочими и без опасения возбудить с их стороны ропот и даже неповиновение. Помощники надзирателей, отбиравшие подписки, сами соглашались с фабрикантами и просили их только расписаться «для очистки бумаги», как обыкновенно у нас делается.

Такими кроткими и человеколюбивыми мерами правительство готовилось приветствовать освобождаемый им самим народ и встречало страшное для него самого наступление ночи с 18 на 19 февраля. Затем начались вооруженные приготовления противу призрака, созданного бюрократами.

В сумерки военные патрули начали ходить по иным улицам в двойном, а по другим в тройном числе противу обыкновенного. Это усиление ночных обходов, вообще и всегда имеющих характер неприятельского нашествия, было особенно обращено на те части города, в которых проживает наибольшее число мастеровых и рабочих.

Также с наступлением вечерней темноты во всех маленьких внутренних двориках Зимнего дворца были расставлены отряды солдат, а во близлежащем экзерцир-гаузе — собственный конвой его величества, состоящий, как известно, из черкес, осетин, кабардинцев и других дикарей Кавказа: охрана, приличная самодержавному престолу в таком деле цивилизации, каково освобождение крепостных людей! Вся эта стража, равно как и караулы во дворце и во всем городе, имела заряженные ружья и по 6 патронов на солдата.

В то же время во всех казармах сухопутных и кавалерийских полков роздали солдатам боевые патроны, а в артиллерийских — зарядили пушки. Зарядили также пушки, давно уже скрытно поставленные внутри адмиралтейства. Многие полковые командиры объявили офицерам, чтобы вечером, 18 февраля, они никуда не отлучались из своих квартир, а во всех без исключения полках командующим отдельными частями приказано было не отлучаться от своих команд. Один из очевидцев рассказывает, что в этот вечер ни одного офицера

не было на представлении в цирке, до которого вообще все наши офицеры большие охотники.

Тогда же разосланы были повестки от военного ведомства во все полки и военно-учебные заведения, а от придворного — ко всем имеющим приезд ко двору кавалерам и дамам, что 19 февраля не будет ни развода в манеже, ни выхода во дворце. В обыкновенное же время отмены, или, как говорится, отказы разводов и выходов, делаются утром того самого дня, в который они были назначены. Говорят, что, точно предлагали запереть все кабаки на три дня, но что откупщики на это не согласились.

Вечером 18 февраля приехали в Зимний дворец оба графа Адлерберга, отец [7]) и сын [8]), Сухозанет [9]), князь Долгорукий, Игнатьев, Муравьев [10]) и Чевкин [11]) и объявили, что они явились охранять особу царя и царское семейство. Надобно заметить, что все эти господа — самые упрямые и ярые противники освобождения крестьян и вместе с тем гонители всякого либерального направления, а что касается до их личной храбрости, то она до сих пор не испытана, потому что все они, хотя и носят военный мундир, но никогда не нюхали пороха и всю свою службу совершили вокруг чернильниц, за письменным столом, ратуя за канцелярский порядок и бывая в походах противу здравого смысла, просвещения и русской орфографии. Храбрость их сомнительна уже и потому, что все они стары, одержимы болезнями, не способны защищать самих себя, а Чевкин, сверх того — горбатый, тщедушный карлик. По всей вероятности, они явились во дворец не с тем, чтобы положить за царя свои головы, а с тем, чтобы самим спрятаться. Постоянно лукавствуя противу решения крестьянского вопроса и противу всякой идеи, имеющей признак независимости, они, очень естественно, должны почувствовать невольный озноб, какой чувствует всякий дремлющий перед восходом солнца, а для них этот предутренний озноб должен был наступить 19 февраля, когда от подписи руки царя могла взойти свобода над Россией, хотя бы в облаке освобождения помещичьих крестьян, и когда со всех сторон могло пахнуть свежестью нравственного обновления. Естественно также и то, что они думают дешевой монетой явки во дворец и потерянного сна от худо-проведенной ночи купить себе драгоценную уверенность царя в их преданности.

Рассказывают следующий случай, который мы не выдаем за верный, хотя и не имеем повода в нем сомневаться, ибо он передан нам таким лицом, который сам слышал его от одного из действующих лиц. Упомянутые выше защитники престола, явившись во дворец, были в печальном настроении духа: все они, как револьверными пулями, были заряжены слухами, готовыми разразиться трепетом и криком при малейшем поводе. Фигура Игнатьева особенно была олицетворением испуга; еще утром того самого дня он беспрестанно выказывал трусость: чиновники его канцелярии, докладывавшие ему дела, заметили, что он как будто прислушивается к отдаленному

шуму и поминутно вздрагивает, спрашивая: «что это, стреляют?» Стук экипажа по изрытой, исковерканной мостовой казался ему чем-то необыкновенным. Все прочие, принявшие на себя роль защитников особы государя, не лучше Игнатьева сохраняли вид, приличный этой роли: столбы самодержавного престола очевидно были непрочны и шатки. В таком расстроенном душевном состоянии сели они, по приглашению государя, за ужин. Государь один был бодрее их всех. За вторым блюдом вдруг раздался какой-то неопределенный шум и стук за стеною дворца. Муравьев первый вскочил со стула и, закричав: «Ваше величество! Стреляют!», стал препоясываться своей деревянной саблей. Но государь, не вставая со своего места, покойно отвечал: «Нет, это, кажется, не похоже на выстрел». Вслед за тем раздался новый такой же стук; все ужинавшие бросились отыскивать прежде всего свои каски, повторяя: «Стреляют из крепости!». Тогда государь также встал и, обратясь к лакеям, сказал: «Скорее мне лошадь!». Князь Долгорукий, встревоженный и выстрелом и желанием показать перед государем свое мужество, вскочил на окно, выходящее противу Петропавловской крепости, отворил форточку и, высунув в нее свою голову, стал прислушиваться и приглядываться. В эту минуту вдруг что-то невидимое охватило его по всему лицу; он спрыгнул с окна, бледный, испуганный и осыпанный снегом, а вслед за тем, сквозь открытую форточку, явственно послышалось падение снежных глыб, счищаемых с дворцовой крыши. Государь захохотал, столбы престола также потряслись от дружного закатистого смеха; подали шампанского, и все снова примирились с мужеством и снова были готовы на подвиги бесстрашия.

Если этот случай справедлив, то какой прекрасный урок сама судьба дала государю, что в действительной опасности он менее всего должен полагаться на своих приближенных, окуривающих его лестью и ложью, что тогда он должен стать от них как можно дальше и что в жизни царей, так же, как в жизни всякого человека, могут быть минуты, когда все зависит от одного самого себя.

Знаем достоверно, что все вышеозначенные почтенные и надежные хранители престола провели всю ночь с 18 на 19 февраля в Зимнем дворце и разъехались по домам уже поздним утром и что на следующий же день многие генерал-адъютанты, а в числе их князь Суворов [12]), Анненков [13]), Витовтов [14]) и другие, узнав об этой проделке старцев, называли их подлецами с досады, что не были приглашены ими или что им самим не пришло в догадку выкинуть подобную штуку.

Между тем, ночь с 18 на 19 февраля пронеслась над Петербургом мирно и тихо, — даже, как бы в насмешку над тупоумной бюрократией, гораздо благополучнее обыкновенного: в эту ночь не было ни одного из тех происшествий, которые составляют постоянную, ежедневную хронику «С.-Петербургских Полицейских Ведомостей», — не случилось ни одного воровства, никакой драки, ни малейшего ушиба рабочего; умерли скоропостижно один легковой извоз-

чик и какой-то коллежский асессор министерства иностранных дел

Но свободобоязливая администрация все еще продолжала трусить, ее все еще давил кошмар бунта. В ночь с 18 февраля и во весь день 19 февраля никого не впускали в город из окрестных селений, даже молочниц с Охты и огородников из Новой Деревни, составляющих часть городского населения и только по своим паспортам принадлежащих к крестьянскому званию. Также и не выпускали никого из города, впрочем, по одному Шлиссельбургскому тракту; а почему такая доля выпала на этот тракт—разгадать вне человеческих понятий.

Многие полковые командиры не выпускали солдат из казарм, удерживая их под разными предлогами.

С утра полиция объявила домохозяевам, чтобы вечером 19 февраля не зажигали плошек на улицах перед домами, как это обыкновенно водится во все царские праздники. Само собой разумеется, что при нашем обыкновенно плохом освещении города неимение плошек в торжественный день, который притом случился воскресеньем, скорее всего могло бы подать повод к беспорядкам, даже грабежу, ибо в праздничные дни всегда на улицах более народу, чем в будни, но и этим глупым упущением полиции никто не воспользовался. Подобного распоряжения иначе нельзя назвать, как упущением, да еще глупым *).

Все было мирно и тихо. Но нельзя сказать, чтобы все было недвижимо и покойно. Уже выше объяснено, с каким напряженным нетерпением все сословия ожидали наступления 19 февраля, и вот тому живое доказательство, вырвавшееся само собой из народной мысли.

Но прежде повторим, что простой народ вовсе не знал о публикациях Игнатьева и Ланского, и дополним, что все описанные нами меры, предпринятые со всех сторон противу воображаемого бунта, также оставались вовсе неизвестными не только простонародью, но и никому из мирных жителей Петербурга: они делались среди полиции и военных в таком секрете и под таким страхом ответственности, что собрать о них сведения мы могли, урывками и под рукою, не иначе как в течение целых двух последующих недель. Следовательно, во весь период ожидаемого бюрократией бунта, народ был предоставлен совершенно самому себе и ничем не запуган.

*) При этом не мешает заметить, что наше дикое самодержавие не имеет даже и тех традиций, которые считаются непарушимой святыней в Австрии и Турции: свои высокоторжественные дни оно то празднует, то не празднует, то переводит на другие дни, как, например, именины покойной Александры Федоровны и многие дни рождений и имянин нынешних великих князей и княгинь, или, как было в 1857 году, когда иллюминация в Петербурге по случаю именин государя была отсрочена сначала на пять, потом на семь дней. Наше дикое самодержавие, в порывах буйной, ничем не сдерживаемой воли, не уважает себя так же, как не уважает своего народа. К несчастью, народ имеет в этом отношении более такта. — *(Прим. автора.)*

И вот случай, неопровержимо доказывающий терпеливое выжидание нашего народа. В церкви Вознесенья (близ Вознесенского моста, на Екатерининском канале), по окончании обедни, дьячок стал читать так называемую выкличку, или поименный список вступающих в брак. Народ, услышав голос чтеца, обернувшегося к нему лицом, и увидав в его руках лист бумаги, прихлынул к нему вдруг, как одна сплошная масса, но, расслышав, что это не манифест об ожидаемой им воле, стал тихо, один по одному, отодвигаться назад и выходить из церкви, переговариваясь между собой: «Нет, это не то, видно и сегодня объявки о воле не будет»... Паровик пустил пары во все щели! То же самое движение произошло, говорят, в церкви Спаса, на Сенной, и в церкви Симеона, на углу Моховой. Просим бюрократов объяснить, может ли разительнее проявиться народная покорность в вопросе животрепещущем, задевающем за ретивое? Что стали бы делать бюрократы, если бы им года за три объявили, что вот в один какой-то день каждому из них дадут по кресту и по чину, а иным и прибавку жалованья? Да они во все то время, как бы оно долго ни тянулось, обегали бы за покровительством все передние и задние крыльца лиц, от которых зависят награды, истоптали бы за справками пороги и лестницы всех возможных канцелярий и комитетов, измучили бы своих жен и детей различными своими тревогами и предположениями, а сплетен, интриг друг против друга, доносов, пересудов, кляуз один на другого... Да! в самом деле, пожалуй, пришлось бы учить их терпению розгами... или, хуже того, унимать от мерзостей штыками и пушками! Вот от них-то нельзя ждать ничего доброго!

Даже и в короткий период дней, предшествовавших и последовавших 19 февраля, полиция, ревностная угадчица желаний бюрократии, успела наозорничать, найдя удобные случаи показать свое удальство над беззащитными.

В тот день, когда частные пристава и надзиратели объявляли свои отеческие нравоучения созванным ими дворникам, один из них, именно Тимофей Феофанов (из дома г. Горохова, № 19, Литейной части, 3 кварт., в Бассейной), возвращаясь из съезжего дома, встретил на улице двух мастеровых каретника, живущего в том доме, где он служит дворником, и на вопрос их: «Зачем его призывали в полицию?», ответил: «За волей» и тут же прибавил: «А, видно, братцы, воля-то дана в самом деле, потому что о ней не велено говорить». Вот как русский народ научен опытом понимать свое правительство! Мастеровые, увидав в трактире лакея офицера, живущего в том же доме, передали ему, что воля уже дана, и сослались на дворника, а лакей сказал о том своему барину, г. Зайцеву, офицеру л.-гв. Павловского полка. Этот офицер уже давно был сердит на дворника за то, что тот долго не отворяет ему калитки, а заставляет ждать всякий раз, когда он возвращается из гостей домой поздней ночью. Офицер отправился к приставу Литейной части, и бедному Тимофею Феофановичу,

в присутствии опять нарочно собранных со всей части дворников, дали 230 розог (в «Колоколе» — 500 розог) [15]).

19 февраля мне пришлось возвращаться домой вечером. Я заговорил, было, о воле с извозчиком, который вез меня: «Нет, барин, — прервал он меня, — вы уж лучше не говорите со мной об э т о м!» — «А что?» — «Да я и думать-то о т о м боюсь». — После нескольких моих убеждений, извозчик мне открылся: «Сегодня по-утру один из наших ребят, перед тем, как надо запрягать лошадь, сказал хозяину: «Да полно, запрягать ли? Ведь сегодня... того... о н а... вот как вы назвали, объявлена». А тут случись городовой, хозяин сгоряча и расскажи ему. Митюху-то взяли в часть, всех нас тоже проморили в части, хозяина то-и-дело звали то к приставу, то в контору, и, уж к вечерни стали благовестить, Митюху при всех нас так отодрали, что спаси, господи!»...

И после подобных ежедневных сцен у нас находятся люди, которые горячо толкуют о нашем покровительстве сирийским христианам и константинопольским грекам!

В тот же короткий период дней, предшествовавших 19 февраля, были спущены во все трактиры, харчевни, кабаки и другие публичные места две стаи переодетых шпионов полиции и III отделения собственной его величества канцелярии, тайно одни от других, и с явным намерением двух начальств превзойти друг друга. Шпионы полиции забрали где-то шпионов III отделения и засадили их в кутузку, где они и пробыли всю ночь, пока ошибка объяснилась.

Достоверно также, что арестовали одного, приехавшего из Москвы, студента, либеральничавшего под пьяную руку в трактире. К нему подладился кронштадтский купец, который в чаду хмеля просил его о продолжении приятного знакомства, дал ему свою визитную карточку и выманил у него намаранный тут же в трактире на лоскутке бумаги адрес его квартиры. Оказалось, что купец — шпион, который сам же и захватил студента ночью.

Обратимся теперь к тому, что̀ происходило во дворце, у источника ожидаемого крестьянами освобождения.

18 февраля государь приказал государственному секретарю Буткову [16]) принести к нему 19 февраля утром, до обедни, все бумаги по крестьянскому делу, требующие его подписи. Исполняя это, Бутков спросил государя, в какое время он прикажет ему притти обратно за бумагами. Государь отвечал, что приходить ему не нужно и что он сам пришлет к нему все бумаги, как только их подпишет. Выходя от государя, Бутков встретил во дворце великого князя Константина Николаевича, который тотчас же спросил его: «Подписал ли государь бумаги по крестьянскому делу?». Очевидно, что 19 февраля крестьянское дело, как гвоздь, сидело в головах членов императорской фамилии и что без вмешательства бюрократии окончательное его решение было бы обнародовано в этот самый день. Царь, как видно, инстинктом угадывал народное ожидание и ему сочувствовал.

Утром 19 февраля государь со всею царскою фамилиею был у обедни в малой церкви Зимнего дворца и по окончании богослужения прошел оттуда в комнаты императрицы, где все они пили чай и завтракали. От императрицы государь отправился один в свой кабинет и приказал камердинеру распорядиться, чтобы церковь опять отперли и чтобы в ней никого не было, даже ни священников, ни причетников. Вскоре потом он пошел в церковь и оставался в ней один около 20 минут. Сторож, незаметно для него спрятанный за коридорными дверьми, ожидал его выхода. Из церкви государь шел необыкновенно скорым, торопливым шагом и с видом решимости, никогда прежде в нем не замеченной. По возвращении в кабинет, он тотчас сел за бумаги и начал их подписывать одну за другою, а всех его подписей требовалось, говорят, 35. По подписании он, ни мало не медля, отправил бумаги с фельдъегерем к Буткову.

Вслед за тем придворные лакеи скакали верхом и бегали опрометью ко всем членам императорской фамилии с повестками, от обергофмаршала или министра двора, что государю императору благоугодно, чтобы они проехались несколько раз по Невскому проспекту: дамы и женатые в колясках, а холостые верхом *). Подобные катанья по назначению составляют службу их высочеств, и никто из них не смеет отказаться от подобных нарядов потому, что они признаются нужными для блага народа и династических интересов.

В дообеденное время сам государь ездил в коляске по Невскому проспекту и по Большой Морской и, не выходя из нее, приостанавливался на несколько минут против памятника Николая Павловича, у которого накануне того дня (18-е — день кончины незабвенного) обложили весь нижний выступ искусственными цветами. Памятник и без того поразителен пестротою материалов, из которых он слеплен. Темнеющая от времени бронза стала было уменьшать эту пестроту, как вдруг, среди зимы, снегов и вьюги, налепили на него аршинной высоты бордюр из голубых, малиновых и белых роз. Говорят, что на эти коленкоровые и бумажные цветы ассигновано 750 рублей, а действительно они стоят едва ли более 50 рублей. Для летописца в этом событии замечательно то, что со времени своего открытия памятник ни разу не был украшен цветами, даже и в день первой своей годовщины, прошлой зимой; очевидно, что в нынешних розах кроется связь с решением крестьянского вопроса, но, к сожалению, это — чересчур сентиментально и не по-русски.

Что же выражают катанья по городу государя и царской фамилии в день ожидаемого бунта? Хочет ли государь показать своим льстецам, что он не разделяет их трусости и не верит в возможность опасности? Но в таком случае, зачем же он верит их наговорам и одо-

*) Передаем здесь смысл, а не подлинные слова повестки. Царское семейство управляется так же самодержавно и теми же бюрократическими формами, как вся Россия. — *(Прим. автора.)*

бряет предпринимаемые ими меры? Все знают, что из тех распоряжений, какие делались к 19 февраля, нельзя сделать ни одного, не испросив предварительно высочайшего соизволения: таков уже у нас ход государственного механизма. Хочет ли государь показать народу, что он его не боится? Но разве ему не известно, что русский народ искони привык бояться царя самого доброго и что у него тверда пословица: «Близ царя — близ смерти»? Если бы народ имел тревожную, неодолимую мысль, то ни револьверная полиция, ни скрытые по закоулкам солдаты не помешали бы ему завалить разъезжающего по улицам царя просьбами, записками, слезными мольбами или бежать от него прочь и тем явно выказать свое недовольство и недоброжелательство!

Трое суток работала бюрократия над отысканием мятежных начал в народе, который иначе не бунтует, как ложась сотнями тел под плеть одного станового! Целую ночь подпирали старцы престол, который переживет и их так же, как пережил тысячу подобных лакеев, между коими были и буйные и наглые, а иногда и умные и ловкие, не чета им! И что же из всего этого вышло? Голубые розы на памятнике Николая Павловича и царское катанье по Невскому проспекту.

Из Ярославля и Калуги.

В Ярославле 19 февраля было такое огромное стечение крестьян из деревень, верст за сто и более, что город представлял вид ярмарки. Пришедшие крестьяне и крестьянки стекались в собор, вокруг которого, по неимении места внутри, образовались густые толпы, так что не только у входа и на паперти не было где упасть яблоку, но даже и в отдалении от них нельзя было пробраться от тесноты и давки. По окончании богослужения, все эти не нашедшие себе места в церкви спрашивали выходящих: «Объявлена ли воля? Читали ли манифест?». Не получив утвердительного ответа, все приуныли и в тишине расходились от собора: кто назад в деревню, кто отыскивать себе помещение в городе до следующего утра. Общественное спокойствие не было ничем нарушено.

В Калуге в тот же день умный губернатор распорядился поставить часовых у дверей собора на все время обедни и не пускать в него никого из простонародья. Несмотря также на огромное стечение из окрестных деревень, полиция не нашла, к чему придраться.

В губерниях, наиболее отдаленных от центра администрации, решение крестьянского вопроса еще менее занимало умы. Так, например, из Казани нам пишут, что там о крестьянском вопросе говорят между танцами, обедами и ужинами, как о предмете постороннем, ни до кого не касающемся близко, но занимательном подчас только своею новизной. 19 февраля там не было никакого движения.

2.

Печатание и брошюрование Положений.

Изобретение книгопечатания служит целой Европе для распространения сведений. Русское правительство смотрит на книгопечатание, совсем иначе, и чтобы объяснить его взгляд, нужно напомнить знаменитое изречение Талейрана: «Дар слова дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». В духе той же системы, русское правительство усиливается доказать на практике, что книгопечатание изобретено для того, чтобы люди ничего не знали или знали одно то, что угодно их правительству. Если бы я писал о России вообще, я мог бы привести тысячу примеров в доказательство этой истины и, конечно, менее всего стал бы говорить о книгах и журналах, издаваемых частными людьми и подвергаемых строгой и бестолковой цензуре, но я обратился бы ко всему, что издает само правительство от имени разных ученых комитетов, комиссий и Академии Наук; я указал бы целые учебные курсы, в которых не только исторические события, но и богословские догматы умышленно искажены и представлены в ложном виде; я привел бы выписки из множества педагогических книг, писанных русскими профессорами, и вдвое более того выписок из проповедей самых знаменитых лиц русского духовенства, в которых доказывается, что учение вредно, что все науки, а искусства тем более, суть «сети диавола» и что человек, ничего не знающий, всего скорее приближается к богу и как истинное подобие своего творца несомненно «внидет во врата царствия небесного». Но мои заметки о России вообще [17]) будут изданы особо. В настоящее время я хочу только рассказать в коротких словах, как русское правительство пользуется книгопечатанием для обнародования своих распоряжений и законов. Издание в свет нового «Положения о помещичьих крестьянах» *) дает мне удобный к тому случай, и я надеюсь, что мой простой рассказ займет читателя столько же, как описание внутренности дворца китайского богдыхана или его манифестаций о победе над европейскими варварами, а для иного, может быть, покажется столько же невероятным.

Начну, однако, с того, что печатание всех записок и всех предположений редакционных комиссий производилось во II отделении собственной его величества канцелярии под таким непроницаемым покровом тайны, что о нем я не могу почти ничего сказать. Так как я заношу в мою летопись только одно достоверно мне известное, то об этом печатании мне приходится упомянуть слегка. В продолжение нескольких месяцев типографский набор находился запеча-

*) Здесь речь идет о «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», высочайше утвержденном 19 февраля 1861 года. — (*Прим. автора.*)

танным несколькими печатями и в комнатах, охраняемых военным караулом. Корректуру держали по частям так, что исправление опечаток каждого листа делалось несколькими корректорами, из которых каждому поручали просмотреть не более половины одной полосы набора *), что, как известно всякому знающему типографское дело, не дает возможности ни для каких соображений, и все это имело цель, чтобы никто не мог разгласить ни малейших сведений. По мере того, как в главном комитете, а потом в государственном совете делались изменения некоторых параграфов Положения, двери типографии распечатывались на несколько часов, наборщики, под присмотром особых чиновников, входили в заветные комнаты, отыскивали нужную полосу набора и делали в ней поправки, какие требовались. Все это производилось с необыкновенною таинственностью, как будто совершался какой-то мистический или кабалистический средневековый обряд.

Но азиатская боязнь гласности дошла до комизма, когда государь потребовал, чтобы Положение, уже окончательно рассмотренное, было отпечатано как можно скорее. Ретрограды все еще надеялись оттянуть обнародование освобождения и употребляли разные предлоги до последней минуты. Но когда они истощили все бюрократические проделки к проволочке, когда они убедились, что пришла пора не откладывать печатания, — они доложили государю, что новое Положение не может быть оттиснуто ранее нескольких месяцев уже по одному тому, что оно необходимо в количестве 400 тыс. или даже 600 тыс. экземпляров и что, содержа в себе более 40 печатных листов, — в одном экземпляре, оно составляет всего от 16 до 24 миллионов листов, количество, неслыханное и невозможное ни для одной типографии в России, да, по всей вероятности, едва ли и нужное, потому что даже свод законов, в котором имеют надобность все сословия и который обязаны иметь, без исключения, все присутственные места, никогда не требовался в количестве свыше 40 тыс. экземпляров. Не удалась, однако, и эта попытка. Государь приказал занять печатанием нового Положения все казенные, а если их мало, то и частные типографии.

Вот тут-то бюрократическая кабалистика приняла меры, небывалые в целом свете. Набор, под караулом деланный и под караулом хранимый во II отделении собственной его величества канцелярии, принуждены были развозить для отпечатания во все типографии казенные и частные, имеющие значительные скоропечатные машины. Содержатели частных типографий не преминули воспользоваться этим случаем и содрали с казны неслыханную цену: по 4 р. с тысячи экземпляров за оттиск, получая готовый набор и готовую бумагу

*) Полосой набора называют у нас ту половину листа, которая разом и в одной раме кладется под пресс, французы называют ее «côté de première» и «côté de seconde». — (*Прим. автора.*)

и не делая корректуры, за что они обыкновенно берут не более одного рубля.

Набор развезли в шесть различных типографий: синодальную, сенатскую, Академии Наук, Пахитонова, Безобразова, Тиблена или Круга. Развозили его по ночам в придворных каретах, в сопровождении чиновников главного комитета и II отделения и при двух сторожах у каждой кареты, т.-е. в такое время и с такими же предосторожностями, как возят политических арестантов. В казенных типографиях директоры, а в частных сами содержатели были заблаговременно уведомлены, что в таком-то часу набор будет к ним привезен и чтобы у них все было готово для его принятия в наивозможно большей тишине. Чиновник, подъехав к типографии и не выходя из кареты, посылал уведомить директора или содержателя о своем приезде, и уже потом начинали выгружать набор из кареты. Войдя в типографию, чиновники прежде всего осматривали все двери комнат, отделенных для печатания таинственного набора, и приказывали запирать и заколачивать те из них, которые казались им ненужными или сомнительными, отбирая ключи в свое хранение. Потом они требовали, чтобы работники, назначенные для печатания, тотчас же были разделены на две смены: денную и ночную; каждой смене они составляли поименный список и всех этих рабочих тут же подводили к образу, заставляя поклясться, что они не будут никому ни рассказывать о печатании, ни передавать оттисков, ни даже сами в них заглядывать и их прочитывать, а затем, для большего внушения о святости присяги, священнодействовавший чиновник объявлял им, что виновный в ослушании или потере какого-либо оттиска будет, без суда и следствия, сослан на каторжную работу. У машины, печатавшей оттиски, неотлучно дежурили по два чиновника: один из II отделения и другой из бывшей редакционной комиссии или главного комитета, сменяясь по-очередно днем и ночью. Работники не могли выйти из комнаты, даже за естественной нуждой, иначе как всякий раз спрашиваясь у чиновника, и, кроме того, всякий раз при выпуске из дверей сторожа их осматривали и ощупывали. Без сомненья, если бы у кого из печатников был усмотрен во рту хоть лоскуток бумаги, то и этот papier-maché был бы сочтен за лихоимство или расхищение казенной собственности *) и повлек бы несчастного на каторгу.

*) Нигде в целом свете не существует такая обширная классификация или номенклатура воровства, как в России, стране преимущественно усвоившей себе добродетели древней Спарты. Воровство, кража, мошенничество, взятка, грабеж, похищение, расхищение, растрата, святотатство, казнокрадство, конокрадство, лихва, лихоимство, мздоимство и т. д., — все это видоизменения одного и того же действия, которое на всех языках называется воровством. Кроме упомянутых значений, установленных правительством и введенных им в законодательство, с определением за них различных степеней наказания, русское общежитие допускает еще множество подразделений воровства. Так, например, украсть книгу называется з а ч и т а т ь, присвоить себе чужую вещь не втайне от хозяина, а полученную от него самого под каким-нибудь предлогом, называется

Граф Панин [19]), желая удостовериться, действительно ли печатание крестьянского Положения производится в предписанном секрете, подсылал одного из своих чиновников переодетым в типографию Академии Наук, с предложением печатнику значительной суммы за выдачу оттисков. Но г. Нечаев, управляющий этой типографией, догадавшись о подсылке, с бранью прогнал шпиона, хотя не посмел, однако, задержать его и отправить в полицию. Черта, характеризующая освободителя Панина и обновление России.

Для большей предосторожности к сохранению тайны каждой типографии дали для отпечатания листы разрозненные, не следующие один за другим и не имеющие между собой связи, а первые листы Положения и манифест, на которых должна быть означена подпись государя и время высочайшего утверждения, печатаются, или еще будут печататься, в типографии II отделения собственной канцелярии, разумеется, под тайной, уже вовсе непроницаемой. Между тем, около 25 февраля начали ходить по рукам писанные копии с манифеста, без означения числа и подписи государя. Одна из них попалась в руки Буткову, который сказал, что она верна.

27 [20]) февраля начали печатать манифест в сенатской типографии. Слушали его 2 марта, в четверг, в общем собрании, и тогда же сенаторы решили поднести государю благодарственный адрес, но по предварительному о том докладу государь велел сенаторам молчать, так как сенат не есть сословие, а судебное место.

С 12 февраля брошюровка и фальцование готовых листов Положения начались в I кадетском корпусе, на Васильевском Острове, в залах, занимаемых перед тем редакционными комиссиями. Эта работа продолжалась, день и ночь, до 19 марта. Сначала употреблено до ста переплетчиков, с платой по 25 коп. за каждую тысячу сфальцованных листов и с обязанностью каждому работнику сфальцовать не менее 8.000 листов в день. Утверждали, что на долю переплетчиков, работавших в I кадетском корпусе, назначено 8 миллионов листов и столько же на долю переплетчиков, работавших в Академии Художеств и еще где-то в другом месте (кажется, в Академии Наук). С последних чисел февраля переплетная работа в I кадетском корпусе усилена: ежедневно уже работало по 200 человек, и плата положена была им суточная — по 3 рубля на человека. В то же время в залах корпуса размещено 50 укладчиков и 40 писарей, из которых первые, день и ночь, были заняты единственно упаковкою готовых экземпляров Положения в кожаные чемоданы, длиною каждый в полтора аршина, и в лубочные ящики, длиной каждый до 2 аршин;

з а ж и л и т ь; выманить деньги или вещь из рук в руки называется н а д у т ь; потом еще бесчисленное множество действительных глаголов: стянуть, стащить, смазурничать, облупить, ободрать и т. д., неопровержимо доказывает, как воровство развито в России с давних пор и как оно сильно укоренилось во всех сословиях. Еще... [18]) заметил, что у нас украсть книгу, лошадь и собаку ни во что ставится даже между приятелями. — (*Прим. автора.*)

а последние без отдыха надписывали на чемоданах и ящиках адресы, но какие, нельзя было узнать. Три главные залы корпуса и смежные с ними коридоры были завалены неимоверными грудами печатной бумаги, так что корпусное начальство принуждено было, к своему прискорбию, прекратить обучение кадет фронту и гимнастике *), а запах сырой бумаги и типографских чернил проникал даже в кадетские камеры. С 5 марта, когда началось брошюрование, переплетною работою в кадетском корпусе было уже занято ежедневно до 600 и более человек, с платою каждому от 3 до 4 рублей в сутки. Впрочем, все эти неимоверно-высокие, небывалые цены, по всей вероятности, служили только для воровства чиновников, неизбежного у нас при каждой казенной работе: плата выдавалась немногим вольнонаемным мастерам, а большая часть людей, употребленных в переплетную работу, были солдаты, взятые из всех казенных типографий и разных военных ведомств. Если бы в самом деле требовался призыв огромного числа вольных переплетчиков при неслыханной дотоле задельной плате, то, конечно, в Петербурге опустели бы все частные переплетные заведения, которых число простирается всего до 140, и возвысилась бы цена за переплет книг, чего, однако, не случилось, и в чем я имел случай удостовериться, отдавая в то время переплетать мои книги трем переплетчикам.

В первое время переплетчики собирались в 7 часов утра у запечатанных дверей залы I кадетского корпуса и ждали г. Семенова [21]), делопроизводителя редакционной комиссии. Семенов, впустив переплетчиков в зал, тотчас же запечатывал за ними дверь, а выпуская их уже поздно вечером, опять запечатывал дверь на ночь. Впоследствии, когда работа пошла день и ночь, на две смены, и когда придворные фуры стали безостановочно, в продолжение целого дня, привозить печатные листы из всех типографий, этот филантропический порядок был отменен, и за переплетчиками стали присматривать дежурные чиновники и караульные солдаты. В первое также время у дверей залы ставили шесть сторожей от главного комитета и шесть от кадетского корпуса, а впоследствии число их ограничили двумя от комитета и четырьмя от корпуса, потому что остальные потребовались в Академию Художеств, когда там была начата брошюровка Положения. Обязанность этих сторожей, кроме осмотра и ощупывания переплетчиков, выходящих из залы, состояла еще в том, что они не подпускали никого близко к дверям.

Придворные фуры, заложенные четверней лошадей, цугом и в шорах, развозили печатные листы не иначе как каждый раз в сопровождении одного чиновника и двух сторожей. Каждая из них могла поднять зараз не менее 200 пудов.

---

*) В Михайловском манеже, на разводе 19 марта, кадеты I корпуса промаршировали дурно, чем государь был недоволен. Директор корпуса Лихонин оправдывался только тем, что кадеты давно не учились фронту по случаю крестьянского вопроса. — (*Прим. автора.*)

Впоследствии оказалось, что вся таинственность печатания и брошюрования Положений служила для удобства воровства чиновников. Число экземпляров Положений, пущенных в продажу в Петербурге, как увидим ниже, было весьма незначительно, манифест для обнародования перепечатывали в Петербурге и Москве в синодальных типографиях, а во многих других городах — в типографиях губернских правлений; в Москве так принуждены были торопиться этим делом, что приходские дьякона провели всю ночь в церквах в ожидании манифеста и читали его за обедней еще сырой. О перепечатании манифеста в Петрозаводске даже обмолвились в газетах (см. «С.-Петербургские Ведомости», 24 марта, № 68). В С.-Петербургской синодальной типографии было напечатано его 35 тысяч экземпляров для отсылки в провинции. Где же 400 или 600 тысяч экземпляров, отпечатанных под военным караулом и под страхом каторги? Пора бы, кажется, нашему правительству понять, что канцелярская и типографская и всякая иная тайна нужна только одним чиновникам для ловкого и безопасного обкрадывания казны.

23 марта гр. Блудов [22]) прислал, кажется, 600 рублей за подметание и очистку зал, изгаженных по случаю освобождения крестьян.

7 марта («Ведомости Спб. Городской Полиции», № 53) Игнатьев объявил, что экземпляры Положения о крестьянах, назначенные в продажу на первое время, все распроданы и что вновь продажа их будет открыта, как только приготовится новое число экземпляров.

Затем, 20 марта, опять были пущены в продажу Положения о крестьянах, но опять в незначительном числе, и не у всех книгопродавцев, а вместе с тем поступили в продажу алфавитный указатель и краткое изложение прав и обязанностей крестьян и дворовых.

3.

5 марта.

С высочайшего соизволения, Ланской обещал, что в дни молитвы и поста с в е р ш и т с я давно ожидаемое великое народное событие! Действительно, оно с в е р ш и л о с ь, но только не во дни молитвы, а в самый разгул веселья, не постом, а в последний день масляницы: в воскресенье, 5 марта 1861 года. Что оно давно было всеми ожидаемо, о том нет спору; как оно велико, мы определим ниже разбором манифеста и Положений [23]), а каким порядком оно с о в е р ш и л о с ь и насколько удовлетворило народному ожиданию, расскажем сию минуту.

Вскоре после 19 февраля распространился слух, что манифест о воле будет объявлен 12 марта; лица, обращающиеся в высших сферах бюрократии, утверждали это положительно и решительно. А как в это число приходилась неделя православия (первое воскресенье великого поста), когда русское духовенство, по обычаю своей

церкви, проклинает за обедней всех нарушителей старого порядка, то многие осуждали такой выбор, говоря, что, пожалуй, раскольники, которых очень много между крестьянами, перетолкуют и объявление воли в другую сторону.

1 и 2 марта помощники квартальных надзирателей обходили весь Петербург и по секрету спрашивали домохозяев и дворников, сколько в их домах живет крепостных дворовых людей, и записывали в свои тетради их число, не спрашивая имен ни их самих, ни их владельцев. По этому распоряжению можно было судить, что до обнародования манифеста недалеко, но, зачем полиции требовалось знать только число одних дворовых, а не вообще всех крепостных, угадать было невозможно, и сами полицейские исполнители не могли этого объяснить, отзываясь единственно тем, что так приказано высшим начальством.

2 марта откланивались государю генералы его свиты и его флигель-адъютанты, назначенные в разные губернии для объявления манифеста. Какая инструкция [24]) была дана им и с каким полномочием они командировались, это — важная государственная тайна, которую узнает история и которой объяснится комическая сторона нашего правительства. Мы, современники, знаем только, что все эти генералы свиты и флигель-адъютанты— народ пустой, ни на что дельное не способный, случайно попавший в колесо фортуны: зная нетвердость почвы под своими ногами, они готовы на всякую мерзость для проложения себе дальнейшей дороги. Мы дивились, зачем губернскому населению в деле освобождения могут быть нужны люди, которые в Петербурге не нужны ни на что и не занимаются никаким делом, а при дворе нужны только для счета, да разве иногда для танцев. Дивились мы и тому, что все они отправляются неохотно для объявления воли: многие перепрашивались из одной губернии в другую, основываясь на слухах о более миролюбивом расположении крестьян и помещиков, некоторым удалось отделаться от поездки при помощи сильных связей; а правительство, с своей стороны, строго наблюдало, чтобы никто из них не попал в ту губернию, где он сам или его родные имеют поместья: так, граф Бобринский, киевский помещик, желавший при этом случае повидаться со своим отцом, живущим в Киеве, был отправлен, против своей воли, в Бессарабию. Знаем мы также и то, что в дорогу дали каждому из них по чемодану, на верхушке которого написано название губернского города той губернии, куда он командировался, и в котором было уложено по 1.200 экземпляров манифеста об освобождении и от 20 до 50 экземпляров Положения о крестьянах. Экая, подумаешь, щедрость! По 1.250 даровых экземпляров на губернию, имеющую миллионное население и приносящую казне дохода не один миллион рублей в год. Некоторые из этих господ сочли нужным взять с собой, кроме дарового чемодана, еще по одному бедному отставному чиновнику или не окончившему курс студенту, на случай писания бумаг и справок с законами: «сами-де мы ровно

ничего не знаем, так, авось, поможет человек мало-мальски знающий; а содержание его ничего не стоит: на то в каждом городе есть купцы». Иные, впрочем, были еще дальновиднее: запаслись на всякий случай револьверами. Но смешнее всего, что генералу свиты г. Котену, инспектору Финляндского стрелкового батальона, не знающему ни слова по-русски и говорящему только по-фински и по-французски, досталось поехать в Полтавскую губернию и объяснять манифест малороссиянам!

Говорили, между прочим, что всем, без изъятия, генералам свиты и флигель-адъютантам, отправляемым в губернии для объявления крестьянам воли, разрешено, в случае надобности, употреблять войска по своему усмотрению и действовать картечью и штыками на нравственные убеждения и мозговые фибры жителей. Судя по распоряжениям правительства в Петербурге, достоверно нам известным и рассказанным выше при описании 19 февраля, легко может быть, что трусость наших бюрократов видела возможность бунта в каждой бедной деревушке, одиноко стоящей в безграничной степи. По мнению некоторых, бесполезная развозка чемоданов по губерниям людьми, украшенными эксельбантами и вензелевыми погонами, извлекла из государственного казначейства, и без того тощего, более 60 тысяч рублей. Одних прогонов на предстоящие им всем в сложности и в оба пути 100 тысяч верст, не считая Сибири, требовалось по меньшей мере 12 тысяч рублей; кроме того, известно, как этим господам щедро раздаются деньги на подъем и на суточное содержание.

Как бы ни было, отъезд генералов свиты и флигель-адъютантов, последовавший вскоре после представления их государю, именно 3 и 4 марта, поддерживал общую мысль, что в самом деле, не будет ли манифест объявлен 12 марта или около того времени, как скоро командированные приедут на свои места. Явная нелюбовь правительства к гласности и привычка его все свои действия покрывать тайной обнаружилась и в этом случае даже в мелочах: ни один из отправившихся генералов свиты и флигель-адъютантов не показан в газетах в числе отъезжающих.

Вдруг 5 марта, в 9 часов утра, разнеслась по всему городу весть, что на улицах прибиты объявления полиции об освобождении крестьян, и в то же время дворники стали разносить по жильцам, имеющим у себя крепостных дворовых, манифест и Положение о дворовых, впрочем, для одного только прочтения, говоря, что полиция выдала на каждый дом по одному экземпляру того и другого, но что в съезжих домах раздают и то и другое даром.

Я поспешил выйти из дому, чтобы не потерять случай видеть первое впечатление народа, так давно и так терпеливо ожидавшего воли. NN отправился в Исакиевский собор, я пошел бродить по улицам.

Действительно, на углах главных улиц и у входных дверей каждого съезжего дома было наклеено печатное объявление с.-петербург-

ского военного генерал-губернатора, весьма пространное и широковещательное, но которого весь смысл заключался в том, что сегодня, 5 марта, во всех съезжих домах раздается безденежно манифест о даровании крепостным людям прав свободного состояния и Положение об устройстве быта дворовых людей и что с завтрашнего дня также во всех съезжих домах и у всех книгопродавцев будет продаваться Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, по 1 руб. за экземпляр.

Меня не удивило, что эти объявления пустынно красовались на стенах, не привлекая к себе ни проходящих, ни проезжающих мимо: в царстве безграмотных иначе быть и не могло. Притом объявление так длинно и бестолково, что вряд ли бы у кого достало терпения прочесть его слово от слова: бюрократы не умеют сразу объяснить публике, что́ собственно ей нужно.

Удивило и поразило меня то, что я, встречая на каждом шагу простолюдинов, несущих в руках или заткнутый за пазуху манифест либо Положение о дворовых людях, не замечал ни в ком малейшего изъявления радости, восторга, досады, — чего бы то ни было, не видел ни одного лица, выражающего какое-либо чувство. Они шли, как будто неся пучок зеленого луку или другой вседневной своей провизии.

В съезжих домах раздавали манифест и Положение о дворовых людях довольно чинно, без грубости и драки, всякому приходящему, несмотря на лохмотья его одежды и на его неумытое лицо. Эта пристойность вовсе не шла полицейским и, видимо, их тяготила. В одном только съезжем доме III Адмиралтейской части я видел в сенях жандарма, заслонившего мужикам двери и грубо говорившего: «Ну, вы куда лезете? Ступайте во двор: вам там раздавать будут». Во дворе между тем никакой раздачи не происходило, и двор был совершенно пуст. Вообще, ни в одном съезжем доме не было не только давки, как бы следовало ожидать, но даже и тесноты. Нигде я не насчитывал более двадцати человек в одно время у подъезда, в сенях и в комнате, где производилась раздача.

Бродя пешком и переезжая на разных извозчиках из одной части города в другую, везде ожидая встретить торжественность и везде находя, что жизнь не вышла из своей будничной колеи, наконец, я подумал, не найду ли радостных лиц и шумных излияний под качелями и около балаганов, среди масляничного гулянья, перенесенного в нынешнем году на Царицын луг, у Летнего сада *). Но и там

*) Эти так называемые народные гулянья не имеют своего постоянного места, избранного народною привычкою или преданием; они переносятся по распоряжению полиции: при Александре I они устраивались вокруг Большого театра, Николай передвинул их на Адмиралтейскую площадь, а в 1861 году митрополит Исидор нашел неприличным соседство их с вновь открытой церковью Исакия, и им отвели место на Царицыном лугу. На Пасху велели строить балаганы опять на Адмиралтейской площади. Впрочем, в них нет ни малейшего

не только ничего особенного не происходило, даже и народу было гораздо менее обыкновенного. Я ждал, не скажет ли дедушка с пеньковой бородой какое-нибудь острое слово, приличное обновленному русскому человеку, но он попрежнему глотал ленты, либо отпускал старые, изношенные шутки.

Сколько я ни пытался заговаривать с извозчиками, которые возили меня *), и с мужиками, которые подходили ко мне, когда я нарочно останавливался на улицах читать вслух объявление Игнатьева, — ни одна душа не выразила ни радости, ни горя. А надобно заметить, что ни моя наружность, ни моя одежда не могли возбудить недоверия простонародья и что во все перед тем дни мои слова вызывали на откровенность и овчинные тулупы и дырявые сермяги. На спрос, читали ли манифест о воле, я получал ответы либо неопределенные и уклончивые, либо в роде следующих: «Я неграмотный, не читал, а слышал, даве говорили, что дворовым будет воля через два года, а крестьянам — еще нескоро»... «Был я за обедней, читали какую-то афишу, да я не расслышал; сказывают, что волю-то еще надо ждать, а теперь только так»... «Как же, принялся было читать, да что-то в толк ничего не взял, так и не дочел, ведь все это для господ писано, а не для нас»... «Не знаю, вправду ли говорят, будто воли-то совсем нет: отложили еще, кто говорит на два года, а кто говорит — на десять лет»... Вот все, что в день 5 марта я мог добыть из замкнутых уст народа.

В первые минуты я, было, подумал, что народ недоволен, конечно, не правительством, о действиях которого он не привык отдавать себе отчета и не умеет поверять их каким-либо сравнением, а недоволен неясностью своего положения и притаивается, боясь высказаться и будучи напуган с давних пор в продолжение пяти-шести своих поколений. Но потом я убедился, что и в самом деле в первый день объявления манифеста и одного только Положения о дворовых, еще никому нет причины ни радоваться, ни горевать, а тем менее изъявлять своих восторгов или негодований. Манифест написан так, что и старший столоначальник не поймет сразу: дана ли кому воля, или нет. Положение о дворовых ясно и утвердительно говорит, что «с о д н я его утверждения дворовые люди обязаны оставаться в полном повиновении владельцев» и что только «по истечении двухлетнего срока они навсегда увольняются от всяких обязанностей к своим владельцам». Очень понятно, что в день предполагаемой свободы народ ожидал

оттенка русской характеристики, а называются они народными потому, что в России все грубое, дикое и невежественное вообще называется народным. (*Прим. автора.*)

*) С первой поры крестьянского вопроса я постоянно держусь правила: садясь на извозчика, спрашивать его, какой он губернии и чей: помещичий или казенный? В случае ответа, что он не помещичий, я схожу с саней или дрожек, плачу ему деньги и иду взять другого. Таким образом я пользуюсь всякой возможностью разведывать мысли крепостных людей. (*Прим. автора*).

не того, что услышал 5 марта из манифеста и Положения о дворовых. Нет никакого сомнения, что этот день 5 марта будет впоследствии прославлен царскими льстецами и бюрократами, как день исторический и высокоторжественный, но для народа он имеет одно значение близкой надежды на освобождение, хотя и среди этой самой надежды встает, как привидение, вопрос, будет ли лучше и легче, чем теперь?

Стало быть, ни в каких отношениях нельзя винить народ за высказанное им равнодушие 5 марта. Истый чиновник, тайный советник Як., видя в этот день обыкновенную тишину на улицах, сказал: «Да, полно, живы ли эти скифы? не умер ли этот народ исторически?». В ответ на такое восклицание я должен привести слова, слышанные мною в тот же самый день от закоренелого помещика, г. Шип., сказанные им вслед за прочтением манифеста и Положения о дворовых: «Гора родила мышь». Эти слова, невольно вылетевшие из груди помещика, красноречиво объясняют молчание крепостных.

Сколько мне известно из всех прежних разговоров с народом, народ ждал, что освобождение крестьян будет объявлено при звоне колоколов в церквах, что царь выедет на Дворцовую площадь и сам объявит волю и т. п., словом, народ ждал торжества.

Обращаюсь к изложению распоряжений и действий правительства.

В ночь с 4 на 5 марта, с 2-х до 6-ти часов по полуночи, сторожа святейшего синода развозили манифест по церквам при особом предписании священникам никому его не показывать и о нем не говорить до самого прочтения его за обеднею. К чему был нужен этот секрет? Кто чего боялся? Ответы на эти вопросы кроются в тупоумии бюрократов.

В Исакиевском соборе богослужение поздней обедни совершал митрополит Исидор, но как 5 марта был последний день масляницы и по уставу русской церкви очень важный, называемый прощеным днем, потому что в этот день русские, отходя ко сну, просят у главы своего семейства прощения во всем, чем его огорчили или перед ним провинились в течение всего года, а он, с своей стороны, просит того же у них, — то служба митрополита никого не удивила и была в обыкновенном порядке вещей. Не удивило также никого присутствие в соборе генерал-губернатора Игнатьева в полной парадной форме и во всех орденах. Прочих важных посетителей нельзя было заметить потому, что каждый раз при служении митрополита внутренность церкви огораживается решеткой и стоящие внутри ее обращены спиной к стоящим за решеткой, а стоящие близ колонн вовсе никому невидимы. В конце обедни священник вышел говорить проповедь, — никто даже не шелохнулся; все знали, что манифеста не будет; а как священник начал проповедь очень тихо и невнятно, то многие со скуки стали, было, выходить из церкви; но следующее обстоятельство заняло общее внимание и приостановило иных: лишь только священник развернул свою тетрадь, как выступил из-за колонны

английский посланник вместе с каким-то молодым человеком, который, вынув из кармана печатный лист бумаги, приготовился, повидимому, сличать его со словами священника и передавать на ухо посланнику. Игнатьев, увидав это, послал своего адъютанта сказать молодому человеку, чтобы он этого не делал. Шествие адъютанта вдоль церкви и наперерез священнику, говорившему проповедь, не могло не быть замечено всеми. Не слушая священника, все стали переглядываться с одного конца решетки на другой. На одном ее конце Игнатьев, видимо, волновался, изменялся в лице, стал сильно потеть и беспрестанно утирать себе лоб платком, а на другом — рядом с английским посланником появились посланники французский и (если не ошибаюсь) голландский или бельгийский. Но все это еще никому не давало повода ожидать манифеста. Когда же, по окончании длинной и утомительной проповеди, митрополит вышел из алтаря снова на амвон, поставленный посреди церкви, когда Игнатьев сильнее прежнего задвигался на своем месте и принялся класть усердные поклоны, и когда протодиакон, став лицом к митрополиту и народу, развернул перед собой печатный лист и произнес: «Божиею милостью мы, Александр»,.. все обратилось в напряженный слух, все шеи вытянулись, иные склонились на сторону, и никто не глядел друг на друга. На беду, манифест написан неуклюже, затемнен канцелярскими фразами, не содержит в себе прямого значения дела и растянут за пределы всякого человеческого терпения; на пущую беду, протодиакон читал его еще бестолковее, чем он написан. Никто ничего не понял. Под конец многие даже перестали его слушать с прежним вниманием. Только при словах: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови божие благословение на твой свободный труд» Игнатьев перекрестился чересчур размашисто, подделываясь под манеру простонародья, — от верхушки лба до самого пупа, перекрестились также и митрополит и все духовенство, как будто и к ним относилась молитва о свободном труде. Глядя на них, стали креститься все. Потом, когда молебен, последовавший за чтением манифеста, окончился, Игнатьев повернулся лицом к народу и пошел вдоль протяжения решетки по всему собору, улыбаясь и приговаривая: «Поздравляю! Поздравляю!». Мужики, по обыкновению, притиснутые к стенам, не слыхали его поздравлений, а близстоявшие чиновники и помещики не сочли за долг ему отвечать. Все разошлись тихо и молча. Никаких искусственных эффектаций еще не успели подготовить, ибо манифест неожиданно свалился из типографий в церкви. В прежние годы манифесты о рекрутских наборах производили более оживления и толков.

В час пополудни государь приехал в Михайловский манеж к разводу, как обыкновенно водится каждое воскресение. В нынешний раз произошло только одно отступление от принятого порядка, установленного еще Николаем: обыкновенно к разводу государь надевает мундир того полка, которому делается развод, а в нынешний раз госу-

дарь явился в полной кавалергардской форме, хотя развод делался лейб-гвардии Финляндскому полку. Это всех удивило, но, зачем государь счел нужным иметь на себе в этот день кирасирские латы, никто угадать не мог. Никто из присутствовавших на разводе не знал также об объявлении манифеста, ибо солдат и офицеров пригоняют в манеж часу в 10 утра, а приготовления к разводу в казармах начинаются несравненно ранее, часов с 6-ти или 7-ми, иногда даже с вечера, несмотря на то, что никогда разводы не начинаются ранее 1 часа по полудни. По окончании сегодняшнего развода, государь, оставаясь верхом на лошади, подозвал к себе офицеров, но и это опять никого не удивило, потому что подобные призывы словами: «Господа офицеры, пожалуйте сюда!» составляют род команды и повторяются нередко для отдачи каких-нибудь неважных приказаний. Его все обступили. Тогда он сказал следующее: «Сегодня я приказал объявить манифест о помещичьих крестьянах. Первый шаг к перемене их быта сделан дворянами, вашими отцами и братьями; между вами также есть помещики: следовательно, вы все мне сочувствуете, и я надеюсь, что вы попрежнему будете служить верой и правдой и охранять престол, а я всегда привык мою верную гвардию»... Всех слов нельзя было расслушать, потому что государь говорил невнятно, скороговоркой, глотая многие слова и притом со слезами на глазах. Едва начал он путаться, высказав главную мысль, — окружающие его генералы заглушили его речь криком: «ура!». За ними прокричали то же все офицеры. Тут только многие, перешептываясь между собой, стали догадываться: не были ли кавалергардские латы приложением к неожиданно объявленному манифесту? Не думал ли государь, что кто-нибудь из гвардейского дворянства, огорченный волею крестьян, пырнет его своей тупою шпагою?

По выходе из Михайловского манежа, сев в поданную ему к подъезду открытую коляску, государь взглянул на кучку народа (человек 50—70), какая всегда набирается там, где останавливается экипаж кого-нибудь из царской фамилии, и велел своему кучеру приостановиться. Обратившись лицом к этой народной кучке, он произнес несколько слов, из которых за отдаленностью никто ничего не расслышал, кроме двух слов: «православный народ». Толпа, не ожидавшая этой милости, не смела даже приблизиться к экипажу государя и не заявила своего отзыва на царскую речь ничем, кроме обыкновенного снятия шляп. Многие из генеральских и офицерских кучеров, остававшиеся на своих козлах, сначала, было, подумали, что государь их бранит.

В продолжение дня вся царская фамилия каталась по Невскому проспекту, кто в коляске, кто верхом, — конечно, по особому высочайшему повелению, из династических расчетов. Государь проезжал мимо балаганов на Царицыном лугу, а вечером опять катался по Невскому проспекту в коляске, запряженной тройкою лошадей, чем, вероятно, выражалось сочувствие к русской народности.

Полиция опять созывала дворников и, подтвердив им прежние приказания, отданные перед 19 февраля, строго приказала в случае проезда государя мимо заведываемых ими домов, выходить на улицы и кричать «ура»*), а вечером прогуливаться по своей улице и, если где увидят значительное стечение народа, то проходя мимо, кричать также «ура» и тем заманивать других к подобному крику. Долгая, рабская отвычка от публичного проявления чувств была, однако, причиной неуспеха либеральных замыслов полиции. Кроме того, дворники не решались далеко отходить от своих ворот из опасения, что в их отсутствие вотрутся воры и обокрадут так, что они же сами потом не разделаются добром с полицией.

В сумерки опять повторились те же грозные воинственные приготовления, которыми бюрократия так храбро охраняла себя 19 февраля. Повторились те же усиленные военные патрули, расстановка солдат с заряженными ружьями в съезжих домах и дворниках Зимнего дворца, заряжение пушек, запрещение офицерам отлучаться от команд и из квартир, невпуск в город и невыпуск в Шлиссельбургскую заставу и т. д. Не сочтено только было нужным запастись вновь розгами, потому что и заготовленных к 19 февраля осталось достаточно для высечения всех мирных жителей Петербурга. Но в этот достопамятный для русской истории день 5 марта мы узнали одно новое распоряжение государя, наводящее еще более грусти и весьма мало обещающее для будущности России: отдан был секретный приказ, которым, в случае народного возмущения, все государевы роты в каждом гвардейском полку**) поручались командованию кого-либо из членов царской фамилии, не исключая принцев Ольденбургских, Мекленбургских, Голштейнских и пр., проживающих при нашем дворе; так, например, государева рота Преображенского полка — великому князю Константину Николаевичу, Семеновского полка — великому князю Михаилу и т. д. Таким образом государь в критическую минуту, хотя и воображаемую, явно отделял свою семью от всего народа и готовился бессмысленного русского солдата употребить на пролитие русской крови в защиту своих личных желаний. Он не верил даже избранным им полковым командирам, ибо командование члена царской фамилии одною ротою уже само собой вело к отстранению полкового командира от командования всем полком; все мы знаем, что не нашим великим князьям, не н а ш и м немецким принцам, не признающим над собой иной власти, кроме главы своего семейства, и не нашим генералам, считающим за счастье быть лакеями августейшей семьи, поменяться, хотя бы и на один час,

*) Впрочем, это последнее приказание было отдано только в трех Адмир. частях как наиболее посещаемых государем. (*Прим. автора.*)

**) Государевыми ротами называются все первые роты первого батальона каждого полка. Офицеры и солдаты этих рот носят на эполетах и погонах вензелевое изображение имени государя. В кадетских корпусах есть также государевы роты. (*Прим. автора.*)

ролями повинующихся и повелевающих. Как ни глубоко оскорбило это высочайшее распоряжение наших полковых командиров, но ни их собственные рабские привычки от колыбели, ни рабская вокруг их сплошная обстановка, никогда и ни в каком случае не возвысят их до проявления чувства самоуважения.

В тот же вечер последовало высочайшее повеление, через министра двора, директору императорских театров Сабурову, чтобы во всех театрах был сыгран гимн «Боже, царя храни». В Большом театре, где давали итальянскую оперу, посещаемую иностранцами, успели распорядиться и приостановить начало представления, чтобы дать время собраться придворным певчим, которым также было приказано участвовать в исполнении гимна, а в прочих исполнение ограничили одним оркестром; в Александринском театре, исключительно посещаемом русской публикой, сыграли гимн уже в антракте, по окончании первой пьесы.

По всему видимому, обнародование манифеста 5 марта было неожиданностью даже и для членов императорской фамилии. Государь, напуганный ожиданием бунта, как видно, долго колебался в выборе дня для обнародования мнимой воли и, наконец, выбрал такой день, в который всего менее этого ожидали. Утром 5 марта великая княгиня Елена Павловна, живущая в своем дворце, на Михайловской площади, получила приглашение приехать как можно скорее в Зимний дворец по весьма нужному делу, но какому, — в повестке не было сказано. Пока она занималась своим туалетом и пока закладывали ее карету, явился к ней от государя вторичный посланный с огромным пакетом в руках. Она распечатала и ахнула: то был полный экземпляр Положения о крестьянах, один из тех, которые поступили в продажу на следующий день. Она тут же, передавая его своим приближенным, сказала: «Вот неожиданная новость!».

Конечно, высочайшая воля об обнародовании манифеста должна была быть известна с вечера 4 марта только тем, которым приходилось ее исполнить да пригласить иностранных посланников в Исакиевский собор для церемонии. Все прочие распоряжения правительства в этот день делались второпях и наобум, а следующий случай еще разительнее доказывает, как мало была приготовлена к тому самая царская фамилия. Великая княгиня Александра Осиповна, жена великого князя Константина, пришла в лихорадочный трепет, как только узнала, что манифест обнародован. Целый день она не отходила от своего мужа и, ложась в тот вечер спать, говорила раздевавшей ее камерфрау: «Ах, что-то будет сегодня ночью! Как дать свободу такому дикому народу! Что, если нас всех перережут?». Камерфрау успокаивала ее словами: «Не бойтесь, ваше высочество, ничего не будет, кроме нового у вас платья, как это всегда бывает в большие праздники».

Статья [25]) М. П. Погодина, напечатанная в «С.-Петербургских Ведомостях», в которой он со свойственным ему красноречием изобра-

жает живыми красками необыкновенный восторг московских жителей при обнародовании манифеста, заставила нас обратиться к одному из наших московских приятелей с просьбою сообщить нам поверку показаний знаменитого дифирамбиста, столь славившегося вместе с Шевыревым своими возгласами во время Крымской войны в царствование Николая. Мы наперед знали, что никто так не лжет пред историею, как наши историки. Вот подлинные слова нашего корреспондента.

В Москве манифест был объявлен в тот же день, как и в Петербурге, — 5 марта. Но никакого не произвел он особенного впечатления, частью потому, что вовсе не был ожидан, а частью потому, что при чтении никто его не понял. В собор, где обедню служил митрополит, не впускали простонародья, а вокруг собора, на паперти и у входа поместились, как и всегда бывает, большей частию крестьянские старухи с пестрыми и клетчатыми повязками на голове. Когда разнеслась весть о прочитанном в соборе манифесте, многие не верили. Никто не крестился и не христосовался. Михаилу Петровичу все это причудилось вследствие необыкновенного или, лучше сказать, обыкновенного, постоянного, неусыпного желания его: перед правительством выслужиться, а публике казаться популярным. Главнейшее убеждение в том, что, действительно, случилось что-то необыкновенное и что, может быть, и воля объявлена, внушили им, по обыкновению, распоряжения начальства. Это—вид солдат, расставленных во время обедни на всех главных улицах, в расстоянии 50 и 100 шагов друг от друга и держащих ружья на-караул, чего никогда прежде не бывало. Простонародные лавки на Варварке и Ильинке, около которых в обыкновенные праздничные дни собираются густые толпы, были заперты по приказанию полиции, и от них казаки отгоняли мимопроходящих. Генерал-губернатор Тучков донес государю телеграммой, что при принятых им мерах спокойствие в городе не было нарушено *). Это самохвальство во вред народа, с одной стороны, доказывало, что государь ожидал от москвичей не изъявлений радости и благодарности, а бунта, а с другой, — что истинные наши чувства никогда не могут найти себе представителей в лице наших градоначальников, и все это вместе в тот же день навело на нас грусть. В народе заметно было уныние в течение целого дня, а к вечеру оказалось, что откуп не довыручил от продажи вина в кабаках, действительно, как и сказал г. Погодин.

4 (7).

Манифестация.

На второй или третий день после обнародования манифеста и Положений государь, окуренный чадом придворных низостей и в похмельи от служебной лести, неосторожно сказал: «Уж если

*) Губернские чиновники очень смеялись над этим выражением Тучкова, приноравливая первые два слога телеграммы к глаголу «припри», «припереть». Чиновничье остроумие очень затейливо. (*Прим. автора.*)

мужики не будут благодарить меня, то после этого, они — скоты».

Разумеется, в этом случае слова: «будут благодарить» означали: будут благодарны впоследствии, — потому что странно было бы ожидать, чтобы и манифест и Положение были сразу поняты мужиками, когда их не понимали и люди образованные; еще страннее ожидать, чтобы полудикому мужику пришла в голову возможность личного изъявления благодарности такому великому существу, каков в его понятиях царь. В целой России деревенское население имеет смутную идею об особе или личности царя и всегда с диким любопытством расспрашивает о нем отставных и бессрочных солдат, имевших случай его видеть: не золотой ли он, не бриллиантовый ли? так ли он ходит и говорит, как все люди? нет ли вокруг него сияния? и т. п. Мне самому очень часто приводилось отвечать на подобные вопросы. Это покажется невероятным европейцу, но, передавая нагую истину, без прикрас, ссылаюсь на каждого добросовестного русского, имевшего близкие сношения с крестьянами внутренних губерний. Самые развитые из них воображают всегда царя и царицу красавцами, необыкновенно сильными, необыкновенно умными и одаренными всеми добродетелями. Даже крестьянин, обтертый городскою и столичною жизнью, никогда не поверит, чтобы царь или царица могли напиться пьяны, предаться разврату или быть тиранами; крайний предел сермяжного либерализма — это мысль, что иногда и царь ошибается, — потому что его обманули, не так ему доложили. Как же ждать, чтобы простой и грешный смертный, имея такие понятия о безграничном могуществе и всевозможных совершенствах бога земного, мог помыслить втереться к нему во дворец с изъявлением своей благодарности, которую, без тревог и смущений, можно выразить и у себя дома, в своей семье, в своем кругу.

К несчастию, одна из неизбежных принадлежностей самодержавного правления состоит в том, что в нем всегда найдутся низкие натуры, готовые льстить и подличать для собственного удовольствия, без всяких своекорыстных расчетов. Другая позорная особенность самодержавного правления та, что каждое выдавшееся вперед слово государя подает новый способ его обманывать.

Желание государя видеть благодарность за сделанное им добро было очень естественно; но столь же было бы естественно ожидать ее не ранее того времени, как Положение осуществится на самом деле, когда крестьяне увидят справедливость надела землею и почувствуют свои новые права, а не тогда, когда манифест и Положение еще не обнародованы, по недостатку времени, даже в деревнях петербургского уезда. Простые слова государя: «будут мне благодарны», были бы поняты в смысле здоровой логики при всяком дворе, но при дворах самодержавных государей существует своего рода логика, по которой надобно постоянно держать государя в таком положении, чтобы он был всем доволен и видел бы все свои желания немедленно исполненными.

Кроме того, у государя неосторожно сорвалось рельефное слово: «После этого, они — скоты». Лакейский ум придворных тотчас смекнул, что государю сильно хочется благодарности крестьян и что если теперь не удовлетворят этому желанию, то государь придет в дурное расположение духа, при котором трудно выманить у него новые милости и легко потерять прежние. Чтобы впоследствии не привелось придумывать и изображать новые средства к успокоению и развлечению государя, надобно скорее ухватиться за то, которое представляется само-собой: стоит только устроить манифестацию благодарности крестьян. Но как это сделать?

Мы уже сказали, что в самодержавном правлении всегда находятся в изобилии низкие натуры, готовые на лесть и подлость при всяком удобном случае. В России таких натур столько же, сколько клопов и тараканов. Нашлись два полковника, г. г. Полетика и Семенников [26]), оба они содержат чугунно-литейный завод (за Шлиссельбургской заставой), на котором в числе рабочих служат крепостные люди разных помещиков.

За год перед тем г. Полетика приобрел в Петербурге известность человека дикого, одаренного грубыми страстями и не имеющего первых понятий об общежитии. Он начал помещать в разных периодических изданиях ругательные статьи на Общество русского пароходства и торговли, которого он был акционером и которого хотелось ему быть директором. Антагонисты его, думая, что лучшее средство унять дикаря — выставить его самого на показ перед публикой, предложили ему окончить спор посредством публичного прения в залах Пассажа. Бой был принят. Стечение публики было многочисленное. Но ожесточенный диспут не состоялся. Полетика, вместо опровержения предложенных ему фактов, стал кричать, обращаться к своим приятелям, сидевшим в рядах публики, говорить личности и вызвал шум и суматоху до того, что избранный обеими сторонами посредник, г. Ламанский [27]), после многих напоминаний о приличии, наконец, принужден был громко сказать: «Господа, мы еще не созрели до публичных прений», — и тем прекратил заседание.

Вот этот-то господин Полетика, не созревший до публичных прений и перезревший в потаенных низостях, явился к с.-петербургскому военному губернатору, как нельзя кстати, с уверением, что находящиеся на его заводе крестьяне единодушно желают поднести государю хлеб-соль в благодарность за освобождение. Надобно знать, что в России никто не имеет права ни явиться лично, ни объяснить что бы то ни было государю, не испросив предварительно на то его согласия и не объявив заранее всех причин и подробностей; частные лица, нарушающие это правило и подающие государю просьбы на улицах, всегда арестуются полицией; даже министры, имея надобность доложить государю какое-нибудь особенное дело, наперед подают ему докладную записку, в которой испрашивают: благоугодно ли будет его величеству осчастливить своим вниманием такое-то и такое-то

дело *). Игнатьев поспешил повергнуть к стопам государя единодушное желание множества фабричных работников, бывших крепостными. Государь был доволен и приказал сделать распоряжение, чтобы эти крестьяне поднесли ему хлеб-соль у подъезда дворца, в первое за тем воскресенье, 12 марта, в виде сюрприза, вовсе им неожиданного.

Распустили слух, что несколько тысяч освобожденных крестьян сами-собой устроили подписку для поднесения хлеба-соли государю на золотом блюде и что у них уже собрано более 8.000 руб. Распространение этого слуха имело целью возбудить в ком ни попало мысль к манифестациям, и цель эта достигнута, как увидим далее. Между тем, в действительности, дело происходило так.

Получив милостивое дозволение государя, г. Семенников ограничился тем, что дал из своего кармана 250 рублей на покупку серебряного блюда и на прочие расходы, а г. Полетика принял на себя распорядительную часть: сочинил речь, которую один из мужиков должен был выучить наизусть и сказать перед государем, сочинил адрес, который мужики должны были подписать для поднесения государю, и, при содействии местной полиции, дал знать соседним фабрикантам и заводчикам, чтобы и они присылали к нему своих мужиков для выбора из них депутатов. Подписание адреса всего более затрудняло бедных мужиков, между которыми у нас вообще нет скорописцев; умеющие писать буквы должны были намалевать свое имя кой-какими каракулями, по диктовке Полетики, а вовсе ничего не знающие ставили, по русскому обычаю, две крестообразные черты, под которыми другой грамотный подписывал, что такой-то неграмотный руку приложил, а за неумением его грамоте и по личной его просьбе расписался он, такой-то. Эта форме, принятая нашим законодательством, подает повод к бесчисленным злоупотреблениям, особенно при напуганном простосердечии наших мужиков. Зная русскую юридическую пословицу: «Где рука, там и голова», эти бедняки, ставя кресты, говорили Полетике: «Батюшка, не подведи ты нас подо что-нибудь худое, не погуби». Полетика успокаивал их разными обещаниями. Вот какими способами выражалась благодарность крестьян государю, а государь ничего этого не подозревает.

В воскресенье, 12 марта [28]), в 9 часов утра, мужики, одетые в синие кафтаны, но с засаленными обшлагами и локтями, двинулись с фабрики г.г. Полетики и Семенникова по направлению к Зимнему дворцу; один из них нес в руках блюдо, покрытое салфеткой. По дороге они зашли в Невский монастырь, где митрополит, находившийся в то время в церкви, окропил их хлеб-соль святою водою. За ними,

*) На том же основании каждый раз государю представляют сначала проект указа или приказа, долженствующего быть им подписанным, а потом уже самый указ или приказ, не исключая из этого порядка даже приказы о производстве в чины или о пожаловании орденами. Таким образом предполагается, что государь читает каждую бумагу два раза, но это нисколько не мешает не понимать ее вовсе. (*Прим. автора.*)

под надзором своих управляющих и приказчиков, брели, как бараны, в дырявых и старых кафтанах и нагольных тулупах рабочие: бумагопрядильной фабрики Петрова, придворного серебряных дел мастера Сазикова, придворного каретника Тулякова и содержателя публичных бань тоже Тулякова, всего от шести хозяев не более 300 человек. В начале 11-го часа эта толпа подошла к Зимнему дворцу, где Полетика остановил ее у так называемого собственного подъезда его величества *). Стоявшие уже тут будочники приняли этих свободных людей в свое распоряжение и начали расставлять их по местам. В это время и я, летописец, вмешался в их толпу. Мужиков в синих кафтанах, а в их числе и державшего блюдо под салфеткой, Полетика отделил от прочих и ввел в сени дворца. Все прочие остались у подъезда. Дырявые сермяги и оборванные тулупы шептали между собой, что государь сейчас, сию минуту, выйдет на крыльцо и скажет речь; иные из них предполагали, что речи не будет, а государь только раскланяется.—«А выйдет ли наследник?»—спрашивали одни.—«Разумеется, выйдет».—«А за чем он выйдет? Ведь не ему хлеб-соль подносят»,—толковали другие и третьи. Я ждал, не будет ли помина об императрице, — его не было. Между тем, проходит час, другой. У подъезда надобно стоять по щиколку в воде от таявшего снега. Страшная скука начинает одолевать толпу: одни зевают во всю глотку, другие жалуются, что проголодались, иные ищут, к чему бы прислониться, и кучками размещаются вдоль стены. Будочники, тоже утомясь напрасным исполнением своих служебных обязанностей, довольно громко поговаривают между собой, что государь выйдет тогда, как поедет на развод, что обыкновенно бывает ровно в час по полудни. Им, как людям близким к правительству, по системе которого они живут и воруют, нельзя было не угадать, чем кончится эта церемония, которая и для них сначала казалась чем-то необыкновенным. Но бедному народу еще долго приходилось голодать, мокнуть и зябнуть для того, чтобы царь, обнимающий его любовью, не прошел лишний раз по лестнице, а взглянул бы на него мимоходом.

Между тем, в долгий промежуток времени толпа незаметным образом увеличилась. Каждый проходивший мимо, особенно по окончании обедни в Исакиевском соборе, увидав у дворца необыкновенное сборище мужиков, подходил из любопытства и останавливался. Все ближайшие места к подъезду заняла уже публика в енотовых шубах, бекешах и пальто, противу выходных дверей помещались более двадцати чиновников, с крестами и в вицмундирах; между ними были знакомые мне два действительные и три статские советника. Мужики отодвинулись на задний план картины. Число всех столпившихся простиралось до полуторы тысяч.

В исходе первого часа явились у подъезда два квартальные и жандармский офицер, как предтечи скорого выхода государя.

*) Это — первый подъезд от Адмиралтейства, противу Александровской колонны. *(Прим. автора.)*

Будочники одушевились. Толпа пришла в движение, и, по указанию квартальных, будочники принялись придавать ей стройный военный вид: они отгоняли народ от подъезда, расставляя его в две шеренги по обеим сторонам деревянной мостовой, идущей от дворца к Невскому проспекту, и старались как можно более удлинить эту живую аллею. Сами квартальные беспрестанно обходили обе шеренги, прося публику довольно вежливо отойти далее и далее. При этом мне бросилась в глаза особенность, которой я никак не ожидал: приказчики фабрикантов, заметив, что первые ряды заняты постороннею публикою, а мужики, приведенные ими на показ, исчезли за нею, бросились их отыскивать. Нельзя было без отвращения видеть, как свободный человек, влекомый за воротник, шел изъявлять свою благодарность, искривя шею и смутно выслушивал брань: «Куда ты, дурак, запрятался? Стой здесь, на виду!». Особенно этим вытаскиванием рабочих из задних слоев отличался какой-то седенький старичок, с крысиной физиономией. По ошибке принял и одного из моих знакомых за своего собрата-фабриканта, он спросил его: «Как вы думаете, не велеть ли стать мужикам на колена, когда государь выйдет?». Потом он подбегал к полицейским, вероятно, с тем же вопросом, но, кажется, и в них не встретил сочувствия своему верноподданническому вдохновению: на колена никто не становился. Я очень сожалею, что мне не удалось узнать имени этого провозвестника свободы. Но вот еще характеристический случай: когда мужики равнодушно принимали толчки своих приказчиков, какой-то купец, проходя мимо, сказал громко: «Хоть бы сегодня не били крестьян; ведь они пришли благодарить государя». — «А вот, если вы станете еще рассуждать, — заметил ему квартальный, удержав его перед собой,— то я вас первого отправлю к обер-полицеймейстеру и посажу вас под арест».

Ровно в час начался разъезд генералов из дворца. Швейцар в белом галстухе и в траурном платье, похожем на одежду католических монастырских служек, беспрестанно отворял дверь и, обратившись лицом к кучерам, кричал фамилию выходящего генерала, при чем немецкие фамилии он переделывал на русские, например, — Сутгофа в Суткова. Наконец, отступя от двери дальше обыкновенного, он прокашлялся и закричал громче прежнего: «Коляску государя!», а немного переведя дух: «За коляской государя тотчас коляску наследника!».

Полиция снова забегала и принялась выравнивать людей. Живая аллея дотянулась до аллеи Адмиралтейского бульвара.

Лишь только коляска государя была подана к подъезду, явился у ее дверец унтер-шталмейстер, обшитый мишурными галунами, вытянулся во весь рост и, схватив за конец медвежью полость, держал ее наготове, чтобы застегнуть, когда государь сядет в коляску.

Государь вышел вместе с наследником и тремя-четырьмя генералами. Толпа сняла шляпы. Стоявший у самого подъезда действительный статский советник Бульма первый закричал: «Ура!», за ним закричали все стоявшие близко. Государь из коляски кивнул головою

на обе стороны, и, по мере того, как экипаж его мчался вперед, крики «ура» раздавались по обеим сторонам деревянной мостовой, но без малейшего восторга и не дружно, а единственно потому, что каждому казалось неловко не разинуть рта, когда кричит сосед.

Вслед за государем наследник сел в свою коляску. У подъезда один какой-то голос опять крикнул «ура». Наследник приложил руку к каске и, в этой позе проезжая далее посреди толпы, уже смешавшейся, имел удовольствие услышать еще несколько подобных возгласов.

Вскоре потом вышли из дворца именитые депутаты. Все они были, видимо, смущены от непривычного для них счастья быть близко государя. Я накинулся на них с моими вопросами, а счастливый случай сам наткнул меня на того, который говорил государю речь.

Вот его точные слова:

— «Я сказал государю: «Всемилостливейший государь! Осчастливь твоих верноподданных, удостой принять из их рук хлеб-соль от их трудов»... «Нет, постойте, не так!... «от их праведных»... Нет!.. «посильных трудов»...

Другой депутат, стоявший тут же в кучке слушателей, принялся его поправлять: «Неправда! Ты сказал: «свободных трудов твоих верноподданных»...—«Постой, ты не сбивай! Нет, я сказал: «праведных трудов»... И он начал опять: «Всемилостливейший государь! Осчастливь»... Но, дойдя до слов: «хлеб-соль от трудов», он размахивал руками и далее ничего не мог припомнить из своего утреннего урока. Очевидно, что чужие мудреные фразы не приклеились к его не полированной памяти, потому что не выражали его чувств.

Но замечательно, однако, что на мой вопрос: что говорил им государь, пять депутатов, спрошенные мною хотя и на площади, но не в одно время, а порознь, в разных образовавшихся вокруг их кучках слушателей, отвечали весьма согласно и почти одинаковыми словами:

«Благодарю вас, что вы меня вспомнили. Хорошо ли, худо ли вас освободили, это сделал не я, а дворяне, ваши помещики. Молитесь богу, чтобы все кончилось благополучно».

Я не считаю нужным приводить здесь варианты, заключающиеся в перестановке слов или в замене, например, слова «вспомнили» словом «не забыли». Пять человек не могут передать с буквальной точностью слышанное ими однажды. Но если в показании пяти человек, спрошенных порознь, ни одно слово не нарушает общего смысла речи, то нет никакого повода отвергать эту речь и не давать ей полного вероятия. Итак, государь, с глазу на глаз с мужиками, внушает им, что все, что есть худого в Положении, сделано не им и не его чиновниками, а дворянами, — дворянами, которых редакционные комиссии и он сам отстранили от решения крестьянского вопроса. Он велит молиться богу, заявляя свою неуверенность в благополучном окончании дела, и тем самым дает повод к разным толкам и неудовольствиям!

От депутатов же я узнал следующие подробности. Во внутренние комнаты дворца они не удостоились быть впущенными. Их поставили на лестнице. На хлеб, который они готовились поднести государю, была положена г. Полетикою бумага, им сочиненная, а ими и многими другими подписанная (вероятно, адрес); но какой-то генерал, в эполетах *), подойдя к ним, взял эту бумагу, прочел ее и велел одному из них спрятать ее за пазуху, сказав: «Этого государю подавать нельзя, это — не водится; ты отдай ее назад своему хозяину». В эту пору подошел к ним другой генерал, также пробежал глазами бумагу, заговорил что-то по-иностранному с первым генералом и, взяв его под руку, ушел вместе с ним и с бумагой. Государь, ехавши на развод, должен был проходить мимо их. Когда он подошел к ним, избранный в ораторы начал, было, свою речь, но государь не дал ему договорить и, сказав вышеприведенные слова, уехал. Камер-лакей подбежал к ним и принял блюдо с хлебом. Разговаривая с ними, государь был в каске.

Я спрашивал как депутатов, так и прочих мужиков, стоявших у дворца: читали ли они манифест или которое-либо из Положений? — Ни одного. — Знают ли, по крайней мере, в чем состоит их освобождение? — Нисколько; слышали одно, что дворовые будут вольными через два года. — Зачем же они приходили теперь во дворец благодарить? — «Велят хозяева, так как же нейти?» — сказал мне один депутат. — «Полиция повестки рассылала», — прибавил другой, видимо, желая придать важность своей командировке в депутаты.

Вообще, передавая мне об устройстве этой манифестации, многие из крестьян не раз с улыбкой прибавляли: «Ум Полетики, деньги Семенникова, а мы так себе».

Поздно вечером того же дня будочники подняли одного из депутатов на улице мертвецки пьяным и привели его в съезжий дом 2-й Адмиралтейской части.

Пример полковника Полетики очень скоро нашел себе ревностного подражателя в статском советнике Чохлокове, шлиссельбургском уездном предводителе дворянства. Лакейско-верноподданнические выходки имеют в России заразительное свойство и передаются от одного другому с быстротой электричества, увеличиваясь иногда при передаче и степенью унижения человеческого достоинства и числом унижающихся. Чохлоков употребил все меры превзойти Полетику. Он собрал не одних мужиков, но и баб и детей из разных деревень, большей частью находящихся в ведении дворянской опеки. Одни из них проживали в Петербурге по паспортам, других привезли из Шлиссельбургского уезда, верст за 70 от столицы. Церемониал манифестации Чохлоков устроил 16 марта с особенным поэтическим настроением: мальчики поднесли хлеб-соль государю от имени мужиков, а девочки — букет цветов императрице от имени баб. Говорят,

*) В России военные генералы носят эполеты и погоны, а гражданские и медицинские — жгут двух разных видов. (*Прим. автора.*)

что без смеху нельзя было смотреть на мужикообразных белых негритянок, ехавших, впервые от роду, в наемных каретах по Невскому проспекту и очень важно державших перед собою заморские цветы, которых они не знали даже и названия.

Но, признаюсь, у меня недостает силы и терпения входить в подробности мерзостей, которые могут иметь для моего читателя разве только одну выгоду — служить ему разительным доказательством, до какого жалкого подобия дворовой собаки может дойти человек в продолжение векового угнетения, допущенного его предками. Я изложил со всеми подробностями механизм и закулисные тайны первых марионеток и затем считаю совершенно напрасным описывать точно такие же кукольные комедии, повторившиеся одна вслед за другой с вариантами, но по той же первоначальной программе. Русский мужик так уступчив, что из него можно делать какие угодно декорации, и этим бессознательным его свойством, по примеру царя, захотели попользоваться некоторые из вельмож: княгиня Белосельская, граф Панин, граф Шереметев также заставили своих мужиков, проживающих в Петербурге, приходить к ним с хлебом-солью в благодарность за освобождение, которого и мужики и господа равно не понимали и не желали.

Но я не могу не упомянуть о двух последних манифестациях, бывших 18 и 19 марта. Вечером 18 марта в зале придворной певческой капеллы был назначен духовный инструментальный концерт, без участия придворных певчих, о которых не было упомянуто и в афише. Лишь только вошли в залу великие княгини Ольга Николаевна и Александра Иосифовна и успели занять свои места, вдруг из задних рядов стульев раздался голос, произнесший не громко и скороговоркой: «Ура, боже, царя храни». Не успели головы зрителей повернуться, чтобы взглянуть на крикнувшего, как мгновенно боковая дверь распахнулась, целая ватага придворных певчих ввалилась в залу, пропела гимн и ушла. Все это так явно выказало неловкую подготовку, что великие княгини насупились, а публика едва могла удержаться от смеха. Даже по окончании гимна немногие из слушателей спохватились, что из приличия надобно похлопать и прокричать «ура», и весьма недружно исполнили эту обязанность, когда уже половина певчих ушла опять за дверь.

Утром 19 марта на разводе в Михайловском манеже солдатам было приказано кричать «ура», как только государь покажется в дверях при входе, а кучке народа, собравшейся перед манежем, полиция велела и «ура» кричать и шапки в воздух бросать, как только государь станет выходить из дверей манежа, чего (особенно киданье шапок) никогда ни прежде, ни после того дня не бывало.

Эти два карикатурные явления: пение певчих, выдернутых за веревочку из-за двери, и крик при входе и при выходе государя в дверях манежа — были последними затеями верноподданнического усердия. Повидимому, они не понравились государю. В течение целой

недели он видел слишком грубую подделку и, наконец, велел прекратить всевозможные манифестации.

Некоторые из петербургских продажных литераторов затеяли, было, составить по подписке обед в честь освобождения крестьян с тем, чтобы иметь возможность собрать деньги на устройство какого бы ни было благотворительного заведения. Зачинщики этого верноподданнического предприятия — издатели «Северной Пчелы» г. г. Усов и Мельников [29]), «С.-Петербургских Ведомостей» г. Краевский [30]) и «Экономического Указателя» г. Вернадский [31]), являлись 22 марта к министру внутренних дел Ланскому с просьбой об исходатайствовании высочайшего соизволения; Ланской с радостью взялся ходатайствовать, но соизволения не последовало.

22 марта.

По приказанию Игнатьева, с.-петербургский градской голова должен был распорядиться, чтобы с.-петербургское купечество благодарило государя за освобождение крестьян. Странно, что до сих пор митрополит не заставит попов также благодарить государя: ведь у освобожденных мужиков, особенно у освобожденных крестьянок, будут грехи вольные, а не попрежнему невольные и навеянные со стороны!.. И вот градской голова созвал 22 марта в думу гласных для совещания. В этом заседании было предложено два проекта адреса государю: один из них, написанный каким-то подъячим в духе верноподданного лакейства, с выражением богопочитания и ноголизания высочайшей особы, другой, написанный сенатором Хрущевым [32]), весьма благородно, с чувством собственного достоинства. Оба они оканчивались одинаково просьбой, чтобы в память освобождения крестьян государь дозволил с.-петербургскому купечеству учредить на его же, купечества, счет новую больницу для чернорабочих. Русское купечество уже так организовано, что оно делает добро только в царские дни, на рождение великих княгинь да императриц; не будь именинниками великие князья да цари, оно бы весь свой век только и знало надувать ближнего; да и самые добрые дела, т.-е. всю свою филантропию, оно понимает только в учреждении новых богаделен и больниц, хотя бы гораздо человеколюбивее было исходатайствовать, чтобы в больницы принимали больных, а в богадельни нищих по роду болезней и по действительной надобности, а не по паспортам и не по ходатайству сильных и знатных. Впрочем, дело в том, что в с.-петербургской градской думе было предложено на выбор два проекта адреса: один лакейский, изложенный в духе холопства и хамства, другой верноподданнический в том духе, какой в каждом благоустроенном государстве считается приличным в сношениях подданного с своим монархом. Произведена была баллотировка. Гласных присутствовало до 300; из них в пользу последнего адреса оказалось только 42 голоса.

После этого судите, что такое врало большинство *), и что это за нация [33]).

Хотя манифестации, по высочайшему повелению, скоро прекратились, потому что надоели государю и отнимали у него время от разводов и охоты, но зато с усугубленным усердием и во множестве стали являться в газетах, которых государь не читает, верноподданнические возгласы и мистификации [34]).

Свиты его величества генерал объявляет волю.

Свиты его императорского величества генерал-майор Дренякин был послан в Пензенскую губернию для объявления манифеста о воле [35]). Из его депеш и ответа на них шефа жандармов князя Долгорукова видно, что правительство, не исключая и самого государя, смотрело на мужиков, не понимающих Положения, как на неприятеля, вторгшегося в пределы отечества. Дренякин пишет: «Кротость покорила уваровских. Берусь за Высокое, Покровское»... Эти покоренные уваровские — не кто иные как бородатые, беззащитные и безоружные мужики, принадлежавшие помещику Уварову, а Высокое и Покровское — не крепости и лагери, а просто-напросто мирные деревни, полные баб и ребятишек.

В другой депеше храбрый полководец Дренякин называет село Кандеевку «гнездом возмущения, разлившегося по уездам Пензенской и Тамбовской губерний» [36]). И что же? Противу этого гнезда бунтовщиков он употребил 41 пулю, которыми убил 8 и ранил 26 человек; но... «не повинились». Тогда храбрый полководец взял из толпы руками солдат 410 человек, из которых 29 наказал шпицрутенами и 16 розгами, — и «остальные покорились, кажется, чистосердечно, и прощены». Жаль, что он не прибавляет, чистосердечно ли прощены эти страшные бунтовщики, в которых стреляют, как в стадо диких уток, и которых потом преспокойно секут.

«Казанцы и тарутинцы — молодцы и верны присяге», — пишет Дренякин. Очевидно, что здесь речь идет о солдатах Казанского и Тарутинского пехотных полков. Какой вечный позор для них в названии *молодцами*! Они — молодцы только потому, что без жалости стреляют в своих ближних, кровных, таких же мужиков, какими они были до взятия в рекруты и какими будут после своей отставки, какими и теперь их отцы и братья. Они молодцы потому, что не имеют в себе ничего человеческого.

Далее, дикие понятия варвара-генерала, считающего неприятелем всякого, кто не принадлежит ко двору, выражаются следующими гнусными поступками: «Испрашиваю благосоизволения о представлении к наградам всех чинов, быстро действовавших на многих пунктах».

*) Так в оригинале.

Но верх безумства и зверской несправедливости заключается в следующих словах Дренякина: «Испрашиваю себе повеление решить виновников по моему суду», и ответ государя: «Вам предоставляется решить дело о виновных по вашему суду». «Колокол» прибавляет, что Дренякин после депеши наказал шпицрутенами до 200 и розгами 700 человек и первых отправил на каторгу, а последних — на поселение по своему суду [37]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) О сроках, к которым приурочивала народная молва объявление воли, неукоснительно докладывали шефу жандармов агенты III отделения, которым поручено было собирать сведения о толках и слухах среди простого народа столицы.

[2]) Ланской, гр. Сергей Степанович (1787—1862), с 1855 г. по апрель 1861 г. министр внутр. дел.

[3]) Игнатьев, гр. Павел Николаевич (1797—1879); с 1854 г. до 18 июня 1861 года петербургский военный генерал-губернатор.

[4]) Долгоруков, кн. Василий Андреевич (1803—1868), главный начальник III отделения собственной его величества канцелярии, шеф жандармов (1858—1866). Автор «Записок» везде пишет «Долгорукий».

[5]) Статья из № 40 «Северной Пчелы» от 18 февраля 1861 г. перепечатана была целиком в «Материалах для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II», том III, Берлин, 1862 года, стр. 174—175, с пояснением, что это — «самим Ланским, как говорят, сочиненная статья». Там же, стр. 174, перепечатано и упоминаемое объявление петербургского военного генерал-губернатора.

[6]) Так назывались в те времена полицейские участки.

[7]) Адлерберг, гр. Владимир Федорович (1791—1884), с 1852 г. по 1870 г. министр императорского двора; с 3 января 1857 года член «секретного (потом «главного») комитета по крестьянскому делу».

[8]) Адлерберг, гр. Александр Владимирович (1818—1888), личный друг Александра II; с 1869 г. по 1881 г. министр императорского двора.

[9]) Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1874); с 1856 г. по 1861 г. военный министр.

[10]) Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866); с 1856 г. до февраля 1861 г. министр государственных имуществ.

[11]) Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), генерал-от-инфантерии; с 1855 г. главноуправляющий путями сообщения.

[12]) Суворов, кн. Алексей Аркадьевич (1804—1882); с 18 июня 1861 г. с.-петербургский военный генерал-губернатор.

[13]) Анненков Иван Васильевич (1814—1887 г.), генерал-адъютант, с января 1860 года начальник 1-го округа корпуса жандармов; с марта 1862 года с.-петербургский обер-полицеймейстер.

[14]) Витовтов Павел Александрович (1797—1876), генерал-адъютант, инженер.

[15]) В скобках мы помещаем вставку на поле карандашом. Заметка, которую имеет в виду автор, напечатана в № 100 «Колокола» 1 июня 1861 года, стр. 844, под заглавием «Паткуль и горячие розги» (Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), генерал-адъютант; в 1860—1862 гг. с.-петербургский обер-полицеймейстер). Отсюда видно, что названная заметка доставлена в «Колокол»

не Перцовым и что Перцов не спешил делиться с «Колоколом» собранными сведениями.

[16]) Бутков Владимир Петрович (умер в 1881 г.), ст.-секретарь, с декабря 1854 г. государственный секретарь.

[17]) Эта фраза дает основание думать, что: 1) настоящие записки предназначались для напечатания, разумеется, за границей, и что 2) «Заметки о России вообще» были уже написаны или набросаны в тот момент, когда писались записки.

[18]) Имя, из двух-трех букв, не разобрано.

[19]) Панин, гр. Виктор Никитич (1801—1874); с 1843 г. министр юстиции; с февраля 1860 года, после смерти Я. И. Ростовцева, председатель редакционных комиссий.

[20]) Этот абзац — вставка на клочке бумаги, в половину восьмушки, карандашом, без указания, к какому месту в тексте она относится.

[21]) Семенов Николай Петрович (р. 1823), впоследствии автор труда «Освобождение крестьян в царствование Александра II». 3 тт. СПБ. 1889—1891 гг.

[22]) Блудов, гр. Дмитрий Николаевич (1785—1864), председатель государственного совета.

[23]) Этой части записок не оказалось у Перцова в день его ареста.

[24]) Инструкция командированным в губернии генерал-майорам свиты и флигель-адъютантам напечатана была в 1862 году в 3-м томе изданных в Берлине «Материалов для истории упразднения крепостного состояния» и пр., стр. 238—243. Согласно высочайшему повелению, генерал отправлялся в назначенную ему губернию «для содействия, как особое доверенное лицо государя императора, губернскому начальству в распоряжениях его как по приведению в исполнение означенных законоположений (о крестьянах), так и по сохранению при сем в губернии порядка и спокойствия» (Дело штаба корпуса жандармов, по 1-му отделению, 1861 г., № 49, лл. 1—2).

[25]) Отсюда до конца записки текст писан карандашом на отдельной четвертушке бумаги со многими помарками, поправками, вставками и перестановками.

[26]) Полетика Василий Аполлонович (ум. в 1888); после выхода из военной службы в 1856 году в отставку сделался промышленником; вместе со своим сослуживцем Семянниковым приобрел за Невской заставой литейный завод, превратившийся в их руках в один из крупнейших частных заводов, так называемый — «Семянниковский». Наш автор везде пишет «Семенников» вместо «Семянников».

[27]) Ламанский Евгений Иванович (1825—1902), в 1861 г. был управляющим госуд. банком.

[28]) В 3-м томе «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России» и пр., Берлин, 1862 г., стр. 247—249, напечатана корреспонденция из Петербурга, от 22 марта 1861 года, в которой описывается манифестация 12 марта и приводится адрес, поданный депутацией манифестантов царю. В том же томе «Материалов», в письме из Москвы, дано еще описание, повидимому, той же манифестации в Петербурге (стр. 190—191).

[29]) Усов Павел Степанович (1828—1888), издатель в 1860—1861 гг. «Северный Пчелы»; Пав. Ив. Мельников (Печерский) — сотрудник той же газеты.

[30]) Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, редактор «СПБ. Ведом.» с 1852 г. по 1862 г.

[31] ...ский Иван Васильевич (1821—1884), экономист; издатель «Эконом. Указателя» с 1857 г. по 1861 г.

[32]) Хрущов Дмитрий Петрович (1816—1864), б. тов. министра госуд. имуществ, сенатор (с 1857 г.).

[33]) Адрес петербургской городской думы, о котором рассказывает автор записок, напечатан в цитированном уже 3-м томе «Материалов для истории упразднения крепостного состояния», Берлин, 1862 г., под заглавием «Приговор с.-петербургской городской общей думы», стр. 244—246, без всяких комментариев.

[34]) Заключительные слова этой записки составляют переход к записке «Журнальные возгласы», которая должна была следовать за ней.

[35]) Депеши генерала Дренякина от 16 и 17 апреля 1861 года опубликованы в № 103 «Колокола», 15 июля 1861 года, стр. 866. Подлинник первой из этих депеш, с собственноручной резолюцией Александра II, находится в деле III отделения, 4-й экспедиции, 1861 года, № 221. Волнения охватили Чембарский и Керенский уезды Пензенской губернии, Моршанский и Кирсановский—Тамбовской.

[36]) У Дренякина: «по соседним уездам Пензенской и Тамбовской губерний»: далее: «удалось захватить толпу с [sic!] разных сел трех уездов, 410 человек, и только после наказания главных зачинщиков первой категории шпицрутенами —29, второй розгами —16, остальные покорились, кажется, чистосердечно, и прощены».

[37]) Всего, по «суду» генерала Дренякина, сослано было на каторгу 52 человека. В 1864 году генерал-губернатором Западной Сибири было возбуждено ходатайство о помиловании всех их и возвращении на родину, но генерал Дренякин, бывший тогда начальником 1-го округа корпуса жандармов, заявил, что он «продолжает оставаться в твердом убеждении о невозможности удовлетворить упомянутому ходатайству». В 1880 году был возвращен один из этих «преступников» Петр Чернов, после отбытия срока каторги находившийся уже в ссылке; об участи остальных нет сведений (указанное выше дело).

П. И. Пестель по письмам его родителей.

В числе вопросов, на которые должен был дать ответ арестованный декабрист Павел Иванович Пестель, был такой:

В сентябре того же [1824] года, выходя из Линец на маневры, кому поручили вы зеленый ваш портфель, замкнутый и наполненный постановлениями и законами общества, а по возвращении войск с маневров был ли портфель сей доставлен к вам чрез денщика Савенку, как показывает сей последний?

На этот вопрос Пестель дал ответ:

В сем моем портфеле никогда не хранились постановления и законы общества, а следовательно, и не могли быть отданы мною на сохранение и обратно через Савенка доставлены. Я часто сохранял в сем портфеле драгоценные для меня письма моих родителей, но после их запечатал в особые пачки. Я мог, уходя на маневры, из опасения пожара, дать их кому на сохранение, но однако же, сколько припомнить могу, то сего не сделал, а ежели и сделал, то сие самое простое и невинное обстоятельство перетолковано самым несправедливым образом [1]).

«Драгоценные» для П. И. Пестеля письма [2]) его родителей, Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны, писаны на протяжении четверти столетия, с 1801 г. по 1825 г., и касаются разных моментов жизни знаменитого декабриста с раннего его детства и до конца его жизни. В письмах содержатся подробности, интересные в бытовом отношении и в отношении личности Ивана Борисовича Пестеля, бывшего московским и петербургским почт-директором при Павле, а затем долгое время занимавшего пост сибирского генерал-губернатора при Александре I.

Ярко рисуется в этих письмах и личность Елизаветы Ивановны Пестель, урожденной Крок, умной, образованной представительницы русского общества первой половины XIX века [3]).

Но главный интерес писем в том, что они обрисовывают личность Павла Ивановича Пестеля. Из них можно узнать и факты внешней жизни Павла Ивановича, — известные, впрочем, и из других источников, — а главное, можно уловить черты

---

[1]) Архив Окт. Рев. I В, № 394, дело Пестеля, л. 69 об.

[2]) Хранятся в Архиве Окт. Рев. (А.О.Р.), особ. отдел: Гос. Архив, разряд 1-й, лит. В, №№ 474, 476, 477, 478. Всего около 300 писем.

[3]) Новые сведения о ней находятся в дневнике А. И. Колетицкой (Koletičkaja). Извлечения из него напечатаны А. Ремизовым в журнале: «Le Monde Slave», издаваемом в Париже. (Décembre 1925, p. 387 — 389.)

внутренней жизни его, понять, в какой среде он вырос, под каким влиянием сложился его характер, какие существовали отношения между ним и членами его семьи.

Прежде всего следует заметить, что семейство Пестелей было по своему происхождению немецким (Пестели происходили из Саксонии). Все их письма написаны или по-немецки, или по-французски. Русским языком пользовались они в письмах своих лишь изредка для придания своей речи couleur locale или в цитатах и, конечно, в официальных бумагах. Обыкновенным же языком в сношениях их между собою, по крайней мере в письмах, был французский, не без грамматических ошибок; русская же грамота и вовсе не давалась Ивану Борисовичу.

Семья Пестелей была строго лютеранская. Заботы о детях наполняли всю жизнь родителей, даже в то время, когда дети стали уже взрослыми. Собрать детей около себя и жить всем вместе — было всегдашней мечтой Елизаветы Ивановны. А когда служба отрывала сыновей от родительского дома, то писались письма при всякой возможности, и во всяком случае через каждые две недели. Если это правило нарушалось кем-либо из детей, исполнения его настойчиво требовали отец и мать.

Особенно заметно любовное отношение родителей к своему первенцу Павлу Ивановичу. У Пестелей было пять человек детей: четыре сына (Павел, Владимир, Борис, Александр) и дочь Софья, но их всех затмевал старший, Павел. Это был идол семьи. И нельзя подобрать лучшего эпиграфа к письмам родителей к Павлу Ивановичу, как следующие слова его матери:

Никогда ни один из сыновей не был так нежно любим своими родителями, как ты. Еслиб суждено было, чтобы осуществились в сем мире все благословения, которые мы тебе посылаем, и все наши пожелания, то, конечно, ты был бы счастливейшим из смертных на земле [1]).

Отъезд сына всегда приносил огорчение. После его отъезда в 1820 г. отец ему писал:

Со времени твоего отъезда твоя мать и я, — мы говорим подолгу о тебе. Десять раз на дню мы делаем расчеты, где ты можешь быть, и мы посвящаем тебе слезы нежности. Воспоминания о твоем прощании с нами останутся запечатленными в моем сердце навсегда [2]).

В 1824 году, 20 июля, Елизавета Ивановна Пестель вскоре после отъезда Павла Ив. (вероятно, это было последнее свидание их) писала ему:

Мне кажется, все утратило свою прелесть, интерес и смысл; у меня пропала всякая охота, ничего мне не хочется, я ничего не делаю. Давай нам, по крайней мере, почаще известия о себе, беседуя с нами обо всем, что касается тебя: что ты делаешь, что с тобою делают, одним словом, все, потому что нас все будет интересовать [3]).

Дни рождения, именины и всякие семейные торжества сопровождались поздравлениями, подарками; и нарушение этого порядка, вольное или невольное, вызывало напоминание и жалобы, которые со стороны желчного Ивана Борисовича получали иногда характер горького упрека. Надо сказать, что нарушителями правил семейной дисциплины являлись обыкновенно братья Павла Ивановича: Владимир, Александр, Борис; сам же Павел Иванович был безукоризнен в этом отношении. Так, 10 сентября

---

[1]) Дело № 477, ч. II, л. 353—358.
[2]) Дело № 477, ч. II, л. 128—129.
[3]) Дело № 477, ч. II, № 140, лл. 312—313.

1824 г. Иван Борисович писал из Васильева (Смоленской губ.), где он проживал в отставке, сыну Павлу:

Именины твоей матери [5 сентября] мы провели втроем [1]; но что действительно огорчило меня, так это то, что в этот день твоя добрая мать не получила ни одного поздравительного письма из Петербурга [2]. Из Москвы нас поздравили, но ни наши дети, ни наши петербургские друзья не имели времени подумать о нас. Мне это тем более досадно, что это огорчает вашу мать, которая любит всех своих детей и которая не может еще привыкнуть к мысли, что дети вовсе не думают о нас. Не думай, что я хочу упрекнуть тебя, вовсе нет: ты — это другое дело. Ты никогда не держался такого обычая, потому что ты не похож на них, и это не имеет никакого отношения к твоим чувствам; а твои братья и наши друзья в былое время очень хорошо помнили о наших именинах!!! Что делать: надо терпеть и молчать, потому что говорить — ни к чему не поведет [3].

Иван Борисович, этот «нежнейший из отцов», как он обыкновенно называет себя в письмах, употреблял все усилия, чтобы выдвинуть своих сыновей, устроить им карьеру. Нужно отдать ему справедливость, что он одинаково прилагал свои заботы в этом отношении ко всем сыновьям, но только один из них, Павел, радовал его; другие по сравнению с Павлом могли бы назваться неудачниками, с точки зрения отца.

В 1803 г. Павел Иванович Пестель, родившийся 24 июля 1793 г. в Москве, был уже благодаря хлопотам отца зачислен в Пажеский корпус [4]. До этого Павел Иванович воспитывался в доме своего отца. Сохранилась записочка А. Крок, бабушки Павла Ивановича, от 14 августа 1802 г. на французском языке, адресованная ему. Бабушка хвалит внука за его успехи в письме и истории и назначает его «начальником» своей канцелярии и своим «первым министром» [5]. Отец, с своей стороны, считает долгом поддержать бабушку и в письме, относящемся также к 1802 г., хвалит сына за успехи в каллиграфии. При этом отец счел долгом объяснить мальчику, которому только что исполнилось 9 лет, что «делая успехи, люди получают похвалы, которые должны быть лестны и поощрительны для сердца чувствительного».

Кроме А. Е. Зейделя, человека религиозного, которому было поручено воспитание и образование Павла Ивановича и его братьев в России и в Дрездене, где Павел Иванович учился с 1805 г. в продолжение 4 лет вместе с братом Владимиром, к Павлу Ивановичу был приглашен для приготовления его к вступительному экзамену в Пажеский корпус профессор Герман, который читал лекции юридических наук в этом учебном заведении. Выбором такого учителя облегчено было вступление в привилегированное учебное заведение, что, главным образом, имел в виду заботливый отец, а влиянию проф. Германа можно приписать возникшую у Пестеля любовь к политическим наукам.

От природы очень умный, прошедший строгую немецкую школу, Павел Иванович сразу оказался выше всех в Пажеском корпусе. Он был принят в мае 1810 г. в старший класс. Не потому ли Иван Борисович отдал сыновей своих, Павла и затем Владимира, в Пажеский корпус, что считал это училище лучшим в педагогическом отношении?

---

[1]) Т.-е. Иван Борисович, Елизавета Ивановна и Софья Ивановна, их дочь.

[2]) Где жили тогда Александр, Борис и Владимир Ивановичи Пестели.

[3]) Дело № 477, ч. II, письмо № 143, лл. 320 — 321.

[4]) См. послужной список П. И. Пестеля, Павлов-Сильванский: «Декабрист Пестель пред верховным уголовным судом», стр. 169.

[5]) Дело № 478, л. 4.

Отнюдь нет. Он с величайшим презрением и с каким-то даже цинизмом отзывался о Пажеском корпусе. Но он понимал, что это самое выгодное в карьерном отношении учебное заведение. Вот одно из откровенных признаний Ивана Борисовича в письме Павлу 30 июля 1812 г.:

Камер-пажи и пажи получили позволение итти из корпуса [на войну], все без исключения те, которых родители пожелают этого. Есть 40 человек, которые назначены к выпуску, потому что начальство не пускает тех, которые слишком малы, слишком молоды и слабы: без этого ограничения, я думаю, весь корпус опустел бы. Что касается меня, то я решил оставить Владимира еще в корпусе, так неудачно управляемом Клингером [1]); поэтому не мое благоприятное мнение о пребывании здесь молодого человека заставило меня оставить Владимира в этом учебном заведении; совсем напротив: я жалею, что вынужден к этому слабостью здоровья Владимира... он будет сделан камер-пажем, когда другие уйдут. Это скорее счастливый случай, чем дело ума. Сколько труда пришлось вынести тебе, чтобы сделаться камер-пажем! Ты был этим вознагражден, мой друг, не вследствие выхода из корпуса, что было бы несчастием для тебя, но вследствие мнения всех тех, которые выходят из корпуса, потому что даже враги твои отдают тебе справедливость. Вот тому доказательство. Тулубьев, твой враг, узнавши, что Татищев происками добивается того, чтобы получить на экзамене больше баллов, чем он, Тулубьев, сказал в присутствии Владимира: «Пестель уже меня обидел, но он по крайней мере умен и знает лучше меня, а этот—дурак, и когда ему дадут более баллов, нежели мне, так я ему лоб раскрою». Это сказано в пылу, и это доказывает, что даже враги твои отдают должное твоим знаниям. Милосердный бог вознаградит тебя впоследствии за все твои труды. Такие добрые дела никогда не остаются без награды. Ничего не знаю, как кончится экзамен, потому что все те, которые получили позволение на выход, подвергнутся экзамену, который определит, какие баллы кто будет иметь. Эти баллы будут представлены его императорскому величеству государю императору, который решит вопрос о выпуске и о рангах. Камер-пажи не ждут себе больше, чем быть прапорщиками. Впрочем, нет ни одного, которого можно было бы сравнить с тобою и с Адлербергом и даже некоторыми другими более слабыми, чем вы оба. После вашего выпуска корпус потерял ужасно. Никто больше не работает, и так как не ждали экзамена в это время, то они и не приготовлялись к нему нисколько. Хорош будет выпуск, и служба получит очень хороших офицеров!!!

В декабре 1811 г. Павел Пестель был произведен в камер-пажи и выпущен из Пажеского корпуса.

Выпускные экзамены в присутствии Александра I Павел Пестель выдержал первым по списку и был записан на мраморную доску [2]).

Этим кончились учебные годы Павла Ивановича, но не кончилось его самообразование.

Иван Борисович старался развить в детях своих любовь к России, сделать их патриотами. С этою целью он писал Павлу и Владимиру, когда они в 1805—1809 гг. учились в Дрездене под руководством Зейделя:

---

[1]) Это тот самый Федор Иванович Клингер (1752—1831 гг.), который умел соединить в своей особе достоинство немецкого поэта периода Sturm und Drang и друга Гете с званием русского чиновника. Клингер делил весь род человеческий на два разряда: «die Menschen und die Russen». (Русская История К. Бестужева-Рюмина. Спб. 1872 г., т. I, стр. 5.)

[2]) Эта доска после событий 14 декабря 1825 г. была разбита. (Павлов-Сильванский. «Декабрист Пестель», стр. 6.)

Я очень рад слышать от Зейделя, что вы продолжаете любить ваше отечество. Вы должны его любить за те благодеяния, которыми родные ваши пользуются здесь со времени водворения нашего семейства в этой стране: Россия есть наше отечество в течение ста лет [1]).

Патриотизм Ивана Борисовича Пестеля заключал в себе любовь не только к стране и народу, но и преданность монархического служаки; вообще это был официальный патриотизм, своего рода deutcshe Treue честного немецкого наймита.

Зейдель — это ваш руководитель, это ваш благодетель, друзья мои. Следуя его правилам, вы приготовите себе приятную будущность, сделавшись людьми добрыми, полезными для отечества. Чтобы получать преимущества и награды от своего государя, надо начать с того, чтобы сделаться способными быть употребляемыми на службу своему отечеству с пользою. Чтобы достичь этого, нужно иметь способности и необходимые знания. Тогда наш государь употребит их на пользу нашему отечеству, управление которым вверено ему свыше. Какое счастье иметь возможность сказать: я служу моему государю с усердием и полезен моему отечеству! Ничто не сравнится с таким счастьем для души благородной. Я надеюсь, что когда-нибудь вы испытаете эти благородные радости» [2]).

Иван Борисович старался по-своему возбуждать в детях своих любовь к народу, к угнетенным крестьянам. В письме из Казани от 27 марта 1804 г., адресованном к Павлу, Борису и Владимиру, из которых старшему Павлу не было еще 10 лет, Иван Борисович говорит о своем путешествии по делам службы, касавшимся казенных крестьян:

Я нашел множество народа, угнетаемого второстепенными начальниками, и мне доставило удовольствие, что я успел облегчить этих бедных людей, избавив их от угнетателей... Это было поистине зрелище весьма трогательное — видеть признательность, которую эти бедные люди мне выражали: в одном селе собралось 2878 крестьян, которые, когда я уезжал, повергнись все на землю и кричали мне изо всех сил, что они сами и дети их будут молить бога за мое благополучие и за благополучие всей моей семьи. Растроганный, я плакал теплыми слезами и благодарил бога за то, что он меня избрал орудием для облегчения участи этих несчастных бедняков. И такие сцены имел в 14 других местах, где я был для производства расследования. Ах, дорогие дети! Просите у бога, чтобы он дал вам сердца, способные чувствовать живо радость содействовать счастью своего ближнего. Нет блаженства, которое равнялось бы счастью облегчить угнетенного! Вот, мои друзья, единственная и самая большая радость, которую дает нам высокое положение, — это иметь возможность делать побольше счастливых.

Затем И. Б. с воспитательными целями раскрывает перед своими сыновьями картину народной жизни:

Места, где я был, все населены чувашами, черемисами и татарами, которые, однако, все говорят по-русски, хотя и плохо, но настолько, что их можно понять. Так как наши беседы с ними бывали иногда продолжительны, то они выбирали переводчиков, через которых мы разговаривали с некоторым доверием и обоюдным благожелательством, к чему эти бедняки совсем не привыкли и что приобрело мне их привязанность и доверие. Низшие начальники обращаются с ними, как с животными, совершенно забывая, что это такие же люди, как они сами, и хотя невежественные и не столь просвещенные, но в основе гораздо чище и лучше, чем они, и, вообще, менее испорченные. Жилища этих людей показывают величайшую бедность их. Только очень редко встре-

---

[1]) Дело № 477, № 13 лл. 22—24.

[2]) Дело № 477, письмо И. Б. из Иркутска к сыновьям Павлу и Владимиру. № 18, лл. 33—34 об.

чаются комнаты, где есть печи с трубами, так что, когда начинают топить печи, комната наполняется дымом до такой степени, что нельзя ничего видеть, что причиняло мне нередко ужасную головную боль, и особенно болели глаза [1]).

Павел Иванович не уклонялся от непосредственных соприкосновений с бытом крестьян. В письме из деревни от 24 июля 1825 г. Иван Борисович описывает, как они провели там день 15 июля:

Мы отпраздновали 15 июля, день рождения Софьи, годовщину нашей свадьбы (33 г.) и именины Владимира таким же точно манером, как и два предыдущие года нашего пребывания в деревне. У нас было 9 человек гостей соседей, которые обедали у нас. Все наши крестьяне с женами и детьми и человек 30 нищих, всего более 300 человек, угощались хорошим обедом и водкой вволю. После обеда крестьяне плясали и не забыли тех танцев, которым ты их научил. Все были веселы и довольны [2]).

Но молодому Пестелю были свойственны и иного рода проявления своего отношения к крестьянам, едва ли даже понятные и приятные его родителям.

Павел Иванович пожелал отпустить своего крепостного слугу на волю, но так как этот Иван был крепостным его матери Елизаветы Ивановны, то дело затянулось. Мать была против освобождения, но потом уступила сыну. В письме Ивана Борисовича от 20 ноября 1824 г. мы читаем:

Посылаю тебе при сем бумагу об отпущении на волю твоего Ивана. Ты увидишь, что она давно уже написана. Я медлил посылать оную тебе из опасения, чтобы акт этот не создал недовольных между другими нашими людьми, которые наверно так же хорошо, если даже не лучше, служили, как и Иван. Так как я ни в чем не могу тебе отказать, то бумага сделана, и дело это кончено [3]).

Иван Борисович старался поддерживать в сыне своем любовь ко всему русскому, и даже к русскому языку, которым сам, несмотря на свое долгое пребывание в России, владел не вполне. Считая себя, однако, знающим русский язык, он иногда, там и сям, вставлял в обычный свой французский язык русские словечки и выражения и даже поправлял иногда ошибки своих сыновей. Так, в письме от 16/20 окт. 1805 г. он сделал такое замечание сыну: «Ты написал на обложке письма к матери: «урожденной Крокше»; надо было написать: «урожденной Крокова».

В письме от 22 мая 1818 года он пишет:

Сообщу нечто такое, что доставит тебе удовольствие, как русскому, а никто не усумнится в том, что ты настоящий русский. Шишков (президент российской академии, тот самый, долг которого очищать российский язык от иностранных слов) сказал мне, что один русский крестьянин сообщил ему чисто русское слово (которое он никак не мог найти), которое выражает капитал, которое и по-немецки тоже капитал. Этот крестьянин сказал о деньгах, которые он отдал под проценты: «Я деньги отдал в рост, но мне не только не платят ростовых денег, но и и с т е н н и к а не отдают». Это слово: и с т е н н и к превосходно выражает слово капитал в этом смысле. Да здравствует русская нация!!! [4]).

Иван Борисович упорно стремился во что бы то ни стало сделать из своего сына то, что называлось тогда «человеком», т.-е. дать ему возможно выгоднейшее и возможно

---

[1]) Дело 477, № 7, лл. 13—14 об.
[2]) Дело 477, № 172, лл. 383—384.
[3]) Дело 477, № 150, лл. 337—338.
[4]) Дело 477, ч. II, № 34, лл. 57—58 об.

высокое положение в обществе. Но он забыл только одно, что тот круг, в который он стремился ввести своего сына, вовсе не расположен был принять его как «своего». — Несмотря ни на какие личные достоинства и заслуги свои, Пестели в глазах общества были все-таки, как и Сперанский, выскочки. И уже в Пажеском корпусе Павел Иванович должен был столкнуться с проявлениями аристократического презрения к неаристократам. Пестеля школьные товарищи не любили (на это есть указание в вышеприведенном письме Ивана Борисовича Пестеля), хотя и признавали его достоинства.

Нельзя, конечно, объяснять личными отношениями и чувствами ту борьбу, которую Павел Иванович Пестель вел в своих писаниях и речах с «аристократиями», — как он сам выражается. Всю горечь социального неравенства Пестель познал не в теории только, а гораздо ранее всякой теории, путем личного опыта и наблюдения. В вопросе об истреблении ненавистной «аристократии» и ум, и сердце Пестеля, и теория, и чувства его не расходились, как это бывало в других случаях.

14 декабря 1811 года Павел Иванович был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский (впоследствии Московский) полк.

Письма Павла Ивановича из полка радовали родителей:

Содержание твоих писем тронуло меня,—пишет ему отец,—и доставило мне величайшее удовольствие. Они имеют характер писем человека чести, усердного солдата, пламенного патриота [1]).

В письме от 30 июля 1812 г. Иван Борисович хвалит сына за те же чувства:

Твой дядя Леонтьев [2]) здесь [т.-е. в Петербурге]. Мы ему читали некоторые из твоих писем, и у него были слезы на глазах, когда он читал то место, где ты говоришь, что с благословения твоих родителей ты исполнишь твой долг, как верный гражданин и ревностный солдат. Он мне сказал: «Я всегда ожидал, что наш Павел отличится во всяком случае». О, да, мое дорогое дитя, я вполне убежден в этом и прошу всевышнего дать тебе подходящий для того случай и благословляю тебя от глубины моей души.

Практические советы житейской мудрости давались со стороны отца Павлу Ивановичу в изобилии. И он их не только выслушивал, но иногда и поступал сообразно с ними.

Вот, например, отец пишет:

Сегодня [письмо от 19 апреля 1812 г.] министр полиции Балашов уехал отсюда. Он мне обещал оказывать тебе внимание во всем, в чем ты найдешь полезным для себя обратиться к нему. Съезди к нему на поклон и, чтобы легче сделать это, обратись к г. Протасьеву, его адъютанту, который сказал, что знает тебя; он поможет тебе увидеться с министром. Если найдешь случай представиться графу Кочубею, то это будет тоже хорошо, что не пренебрег им. Чем больше молодой человек, вступающий в свет, имеет видных знакомств, тем более составляется о нем хорошее мнение, хотя бы даже и не знали его близко [3]).

И сын радовал отца, сообщая ему, что сближается больше с начальством, чем с товарищами. Отец писал тогда:

Я очень рад видеть из твоего письма, мой добрый друг, что ваш капитан человек солидный и что ты сблизился с ним более, чем с твоими молодыми товарищами. Бог да благословит тебя и поможет всеми возможными способами избегать игры [4]). Это одна

[1]) Письмо 14 июля 1812 г. Дело 477, ч. I, № 37, л. 73.

[2]) См. о нем у Н. Павлова-Сильванского. «Декабрист Пестель перед верховным угол. судом», стр. 131.

[3]) Дело 477, ч. I, № 29, лл. 57—58.

[4]) В карты.

из самых опасных страстей. Я очень доволен, видя из твоего письма, что ты сам понимаешь опасность пристрастия к игре, и что ты избегаешь всех обществ, где любят игру [1]).

В 1812 г. 26 августа в Бородинском сражении Пав. Ив. Пестель был ранен в ногу. Но благодаря не совсем точным сообщениям гр. Аракчеева и его брата по этому поводу, это тревожное известие сначала дошло до И. Б. не в своем точном виде, при чем в зависимости от характера этих сведений И. Б. приходилось переживать различные чувства. Первоначально И. Б., 5 сентября 1812 г., узнал от графа Аракчеева, что Павел Иванович тяжело ранен и привезен в Москву; отец пишет сыну письмо, указывает ему лиц, у которых Павел Иванович мог бы в Москве остановиться, и посылает на имя московского гражданского губернатора Н. В. Обрескова тысячу рублей для сына [2]).

Сначала Иван Борисович скрывал это известие от жены, но она скоро сама догадалась об этом и 8 сентября писала Павлу Ивановичу, что муж скрывает от нее что-то; на всякий случай она дает сыну совет, как устроиться ему в Москве, если бы он был там в числе раненых. Наконец, Иван Борисович в письме 10 сентября того же года рассказывает сыну подробно свои переживания:

Брат графа Аракчеева, находившийся подле князя Багратиона (адъютанта его величества государя императора), прибывший сюда [т.-е. в Петербург], рассказывал, что слышал, как говорили о раненых, которых он называл даже поименно, и что ты убит или по крайней мере тяжело ранен. Граф Аракчеев, который мне постоянно оказывал искреннюю дружбу, тотчас же написал мне и просил меня притти к нему, потому что ему нужно поговорить со мной. Когда я явился к нему, он мне сказал, что не приехал ко мне сам, потому что опасался, как бы твоя мать не догадалась о том, что он должен был сказать мне. В то же время он представил мне своего брата, который совсем грубо объявил мне это ужасное известие. Не могу выразить тебе, дитя мое, какое действие произвело на меня это ужасное известие. Не дай тебе бог испытать когда-либо в жизни то, что чувствовал я в продолжение трех дней, пока находился в этой страшной неизвестности... В надежде, что, может быть, ты только ранен и что всех раненых офицеров отправляют в Москву, я не мог ничего другого сделать, как поспешить воспользоваться любезным предложением графа Аракчеева послать тебе письмо в Москву; так как все наши уже оставили Москву и так как я даже не знал, кто из всех моих знакомых находится в Москве, я решил написать московскому гражданскому губернатору Обрескову и послать ему п о с л е д н ю ю [3]) тысячу рублей, которая была у меня, и просить его передать ее тебе, принять тебя под свою защиту и позаботиться о тебе, как можно лучше. И вдруг 7 числа сего месяца граф Аракчеев пишет мне записку, при сем прилагаемую [4]), в которой удостоверяет меня не только о том, что ты жив, но что ты не был даже и ранен. Посуди, дитя мое, с какой радостью читал я эту записку. Вот тогда я пошел к твоей матери, чтобы ее успокоить, потому что она очень и очень страдала, не имея от тебя никаких известий после знаменитого сражения 26 числа прошлого месяца, которое, по уверению всех, было самое кровопролитное из когда-либо бывших. Его величество и их величества императрицы были ко мне милостивы и расспрашивали о тебе с величайшей внимательностью. При этом именно случае научился я ценить Аракчеева. Это — достойный человек, которого так мало знают, потому что он,

---

[1]) Дело 477, ч. I, № 34, лл. 56—57.

[2]) В следующем уже письме, 7 сентября, И. Б. дополнительно извещает сына, что известие о том, что Павел Иванович тяжело ранен и привезен в Москву, сообщил не сам граф Аракчеев, а его брат, приехавший в Петербург.

[3]) Подчеркнуто в оригинале.

[4]) Записки этой не оказалось в бумагах П. И. Пестеля.

в сущности, добрый и чувствительный, и я привязан к нему от всего моего сердца, принося ему живейшую признательность за то внимание, которое он оказал мне при сем случае... Я просил графа Аракчеева особенно рекомендовать тебя генералу Лаврову, вашему дивизионному командиру, и граф обещал мне сделать это, прибавив при этом, что генерал этот — один из его друзей и что он уверен, что Лавров обратит внимание на его письмо по твоему делу.

26 сентября 1812 г. отец отправил снова письмо сыну, с К. А. Случевским, причисленным к канцелярии И. Б. Пестеля:

Не хочу растерзать тебе сердце, рассказывая о беспокойстве, о бессонных ночах, о слезах, о тяжкой тоске, которые мы испытали с того времени, как мы узнали, что ты ранен, и притом не зная, как ты ранен и где ты!!! Сколько людей умерло от ран в ногу!!! Увы, что будет с нами (с твоей матерью и со мной), если нас постигнет несчастье потерять самого дорогого из наших детей, надежду нашей старости!!!

5 ноября 1812 г. И. Б. Пестель писал:

Я был тронут до слез, когда граф Аракчеев рассказывал мне, что главнокомандующий кн. Кутузов дал тебе шпагу за «храбрость» на поле сражения. Этой наградой ты обязан твоим заслугам, а не протекции и милости. Вот, мой друг, как вся наша фамилия, т.-е. мой дед, мой отец и я, мы все служили России (нашему отечеству); ты едва вступил в свет, а уже имел счастье пролить кровь свою на защиту твоего отечества и получить награду, которая блистательным образом доказывает это. Я на коленях благодарю бога за это и молю его сохранить тебе доброе здоровье, чтобы ты мог продолжать твою ревностную службу отечеству. В настоящее время более, чем когда-либо славно быть подданным России. Мы готовы истребить французскую армию, не выпустив ни одной живой души. Ты должен уже знать все подробности великих подвигов наших армий. Возблагодарим провидение и благословим превосходные войска и достойную уважения нацию, которые нам дадут мир и покой, избавив нас от чудовищ, которые нарушили их и заставили нас испытать все несчастья, какие только возможно.

В 1813 г. Павел Иванович назначен адъютантом к графу П. Хр. Витгенштейну, и отец тотчас же ищет протекции, чтобы и другой сын его, Владимир, мог получить подобное назначение [1]). В другом письме он выражает удовольствие по поводу знакомства сына с Олсуфьевым:

Я рад, что генерал-майор Олсуфьев принял тебя хорошо. Постарайся сохранить его расположение [2]).

В том же письме он сообщает о том, что положение графа Витгенштейна при дворе пошатнулось, и советует сыну переменить службу, т.-е. оставить Витгенштейна и, при протекции Аракчеева, перейти к другому начальнику, каковым называется генерал Кайсаров [3]).

Мать, с своей стороны, в видах укрепления связей с семейством Витгенштейнов, старалась поддерживать эти связи, но ей пришлось испытать некоторое разочарование: графиня Витгенштейн ей не ответила, и Елизавета Ивановна пишет сыну:

Удивляюсь, что она не отвечает мне. Мое письмо было в достаточной мере учтиво, чтобы заслуживать ответа. Да и ответить для нее было не труднее, чем отвечать принцессе Виртембергской или императрице Елизавете. Я не настолько тщеславна, чтобы

---

[1]) Дело № 477, письмо от 1 июня 1813 г.

[2]) Письмо от 15 июля 1813 г.

[3]) Кайсаров, Вл. Серг., генерал-от-инфантерии (1783—1844 гг.). См. письмо от 27 июня 1813 г.

думать, что мой стиль мог стеснять ее. Просто, я думаю, сначала она была занята, потом поленилась, затем забыла, что не очень-то лестно... Так и быть...

Когда Павел Иванович испытывал неудачи по службе, отец спешил утешить его.

То, что ты говоришь мне о твоем месте как адъютанта — это очень просто и никогда не бывало иначе, и всегда будет то же самое. Те, которые умеют подлизываться, имеют всегда преимущество пред теми, которые не делают этого. Но надо ведь тоже себя поставить на место людей. Ты сам был бы более расположен к тому, кто оказывал бы более старания тебе понравиться. Есть средства очень благородные оказывать любезности тем лицам, которые могут быть нам полезны. Не надо пренебрегать этими средствами, мой друг. Служба прежде всего, но маленькие одолжения, которые может себе позволить честный человек, не должны быть забываемы. Ты довольно знаешь меня, мой дорогой Павел; так вот такой человек, как я, никогда не упускал случая оказывать любезность и внимание моим начальникам, что не входило в мою обязанность как подчиненного... Впрочем, не приходи в отчаяние, мой добрый друг, когда видишь, что получают награды люди, которые заслуживают их гораздо менее, чем ты. Мой собственный пример должен тебя утешить. Я очень часто в продолжение моей службы оставался позади сравнительно с другими, но через некоторое время я опять видел себя не только сравнявшимся с ними, но даже и обогнавшим их [1]).

Советы житейской мудрости в виде указаний, с какими именно лицами должен был стараться сблизиться Павел Иванович, встречаются в письмах Ивана Борисовича очень часто, и это придает им своеобразный характер.

Кроме вышеприведенных примеров, можно указать на письма: от 26 мая 1813 г. («Постарайся, мой дорогой Павел, сблизиться с графом Местром»), от 27 ноября 1813 г. (совет сходить к Аракчееву и Марченко), от 4 февраля 1814 г. (совет побывать у Ламздорфа), от 5 июня 1823 г. (совет приобрести расположение Дибича). Встречаются иногда и советы остерегаться некоторых лиц, напр., Юшневского (письмо от 3 сент. 1824 г.).

Всячески желая обратить на своего сына внимание высшего общества, И. Б. Пестель прибегнул к оригинальному способу: он переплел письма, полученные от Павла Ивановича, в особую тетрадь и давал ее читать, кому считал нужным.

Я сделал из твоих писем тетрадь и дал ее старому фельдмаршалу графу Салтыкову и другим лицам, понимающим настоящую цену подобным вещам, и собрал большие похвалы тебе, а себе большое удовлетворение.

Другая мера заботливости о карьере сына состояла в том, что Иван Борисович обратился с письмом к Витгенштейну. По этому поводу И. Б. 10 мая 1814 г. писал к сыну:

Посылаю тебе при сем письмо мое к графу, вашему генералу. Оно написано по-русски и очень четко. Я заинтересован в том, чтобы оно дошло до графа, потому что, благодаря его за всю доброту к тебе, излагаю ему весьма деликатно и мою настоящую просьбу помочь тебе подвинуться в чине. Я ему говорю, что ему надо только спросить тебя, каким образом ты вступил в службу, и что все твое несчастье в том, что вместо того, чтобы быть гвардии поручиком уже два с половиной года тому назад, ты в настоящее время всего только подпоручик. Расскажи графу, как это произошло и что изменение в порядке выпуска камер-пажей, не касаясь нисколько тебя лично, было единственной тому причиной и что его императорское величество выразился о тебе очень лестно. Если ты представишь мое письмо графу, напиши мне, мой друг, какое действие оно произведет. По моим данным, я не имею надежды на то, чтобы он проявил особенное

[1]) Письмо от 21 марта 1814 г.

старание, но ты будешь, по крайней мере, иметь случай ускорить и настаивать. Я уверен, что подобное представление имело бы успех у графа Аракчеева и что он приложил бы старание. Быть может, что чин поручика тебе будет со старшинством, тогда то представление, которое уже давно было сделано и о котором ты мне говорил, о твоем производстве, послужит для того, чтобы тебя произвести в штабс-капитаны. Уверяю тебя, что я принимаю это близко к сердцу. Орденов у тебя довольно. Недурно было бы иметь еще один иностранный орден, как, напр., «за заслуги» («pour le mérite»), но это не так существенно, как производство в чин. Действуй в этом направлении и напиши мне, в чем я могу посодействовать с моей стороны. Я писал уже об этом графу Аракчееву и Марченко несколько времени тому назад [1]).

Вопрос о том, где выгодней служить или при ком выгоднее состоять, был один из самых важных для Ивана Борисовича. Он тщательно следит за повышением и понижением в положении высокопоставленных лиц при дворе и спешит передать это сыну с подобающим советом, как выгоднее поступить в том или другом случае. Когда в 1818 году гр. Витгенштейн принял звание главнокомандующего II армии вместо Беннигсена, то Иван Борисович, ранее советовавший сыну покинуть Витгенштейна, теперь дает другой совет:

Было бы, впрочем, очень худо оставить графа в то время, когда он будет иметь более возможности быть тебе полезным и когда ты будешь иметь карьеру, более выдающуюся, и больше способов отличиться.

В письме от 1 июня 1818 г. Иван Борисович просит Павла Ивановича передать своему начальству сделанные в Петербурге Иваном Борисовичем справки о возможности увеличения содержания Витгенштейну. Просит также сына предупредить его о времени приезда Витгенштейнов в Петербург, чтобы приготовить им квартиру.

Для той же цели И. Б. старается использовать и свои хорошие отношения с Аракчеевым. Так, в письме к Павлу Ивановичу от 1 декабря 1821 года [2]) отец пишет:

Ты знаешь из этих писем подробности причины замедления в твоем производстве. То, что ты говоришь, будто тебя считали за шпиона графа Аракчеева, то это так подло, так низко, что надо быть лакейской душой, чтоб выдумать подобные низости.

К 1818 году относится встреча Павла Ивановича с известною баронессою Крюденер. В письме своем к Павлу Ивановичу от 16 мая 1818 года в Митаву Иван Борисович пишет:

Судя по всему тому, что ты говоришь нам о г-же Крюденер, надо думать, что у нее добрые религиозные начала, но голова ее, которая всегда была экзальтированная, делает ее странною и заставляет ее смотреть на себя, как на какую-то избранницу провидения. В этом отношении можно на нее пожаловаться. Мне было бы интересно поговорить с ней, и если когда-нибудь я буду иметь возможность, то побываю у нее. Я бы желал, чтобы ты воспользовался ее предложением писать к ней. Я уверен, что ваша переписка с ней могла бы быть интересна. Если ты будешь писать ей или сам ты ее увидишь, передай ей мое почтение и уверение в дружбе к ней твоей матери.

---

[1]) Тому же вопросу о служебном положении Павла Ивановича посвящено письмо от 17 ноября 1814 г. Иван Борисович придавал этим вопросам большое значение. К вопросу о старшинстве в чинопроизводстве Иван Борисович возвращается неоднократно в письмах: от 15 декабря 1814 г., от 27 февр. 1815 г., 20 марта 1815 г., 8 мая 1815 г.

[2]) Дело № 477, ч. II, лл. 211—212, письмо № 100.

Итак, баронесса Варвара Юлия Крюденер, урож. Фитингоф (1764—1825 гг.), была старая знакомая матери и отца Павла Ивановича, и последний до известной степени заинтересовался ею. В 1818 г. она была в наилучших отношениях с Александром I, и этим должно объяснить отношение И. Б. Пестеля к ней и совет его сыну поддерживать с нею сношения [1]).

В 1819 г. (письмо от 5 февраля) Иван Борисович дает такой практический совет Павлу Ивановичу, который в это время был адъютантом при графе Витгенштейне:

Мне бы хотелось, чтобы ты достиг у графа повышения, а раз ты будешь полковником, тебе легко будет избавиться от того неприятного положения, в которое тебя ставят обстоятельства, когда ты адъютантом графа... Может быть, Рудзевич или Игнатьев могли бы тебе посодействовать в этом. Тебе лучше это должно быть известно на месте, чем мне, только не упускай случая и деликатничай только с теми, кто знает этому цену [2]).

Когда П. Д. Киселев в 1819 г. сделался начальником штаба второй армии, находившегося в м. Тульчине Подольской губ., Иван Борисович спешит (письмо от 28 февр. 1819 г.) сообщить о том Павлу Ивановичу, советуя ему сблизиться с Киселевым, и тут же объясняет откровенно причину совета: «потому что Киселев пользуется доверием у императора». Павел Иванович, служа под начальством Киселева, вскоре приобрел полное его расположение, не открывая ему своей тайны. Иван Борисович непременно желал, чтобы сын был произведен в полковники и винил Витгенштейна в слабости, вследствие которой сын оказался в неприятном положении:

Я в высшей степени желал бы, чтобы ты был сделан полковником. Тогда ты мог бы легко оставить графа, и больше не нужно было бы рассуждать с милой графиней [3]).

Постоянно с неослабным вниманием следя за карьерой Павла Ивановича, отец не допускал, чтобы сын предпринимал решительные шаги без его ведома. Когда в 1819 г. Павел Иванович задумал было переменить службу, отец писал ему 31 мая следующее:

Один из пунктов твоего письма от 15 числа сего мес. беспокоит меня и огорчает; говорю это тебе, как друг, а не как отец, хотя я никогда не позволял себе различать эти два качества, потому что я нахожу, что отец должен быть и первым другом своих детей, и, положа руку на сердце, я это делаю очень добросовестно и нежно. Ты мне говоришь как бы мимоходом о твоем предположении оставить графа [Витгенштейна] и принять место, которое граф Витт тебе предлагает, место начальника главного штаба у него. Так как ты не спрашиваешь моего совета относительно этого большого и важного шага, который ты намерен сделать, я мог бы не говорить тебе ничего, но в качестве отца и в качестве друга я не могу позволить себе этого. Итак, скажу тебе мое мнение с тою откровенностью, с какою поступал я всю мою жизнь относительно тебя, мой дорогой Павел.

И затем следует доказательство, что лучше оставаться адъютантом Витгенштейна, чем принять место, обещанное графом Виттом. Между прочим, приводится и такой аргумент:

---

[1]) О Крюденер упоминается еще в письме Ивана Борисовича от 28 января 1821 г. (Дело № 477, ч. II, письмо № 80, лл. 161—164.)

[2]) Письмо № 50, дело № 477, ч. II, лл. 88—89 об.

[3]) Письмо от 1 мая 1819 г.

Как менять верное на неверное?.. и если это вероятное основывается на обещании — и кого? Графа Витта, который и сам еще не оперился.

И Павел Иванович не перешел на службу к графу Витту.

1821 год был богат событиями в жизни Павла Ивановича.

В январе и феврале этого года состоялся съезд членов Союза Благоденствия и представителей управ. Обстоятельства сложились так, что Пестелю, несмотря на его желание, не удалось присутствовать на этом съезде. Из Тульчина на съезд прибыли два умереннейших члена, Бурцев и Комаров. Когда они вернулись с решением о закрытии Союза, Пестель энергично протестовал против такого решения и, склонив на свою сторону нескольких тульчинских членов, немедленно организовал Южное общество, в виде отдела Союза Благоденствия.

1 ноября 1821 г. П. И. Пестель был произведен в полковники, а 15 ноября того же года был назначен командиром Вятского пехотного полка. Теперь для него открывалась возможность с большею свободой проявить свою деятельность. Он не только ревностно отдается своим новым и ответственным обязанностям, но много пишет по вопросам военного устройства [1]).

Вятский пехотный полк, доставшийся П. И. Пестелю, считался одним из самых плохих и совершенно расстроенных. Пестелю предстояло подтянуть этот полк, и он в полной мере выполнил эту задачу.Император Александр I, произведя смотр в сентябре 1823 г., т.-е. через год и 10 месяцев, сказал: «Превосходно! точно гвардия!» и пожаловал П. И. Пестелю 3.000 десятин земли. Честолюбие Пестеля было, конечно, такой похвалой удовлетворено, но материальная награда ставила его в трудное положение. Средства были ему нужны [2]), но принять пустопорожние земли не представляло никакой выгоды [3]).

---

[1]) См. дело № 473 «Черновые записки П. И. Пестеля по делам военного управления, по командованию полком и пр.».

[2]) Имущественное положение Пестелей рисуется далеко не блестящим. Иван Борисович с большим трудом помогал сыну, когда тот служил в гвардии. Так, в письме от 7 ноября 1814 г. он говорит сыну: «Чем более я доволен тобою, чем нежнее люблю я тебя, тем более страдаю я, не имея возможности выслать тебе денег. Я еще не могу сделать это в настоящую минуту, но я сделаю все, что в моей возможности, чтобы достать их». 28 числа того же месяца и года Иван Борисович пишет: «Первые деньги, которыми буду располагать, пошлю тебе. Клянусь честью, что во всем доме у нас в настоящую минуту только всего 75 рублей, которых едва хватит на пропитание». Наконец, 15 декабря 1814 г. Иван Борисович послал «лепту вдовицы» (le denier de la veuve) тысячу рублей и выразил желание, чтобы «эта сумма была в некотором роде достаточна» на потребности Павла Ивановича. Те же жалобы на недостаток средств повторяются в письмах 1817 г., 1819 г., 1820 г. Долгов у И. Б. было, как видно из его писем, очень много. После выхода отца в отставку — что произошло в 1819 г.—уже Павлу Ивановичу, в свою очередь, приходилось поддерживать родителей. Об материальном положении П. И. Пестеля см. С. Н. Чернов: «Имущественное положение декабристов». «Красный Архив», т. XV, стр. 189.

[3]) В архивохранилище политики и права Ленингр. отдел. центр. истор. Архива находится подлинный именной указ Александра I сенату от 7 января 1824 г. о пожаловании земли: «в воздаяние отменно ревностной службы и неусыпных трудов командира Вятского пехотного полка полковника Пестеля в вечное и потомственное владение 3.000 десятин земли, по избранию его в таких губерниях, где, сверх положенной казенным крестьянам 15-десятинной пропорции, находятся излишние порожние земли» (Кн. высоч. ук. 419, л. 42). Указ этот слушан 17/I 1824 г. в межевом департаменте сената, которым было определено запросить полковника Пестеля, где он изберет земли. Дальнейшего делопроизводства в Архиве не имеется.

Как увидим ниже, сам Павел Иванович не прилагал особых усилий, чтобы получить пожалованную ему землю. В противоположность сыну мать и отец очень интересовались этим делом. 20 августа 1824 года Иван Борисович переслал собственноручное письмо Дибича к Павлу Ивановичу по поводу дела о пожаловании ему земель. При этом Иван Борисович сообщал, что вместо знакомого ему Розинга, занимавшего должность саратовского вице-губернатора, на должность эту назначается другое, неизвестное Ивану Борисовичу лицо, некто Сомов:

Дай бог, чтобы Розинг успел устроить твое дело [т.-е. дело о пожалованной земле] до прибытия нового вице-губернатора. Не надо терять времени в отношении саратовских земель, потому что очень многие домогаются их, употребляют все средства, чтоб получить земли в этой губернии, единственной, где можно иметь что-нибудь порядочное.

В письме от 28 января 1825 г. Иван Борисович возвращается к этому же вопросу о землях и выражает неудовольствие на поведение министра Канкрина. Дело не было кончено еще в августе 1825 года, когда мать Павла Ивановича спрашивала его: «Как обстоит дело о земле твоей, мой друг? Имеешь ли ты что-нибудь, или нет?»[1]). Уже находясь в каземате Петропавловской крепости, после целого ряда допросов Павел Иванович 9 апреля 1826 г., по требованию властей, дает сведения о своем имущественном положении, о своих долгах, о тех тяжебных делах, которые могли быть у него. На все эти вопросы П. И. дал такой ответ, собственноручно им написанный:

1) Я никаких тяжебных дел ни с кем не имею, и потому не производятся таковые ни в каких судебных местах.—2) У меня никакого имения нигде не существует, и никто не имеет на меня долговых и закладных актов.—3) Я имею долги, на которые выданы от меня партикулярные росписки не на гербовой бумаге и которые посему не явлены законным порядком. Я сии долги сделал во время командования полком для полка.—4) Один только существует формальный акт от меня, а именно — верующее письмо о хождении в саратовской казенной палате для получения во владение высочайше мне пожалованных трех тысяч десятин земли. Сие письмо на имя одного чиновника, титулярного советника, с коим никогда не был знаком и не видался, а дал сие письмо по рекомендации. Я теперь даже вспомнить не могу имени и фамилии его. Но в бумагах моих сие все находится [2]).

Возвратимся однако, к тому времени, когда П. И. Пестель командовал Вятским полком. Сам Павел Иванович говорит, что средства, употребленные им для улучшения полка, были самые действительные и успешные.

Сии средства состояли в следующем: начал я с штаб- и обер-офицеров. Строгость противу них оказывал чрезвычайную, так что нередко батальонных командиров за фронт высылал. С нижних чинов я сначала многого требовать не мог, ибо не были они выучены и не были в том виноваты.

Когда же, несмотря на все старания, солдаты вследствие «закоренелой лености» сделали недостаточные успехи, П. И. Пестель, после одного смотра, подверг всех передовых строгому наказанию по жестоким военным правилам того времени [3]). Майборода, по доносу которого был арестован Пестель, говорит, что он, П. И. Пестель,

---

[1]) Дело № 477, ч. II, л.л. 385—386. Письмо от 16 августа 1825 г.

[2]) Арх. Окт. Рев. I В, № 303, л. 113.

[3]) Н. Павлов-Сильванский. «Декабрист Пестель пред верх. угол. судом», стр. 127.

в 1822 г. попускал явное к нижним чинам послабление, а с некоторых ротных командиров перед глазами их подчиненных взыскивал за малейшие безделицы. Но когда полк при осмотре корпусным командиром в лагере при I Баре показал себя дурно в учении, то Пестель, выведя оный за лагерные кухни, приказал при себе бить палками всех тех солдат, кои замечены были ротными командирами, офицерами и унтер-офицерами в неисправности, и с тем вместе подтвердил ротным командирам, чтобы взыскивали с людей без всякого снисхождения, что при ежедневных учениях и исполнялось по необходимости, ибо в лагерь ожидали государя императора. Удивленный столь внезапной переменой в поступках Пестеля, я спрашивал о причине и не мог без ужаса слышать ответа его: «Я делаю это для того, чтобы солдаты, обыкшие роптать на частных начальников, ясно видели, что чем далее от них государь, тем начальники к ним добрее, а чем он ближе к войскам, тем больше они испытывают строгости от тех же начальников» [1]).

Но из приводимого ниже письма Ивана Борисовича видно, что, кроме открытых и, так сказать, гласных мер подтягивания, Павел Иванович применял и другие меры. Он умел и избавляться от неугодных ему офицеров. И отец как старый «службист» понимал сына и поддерживал его в этом направлении.

Это большое счастье, что ты мог избавиться от тех из твоих офицеров, которые были тебе в тягость и не приносили пользы, и что ты нашел других, которые тебе будут более полезны. Это везде, даже в гвардии, самое страшное зло, что нет офицеров, какие нужны для того, чтобы устроить полк в том виде, как этого может желать хороший начальник [2]).

С новым служебным положением Павел Иванович получал большее влияние в военно-служилых кругах и мог устроить по службе того или иного молодого офицера. Отец спешит использовать это новое положение сообразно своим житейским правилам и просит его в первую очередь за другого своего сына Александра, которого Павел Иванович и устроил, хотя брат был служака неважный [3]).

В письме от 15 апреля 1823 г. Елизавета Ивановна писала Павлу Ивановичу:

Александр был очень болен, и ты проявил материнские заботы о нем. Он захотел быть адъютантом, и ты сыскал генерала, который может быть ему всего полезнее. Ты позаботился о его карьере, как отец.

Письма родителей Пестел вскрывают перед нами и некоторые подробности, касающиеся интимной стороны жизни Павла Ивановича. Так в 1821 году Павел Иванович сообщил родителям о намерении вступить в брак. Отец, узнав, что та особа, которой П. И. собирался предложить руку и сердце, была Изабелла, дочь графа Витта, писал сыну:

---

[1]) Дело Пестеля. Вопросы Майбороде. Л.л. 56 и 64. Ответы Майбороды на вопрос 14.

[2]) Письмо от 6 авг. 1822 г.

[3]) Сам отец отозвался о нем так: «Мои увещания ему [Александру] кажутся пристрастными. Он усваивает даже манеры своих товарищей, которые не видят хорошего общества. Он будет очень плохой адъютант, потому что не умеет правильно писать ни на каком языке, и, беспристрастно говоря, он не в состоянии написать так хорошо, как Софья, которой исполнилось 9 лет 15 числа сего месяца, а ему в следующем месяце будет 18 лет». (Дело № 477, ч. II, письмо № 66 от 19 июня 1819 г.) В другом письме говорится: «Меня пугает будущее Александра: он невежда, упрям и при этом с большими претензиями; а матушка балует его». (Дело № 477, ч. II, письмо № 103 от 13 февр. 1822 г.).

Что касается Изабеллы, то это история длинная для рассуждения. Я во многих отношениях держусь мнения совершенно противоположного твоему. Образ жизни нашей семьи не имеет никакого отношения к твоей женитьбе. Наш образ жизни, если к вам не подходит, не обязывает вас вести такой же. Ты и твоя жена всегда найдете друзей среди ваших родных, и они будут любить ваших друзей, как своих. То, что ты говоришь о твоем характере, мало любящем, и что в сущности ты имеешь сердечную привязанность только к своим родным, т.-е. ко мне и твоей матери, это, может быть, верно не в такой степени, как ты это находишь. Ты от природы добр, прямодушен. Ты любишь оказывать услуги, и у тебя есть много качеств, которые заставляют тебя любить и которые уже снискали тебе друзей; есть много людей, которые хорошо говорят про тебя; но есть один существенный пункт, который тебе всегда будет мешать иметь прочные связи: это твое полное отвращение к какому бы то ни было стеснению. Это та причина, которая делала твое пребывание в доме твоих родителей зачастую неприятным для тебя. Это то, от чего нередко люди, которые жили вместе с тобою, были не очень тобою довольны. С таким нежеланием стеснять себя довольно трудно быть приятным мужем и любящим отцом. Если хочешь, чтоб другие делали для тебя что-нибудь, надо также и со своей стороны доказать готовность сделать столько же для них. Жизнь есть постоянная смена взаимных действий и потребностей. Если этого нет, всякая связь прерывается и мало по малу обращается в тягость, от которой хотят отделаться [1]).

В другом письме своем, относящемся приблизительно в тому же времени (29 авг. 1821 г.), Иван Борисович передает решение вопроса о женитьбе Павла Ивановича в руки его матери. «Что касается твоей женитьбы, я не имею ничего прибавить к тому, что твоя превосходная мать высказала в своем письме, которое я прилагаю при сем». К сожалению, письмо это не сохранилось. Отзыв Ивана Борисовича о графе Витт, его жене и дочери Изабелле находится в письме от 30 сентября 1821 г. [2]).

Я видел Изабеллу у нас единственный раз. Я увидал, что эта особа довольно красива, но которая должна была быть прежде еще более красивой. Ее поведение показалось мне робким, но очень осторожным и даже более осторожным, чем я желал бы в особе ее возраста. Ее мать — совершенная дура, которая постоянно болтает и говорит то, что ей взбредет в голову, не размышляя много. Она мне совсем не понравилась: муж ее, граф Витт, низкий интриган.

Известно, кто такой был гр. Витт и какую роль он сыграл в деле декабристов. Планы П. И. Пестеля о браке с его дочерью тем более интересны.

Вопрос о женитьбе Павла Ивановича не раз поднимался в семействе Пестелей и после этого. Так, в октябре 1824 г. Елизавета Ивановна писала сыну:

Софи так же, как и я, досадует, что ты не женишься, и желала бы тоже, как и я, чтобы ты нашел поскорей молодую прелестную женщину, которая принесла бы тебе счастье и деньги. Неужели нет чего-нибудь в этом роде там у вас, в ваших краях?

В следующем письме мать ставит в пример Павлу Ивановичу некоего Альбединского, который, будучи ровесником Павла Ивановича, 7 лет уже как был женат:

Это не то, что ты, мой старый холостяк. Подумай об этом и решись, потому что тебе уже 30 лет.

Но мечтам матери и сестры о женитьбе их Павла не суждено было сбыться [3])...

[1]) Письмо от 31 июля 1821 г.

[2]) Дело 477, ч. II, письмо № 94, и от 31 октября 1821 г.; дело 477, ч. II, письмо № 95.

[3]) В жизни Павла Ивановича были только две женщины, которых он обожал всею силою своей души: это были сестра и мать: Софья Ивановна и Елизавета Ивановна. Для них он был все тот же Павел, простой и милый, к которому можно обратиться

В общем служебные успехи сына радовали и утешали стариков Пестелей. В письме от 5 мая 1823 г. Иван Борисович пишет сыну:

Твое письмо от 13 апреля, мой дорогой Павел, доставило мне большое удовольствие. Чего же мне больше желать, если я знаю, что твое здоровье хорошо, что служба твоя идет так, что начальники тебя уважают, отдают тебе должное и нередко ценят твои труды, которым ты предаешься на службе; что подчиненные твои любят тебя и уважают. Вот что я вижу из твоего письма, при всей скромности, с которой ты говоришь обо всех трудах, которым ты отдаешься, чтобы достичь этих успехов.

При всей патриархальной устойчивости семейного быта Пестелей между отцом и матерью Павла Ивановича был все же разлад, проистекавший из глубокого различия их характеров. Он отразился и в их письмах. Следы его в письмах являются в виде неоднократно выражавшихся Иваном Борисовичем жалоб на неудовлетворительное, с его точки зрения, поведение сыновей: Владимира, Александра и Бориса, которых «избаловала мать». Особенно же ярко выразилось различие взглядов отца и матери в их письмах от 16 и 19 августа 1825 года. К этому, приблизительно, времени ожидали они прибытия Павла на побывку в Васильево, но сын не приехал, сославшись на поручение, данное ему по службе и состоявшее в производстве какого-то следствия о контрабандистах.

Не могу тебе высказать, мой дорогой друг, как я огорчена (писала мать 16 августа), когда подумаю, что ты мог бы провести месяца два с нами и что мы лишились этого счастья из-за плутовства этих негодных контрабандистов. Но все-таки я думаю в то же время, что это может быть счастие для них, что они попадут в твои руки, и что ты, судя преступление по всей беспристрастной строгости закона, пощадишь отдельных лиц со всей гуманностию человека и христианина к своему ближнему, не обращая внимания ни на какие расчеты чисто мирские.

Так писала мать.

А отец писал по тому же делу, через три дня, следующее:

Бог да руководит тебя в решении этого дела, которое тебе поручено. Оно тебе будет стоить не малых хлопот, потому что жиды и контрабандисты умеют очень ловко запутать дело. Прими все меры предосторожности и будь построже, потому что это именно от тебя требуется, иначе ты будешь виноват. Да поможет тебе бог в этом трудном деле.

Далее, сообщая о производстве С. П. Шипова в генералы, Иван Борисович с худо скрытой завистью восклицает: «какое счастье этому человеку по службе!». И к этому спешит прибавить:

Если ты окончишь дело о контрабанде так, как желательно государю и великому князю, то, может быть, это тебе тоже доставит генеральский чин, потому что в ноябре будет четыре года, как ты полковник.

с любою и самой вздорною просьбою. Одного примера достаточно. Письмо матери из Васильева от 20 июля 1825 г. содержит в себе следующее место: «Прошу тебя, мой добрый друг, оказать мне любезность прислав, небольшое количество бисера. Говорят, что там (в Киеве) бисер очень хорош и недорог. Надо выбрать его очень ровный, мелкий с отверстиями достаточными для того, чтобы его можно было хорошо нанизывать, что не всегда бывает, и надо, чтоб оттенки цвета были хорошо подобраны и чтобы они были разнообразного зеленого цвета: бледного, желтоватого, чисто зеленого, прозрачные и матовые и т. д. и т. д. Ты мне сделаешь это удовольствие, не правда ли? когда будешь в тех местах, и потом ты привезешь мне этот бисер, не правда ли, душенька?».

Неизвестно, как поступил Павел Иванович, получив эти два противоречивые совета от своих родителей.

Но не только вопросы службы и узкие семейные интересы составляли темы бесед стариков Пестелей с сыном, когда он бывал с ними, и писем, когда находились они в разлуке.

Родители Павла Ивановича были, как мы уже говорили, люди религиозные, строгие лютеране. И для Ивана Борисовича и для Елизаветы Ивановны религиозное настроение было тем непоколебимым фундаментом, на котором основывалось их мировоззрение, при чем религиозность эта переплеталась с самыми мирскими и суетными стремлениями. Религиозность Ивана Борисовича носила характер, замечаемый у многих людей того времени, напр., у г-жи Крюденер, у Юнга-Шиллинга и др. Апологет Крюденер Эйнар [1]) говорит, что светское тщеславие, литературные успехи, опьянение страстей, религиозная экзальтация были для нее только разными формами единственного культа, которому она посвящала все свои способности и в котором она была в одно и то же время храмом, поклонником и идолом. То же самое мы видим и у И. Б. Пестеля: религия у него уживалась с его умом, вера в провидение с расчетами житейской практической мудрости. Примеров тому не мало найдется в его письмах. Другая черта этого своеобразного мировоззрения заключается в том, что все эти люди слишком легко усматривают действие молитвы во всех случаях своей жизни, даже самых незначительных. Крюденер усматривала действие своих молитв в том, что муж ее получал чины и ордена. И. Б. Пестель близок к таким же взглядам. У Ивана Борисовича проглядывает тенденция обратить небо в орудие для достижения своих личных, иногда совершенно мизерных, целей. Религиозность Елизаветы Ивановны была продуманнее и глубже.

И Павел Иванович Пестель вступал иногда в спор с родителями — особенно с матерью — относительно религии. Так, весною 1823 года мать ему писала:

Ты говоришь, мой добрый друг, что бог не всемогущ, если не сделал нас счастливыми. Это так же, как дети не понимают, почему родители не дают им всех конфект, которые они хотели бы съесть. Из всех поэтических размышлений Ламартина [2]) одно тебя особенно поразило, то, которое называется «Отчаяние». Я это не раз замечала. Мне прискорбно, что пишут и читают подобные вещи. Это так же несправедливо, как обвинять отсутствующего, с которым ведут тяжбу, не выслушав его, или осудить его потому, что не понимают языка, на котором он говорит в свое оправдание. Впрочем, тайны религии тебе кажутся более утешительными, чем идеи о неизбежной или, так сказать, материальной необходимости. Ты говоришь, что это более утешительно, но сомневаешься, верно ли это? Ответ на это сомнение заключается в самом этом сомнении. Так как ты спрашиваешь: верно ли это? то, значит, ты не можешь мне доказать несуществование бога и всего, что касается божества; итак, если предположить даже, что нельзя тоже доказать существования бога, то согласись, что тому недоказанному мнению, которое меня утешает, поддерживает меня и мною руководит, я должна отдать предпочтение пред тем, тоже недоказанным, мнением, которое меня огорчает, делает меня одинокой, лишает меня всего и не дает мне ничего. Вот уже одно большое преимущество, получаемое от веры. И как это гордость и сердце человеческое не находят для себя более выгодным прилепиться к существу бесконечно высшему, подчиниться отцу все-

---

[1]) Vie de Madame de Krudener par Charles Eynard. 2 vol. Paris 1849. См. А. Н Пыпин. «Религиозные движения при Александре I». II. 1916 г., стр. 314.

[2]) Lamartine, французский поэт и политический деятель, (род. 1790, ум. 1869). «Meditations poétiques»—одно из главных его произведений.

могущему и всеблагому, чем приписывать все бытие свое произвольному движению атомов, которые случай, вихрь или не знаю что там еще, соединил тоже удивительным и тоже непостижимым образом! Как это ум и душа человека не возмущаются набором этих слов, лишенных смысла, набором, который должен заменить слова: «отец» и «создатель»,—слова, которые природа начертала в сердцах даже дикарей! Какое утешение может мне предложить атеист! Отчаяние, насмешку или пистолет! Вот его орудия. А религия? Сколько средств утешения, сколько счастья дает она! Знает ли атеист, что́ такое религиозная покорность, которая, давая успокоение, мужество и надежду, делает счастливым человека, удрученного несчастием и людской несправедливостью. Взвесь хорошенько эти три слова, мой добрый друг, и вникни в то, сколько религиозная покорность имеет сладостного, высокого, тогда как атеист, кроме проклятий, не имеет ничего противопоставить несчастиям, которые часто сам же он навлекает на себя. Но тот, кто среди удовольствий житейских, в пылу юности, в силе зрелого возраста мнит себя превыше ярма правил и обязанностей религии, тот напрасно будет искать утешения в тот момент, когда буря разрушит его преходящее счастье, уничтожит все его иллюзии [1]).

В письме своем от 31 июля 1823 г. мать приводит еще одно из суждений Павла Ивановича касательно религии:

Ты говоришь, мой дорогой друг, что, может быть, бог нам поможет как нибудь и что надежда все-таки хороша для того, чтобы забыться на минуту [2]).

В письме 20 мая 1825 г. Иван Борисович выражает удовольствие по поводу пережитого Павлом Ивановичем религиозного настроения в пасхальные дни:

С большим удовольствием прочел я о том, каким образом ты провел дни пасхи в твоем уединении. Я был тронут и повергся пред всевышним, дабы возблагодарить его за те религиозные чувства, которые ты начинаешь ценить [3]).

К 1825 г. Павел Иванович все сильнее проникается религиозным настроением, о чем мы узнаем из письма его матери 16 августа 1825 г.:

Прочитав то, что ты говоришь под влиянием чтения Дрезеке [4]) мы просим у бога оказать тебе милость и наполнить твою душу, созданную для всего великого и благородного, чувствами, которых в ней много, которые начинают доставлять тебе счастье, которые уже ставят тебя выше всяких удовольствий и умозрений, чисто мирских, и которые сделают тебя человеком совершенным.

19 августа 1825 г. отец говорит про последнее полученное им письмо Павла Ивановича:

Оно доставило мне очень большое удовольствие всем своим содержанием. Видеть тебя убедившимся в том, что истинная вера в бога, во всевышнего и его сына господа нашего Иисуса Христа, нашего спасителя, есть единственное истинное счастье в этом мире, которое ведет нас в вечное блаженство,— это истинная радость для моего родительского сердца.

В письме от 7 октября 1825 г. Иван Борисович писал:

Усердно молю всевышнего просветить тебя относительно сомнений, которые есть у тебя, мой дорогой друг, относительно спасителя нашего, сына божия. Ты никогда

---

[1]) Письмо от 15 апреля 1823 г. Дело № 477, ч. I, № 115, л.л. 259—262.

[2]) Слова, набранные в разрядку, подчеркнуты в подлиннике.

[3]) Письмо № 166, л.л. 371—372.

[4]) Выдающийся немецкий проповедник первой половины XIX в. Генрих Бернгардт Иоган Дрезеке, (родился в 1774 году и умер в 1849 году).

не получишь истинного утешения от святой религии, пока эти сомнения будут в сердце твоем, которое от природы — доброе и чувствительное. Говорю тебе по своему опыту, и я огорчен, видя тебя столь далеким еще от истинной цели нашей христианской религии. Да просветит тебя бог и да даст эту уверенность, столь необходимую для того, чтобы насладиться истинным счастьем христианина...

Такую настроенность разделял не только сам И. Б., но в большей степени, что, конечно, вполне понятно,— выражала и женская половина в доме старика Пестеля. Так сестра Павла Ивановича:

Софья просит сказать тебе [т.-е. П. И.], что с того времени, как вы обменялись с нею крестами в день твоего отъезда, она носит свой с гораздо большим удовольствием и просит тебя вспоминать иногда о ней, смотря на твой крест [1]).

Но более глубокий и интимный характер, обмен мыслей на религиозные темы происходил между матерью и сыном. Так в письме Елизаветы Ивановны из Васильева от 8 сентября 1825 г. [2]) она довольно подробно развивает свои мысли по вопросам, очевидно, интересовавшим сына:

Зачем зло в этом мире, который можно было устроить по своему желанию? Не знаю, зачем, и не стараюсь этого узнать. Вместе того, чтобы тратить время на негодование, почему я не понимаю того, как маленькие зернышки, положенные в землю, производят столько разнообразных растений, я пользуюсь своим и чужим опытом, чтобы возделывать мои цветы, и когда мой сад, украшенный тысячею цветов, благоухающий самыми приятными запахами, проявит чудеса природы и оживит мои чувства, я падаю ниц перед всевышним, приношу ему мою благодарность, не спрашивая у него «отчета» ни относительно алого цвета и благоухания розы, ни о шипах, которыми усеян ее стебель. Как жалею я тех, которые теряют истинное счастье в поисках за пониманием и объяснением его! Такие люди походят на тех, которые тратят все свое состояние на отыскание секрета, который не может быть открыт — как делать золото. Что же касается той «разрушительной» фразы, которою оканчивается известное сочинение, которое ты читал [3]), то позволь мне, мой друг, ответить на нее только после того, как я расскажу тебе одну историю. Любимец одного великого царя изменил свому владыке, допустив, по своему непослушанию, врага во вверенные его роду владения. Нарушение своих обязанностей, которые были ему точно разъяснены и на него возложены, должно было подвергнуть его строгости законов, известных ему заранее, и предать его и всех его родных бесконечному бедствию. Сын царя, подвигнутый состраданием к любимцам своего отца, пожелал притти к ним на помощь и просил позволения уплатить всеми своими средствами долг виновного и таким образом доставить ему прощение. «Хорошо,—сказал ему его отец,—я принимаю твою щедрую жертву и твое великодушное самопожертвование. Иди, лиши себя твоих ослепительных сокровищ, искупи должника, еще раз научи его познавать и исполнять его обязанности; как простой солдат, прогони неприятеля, которого допустили в наше владение безрассудность и неверность изменника, затем возвращайся еще более дорогой твоему отцу благодаря высокой жертве, благодаря твоему добровольному на время уничижению, возвращайся в мои отеческие объятия и воссядь в новой славе одесную меня на престоле моем; раздели со мною мои права и будь источником всех милостей, проистекающих от верховной моей власти.

---

[1]) Письмо Елизаветы Ивановны от 20 августа 1824 г.

[2]) Письмо является ответом на письмо Павла Ивановича от 6 августа 1825 г.

[3]) Заключительная (21-я) строфа вышеупомянутого стихотворения Ламартина, которую, очевидно, имеет здесь в виду Елизавета Ивановна Пестель, такова: «О вы, наследники страданий, жертвы жизни сей, не надейтесь, чтоб ярость его [творца], насытившись, усыпила бедствие до тех пор, когда смерть, распустивши свои громадные крылья, поглотит навсегда в вечном молчании вечное бедствие!».

Что же касается того, которого ты хочешь искупить, то я не могу его больше поставить на ту высоту, с которой его свергло его преступление: человек порочен по природе. Но я могу обещать тебе его прощение, я могу еще протянуть ему руку помощи, помочь ему некогда снова предстать предо мною и воспользоваться моею милостью, лишь бы только долгое и искреннее раскаяние смыло пятно его греха, и чтоб он, оказавшийся неверным своему господину, не был неблагодарным к своему благодетелю. Пусть он и его близкие навсегда запомнят то, что ты сделал для них, пусть они признают, что один ты мог пожелать и совершить великое это дело, что ты пожелал это для них и что без тебя они были бы ничто. Только таким образом они могут спастись от той бездны, в которую они ввергли сами себя, и опять снискать мое благоволение... ибо как простить, как поверить сердцу, сугубо неблагодарному?» Вот, мой друг, как я понимаю что благой бог мог допустить погибнуть богу невинному, чтобы умилостивить бога правосудного. Но я никогда не поверю, чтобы тот, кто был способен написать и напечатать эту вольтерианскую фразу, был истинный христианин, способный испытывать радости истинной веры, сущность и заслуга которой есть—верить, а не исследовать, видеть и понимать,— веры, способной любить бога своего спасителя и своего ближнего. Вообще, сожалейте того, кто сомневается искренно, хотя его и нельзя извинить за то, что он пренебрег средствами уверить себя, но презирайте и особенно избегайте того, кто без всякого оружия, с сомнением и насмешкою старается увлечь, соблазнить человека слабого, мнящего себя сильным, и таким образом лишает его всего, что могло бы сделать его счастливым, не будучи в состоянии ничего ему дать взамен. Говорят зачастую, что человек не избирал себе своего положения на земле и что поэтому он не связан никаким соглашением, никаким договором относительно своих обязанностей. Но разве позволяете вы солдату, генералу не исполнять их обязанностей потому лишь, что он не сам избрал себе то место, которое он занимает, и разве вы не накажете его без всяких рассуждений за то, что он не исполнял их? Не понимают, почему люди страдают на этом свете! Но понимает ли ребенок, что для его же блага вы заставляете его спать на жестком, что вы наказываете его или что вы заставляете его проглотить ревень? Однако же вы требуете, чтобы он верил вам на слово, чтобы он следовал вашим наставлениям и вашим порядкам, не сомневаясь в вашей любви и не умаляя своей любви к вам. Вы требуете доверия, послушания от ребенка, которого вам поручили и который со временем сделается равным вам. Для порядка и спокойствия частного вашего дома, равно как и во имя порядка и спокойствия общегосударственного вы требуете послушания и доверия от прислуги и работников, от солдат, от каждого слуги отечества, наконец, от всех граждан, которых уже природа создала равными вам, а сами вы не хотите оказать повиновения и доверия вашему творцу, который вас осыпал своими благодеяниями и которому вы никогда не будете равны. Понимать!!! Нет надобности стремиться к пониманию; этого не удастся, это были бы усилия столь же бесполезные, сколько и преступные. Доверие, повиновение, признательность,— вот единственное древо познания истинного, плоды которого нам не только дозволены и полезны, но даже необходимы для нашего счастья. Другое дерево, древо ложного познания, запретное для нас, приносит плоды ложного блеска; их сок терпкий и ядовитый, возбуждая палящую жажду и все возрастающее желание этого плода, разрушает семена жизни и счастья. Я нахожу превосходной мысль Мильтона по этому предмету. [Далее она передает содержание того места поэмы Мильтона, где сатана, соблазнив людей, хвалится этим перед сонмищем падших духов, и они все обращаются в шипящих змей и начинают пожирать плоды с деревьев познания, не удовлетворяя ни своего голода, ни жажды.] Впрочем, я не люблю таких сочинений, которые заставляют говорить и действовать божество, потому что нахожу в них два больших неудобства: первое то, что главные персонажи ставятся всегда ниже их сущности (которой мы не можем постигнуть), потому что их заставляют говорить и действовать сообразно с нашей природой и языком, которые не могут быть им приписаны; и, во-вторых, хотят объяснить то, что мы не можем и не должны понимать. Вера, любовь и доверие или надежда, что в данном случае одно и то же,— вот мое исповедание веры, вот религиозный кодекс; я желала бы видеть, что ты следуешь наставлениям нашего божественного спасителя

для твоего же спокойствия и твоего счастья в сем мире и для твоего вечного счастья в мире будущем, которое мой спаситель стяжал для меня ценою своей крови.

Но видишь, мой добрый друг, как я распространилась на эту тему... мне будет жаль, если я тебе наскучила, и буду очень рада, если смогла ответить на некоторые сомнения или заменить их религиозным чувством.

Очевидно, Павел Иванович делился с матерью своими религиозными сомнениями. Это не было тайной от отца, потому что в том же письме от 8 сентября 1825 г. отец делает такую приписку:

Твоя превосходная мать обстоятельно ответила на твое последнее письмо от 6 числа прошлого месяца, и ответила таким образом, который мне доставил большое удовольствие. Я совершенно согласен с ней во всем, что она говорит, и, благодаря бога, я проникнут истинами, которые она тебе изложила с такою правильностью и точностью. С твоим превосходным и добрым сердцем ты будешь вполне счастлив и доволен только тогда, когда провидение тебе дарует счастье быть убежденным в этих истинах и в них искать своего счастья. Последнее сочинение Дрезеке тебе многое объяснит Дай-то бог!

Но еще дальше должен был П. И. Пестель чувствовать себя от своих родителей в вопросах общественно-политических. Понятно, он сам не открывал перед стариками своей роли в Южном Обществе. Но в письмах матери проскальзывают кое-какие весьма редкие, тоже единичные намеки на то, что П. И. иногда в беседах с матерью касался и вопросов общественно-политических, правда в виде каких-то неясных мечтаний о будущих «необъятных планах».

Интересно в этом отношении письмо Елизаветы Ивановны, к сожалению, не датированное, но относящееся ко времени пребывания родителей П. И. Пестеля в Васильеве, т.-е. к началу 20-х годов прошлого столетия:

Посылаю тебе план [1]) нашего дома, каков он есть в настоящее время; план, который я сделала для тебя три недели тому назад. Я отметила на нем и мебель. Ты увидишь перемены, сделанные с общего одобрения в столовой. Ты увидишь, как помещаемся мы вчетвером [2]) в той самой комнате, где ты мне нередко читал, и где ты рисовал такие необъятные планы (où vous avez dessiné des plans si vastes).

В письме от 3 декабря 1824 г. Елизавета Ивановна говорила сыну:

Я так же отношусь к истории, как и ты, мой добрый друг. Я ее ненавижу за то, что она всегда и всюду есть картина преступлений и страданий рода человеческого. От времени до времени везде является какой-нибудь гений, восстающий против жестокостей своего времени, который восстает против злоупотреблений и принимает сторону слабого против сильного. Тогда убийства бывают ужасны: слабый становится сильным, дух мщения присоединяется к неуменью власти; вожди партии в раздоре, один из них захватывает власть, железный жезл прекращает анархию, и через некоторое время власть (по самой натуре своей) попадает в руки одного или немногих, и вся комедия начинает разыгрываться опять сначала, но только другими действующими лицами. Вот как бывает во все времена, и это должно бы смущать реформаторов. Что стараются задержать, уменьшить или направить злоупотребления— это еще пускай бы себе. Но хотеть обновить совершенно пружины этого старого физического и политического

---

[1]) План, этот сделанный самою Е. И., сохранился в деле № 477 ч. II, л. 366.

[2]) Т.-е. сама Елизавета Ивановна, дочь ее Софья и двое детей Реннер, которых Пестели взяли к себе на воспитание. У Ивана Борисовича были в этом доме свои отдельные комнаты.

организма — это свыше сил человеческих и есть такое предприятие, коего дерзость противоречит истинным правилам и чувствам религии; ибо человек истинно религиозный думает делать добро постольку, поскольку он может, а вовсе не подвергать все истреблению. Это значит убить человека — если давать ему так называемые сильные средства против неизлечимой болезни, которую паллиативы сделали бы весьма сносной.

31 марта 1825 г. она писала:

Как была бы я огорчена, если бы я узнала, что кто-либо из моих сыновей мог быть в числе так называемых либералов, которые вообще, а у нас в особенности, есть то же, что поджигатели. Если бы среди этих молодых, стремящихся переделать весь мир, мог найтись добросовестный и не имеющий своим двигателем личного честолюбия, то он, конечно, не остался бы долго среди них: и разум и религия сказали бы ему, что он не призван изменять вид империй; что он преступает пределы своего познания; они показали бы ему те ужасные последствия, которые может иметь один момент исступления, и открыли бы, что люди имеют достаточно средств делать добро и в том кругу деятельности, куда они поставлены провидением; что хорошо служить своему отечеству и своему государю, исполнять долг гражданина, человека и христианина — этого довольно, чтобы наполнить жизнь человека добродетельного и благочестивого и чтобы дать ему спокойно ожидать минуты, когда он будет призван пред вечного судию.

Таковы были взгляды матери Пестеля в области вопросов политических; суждения отца были гораздо проще и грубее. В этом отношении интересный материал дает то обширное письмо-послание И. Б., которое он писал в течение почти целых двух месяцев (начато 6 августа, закончено 3 октября 1822 г.) и занимает в рукописи целых 15 листов. Так как письмо это посылалось с оказией, — а именно его должен был передать Пестелю-сыну один офицер, направлявшийся в Вятский полк, — то Пестель-старик довольно откровенно сообщает Павлу Ивановичу несколько тогдашних толков и слухов. Между прочим он пишет:

Пользуюсь сей оказией, чтобы писать тебе, мой дорогой и добрый друг; это лучше, чем через почту: хотя у меня нет ничего секретного для передачи тебе, но с такими врагами, какие у меня, все может быть истолковано в худую сторону. Таким образом затруднительно и стеснительно писать по почте, которая находится под высшим начальством одного из наших самых больших врагов, князя Голицына, министра народного просвещения и духовных дел... Здесь [1]) говорят, что во II армии есть злоумышленники. Хотя я ничему этому и не верю, но, тем не менее, обязанность моя как отца, друга и патриота предупредить тебя об этом для того, чтобы ты был осторожен в своих связях. Это люди опасные, и всякий честный человек должен их остерегаться... Посылаю тебе рескрипт министру внутренних дел касательно масонских лож и других тайных обществ, также и подписки, которые все состоящие на службе должны дать. Так как я никогда в жизни не был масоном и так как я всегда смотрел на эти ложи, как на плутовство, то от этой меры мне ни тепло, ни холодно. Тем, кто принадлежал к какой-нибудь ложе, надо поименовать ее в своей подписке, с обещанием больше не быть там; они должны это сделать тем более, что полиция, вероятно, имеет список всех масонов в государстве.

Тот же тон предостережения слышится и в другом письме-записке И. Б., которую он написал сыну одновременно с предшествующим своим письмом, а именно в этом письме от 30 сентября 1825 г. он пишет П. И. следующее:

...Эти немногие строки содержат мою благодарность за то, что уже сделал ты для Александра. Он счастлив, что имеет такого брата и руководителя, как ты..

---

[2]) Т.-е. в Петербурге

Он добрый малый, но избалован и еще недостаточно окреп в добрых началах. Его легко могут совратить злоумышленники. Охрани его, дорогой Павел, от этой заразы, довольно распространенной вследствие развращения нравов, которое, кажется, дошло до крайности. Удаляйся сам, дорогой Павел, от этих злонамеренных людей. Ваша армия слывет за такую, где их много. Надо их считать за дьяволов, которые творят непоправимое зло, как в частной, так и в общей жизни [1]).

Уже и то небольшое—по сравнению со всей обширной перепиской родителей Пестеля с сыном — количество выдержек из их писем, которое могло быть здесь предложено вниманию читателя, достаточно определенно характеризуют взаимные отношения родителей и их сына.

А. Круглый.

---

[1]) Письмо № 111 (л.л. 246—247).

Отголоски декабрьского восстания 1825 года.

Уже со второй половины царствования Александра I русское правительство имело множество забот по надзору за «неблагонадежными» элементами общества и по пресечению их опасной деятельности. Наблюдения велись по нескольким линиям: и через общую полицию и через особую — военную; почтовому ведомству было поставлено в обязанность следить за корреспонденцией, а отдельным особо уполномоченным генералам поручалось следить за «духом» и настроением той или иной крупной военной части и местного гражданского общества. Повсюду было множество всяких доносчиков и агентов.

События, сопровождавшие воцарение Николая I, увеличили до чрезвычайной степени эти заботы власти; работа «наблюдения» и «пресечения» очень разрослась; велась она попрежнему разными органами гражданского и военного управления. Первое место среди них вскоре заняло вновь созданное III отделение собственной е. и. в. канцелярии. Но и у других учреждений дел подобного рода было очень много, и архивные фонды их секретных отделов, где сосредоточены дела по надзору и по борьбе с неблагонадежными элементами, за 1826 и 1827 годы разрастаются в очень заметной мере.

Одним из главных органов, ведших эти наблюдения, был главный штаб, где дела подобного рода проходили по секретному отделению канцелярии дежурного генерала. Знакомясь с этими делами в архиве [1]), среди массы проходящих в них имен мы мимоходом можем встретить имена крупных представителей тогдашнего либерализма и участников тайных обществ. Они были арестованы и сидели в Петропавловской крепости,— следствие о них производилось особой Следственной Комиссией. По канцелярии дежурного генерала проходили дела значительно более мелких по своему общественному положению лиц, дела рядовых представителей обывательской среды, по большей части из значительно более демократических слоев общества, чем те, к которым принадлежали декабристы и их друзья. Но и эти дела являются интересными, так как вскрывают то общее широкое брожение, на фоне которого движение декабристов приобретало значение в глазах перепуганной власти. Этот фон должен быть учтен исследователями, изучающими движение декабристов; вот почему представляется не лишенным значения опубликование наиболее ярких из тех эпизодов, которые вскрывает архив секретного отделения канцелярии дежурного генерала.

---

[1]) Военно-Исторический (Лефортовский) архив в Москве. Дела канцелярии дежурного генерала главного штаба по секретной части и штаба II армии за 1826 и 1827 г.г. Опись № 183.

1. ВОЕННЫЕ.

Каков был общий режим на военной службе в это время усиленного сыска и доносов, видно из следующего документа. Командир гренадерского имени Суворова полка Добрышин в письме к некоему Шипову в Петербург рисует положение военных в следующих словах:

«Правда, нынешние времена страшат каждого служащего во всякой службе по причине беспрестанных доносов. Злые люди нынче только тем и занимаются, как бы кого оклеветать и показать свою фальшивую преданность, а более по личности... Ибо по доносам, отдавши под суд, требуют за 10 лет ответу. Едакие пришли времена, что издаваемые законы уничтожают; ибо сказано: 10-летняя давность все прекращает, а теперь возобновляется! Кажется, нынче всякий будет без вины виноватый... По нынешней методе все стараются переменить стариков, а дать должность молодым... Боюсь, чтобы проклятая инквизиция не расстроила всех начатых моих дел [1]).

Начальник штаба е. в. предлагает командующему 3-м гренадерским сводным корпусом ген.-ад. Храповицкому «обратить особенное внимание» на полковника Добрышина.

В этой напряженной атмосфере возникали дела часто вздорные, сводящиеся наполовину к пьяным вздорным речам и выходкам, но они все же дают некоторое представление, о чем толковала в 1826 и 1827 годах рядовая военная молодежь, когда хмель развязывал ей язык.

В канцелярии дежурного генерала в делах за 1826 год был список лиц, обративших на себя внимание высшей полиции, составленный по отзывам известного Фока, помощника Бенкендорфа [2]). По этому списку видно, впрочем, что большинство заподозренных при ближайшем расследовании оказывались всего на всего — картежниками. Большое количество дел, встретившихся в наших материалах, говорит, что игра в карты было одним из постоянных занятий. Среди этого списка отмечены некий Ганнибал и Мордвинов, против фамилии которых стоит пометка — «известные буяны». С именем Ганнибала связано дело, вызванное следующими обстоятельствами:

В ресторации Гиза, в большой Мещанской, в доме Варварина, обедали 31 июля между прочим: полк. Веригин, Адлерберг, молодой офицер, родственник Адлербергов, неизвестный по имени, штаб-офицер, определяющийся где-то в полицмейстеры, Спиридов, брат сосланного в каторжную работу, и фабрикант Гинтер. В сию же ресторацию приезжал некто Ганнибал, ныне, как уверяют, находящийся в отставке. Быв не в трезвом виде, начал рассказывать, что двое из ближайших его родственников сосланы в каторжную работу вследствие известного заговора; порицая учиненное по сему делу определение, изъяснялся насчет судивших в самых неприличных выражениях и в особенности укорял высочайшую особу, крича, что весьма несправедливо ссылать дворян на каторгу за пустяки. Потом, обращаясь к Адлербергу, спрашивал, как он о том мыслит и не находит ли себя оскорбленным как дворянин. Видя, что сей последний уклонялся от прямого ответа, Ганнибал начал говорить грубости, что и заставило Адлерберга уйти в другую комнату. Тут обратясь он к Спиридову, который ему ответствовал, что у него брат в числе осужденных, у которого был в крепости, говорил ему, сколь велико его преступление против государства и отечества. Приметя, что почти все уходят, Ганнибал, разозлясь более прежнего и в неистовстве своем произнеся оскор-

---

[1]) Дело канц. деж. ген., 1827 г. № 179, св. 36.

[2]) Список 93. См. «Русск. Старина», 1885 г. ноябрь, стр. 400.

бительные слова на высочайшую особу государя императора, сказал одному из присутствующих: «Он не уйдет от наказания здесь или, может быть, в Москве», потом, указывая на знак отличия золотой сабли, в пряжке им носимой, «Посмотрите», сказал он: хотя не большая штучка, но и ею, в случае нужды, можно убить».

На делаемые ему замечания, что вследствие разговоров своих может он сделаться несчастным человеком, ответствовал Ганнибал: что этого нисколько не боится, что чувствует себя уже теперь оскорбленным и посрамленным в осуждении и посрамлении родственников и других особ.

Распоряжением военного генерал-губернатора Ганнибал был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Следствие по его делу показало, что «по развратной жизни и буйному свойству сей Ганнибал обращал уже на себя внимание полиции. Он числится, однако же, на службе при министерстве финансов по особым поручениям. В столице есть несколько отставных офицеров, подобных известному Окуневу. Все они в виду полиции. Но со стороны их ничего другого не замечено, кроме того, что проводят время большей частью в трактирах и не для чего иного, как чтоб удовлетворять своим слабостям. По сему и образ их мыслей тем менее может обращать внимание правительства, что при таком роде жизни не могут они возбуждать к себе ни доверенности, ни уважения. К числу таких людей принадлежит и Ганнибал. Сей последний, когда бывает пьян, что, как слышно, часто случается с ним, представляет из себя буяна и позволяет себе дерзости [1])

По окончании следствия Ганнибал был отправлен в Сольвычегодск под надзор полиции.

За полками, командиры и офицеры которых были арестованы, установлен был особенно пристальный надзор, порученный агентам по тайным государственным делам. Вятский пехотный полк, командиром которого был Пестель, привлекал наибольшее внимание. В архиве главного штаба есть дело, озаглавленное так: «О впечатлении, оставшем в Вятском пехотном полку после бывшего в оном командиром государственного преступника Пестеля» [2]). Началось дело 16 февраля 1827 г., кончилось 22 июня 1829 г. Подробности этого дела мы находим в бумагах штаба II армии[3]). Волынский гражданский губернатор секретно доносит цесаревичу 16 февраля 1827 г.:

Заславский земский исправник при рапорте от 9 сего февраля представил ко мне в подлиннике, поданный к нему 8 февраля секретарем Заславского нижнего земского суда, коллежским регистратором Ярецким, рапорт с изъяснением, что по возложенной на него в прошлом 1826 году директором военной полиции генерал-вагенмейстером II армии подполк. Макаровым обязанности, избрал он [в] Подольскую губ., Летичевского повета, в м. Зинькове смотрителя дворянина Станкевича в агенты по тайным государственным делам, и сей агент о истинной его к престолу приверженности и правильности донесений дал на себя подписку, хранящуюся при делах подп. Макарова; по выбытии же его, Ярецкого, из таковой должности, подведомственный ему агент, не знавши о прекращении по той части его служения, адресовал к нему по данной форме, без подписи своего имени, с донесением за № 1, заключающим в себе немаловажные обстоятельства. Каковое донесение секретарь Ярецкий, по долгу верноподданного, представил к земскому исправнику для донесения, так как он сам собой не имеет уже права по секретной военной полиции чинить своих донесений. В сем донесении, на имя колл. регистр. Ярецкого адресованном, приложено следующее [4]):

---

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 393, св. 21.

[2]) Дело канц. деж. ген. 1827 г. № 94, св. 33.

[3]) Штаб II армии. Опись № 183. Дело № 1, 1827 г., св. № 1038.

[4]) Донесение Станкевича напечатано было С. Я. Штрайхом по копии Н. К. Шильдера в № 20 «Былое» 1922 г., стр. 114; воспроизводим его по связи с остальными документами об этом эпизоде.

«Ноября 22 дня 1826 г. со времени определения меня в должность, я не имел ничего достойного внимания донести вам; но по вступлении Вятского пех. полка на квартиры в м. Зиньков, старался я узнать, каковые носятся слухи между военными, и узнал: 1) все нижние чины и офицеры непримерно жалеют Пестеля, бывшего их командира, говорят, что им хорошо с ним было, да и еще чего-то лучшего ожидали; и стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такового командира не было и не будет. Я сие от многих сам слышал, и евреи почти всякий то же от военных слышав, мне доносили. 2) Находящийся при мастеровой команде ун.-офицер Филатов, любимец бывший Пестеля, все подробно рассказывал перед евреем Волиом Зейлиховичем, каким образом и через что, рассорившись кап. Майборода с Пестелем, донес на него, Пестеля, о заговорах; говорил, что в ту ночь, когда по Пестеля приехал какой-то генерал взять его в главную квартиру, он, Филатов, был послан Пестелем к Аврамову с письмом секретным, и велено ему в два часа 60 верст проехать в м. Прилуку, и Аврамов, прочитав письмо, сказал, что о всем уже знает. Говорил и то Филатов, что Пестель с Аврамовым узнали в три дня о кончине покойного государя императора Александра тогда, когда о сем еще здесь никто не знал, и что сия кончина последовала от отравления ядом. 3) Квартирующий у еврейки Дрейчи музыкантский староста перед многими евреями, будучи пьяным, ругал Майбороду, что сделал донос на Пестеля, из которых последнего ужасно расхваливал и жалел, говоря притом, что Пестель перед смертью изрек слова сии: «что он, Пестель, что посеял, то и взойти должно и взойдет впоследствии непременно», каковые слова Пестелевы повторил Филатов перед Волиом Зейлиховичем, и другие нижние чины пред многими евреями. 4) Все вообще офицеры и нижние чины ужасно не терпят нового командира, ругают его по-за-глаза, называя глупым, дураком, грубияном и иными словами.

О сих разглашениях донеся вам, покорно прошу, дабы донос мой не был обнаружен, а покороче можно удостовериться от евреев о сем, только дабы они не знали, на каков предмет их спрашивают; также и нижние чины могут проговориться, не приметив кто от них и на что узнать хочет». Подписано — «вам известный».

К вышеизложенному донесению подп. Макаров прибавил другие подробности. В отношении к г.-л. Желтухину, начальнику 18 дивизии, читаем:

1) Нижние чины Вятского пех. полка жалеют о Пестеле; один рядовой говорил: «Ежели бы был с нами Пестель, то мы бы всех евреев вырезали». То же говорили еврею Ицку четыре рядовые 1 гренадерской роты при возвращении с караула из Каменца-Подольска... 3) В исходе декабря месяца в с. Зиньковцах, в доме помещика маршала Обремского, было собрание, где находился Вятского полка 1-й гренадерской роты капитан Горлов, который между прочими поношениями бывшего командира полка Толпыги говорил: «Он хочет вывести из нас дух Пестеля; но прежде из него душа выйдет, нежели из нас дух Пестеля». При сем были того же полка подпор. князь Вадбольский, живущий в тесной связи с Горловым, и подпоручик Нератов, находящийся ныне в отпуску».

Командир Вятского пехотного полка, назначенный на место умершего Толпыго, [1]) в своем донесении дает противоположные сведения о поведении и состоянии полка:

Служебный порядок и хозяйственная часть в Вятском полку в хорошем состоянии; нижние воинские чины, как я заметить мог, о важности преступлений Пестеля не имеют даже понятия.

---

[1]) Толпыго назначен был командиром на место Пестеля и скоро умер.

На основании этого донесения и некоторых других главнокомандующий II армией ген.-фельдм. гр. Витгенштейн в своем рапорте на имя управляющего главным штабом отмечает, что:

нет ни малейшего основания к опасениям, что в Вятском полку находятся еще приверженцы Пестеля, одобряющие преступные его намерения [1]).

Вызванный на допрос унтер-офицер Филатов показывал, что он не вел ни с кем разговоров относительно Пестеля:

Кроме, что случалось иногда слышать между солдатами воспоминание о жестоком обращении Пестеля с ними и что он довел их до крайних недостатков в одежде и в прочем, при чем благодарим бога, что избавились от такого начальника, который верно за худые свои поступки взят [2]).

В июне 1829 года дело это было приостановлено, так как полк выступил за границу. Было отдано предписание учредить над некоторыми лицами секретный надзор.

2. СТУДЕНТЫ.

Не только настроением военных интересовалось правительство, но и молодежью вообще, студенческой в особенности. В поручении ген. Демидову [3]) в Киев или ген. Желтухину в Казань [4]) предлагается особенно следить за настроением в университетах [5]), столичное же студенчество было на глазах.

Юнкер Зубов написал «наполненные злобой против правительства стихи» и по высочайшему повелению был посажен в дом умалишенных в Москве в ноябре 1826 г. [6]). Зубову по доносу рядового Бранда предъявили обвинение, что: 1) «он с другими товарищами рубил бюст государя императора, приговаривая словами: «Так рубить будем тиранов отечества, всех царей русских», 2) декламировал стихи, сочиненные Пушкиным на покойного государя императора:

В столице он — капрал,
В Чугуеве — Нерон.
Кинжала Зандова везде достоин он.

3) Его же отрывок:

И у фонарного столба
Попа последнего кишкой
Царя последнего удавим.

Зубов давал свои стихи списывать студенту Шишкову, который за это был отдан в распоряжение известного адмирала Шишкова, его дяди. А Зубова отправили в Гру-

[1]) Шт. II армии. Опись № 183, Дело № 1. 1827 г., св. 1038.

[2]) Дело канц. деж. ген. 1827 г. № 94, св. 33.

[3]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 11, св. 10.

[4]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 60, св. 13.

[5]) О Харьк. унив. и настроении студенчества: см. ст. М. А. Цявловского «Эпигоны декабристов».—«Голос Минувшего» 1917 г., № 7—8.

[6]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 381, св. 21. Здесь приведены выдержки из показания рядового Бранда.

зию рядовым в 64-й егерский полк, где он должен был загладить свою вину; там он служил под надзором начальства. Рапорта о его поведении (всегда хорошем) посылались в Петербург ежемесячно до 1830 г.

К делу Зубова приложены стихи на тему известного Пушкинского стихотворения, по показаниям Зубова, им самим написанные:

1) Взойдет ли, наконец, друзья,
Среди небес родного края
Давно желанная заря—
Заря свободы золотая.
Придет ли сей великий день,
Когда для русского народа
Исчезнет деспотизма тень
И встанет гордая свобода.
И этот светлый день всходил,
И месть грозила самовластью,
Но рано бурный хлад ненастья
Сей ясный факел потушил.
Как сердце радостно забилось
В груди восторженной моей,
Когда среди дружин царей
Их знамя вольности явилось,
Когда средь гибельных мечей
Раздался грозный крик свободы,
Близ мертвых Невских берегов,
Где долго, долго звук оков,
Не был несносен для народа!
Но луч надежды золотой
Исчез, как призрак сновидений,
И снова грозный рабства гений
Над нашей вьется головой,
И, пламенея жаждой мщенья,
Другой тиран гнетет народ.
Но трепещи, страшись, Деспот,
Придет день общего волненья,
Придет к отечеству любовь,
В сердцах изгладит след боязни,
И месть за месть, и кровь за кровь,
И все мучительные казни.
И не спасешься ты, тиран,
Рабов-приверженцев толпою:
Они исчезнут пред грозою,
Как обольстительный туман.

2) Что значат эти увещанья?
Мой друг, что значит голос твой?
Он возбудил в груди младой
Немой порыв негодованья.
Ты ль мыслишь, что разлуки годы
Во мне убили прежний дух.
Что в сердце молодом потух
Сей жар возвышенной свободы?
Нет, друг мой, я всегда питал
Сии прекрасные желанья,
И сей огонь не угасал

Ни в наслажденьи, ни в страданьи,
И гордый дух мой презирал
Слепую власть очарованья.
Во мне святые чувства живы,
Те чувства к родине любви,
И часто в пламенной груди
Кипят отважные порывы.
Твой друг гордится чувством сим
В стране тиранства, униженья,
К толпе льстецов! к рабам слепым
Бросает гордый взгляд презренья.
Я не склонял главы младой
Перед вельможею надменным,
Не полз презрительной стезой
К рабам, рабами окруженным.
Мой друг, я молод, но видал,
Как льстец, эмблема униженья,
С восторгом рабского забвенья
Любимцев царских след лобзал,
И гордый дух мой замирал
В порывах гневного волненья [1].

В бумагах капитана Одесского пехотного полка Александра Шишкова было найдено рукописное на нескольких стах листах сочинение под названием «Древняя и новая история Новороссийского края». В этом сочинении есть места, заслуживающие внимания, поясняет рапорт начальника главного штаба, а именно: «Мудрое правительство оживотворит область России, сильной мужеством и верностью своих подданных...» «... Внушать почтение к вере, увеличивать деятельность земледельцев, распространять торговлю, давать ход просвещению и, в особенности, медленно подпиливать цепи, которые наложены на человечество и которых мгновенное сокрушение противно видам здравой политики...» Глава XV того же сочинения о свободе «напитана духом вольнодумства». В бумагах найден и экспромт, написанный кап. Шишковым, приятелем Пушкина, начинающим поэтом:

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
С кинжалом злобы и мольбой
Искали бедственной свободы,
Им царь сказал [2]: «Мои сыны,
Законы будут вам даны,
Я возвращу вам дни златые,
Благословенной старины».
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны [3]

К этим стихам приложено письмо к гр. Дибичу:

Сии стихи писаны в пасквильном, дерзком, злобном и даже возмутительном духе; сочинителя оных как опасного человека не следует оставлять без надзора.

[1]) Дело канц. деж. ген. 1827 г. № 136, св. 34.
[2]) Другой вариант — «Деспот сказал»
[3]) Дело канц. деж. ген. 1827 г. № 9. Опись 181, св. 36.

Командиру полка было отдано приказание: «иметь Шишкова под строгим надзором и не вверять ему в командование роту, пока не заслужит сего усердием и хорошей нравственностью».

В Москве остановила на себе внимание студенческая молодежь, якобы организовавшая новое тайное общество, так называемое общество братьев Критских, дело о котором в свое время изложено было М. Лемке [1]).

3. СОЛДАТЫ.

До нас дошли документы, которые отражают настроения солдат как тех частей, которые были втянуты в движение, так и других.

В январе 1826 г. состоялась отправка нижних чинов, участвовавших в происшествии 14 декабря, в крепости Выборг и Кексгольм из Петропавловской крепости, на основании распоряжения начальника главного штаба:

В результате сто нижних чинов были отправлены по назначению, откуда ежемесячно посылались рапорты в главный штаб. От 12 февраля 1826 г. кексгольмский плацмайор подполковник Меев пишет:

Содержащиеся во вверенной мне крепости под арестом нижние чины, выключенные из лейб-гвардии Московского полка и Гвардейского Экипажа, находятся в совершенной тишине и спокойствии, больных же из них четыре человека, кои и находятся в устроенном для них лазарете. [2])

В том же месяце Выборгского пехотного полка полк. Розенштейн рапортует командующему отдельным Финляндским корпусом ген.-ад. Закревскому:

Из числа находящихся арестантов в лазарете двое из них были весьма трудны: болезнь походила [на] род сумасшествия, которая уже прошла, они сами рассказывали, что сие приключилось не от чего более как единственно от тоски. Некоторые из арестантов спрашивали наших солдат, что не знают ли они, что с ними будут делать и почему их до сих пор не приводят к присяге на верность службе. Хотя и было позволено им с конвоем прохаживаться в крепости, но они только один раз ходили, и то не более как четверть часа. Вообще заметно в сих людях большое уныние, особенно в Морском Экипаже» [3]).

Следующее дело позволяет судить не только о настроениях солдат и офицеров гвардии Петербурга, но и о совершенно иных порядках и настроениях в Кавказской армии. Отставной унтер-офицер л.-гв. Конного полка Гусенко приехал из Ставрополя в Петербург за гербовой бумагой для кавказской казенной палаты и зашел, по старой памяти, к бывшему своему однополчанину и откровенно рассказал ему о недовольстве новым правительством. Офицер Сухарев, его собеседник, выведал, что можно было, у Гусенко и донес на него, за что тот попал на гауптвахту главного штаба. Было наряжено следствие, и по выписке из дела, которая включала и рапорт пор. Сухарева, мы узнаем следующее:

Поручик Сухарев объявил, что 23 числа минувшего генваря вечером пришел к нему на квартиру служивший напред сего лейб-гвардии в Конном полку унтер-

[1]) М. Лемке—«Тайное общество братьев Критских.—«Былое» 1906 г., июнь. Дело канц. деж. ген. 1827 г. Опись 188, св. 35

[2]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 19, св. № 11.

[3]) Там же.

офицером, а ныне находящийся в Ставрополе присяжным, Гусенко и просил по бедному его состоянию воспомоществование. Поручик Сухарев, зная Гусенко во время службы в лейб-гвардии в Конном полку за отличного унтер-офицера, дал ему денег, при чем спросил его, откуда и зачем он приехал в С.-Петербург. На что Гусенко объявил, что привез из Грузии арестованного генерала по известному делу, на которое теперь обращено все внимание, и что лейб-гвардии Конный полк поступил 14-го декабря 1825 года, как подлецы [1]). Поручик Сухарев, будучи чрезвычайно удивлен сими словами, начал входить с ним в подробный разговор, и Гусенко продолжал, что странно для него было, что войска гвардейского корпуса, присягнувши на верноподданство Константину Павловичу, в скором времени переменили присягу и признали за государя императора Николая Павловича, при чем Гусенко уверял, что такого милосердного государя не нажить, каков был покойный государь император Александр Павлович, и [что] о кончине его не только жалеют солдаты, но и весь тот край, чрез который он ехал из Грузии. За сим Гусенко говорил: «Жаль, что не Константин заступил его место; он был бы истинный отец нам всем».

После сего пор. Сухарев хотел узнать от него, кого он именно привез сюда из Грузии; но Гусенко отвечал, что ему не приказано об этом никому говорить и что он уже второй раз привозит сюда арестованных чиновников; за сим рассказывал ему, Сухареву, что он был во многих полках гвардии — Московском и других, — у своих прежних товарищей и приятелей, которые ему между разговором объявили, что они чрезвычайно недовольны нынешним образом правления и что ожидать и впредь хорошего нельзя; также уверял его, Сухарева, что будто бы генерал Ермолов отдал приказ по вверенному ему корпусу, чтобы не переменяли присяги, а оставались бы верными Константину, ибо публикованное насчет вступления на престол Николая Павловича есть обман, и что по привязанности к генералу Ермолову, корпус его никаким родом не присягнет Николаю, и что, конечно, может быть и Ермолов замешан в сем деле [2]). На сие Сухарев сказал ему, что в таком случае и его привезут сюда, ибо щадить никого нельзя, кто идет против веры и закона.

«Вы заметьте, — сказал Гусенко, — в каких полках больше шуму; не в тех ли именно, где были злые начальники, коих не уважали солдаты».

О всем вышеизложенном поруч. Сухарев донес полковому командиру ген.-ад. графу Орлову, по поручению коего, передал он все то дивизионному начальнику, а по приказанию сего последнего донес о том дежурному генералу главного штаба его величества. После чего представил к нему и означенного присяжного Гусенко. Пор. Сухарев при донесении о всем том присовокупил, что Гусенко во все время вышеописанного разговора был в нетрезвом виде.

Присяжный Гусенко, по учиненном ему ген.-ад. Бенкендорфом допросе, показал, что он прибыл сюда из Ставрополя для принятия гербовой бумаги, что ходя по рынку, он слышал от Московских и Семеновских солдат, как иногда, собираясь кучками, между собой разговаривают, что ныне служба сделалась гораздо труднее от учений и строже, потому они не хотят служить ныне царствующему государю, а желают, чтобы был государем Константин Павлович; в Конной же гвардии вообще все государем Николаем Павловичем и начальством своим чрезвычайно довольны и благословляют его милости. О прочих же полках Гусенко ничего неизвестно, ибо он ни с кем из нижних чинов оных не имел сношений. После того Гусенко в другом допросе, отобранном от него командиром сводного пехотного батальона полк. Жуковским, показал, что «по приезде его сюда с товарищем своим присяжным за гербовой бумагой и по принятии оной, пред отправлением своим пришел он для покупки нужного в толкучий рынок, усмотрел до 4 или более солдат в шинелях с красными и голубыми воротниками, но которых оные полков — не знает, стоящих вместе и разговаривавших о государе; но

---

[1]) Этот полк, как известно, шел в атаку против восставших. (*Прим. ред.*)

[2]) Ермолов принадлежал к тем генералам и высшим сановникам, на которых писался донос о принадлежности к декабристам. См. «Русская Старина» 1881 г., январь, стр. 187.

когда остановясь, услышал, что рассуждаемо было о лейб-гвардии Московского полка, который якобы невинно обижен, и что царствующему ныне государю служить неприятно а желали бы лучше иметь государем его высочество цесаревича, то, опасаясь, чтобы за таковой разговор и его не взяли с ними вместе, отошел прочь; потом, купив нужное, пошел на квартиру, а после отправился к полковому адъютанту л.-гв. Конного полка пор. Сухареву, дабы поблагодарить его за получаемые от него во время службы подарки. По приходе к нему, Сухарев спрашивал его, не был ли он в полках и не слыхал ли, что говорят солдаты: на сие Гусенко отвечал, что по неимению вовсе знакомых ни в одном полку не был; при чем рассказал слышанный им на толкучем рынке между солдатами разговор»...

Далее следует повторение конца показания пор. Сухарева. Последнему и присяжному Гусенко была дана очная ставка, при чем оба утверждали показанное на предварительных допросах.

Однакоже, Гусенко, при очной ставке укорял пор. Сухарева, что он, Гусенко, никак не ожидал, дабы доведено сие было до сведения высшего начальства, в противном случае сего бы не говорил, утверждая, однако же, свое показание, что разговор о неудовольствии солдат и о привязанности к цесаревичу он точно слышал от собравшихся на толкучем рынке солдат и, что кроме казарм л.-гв. Конного полка, в коем он, Гусенко, прежде служил, ни в одном не был.

По окончании следствия Гусенко был препровожден в распоряжение министра финансов, вместе с отношением, в котором говорится, что «государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы сей Гусенко отправлен был немедленно в Архангельск, где определить его так же в должность присяжного». 15 февраля 1826 г. он был отправлен к месту своего нового назначения [1]).

У солдат было еще много оснований тяготиться существующим положением вещей. Жестокое обращение с солдатами достаточно обрисовано в литературе [2]).

Горемычная солдатская доля описана в поэме-прокламации, под названием «Жизнь солдатская», сочиненной в Московском полку. Архивные материалы рисуют эпизод из истории ее распространения в солдатской среде.

При допросе Пермского пехотного полка 5-й мушкатерской роты рядовой Дмитрий Шлафоров показал

В прошлом 1825 г., в феврале месяце, Пермского пехотного полка с полковником Леманом ездил в гор. Кишинев, где прожили у полк. Козлянинова две недели. В доме полковника Козлянинова на кухне, увидев на столе тетрадку писанную, спросил:

— Что это?

На что собственный человек полковника Козлянинова Федор сказал:

— О солдатской жизни — и что эта тетрадка принадлежит Тобольского пехотного полка плотнику, который три месяца находится у г. генерал-лейтенанта Желтухина.

Не имея что делать в Кишеневе, списал и привез в Харьков. В квартире полковника Лемана читал собственному мальчику Петру Иванову и денщику Ивану Озолину, который говорил, что ему известно в бытность его в С.-Петербурге в Московском полку сочинена. По возвращении в Немиров положил оную тетрадку в квартире полк.

---

[1]) Дело канц. деж. ген. 1826 г. № 84, св. 14.

[2]) В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 110 и дальше.

Лемана в кухне на шкафу, на четвертый день кто-то взял. Хотя я спрашивал у денщика Ивана Озолина и мальчика Ивана Петрова, но они отвечали, что не брали [1]).

Начальник 14-й пехотной дивизии в своем отношении к дежурному генералу II армии сообщает, что

крепостной человек полковника Козлянинова Федор, по аккуратному и секретному разысканию, оказался отправленным им еще прошлого года к брату своему родному г.-м. Козлянинову в Псковскую губ. А спрошенный плотник ответил незнанием этой тетрадки. «Обязываюсь присовокупить, — пишет Желтухин, — что все чины строевые и нестроевые во вверенной мне дивизии, даже и у офицеров, все бумаги деликатно были осмотрены подробным образом, и ни у которого из них не оказалось не только таковых книжек, но и подобных сему, которые могли бы служить ко вреду солдат и службы; при том смело ручаюсь за всю дивизию, что во всех чинах оной нравственность, слепое повиновение, скромное поведение, точное исполнение своих обязанностей, непоколебимая преданность и любовь к своему государю, отечеству и вере столь в лучшем состоянии, что я бы почел видеть их навсегда в таком положении... Объяснения в книжке под названием: «Жизнь солдатская» по всем сим предметам не что иное как выдумка, и выдумка, не заслуживающая никакого внимания, вместе с тем, кто ее сочинил. Наконец, в оправдание всей дивизии, мне вверенной, и дабы отклонить всякое малейшее подозрение, знавши сколь велико стремление всех чинов оной заслуживать постоянно хорошее о себе по всем отношениям заключение монарха и начальства, я позволю себе сделать и еще замечание, что сия книжка легко могла быть продана денщиком же полк. Лемана в Пермский полк по переводе его из Московского гвардейского полка, ибо сам денщик Лемана показывает, что в Московском гвардейском полку таковые видел, где и сочинена».

Противоречивые показания всех допрошенных по этому делу ни к чему не привели. Так как в человеке г.-м. Козлянинова Федоре Антонове думали найти источник распространения этой тетрадки, то было послано отношение к Калужскому и Новгородскому гражданским губернаторам, в губерниях которых проживал Федор, о необходимости его допросить, но он заявил, что никакой подобной тетрадки он не знает.

Можно сомневаться, насколько соответствовала действительности отписка ген. Желтухина; о жестокости этого генерала показывал Раевский: он и Рот забивали солдат палками [2]).

Приведем здесь эту поэму:

«ЖИЗНЬ СОЛДАТСКАЯ» [3]).

Хоша читай, хоша не читай,
Философом не считай!
Солдат не богослов,
Не знаю красных слов.
Пишу я не роман,
Сущу правду, не обман,

---

[1]) Выписка из дела шт. II армии 1826 г. Опись 183, д. № 9, св. 646, л. 1 — 3

[2]) «Рус. Старина» 1902 г. № 3, стр. 601 и В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», 115.

[3]) Копия с копии. Об этой поэме-прокламации упоминает В. И. Семевский — «Общ. и полит. идеи декабр.» — 110 стр. и Штрайх — «Восстание Семеновского полка». 2-я и 9-я поэмы были напечатаны в «Рус. Старине» 1901 г. № 12, стр. 475 В полном виде поэма появляется впервые.

Что глаз видит, ухо слышит,
То рука моя пишет.
Хоть нескладно — но мне ладно,
Если ж худо я пишу,
Поучить тебя прошу.
Коль умеешь поучи,
А не знаешь, так молчи.
Я покорнейший слуга
Пред тобою, как дуга.

1-я п о э м а.

Я всегдашний ваш ревни[тель],
Сей поэмы сочинитель.
Дела славные трои воспевати ,

2-я п о э м а.

Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
В тычках, палках честь-награда.
Кто солдата больше бьет,
И чины тот достает.
Тем старателен, хорош,
Хош на чорта он похож.
А коль бить не умеет,
Тот ничего не разумеет.

3-я п о э м а.

О, солдат, ты горемыка,
Хуже лапотнова лыка,
Твоей жизни хуже нет,
Знает про то белый свет.
Тебя дуют, тебя бьют
Так, как полосу куют.
Тебя палкой бьют по роже,
А собаку чтут дороже.
Выбивают тебе зубы,
Разбивают нос и губы.

4-я [п о э м а].

Если мало той дубины,
Начнут зваривать по спине;
Как десятков пять ввалят,
Так и кости заболят;
А как оплеух пять шесть случится,
То и мозг весь закружится.
Лучше в свете не родится,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.

5-я п о э м а.

В караул пойдем, так горе.
С караула придем вдвое,

В карауле нам мученье,
А как сменимся — ученье.
В карауле жмут подтяжки,
На ученье жди растяжки.
Стой прямо и тянись,
За тычками не гонись.
Оплеухи и пинки
Принимай так, как блинки.

6-я поэма.

Если кто встал в злое время,
Не снести тычков тех бремя.
Занеможешь — тут ему,
В том не верят ничему;
Он божится, уверяет,
Командир не доверяет;
Полно, полно не клянись,
По-напрасну не божись.
О солдат,— бедное создание,
Твое злое оправдание.

7-я [поэма].

Если заболеет солдат,
Бейся смело об заклад,
Хотя бы как он не божился,
Скажут — что заленился.
Хотя с неба стяни бога
Скажут, что в нем лени много,
Знать, не хочет он служить,
Отчего больному быть?
Он не болен, а с похмелья,—
Знают все его безделье.

8-я [поэма].

Коль наружной нету раны,
Говорят все, что обманы;
Разве дух вон из него,
То начнут жалеть его.
Тогда милость ему кажут,
Вправду болен был он, скажут;
И начнут хвалить его,
Но нельзя поднять его:
Он уже мертв лежит, без силы,
И не встанет из могилы.

9-я [поэма].

Ах, прекрасная весна!
Ты прекрасна и красна!
Если вольный кто родится,
Тот тобою веселится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна!
Тут начнется в него (sic) ученье,
Все тиранства и мученья.

А солдатская спина,
Ты к несчастью рождена.

10-я поэма.

Ты родился на беды,
Тебя бьют без череды.
Офицеры так, как черти,
Солдат бьют до смерти;
Кулаками по скулам,
А тростями по бокам.
Если трости мало станет,
Тесаков на то достанет.
Их спантоны [1]) не гуляют,
Часто под бок прилетают (sic)

11-я поэма.

Полковники — генералы
Те же ныне обдиралы.
Попадись им только в руки,
То натерпишься муки.
Хоть будь маленька вина,—
Прости уже спина.
Оправданья не принимают,
Только шкуры обдирают.
Говоря (говорят) в тем, что молчи
Хоть и правда — да не ворчи.

12-я поэма.

Уважайте их примеры,
И другие офицеры.
Тщатся в том им подражать,
Друг пред дружкой щеголять.
Кто больше бьет солдата,
Того чтут они за хвата.
Кто бить мастер гренадер,
Тот исправный офицер.
Свои братья почитают,
Должность знающим считают.

13-я поэма.

От каменных палат
Засох уже солдат.
Хоть с наружного-то вида,
Жить бы в них и не обида;
Но [во] внутренность заглянет,
Волчью песню затянет.
Человек 20-ть немножко жмися,
Около окошка тут потеснись,
Друг пред другом потянись.

---

[1]) Эспадроны.

14-я поэма.

Там стоят дворянские печки,
Живи смирно, как овечки:
Наблюдай все здешню моду,
Не держи в покоях воду.
Между прочих твоих дел
Наблюдай, чтоб пол был бел.
Если ж хочешь помочиться
Надо с версту волочиться.
А как раз пять-шесть пройдешь,
Так подметки изотрешь.

15-я [поэма].

А как придет воскресенье,
Так как будто от безделья:
Всех погонят чистить двор,
Обмести кругом забор.
Чтобы чисто было, гладко,
Выходи все без остатка.
Если ж честью кто нейдет,
Дядя с буркою придет,
Раз, другой, — пяток, — бок натянет,
Поневоле сердце вянет.

16-я поэма.

О, несносная неволя,
Солдатская ты доля?
Можно ль в жизни сей прожить
35 лет прослужить.
Кто от службы свободится,
Тот на свет вновь родится.
Но кто службу продолжает,
Тот никак невоображает,
Чтоб смог только счастлив быть
И свой термин [1]) отслужить.

17-я поэма.

Если ж всяк, кому продлится,
Жить, от службы свободиться,
Так бери в руки костыль
И ступай сам в монастырь.
Иль записывайся в нищи,
Не имея дневной пищи;
Боле нет ему награды,
Не жди другой награды,
Будь и тем весьма еще счастлив,
Что из службы вышел жив!

18-я поэма.

Изувечен, дряхл и болен,
Что в сем есть, что он уволен?

[1]) Срок.

Он не только работать
И с трудом с места может встать.
Чем же может он питаться?
Должен по миру шататься;
Убогую жизнь вести
И с сумою в мир брести.
Больше нет ему надежды,
Достать хлеба и одежды.
А как надо ночевать,
То изволь, где хошь, спать,
Хоть ступай в кабак за бочку,
Там и спи спокойно ночку;
Или в поле на лугу,
Гни колос в дугу,
В морозы босячищем
Будь покорен всем и нищим;
Награда вся за службу
Завоешь волком и нужду.

19-я п о э м а.

Не тужи, не бось, служивый,
Твой предел весьма счастливый;
В службе ходишь ты с ружьем,
А в отставке с костылем.
А когда не пойдем в нищи,
То умрем, мой друг, без пищи.
Я уверен в том и тверд,
Что хоть бог милосерд;
Но я знаю, что с неба
Не пришлет нам пищу — хлеба.

20-я п о э м а.

Но я слишком заврался,
До всей точности добрался.
Здесь на правду ведь не люди.
А случится,
За одно слово скажи невлад,
Всяк убить тебя рад;
Только лишь чуть проступися,
То и [с]жизнью простися.
Многие видел я примеры,
Каковые сем химеры,
И на вид имеют чурки,
А на деле хуже фумки [1])
На словах они люди,
Но в поступках крокодилы выглядают,
Человек в них не будет до конца.
У них варварские сердца.

Сообщила В. Ганцова-Берникова.

(Окончание следует).

---

[1]) Род долота.

Из записной книжки архивиста.

О локализации празднования первого мая на фабриках и заводах.

Крупнейшие союзы работодателей России — петербургское общество заводчиков и фабрикантов и общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, в первые же годы своего существования (первый из них окончательно сконструировался в 1906 г., второй — в 1907) должны были лицом к лицу столкнуться с первомайским вопросом, не терявшим своей остроты даже в такие мрачные годы реакции, какими были 1908—1910 г.г., когда рабочее движение, казалось окончательно замиренным, а рабочий вопрос самою жизнью снятым с обсуждения.

Вполне естественны поэтому стремления и попытки работодателей выработать раз навсегда единую согласованную линию поведения в отношении этого международного рабочего праздника. Одну из таких попыток, стремящихся разрешить первомайский вопрос, и представляет собою печатаемый ниже «Доклад о локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах», составленный в мае 1914 года обществом заводчиков и фабрикантов московского промышленного района.

Этот доклад представляет собою попытку найти такую равнодействующую линию поведения, которая бы, с одной стороны, не противоречила принципиально отрицательному отношению промышленников к классовому празднику пролетариата, с другой стороны, считалась бы с непримиримым полицейско-циркулярным отношением правительства ко дню 1 мая и, наконец, учитывала бы непосредственные веления жизни, которые, в разрез со всякими «принципами», «заставляли фабрикантов вырабатывать совершенно неожиданные отношения к первомайской забастовке».

Из сохранившейся телеграфной переписки между московским и петербургским союзами работодателей по поводу маевки 1912 г., прошедшей по всей России с исключительной силой, видно, что попытка штрафовать за первомайскую стачку провалилась, так как «единодушия в применении штрафов» ни в Петербурге, ни в Москве замечено не было. Отсутствие единодушия среди петербургских членов в вопросе о применении штрафов и непримиримая позиция, занятая советом петерб. о-ва фабрикантов и заводчиков, вызвали в 1912 г. в недрах общества конфликт, настолько резкий, что он почти угрожал самой целости петербургского об-ва. Московские фабриканты оказались в этом отношении более гибкими. Придя на основании горького опыта к выводу о бесполезности борьбы с празднованием 1 мая, только ведущей к обострению антагонизма между трудом и капиталом, и воспользовавшись давней традицией Москвы — праздновать день 1 мая, как первый праздник весны, московские промышленники выдвинули проект путем признания дня 1 мая местным праздником (за счет отмены одного из других праздничных дней), локализировать первомайское рабочее движение.

Этим новым способом борьбы с рабочим праздником путем его признания,

замаскированным и тактически более ловким, нежели прежняя система штрафов, закрытий заводов и пр., этой лишь по видимости уступкой рабочему классу, промышленники надеялись достичь двух целей: 1) избавиться от постоянного источника осложнений и столкновений двух классов на почве запрещения празднования этого дня и 2) и — это, пожалуй, самое главное — постепенно превратить международный политический праздник рабочего класса в безвредный обескровленный местный праздник, рабочее 1 мая — в увеселительную прогулку в Марьину рощу.

Но на пути московских предположений стояло министерство внутренних дел, обязавшее еще в 1908 году фабричную инспекцию не допускать включения в правила внутреннего распорядка или табель нерабочих дней дня 1 мая. Непосредственная задача московской записки поэтому и состояла в том, чтобы заинтересовать широкие предпринимательские круги в выдвижении проекта, чтобы общими усилиями добиться у правительства отмены министерского распоряжения.

Но, вопреки ожиданиям москвичей, «доклад» не встретил сочувствия у их петербургских собратий. Совет петербургского о-ва заводчиков и фабрикантов остался на своей прежней непримиримой позиции. В ответном письме от 7 июля 1914 г. вице-председатель петерб. о-ва Триполитов сообщает, что «изложенные в записке соображения были доложены совету о-ва в заседании 1 июля с. г., но не встретили сочувствия, и совет остался при своем прежнем мнении о необходимости сокращения праздничных дней и, в частности, о нежелательности введения праздничных дней в таком необычном порядке и по таким мотивам».

Доклад о локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах [1]).

Вопрос о невыходе рабочих на работы в день 1 мая или об оставлении ими работ ранее установленного времени давно занимает предпринимательские круги, так как на этой почве всегда возникали конфликты с трудящимися и вызывали явления весьма прискорбные как для рабочих, так и для работодателей. В особенности остро стал этот вопрос в последние годы, когда в промышленных предприятиях к недоразумениям с рабочими на экономической почве прибавились пререкания из-за так называемых политических протестов рабочих, выражающихся в однодневных, а нередко и более продолжительных перерывах в работах.

Однако среди забастовок различных оттенков празднование рабочими дня 1 мая приобретает особое значение и имеет специальный характер, почему к этому явлению надлежит проявить и несколько особое отношение.

Признавая, что первомайская забастовка является прежде всего нарушением правильного хода работ всякого предприятия, к каковому представители промышленности не могут относиться безучастно и должны изыскать способы и меры борьбы с ней, члены нашего общества в своем отношении к этой забастовке могут быть разделены на две категории. Первая категория смотрит на первомайскую забастовку, как на явление, ничем не отличающееся от такового же в Западной Европе, и видит в ней лишь результаты социалистической пропаганды [1]) с целью объединения рабочего класса всего мира; другая же часть смотрит на это явление несколько иначе. Дело в том, что в Москве празднование 1 мая, как указывают представители многих предприятий, является исконной традицией, установленной с незапамятных времен. Еще до всякого начала организованной и планомерной проповеди среди рабочих

[1]) Доклад печатается по подлиннику, хранящемуся в деле № 177 СПБ о-ва заводч. и фабрикантов (2-е Отд. Эконом. секции Ленингр. Центр. Ист. Архива).

[1]) Фраза до слова «пропаганды» на полях отчеркнута, и имеется против нее надпись карандашом: «у нас отмечали, что в Зап. Европе явление это уже ослабело».

г. Москвы социалистических западноевропейских учений, т.-е. до 1905 года, празднование 1 мая в Москве, в особенности в некоторых пригородах ее, как, например: Сокольниках, Марьиной роще, Бутырском районе, Ново-девичьем и других, было исконным и традиционным. Не только рабочие этих пригородов, но и все население их и даже сами фабриканты и ремесленники считали первомайское гулянье и празднование первого весеннего праздника ненарушимо установившимся обычаем. Мало того, все московские обыватели города ранее обыкновенного кончали свои дела и спешили за город.

Таким образом для части фабрикантов и заводчиков в настоящее время предстоит разрешить вопрос, как надлежит им реагировать на празднование 1 мая: надлежит ли считать этот день днем нерабочим, вследствие твердо установившейся московской традиции, или же, в виду событий последнего десятилетия, установить иное отношение к этому дню и не считать его праздником, а первомайскую забастовку рассматривать, как нарушение рабочими правильного хода работ предприятия.

Уже самая эта возможность столь различного отношения предпринимателей к первомайской забастовке не позволяет нашему обществу выступить с определенным по этому вопросу решением и предуказать совершенно определенное отношение всех московских фабрикантов и заводчиков к первомайскому дню. Если просмотреть решения совета и общих собраний нашего общества за последний ряд лет, то следует отметить, что они всегда колебались между двумя вышеуказанными соображениями: или выносилось решение, предлагающее предпринимателям вступаться за нарушение нормального хода работ 1 мая вплоть до штрафования рабочих, или же вопрос этот, в виду более настойчивого указания на 1 мая, как на традиционный праздник, оставлять открытым, предоставляя каждому предприятию решать его так, как оно найдет для себя наиболее полезным, и с тем расчетом, чтобы из первомайской забастовки не делалось действительно боевого рабочего выступления. Но в то же время как в нашем обществе строго и принципиально обсуждался трактуемый нами вопрос, жизнь сама заставляла фабрикантов вырабатывать совершенно неожиданные отношения к первомайской забастовке. Анализ этих отношений промышленников в настоящем году, благодаря тому, что 1 мая в Москве прошло особенно тихо и спокойно и не вызвало нигде каких-либо значительных осложнений, при чем и число бастовавших — с 38.000 в 1912 г. и 33.000 в 1913 г. упало до 22-х тысяч, — показывает особенно рельефно всю эластичность отношений промышленного класса в столкновениях с рабочими, имеющих своей задачей единственную цель: сохранение спокойствия, необходимого для строго планомерного развития промышленности и крепко связанного с ней народного труда и благосостояния.

Надлежит отметить, что в нынешнем году даже та часть владельцев фабрик и заводов, которая раньше твердо стояла на необходимости принимать строгие меры по отношению к рабочим за нарушение ими ходу работ 1 мая, принуждена была самою жизнью отказаться от них и, во имя сохранения порядка и спокойствия в промышленных заведениях, изыскать способы к смягчению острых споров между рабочим классом и классом промышленников, с одной стороны, и недоразумений между последним и правительством — с другой, возникающих на почве празднования 1 мая. На первом месте надлежит отметить, что почти все крупные текстильные предприятия начали работать в настоящем году, после пасхального перерыва, 2 мая, назначив на 1 мая новый наем рабочих. Знаменательно, что эта мера имела самое благотворное значение. 1 мая оказался днем как бы локализованным, и промышленникам не было надобности входить в острый конфликт с рабочими по поводу нарушений хода работ 1 мая, а занятые наймом на работу рабочие далеки были от обычных массовок, на которых нередки были выступления

социал-демократов с призывом к единению рабочих на почве лозунга, что в единении — сила и успех рабочих идеалов.

Само собой разумеется, что продление текстильными предприятиями пасхального перерыва на столь продолжительный срок не может вообще считаться нормальным и допустимо лишь в зависимости от той тяжелой депрессии мануфактурного рынка, которая имела место в нынешнем году.

Следующая весьма значительная группа фабрик и заводов, на которых, благодаря исконному празднованию 1 мая, о котором говорилось выше, или потому, что вообще первомайская забастовка стала явлением неустранимым и всякая борьба с ней путем наложения штрафа вызывает неминуемое сопротивление рабочих, а тем самым дает повод крайним социалистическим партиям использовать последующую забастовку для более интенсивной пропаганды идей всемирного объединения пролетариата, — изыскала иной путь все к той же локализации первомайского пожара.

Еще в прошлом году часть предприятий перешла к двухнедельному найму и приурочила новый наем рабочих ко 2 мая. Таким образом первомайская забастовка была локализована.

Только вышеперечисленные строго обдуманные, тактические приемы локализации первомайских демонстраций, в связи с той массой раздробленных и весьма неорганизованных демонстративных выступлений по всякому, часто весьма незначительному, поводу, внесшие в среду рабочего класса некоторое недовольство, могут объяснить столь мирное течение первомайской забастовки, наблюдавшееся в текущем году.

Но, конечно, совет общества не может не констатировать, что все ошибки хотя бы столь раздробляющих самосознание рабочего класса частичных демонстративных выступлений, совершаемые представителями рабочего движения, неминуемо будут исправлены и учтены ими впоследствии, тактика же текстильных предприятий, по условиям производства может явиться неприменимой в последующие годы, а та часть предприятий, которая может применять наем рабочих на определенный срок, сравнительно невелика, и потому надлежит неустанно изыскивать новые меры к локализации опасности, кроющейся в первомайской забастовке.

Мы позволяем себе все время говорить о локализации первомайского движения, а не о борьбе с ним, потому что, по нашему глубокому убеждению, представители промышленного класса как стоящие во главе предприятий, объединяющих и организующих народный труд, тем самым являются и хранителями его, почему провозглашением ненужной и бесплодной борьбы они не могут и не должны допустить развития антагонизма между рабочим классом и собой.

Неоднократно на совещаниях по поводу первомайских выступлений рабочих среди наиболее дорожащих и умеющих устанавливать действительную дисциплину на своих предприятиях представителей промышленности раздавались голоса за необходимость, в целях локализации первомайских забастовок, выступить пред правительством от имени нашей организации с ходатайством разрешить включение 1 мая в табель нерабочих дней. На последнем весеннем общем собрании членов общества голоса эти стали раздаваться еще громче, чему, по нашему мнению, немало способствовало применение тех тактических приемов, которые были обследованы выше.

Представители промышленности, предлагавшие эту меру, указывали на следующие мотивы, которые заставляют их притти к такому решению: 1. Прежде всего указывалось, что в Москве первомайский праздник—есть привычно традиционный праздник весны. Борьба за работу в этот день неминуемо создаст в умах рабочих представление об исключительном его значении, сделает [1]) его из местного праздника праздником пролетариата всех стран.

---

[1]) Окончание фразы подчеркнуто карандашом, и на полях надпись: «давно уже сделан».

2) На тех же заводах, где праздник этот стал явлением хроническим, всякое подчеркивание особого его значения путем отмены применяемого за прогул штрафа, каковой часто не может быть применен, в виду возникающих затяжных забастовок с требованием снятия штрафа, является весьма нежелательным. Между тем признано, что штраф, как мера, способствующая дисциплине при прогуле, — мера, вызванная нарушением дисциплины единичными рабочими, не имеет никакого значения, кроме отрицательного, при применении его к забастовкам. На какой бы почве забастовка ни происходила, фабрикант часто принужден бывает отказаться от штрафа, в виду возможных осложнений. 3) С другой стороны, сама дисциплина требует рассматривать первомайскую забастовку, как прогул, раз 1 мая значится днем рабочим, а потому фабрикант, в целях поддержания порядка и дисциплины, все же вынужден бывает налагать штраф.

Итак, следующие соображения положительного характера имеются в виду при выступлении общества с ходатайством о возможности включить 1 мая в разряд местных праздников: 1) фактическое, искони традиционное, празднование 1 мая дает возможность, не нарушая и не обходя закона, признать его местным праздником или местным нерабочим днем. 2) Объявление 1 мая местным праздником или нерабочим днем даст возможность фабрикантам отменить празднование установленных теперь одного из других местных праздников. 3) Освобождение рабочих от работ 1 мая или сокращение рабочего времени в этот день должно парализовать возможность для рабочих собираться на заводах и фабриках с целью устройства массовых демонстраций и собраний. 4) Локализовать тем самым распространение идеи о всемирном объединении пролетариата и 5) не дать повода к нарушению дисциплины на фабриках и заводах.

Выступая с таким ходатайством, мы далеки от мысли просить о всеобщем объявлении, хотя бы даже для г. Москвы, 1 мая местным праздником или нерабочим днем, так как, по существу, не во всех районах ее 1 мая может быть признан таковым, да и не везде таковое объявление будет с тактической точки зрения желательно. Мы полагаем лишь необходимым ходатайствовать о том, чтобы этот день мог быть включен желающими этого предпринимателями в табель праздников под наименованием местного и чтобы фабричная инспекция не чинила к тому препятствий, что разрешалось и прежде и в настоящее время отменено.

В связи со всем вышеизложенным надлежит отметить, что в тот год, когда 1 мая пришлось в воскресный день — по всей России он прошел совершенно незаметно, что вселяет в нас уверенность, что рабочие вообще не склонны отдавать праздничные дни боевым выступлениям.

В Швейцарии, где празднование 1 мая вошло в обиход фабричной жизни, в настоящее время замечается уже обратное явление: многие рабочие требуют работы и находят излишним прекращение ее в день 1 мая.

Представляя все вышеизложенное на ваше благоусмотрение, мы усердно просим поставить на очередь вопрос о разрешении фабричному надзору не отказывать при утверждении расписания праздников на отдельных фабриках и заводах нашего района включать 1 мая в число нерабочих дней или сокращать обычное рабочее время в этот день, так как эта мера в настоящее время может скорей содействовать умиротворению рабочей массы, чем административные мероприятия, каковые на практике не дали осязательных результатов и не исключают в то же время возможности путем частного соглашения с рабочими приостанавливать работы в день 1 мая.

Сообщил Н. Н. Дмитриев.

Москва. Май 1914 года.

Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны.

Едва ли кто-нибудь удовлетворится сейчас определением франко-русского сближения 90-х годов, как политического противовеса тройственному союзу. Совершенно естественно при изучении франко-русского союза встает вопрос об империалистических тенденциях и задачах Франции на территории восточной союзницы. Несомненно, что союз не только гарантировал Францию от единоборческой схватки с Германией в предстоящем «реванше», но и давал известную сферу приложения французскому финансовому капиталу в России. Если в 90-х годах это на первый взгляд незаметно, то виной тому своеобразные условия русской истории этого периода. До 1905 года мы имеем эксплоатацию французским капиталом полуфеодального режима в России. С крахом его в 1905 году картина в значительной степени видоизменяется.

С 1905 года достаточно небольшого количества цифр, чтобы установить наличие империалистического проникновения французского капитала в русское народное хозяйство. Если мы возьмем банковую систему России как раз после 1905 года, становящуюся во главе русской народно-хозяйственной жизни, то увидим, что из 585.000.000 рублей основного капитала русских коммерческих банков 434.000.000 рублей были капиталом агентур иностранных банковых консорциумов [1]), из которых 231.000.000 падало на долю Франции (53% влияния иностранного капитала на русскую банковую систему). Если взять русскую металлургию, то цифра влияния французского капитала в ней (67,5% всех капиталов) еще более показательна. Русское народное хозяйство вплоть до империалистической войны постепенно вовлекалось в финансово-капиталистическую систему Франции. Безусловно, этому вовлечению ставилась известная преграда в лице германской конкуренции. Но с момента объявления войны вытеснение этого соперника значительно облегчалось.

Печатаемая ниже переписка дает нам представление о программе французского капитала, носившейся перед его взором в момент, когда в военной обстановке стала намечаться возможность склонить Германию к миру на выгодных для союзников условиях. Развиваемый французами в приводимых ниже документах проект «кооперации промышленности Франции и России», несмотря на кажущуюся его беспочвенность (такое представление о нем, судя по тем же документам, имело место в руководящих кругах совета съездов), на самом деле должен быть рассмотрен, как один из основных пунктов французской программы мира в условиях 1916 г.

Французский проект подчеркивает, что франко-русский союз недостаточно повлиял «на развитие деловых сношений... двух стран». Он отмечает, что этому было виной как то, «что экономическая жизнь обеих стран была организована не на одинаковых основаниях», так и то, что на пути этого «развития» стояла Германия. Несмотря на то, что французы уверены в благоприятном для них исходе войны, они опасаются, что и в дальнейшем Германия будет экономически опасным соперником. Конкурировать с Германией одними «статьями таможенного тарифа» — нельзя. Отсюда для французского капитала необходимость такого экономического слияния с русским народным хозяйством, которое отдало бы в распоряжение ему то, что он не успел еще заполучить за предвоенный период. «Развитие деловых сношений» французским промышленникам представляется в виде создания банка, стоящего во главе «кооперативов», т.-е. монополистических

[1]) Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны, стр. 53.

организаций однородных русских и французских отраслей промышленности. Что «кооперативный» принцип является только видимостью, за которой скрывается главенство французского капитала в проектируемом гигантском концерте, явствует из тех данных о русской банковой системе, которые мы привели выше. Незначительность основного капитала банка и паритетность русской и французской долей участия в нем нисколько не умаляет того значения, которое должен был получить этот банк, если бы проект получил осуществление. Если бы банк действительно был создан, французский капитал захватил бы в свои руки не только руководство внешним товарообменом России, но и руководство всей ее промышленностью.

Ответ совета съезда довольно сдержан, но в принципе предложение французов приемлет. Надо полагать, что эту некоторую сдержанность нужно отнести за счет того, что французское предложение исходило из кругов французской легкой индустрии в то время как в России эта последняя была всего менее связана с французским капиталом. Возможно и то, что в среде совета съездов стремление создать из России французскую колонию, в условиях еще не разрешенной международной конъюнктуры, должно было показаться преждевременным, и он пожелал оставить за собой свободу в выборе экономической ориентации после войны.

Приводимая ниже любопытная переписка, само собой разумеется, лишь отдельный штрих взаимоотношений французского и русского капитала, но он безусловно для этого взаимоотношения характерен. Проект создания франко-русского кредитного учреждения имел место и в более раннюю эпоху финансово-капиталистического внедрения французского капитала в Россию [1]). Несомненно, что дальнейшая разработка архивных данных о франко-русском союзе даст нам более полное представление о финансово-капиталистическом влиянии Франции в России. Но и печатаемая ниже переписка дает повод предположить, что если во время войны русский солдат должен был решать в пользу Франции вопрос о мире в «политическом и территориальном» отношениях, то все русское народное хозяйство в целом, в результате войны, должно было бы окончательно стать филиалом французского империализма — послушным орудием для решения вопроса о промышленной гегемонии своей западной союзницы. Если этот проект не получил осуществления, то помимо воли и желания французских капиталистов.

Печатаемые документы взяты из неразобранных бумаг в архиве совета съездов представителей промышленности и торговли и архивного шифра не имеют. Перевод подлинных французских документов даем по их русской копии, рассылавшейся членам совета съездов для информации. Телеграмму и письмо совета съездов приводим по русским отпускам. На отпуске письма дат не имеется. Упоминающиеся в тексте письма совета съездов приложения не сохранились (кроме «Статистического Ежегодника», известного статистического справочника представляющего собой толстый том около 50 печ. листов). Как видно из документов, переписка имела место в июле-августе 1916 г. (к августу, собственно, относится только письмо совета съездов).

В. Рейхардт.

1.

Письмо комитета промышленной кооперации Франции и России на имя инж. В. В. Жуковского 1 июля 1916 г.

Г-ну Жуковскому,

инженеру, бывшему члену Государственной Думы, члену совета съездов

[1]) Об этом см. в сборнике «Русские финансы и французская биржа в 1905—6 году», составленном Б. А. Романовым).

представителей промышленности и торговли [1]).

Милостивый государь.

Следуя совету г-на Рачковского [2]), депутата, с которым мы имели беседу в Париже, и совету нашего секретаря, г-на Будкевича, мы позволяем себе послать вам:

1) Изложение программы кооперации промышленности Франции и России.

2) Копию письма, которое мы посылаем вместе с тем в совет съездов представителей промышленности и торговли. Мы будем счастливы, если вы согласитесь принять на себя представительство нашего комитета перед советом съездов и присоединить ваше ценное сотрудничество к нашей работе.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Председатель комитета *Ноэль*.

Члены комитета: *Вебер*, *Вивье де Стреель*.

Секретарь комитета *Будкевич*.

1 июля 1916 г.

2.

Письмо комитета промышленности и кооперации Франции и России в совет съездов промышленности и торговли 1 июля 1916 г.

В совет съездов представителей промышленности и торговли.

Все яснее обозначающееся движение в сторону более тесного сотрудничества между союзниками и особенно между Францией и Россией побудило нас учредить в Париже комитет, целью которого является сплочение русской и французской промышленности и торговой среды и облегчение завязыванья отношений на почве общих интересов.

Соответственно этой цели нами выработана программа, которую мы прилагаем при нашем письме и просим вас обсудить ее.

Равным образом мы пришли к заключению, что лучшим способом проведения в жизнь этой программы будет создание финансового учреждения, которое содействовало бы развитию деловых сношений между двумя странами и согласовало бы метод работы и приемы платежей, принятые в той и другой стране. Капитал этого банка может быть определен только после обмена мнениями русской и французской групп. На наш взгляд, он не должен все таки быть меньше 100 милл. франков. Мы полагаем, что таким образом построенное регулирующее учреждение должно функционировать одновременно в Париже и Петрограде, имея органы в обеих столицах.

Пользуясь пребыванием русской делегации на экономической союзной конференции, наш комитет имел долгую беседу с его превосходительством В. В. Прилежаевым, тов. мин. торговли и промышленности. Господин Прилежаев, ознакомившись с нашей программой, выразил нам свое полное одобрение. Он советовал продолжать нашу работу и рекомендовал немедленно же войти в сношение с вашим почтенным учреждением. Мы посетили также г-на Рачковского, члена Государственной Думы, который обещал нам содействие со своей стороны и со стороны его коллеги г. Шингарева [1]).

Вследствие всего сказанного мы имеем честь предложить вам присоединиться к нашей работе и пополнить наш комитет присоединением ваших представителей для участия в следующих трудах:

1) выработка устава будущего банка,

2) распределение подписки,

3) выработка уставов франко-русских промышленных кооперативов,

---

[1]) Совет съездов представителей промышленности и торговли — «представительная» организация крупного капитала, возникшая в 1906 г. и игравшая роль всероссийского объединения крупной торг.-промышленной буржуазии.

[2]) Рачковский Ф. Ф., член Государственной Думы IV созыва от Ковенской губ., принадлежал к белорусско-литовско-польской группе.

[1]) Шингарев А. И., член Госуд. Думы от Петрограда, к.-д., в 1917 г. министр земледелия.

которые банк предполагает учредить под своим покровительством.

Что касается подписки, мы полагаем, что согласно принципу кооперации, принятому нами, было бы желательно покрыть ее приблизительно равными частями в России и Франции. Прибыль будет распределена по взаимному согласию обоих ответвлений предприятий — петроградского и парижского.

Нам было бы особенно приятно видеть в Париже ваших делегатов как можно скорей. Мы уверены, что наше с вами сотрудничество будет плодотворным и способным привести к полезным практическим последствиям для обеих стран.

Чтобы избежать потери времени, которого потребует обмен письмами, мы были бы очень обязаны вам, если бы вы телеграфно сообщили о своем принципиальном согласии по адресу секретаря нашего комитета г. Жана Будкевича, 4, ул. Эдуарда VII, Париж.

Мы также ответим телеграфно на все могущие возникнуть у вас вопросы.

С этой же почтой мы просим г. В. В. Жуковского, члена Думы и вашей организации, быть нашим представителем в совете.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Председатель комитета *Ноэль*.

Члены комитета: *Вебер*, *Вивье де Стреелъ*.

Секретарь *Будкевич*.

1 июля 1916 г.

3.

Кооперация промышленности Франции и России.

Настоящая война вступила в период, позволяющий уже делать некоторые предположения о ее продолжительности, конечном результате и экономическом положении, которое установится после войны.

В самом деле, нравственное и материальное истощение Германии, которое становится яснее с каждым днем, может служить основой для расчета, что к концу 1916 года Германия и ее сообщники будут вынуждены просить мира и принять условия союзников.

Каковы будут эти условия с точек зрения политической и территориальной? Еще не время обсуждать этот вопрос. Но с точки зрения экономической можно уже утверждать с уверенностью, что союзники принудят Германию к таможенному договору, лучше, чем в прошлом, оберегающему промышленные интересы союзников.

Однако, бросая взгляд на главнейшие русские и французские промышленные центры, мы видим, что понадобится не меньше двух лет работы для приведения их в порядок после бомбардировки и немецкого грабежа. Результатом этого явится то, что после войны союзная промышленность, наполовину разоренная, встанет лицом к лицу с промышленностью германской, столь же сильной, как до войны, и мы считаем, что невыгодное положение союзных промышленников не может быть уравновешено статьями таможенного тарифа.

Кроме того, этот тариф, даже очень стеснительный вначале, не сможет предвидеть и парировать новые методы и изобретения, которые Германия постарается изыскать, чтобы во что бы то ни стало конкурировать со своими противниками. Принимая в соображение настойчивость германцев, мы не сомневаемся, что в короткое время после войны они сумеют ослабить, всякими правдами и неправдами, этот таможенный тариф, и он один, сам по себе, не сможет защитить экономические интересы союзников.

Надо признать, что в этой области, как и во многих других, французская печать первая подняла вопрос об экономической программе союзников после окончания войны, но ответа, который ожидается от правящих кругов, еще нет, а в это время центральные империи удваивают усилия в поисках экономической формулы, гарантирующей их от всех случайностей, могущих явиться после заключения мира.

Таким образом, не претендуя на компетентность в построении этой программы во всех ее деталях и в целях,

мы все-таки находим, что частная инициатива имеет право искать и проводить в жизнь формулы, которые она считает полезными и практическими для этого построения.

В самом деле, все, что может заключать такая программа, как бы обширна и подробна она ни была, сводится к следующему простому тезису:

«Чтобы конкурировать с Германией, надо, чтобы продукты были лучше изготовлены и дешевле продавались, чем продукты германские».

Весь вопрос в этом.

Совершенно естественно и логично, что, борясь с произведениями Германии, надо заместить их продуктами не германского происхождения, но удовлетворяющими покупщика в такой же степени, и в этой задаче французская изобретательность должна доказать, что умеет противопоставить немецким методам свои, еще более отвечающие потребностям народной массы.

Как мы уже сказали, будущая экономическая программа будет прежде всего покоиться на принципе лучшего изготовления и большей дешевизны сравнительно с Германией, и именно для достижения этой цели мы предпринимаем организацию кооперации промышленности Франции и России, которая, мы думаем, имеет полное право на существование.

Цель кооперации.

В группе союзников Франция и Россия, с экономической точки зрения, представляют настолько решающую силу, что одно их промышленное объединение, само по себе, хорошо организованное, сможет в начале новой эпохи, после окончания войны, дать делу желаемое направление. Потому мы и ставим в данный момент обе эти страны на первое место. С другой стороны, говоря о России, мы включаем в нее и Польшу, судьбы которой еще не решены окончательно, но которая может, во всяком случае, рассчитывать на очень широкую автономию.

У всех в памяти еще, что во время заключения франко-русского союза, считали, что этот политический акт сильно повлияет на развитие деловых сношений этих двух стран. Но действительность не оправдала ожиданий. Ошибка была следствием того, что экономическая жизнь обеих стран была организована не на одинаковых основаниях, почему и деловые отношения не могли развиваться без серьезных изменений в этих основаниях. Кроме того, и Германия зорко следила за каждой русской или французской попыткой в этой области, мешая этому развитию всякими интригами. Но все-таки ясно, что громадное будущее открывается для этих отношений, которые требуют для своего расцвета только организации и сочувственного отношения правящих кругов.

Одним из важнейших элементов этой организации, на наш взгляд, является кооперация промышленности обеих стран по плану, который мы тут представляем и проведение которого в жизнь будет делом учреждения скорее финансового характера.

Между факторами промышленного производства есть несколько, интересующих одинаково и французского и русского промышленника и влияющих особенно сильно на доходность производства, это: 1) покупка сырья, 2) кредит, 3) увеличение капитала обществ, 4) соединение промышленных обществ одинаковой сущности, 5) контроль производства, 6) эксплоатация внешних рынков и справедливое применение таможенного тарифа.

Все эти факторы (которые составляют предмет особого изложения), соединенные под знаком кооперации, представляют силу, которую надо противопоставить германской промышленности, если мы хотим остаться господами экономического положения. Следовательно, это финансовое учреждение сгруппирует французских и русских промышленников, связывая их общими им интересами, сорганизует и приведет в движение все вышеупомянутые факторы и сосредоточит в себе представительство интересов кооперантов.

Излишне доказывать, что закупка сырья, производимая за счет кооперации, понизит до нормального уровня его цены, что автоматически повле-

чет за собой понижение стоимости производства. Напротив, надо подчеркнуть, что промышленная кооперация укрепит положение промышленников по отношению к банкам, обеспечив всем их финансовым операциям минимальный процент, что также влияет на стоимость производства.

Наконец, избежание перепроизводства, благодаря общности интересов, и соглашение кооперантов относительно вывоза на внешние рынки дополняют программу, которую «Промышленная кооперация Франции и России» будет проводить в жизнь, на пользу обеих стран.

Резюмируем все сказанное: кооперация вызовет группировку областей французской и русской промышленности на почве их общих интересов, она организует их операции, финансовые и коммерческие, таким образом, что спрос и предложение кооперантов приобретает значительность на рынке — первый своей обширностью, второе — своими высокими качествами.

Проведение в жизнь проекта.

Мы намечаем создание банка с первоначальным капиталом в 25 милл. фр., который впоследствии может быть увеличен до 100 милл. Целью этого банка будет:

а) образование собрания в Париже уполномоченных русских и французских промышленников, группируя их по отраслям промышленности, имея право прямого вмешательства в сущность их кооперации;

б) посредничество в закупке сырых материалов за счет кооперативов, устроенных при помощи этого банка;

в) посредничество в операциях с французскими или другими банками, относящихся к учету портфеля кооперантов.

г) посредничество, в качестве представителя в валютных операциях кооперантов, путем приема и дачи определенных гарантий;

д) единственное участие во всех делах кооперантов, желающих увеличить свои капиталы, желающих соединить свои капиталы или основать новые предприятия;

е) ведение биржевых операций за счет кооперативов.

Выгодность дела для банка.

Можно предвидеть, что после войны реализация выпуска промышленных бумаг будет затруднительна и сильно стеснена. В самом деле, процент, предлагаемый государством, поднялся настолько, что нелегко будет в течение долгого времени разместить промышленные бумаги. Затем обесценение промышленных бумаг, размещенных в публике государственным банком до войны, слишком обескураживающе действует на публику, и вряд ли она, этот истинный банкир всех банков, позволит увлечь себя спекуляцией.

Очевидно, наконец, что для положения после войны характерным будет огромный спрос на сырые материалы, машины, металл и краткосрочный кредит — все это есть в программе кооперации промышленности Франции и России, и банк, взявший на себя инициативу создания этой кооперации, получит обширную и перворазрядную клиентуру, которая будет пользоваться банком как посредником, оставляя ему комиссию, на всех операциях. Это посредничество банка в валютных операциях за счет кооперативов будет солидной поддержкой ценности банковских бумаг в глазах публики, так что в надлежащий момент обращение банка к публике, когда дело будет итти о новой эмиссии, — будет принято публикой сочувственно.

Затем, в среде кооперантов банк легко сможет найти, в случае потребности, средства для увеличения своего капитала и поддержку промышленных знаний, столь необходимую в оценке промышленных предприятий.

Резюмируя все, скажем, что банк, обусловливая интересы кооперации, приобретет, с точки зрения профессиональной, специализацию и могущественную клиентуру; он выиграет в отношении авторитетности и значения, и, благодаря своей специализации, поставит себя под защиту банковых сфер, столь враждебных по отношению к молодым и более слабым организациям.

Так как идея «Кооперации промышленности России и Франции» встретила серьезное сочувствие в промышленной и политической среде Парижа, то в июне был образован комитет для организации банка, о котором мы говорили в этом изложении.

Состав комитета следующий:

Председатель — г-н Ноэль, кавалер ордена почетного легиона, — директор общества морских перевозок, представитель федерации французских промышленников.

Действительные члены: г-н Вебер, кавалер ордена почетного легиона, главный директор компании Конго-Убанги (франц. Конго). Г-н Пельтер, промышленник, вице-председатель синдиката казенных фабрикантов, кавалер ордена почетного легиона. Г-н Вивье де Стреель, кавалер ордена почетного легиона, главный директор земледельческого общества для Африки. Г-н Кларик де Вивье, кавалер ордена почетного легиона, промышленник. Г-н Гейзмар, плантатор и импортер африканского хлопка. Секретарь— Будкевич.

4.

Телеграмма комитета совета съездов председателю комитета промышленной кооперации Франции и России г. Ноэль 16 июля 1916 г.

Его высокопревосходительству г-ну Ноэль.

4, улица Эдуарда VII.

По изучении вашего отчета о взаимном сближении французской и русской промышленности совет съездов должен выразить прежде всего свое сочувствие замечательной инициативе французских промышленников. Совет ценит побуждения французских промышленников помочь своими капиталами развитию естественных богатств России и надеется, что необходимые условия, чтобы достичь эту цель возвышения экономической жизни в России в смысле свободы и равенства, будут осуществлены в скором времени. В то же время совет выражает свое восхищение пред героической энергией наших союзных братьев против общего врага и свою уверенность, что французские, как и русские, промышленники будут протестовать против преждевременного мира и что они не пожалеют всех своих сил, чтобы достичь победного конца согласно пожеланиям его величества и крепкой воле союзных народов.

Комитет совета съездов.

16 июля 1916 г.

5.

Письмо комитета совета съездов комитету промышленной кооперации Франции и России.

Милостивые государи.

В заседании совета съездов 2/14 августа с. г. В. В. Жуковским было доложено полученное им письмо ваше, одновременно адресованное и совету съездов представителей промышленности и торговли, но последним, к сожалению, не полученное.

Обсудив его, совет съездов постановил довести до вашего сведения нижеследующее:

Совет съездов вполне сочувствует организации в России финансового учреждения предлагаемого вами типа и считает своим долгом оказать возможное содействие его возникновению и развитию в России. Идея промышленного банка давно уже интересует совет съездов, и неоднократно учреждение наше возвращалось к ней. Нами разработан был и проект устава такого банка, прилагаемый при сем, для вашего ознакомления. Однако война помешала осуществлению этого весьма нужного в России учреждения, и потому совет съездов может лишь приветствовать постановку этого вопроса на ближайшую очередь мероприятий, обсуждаемых конференцией. Совет съездов должен указать, однако, что содействие осуществлению проектируемого вами финансового учреждения не может выразиться в форме посредственного участия совета съездов в создании его. Совет съездов является организацией общественной, непосредственно не ведущей никаких торговых

и промышленных операций и потому не могущей принять непосредственного участия в проектируемом вами деле, хотя, как это было уже указано, совет съездов готов оказать самое деятельное содействие инициаторам дела в общей форме выяснения разного рода условий, могущих быть полезными в устранении возможных препятствий, в осведомлении отдельных членов и широких торгово-промышленных кругов о задачах проектируемого учреждения и т. п.

Пользуясь, однако, тем доверием, которое было оказано совету съездов инициаторами предложения, и тем интересом к русским делам, который проявляют в настоящее время торгово-промышленные сферы союзных государств, совет съездов, со своей стороны, полагал бы необходимым поставить вопрос о более правильном и широком ознакомлении французских торгово-промышленных кругов с экономической жизнью России, вопрос, которому в настоящий момент совет съездов придает особенно важное значение.

Не подлежит сомнению, что экономические связи между Францией и Россией были до сих пор очень слабы: доказательство — цифры внешней торговли, в которых выражается товарообмен между обеими странами. Во Франции имеют слишком недостаточное представление о колоссальных экономических возможностях, представляемых Россией. Иностранная литература о России, в частности об ее экономической жизни и развитии, чрезвычайно бедна и полна часто самых нелепых и фантастических описаний. Даже тот, весьма несовершенный в настоящее время, способ ознакомления одной страны с другою — путешествия — почти не привлекают в Россию французов, несмотря на то, что знание французского языка в России очень распространено и очень часты и путешествия русских во Францию, хотя, к сожалению, и не с целью изучения ее торговой и промышленной жизни. Со стороны Франции нет, однако, и этого; без преувеличения можно сказать, что во Франции не знают о России ничего или имеют самые неверные о ней представления. Между тем, по мнению совета съездов, только достаточное взаимное ознакомление может создать прочные основы для взаимного сближения обеих сторон. В виду этого совет съездов полагал бы необходимым организацию ряда съездов представителей торгово-промышленных кругов обеих стран для того, чтобы обсудить ряд практических мер для устранения той неосведомленности, которая ныне так характерна для франко-русских экономических отношений. Съезд или съезды этого рода могли бы оказать существенную пользу и в тех переговорах, более общего характера, которые будут иметь место по окончании войны в целях борьбы с германским влиянием и выработкой основ экономического сближения союзников между собою. И в организации этих съездов совет съездов мог бы принять самое деятельное участие.

Из практических задач, которые могли бы быть поставлены на первую очередь, совет съездов полагал бы необходимым выяснить характер и размер спроса главным образом на сырье, который мог бы быть предъявлен к нам Францией по окончании войны. Россия вывозит большие количества хлеба и семян, леса, разных волокнистых материалов, шкуры, меха и проч. Наоборот, Россия заинтересована в привозе целого ряда изделий из металлов, главным образом машин разного рода, химических, фармацевтических и других продуктов, которые до сих пор получались почти исключительно из Германии. Возможно скорое и детальное выяснение потребностей одной и другой стороны позволило бы заблаговременно подготовить и существующие торгово-промышленные организации и частные предприятия к выполнению тех задач, которые были бы намечены проектируемыми съездами и совещаниями. На первой очереди вопросов, связанных с внутренним развитием России, стоит расширение сети железных дорог; в этом направлении предстоит сделать чрезвычайно много, и привлечение французских капиталов к железнодорожному стро-

ительству являлось бы крайне желательным. Этот вопрос, как и вопрос о промышленном банке, весьма интересует совет съездов, и прилагаемая при этом особая записка ознакомит вас с той точкой зрения, на которой стоит наша организация.

Наконец, как на один из шагов по пути к взаимному ознакомлению, совет съездов мог бы предложить издание на французском языке справочной книги в роде прилагаемого при сем «Статистического Ежегодника», из французского оглавления которого вы сможете судить об его содержании. Конечно, для французской публики характер издания должен быть несколько изменен, равно как должно быть пополнено и содержание его некоторыми новыми главами; но и в этом вопросе ваши указания могли бы быть чрезвычайно ценны.

Полагая, что в возможно скорой реализации проектируемого здесь сближения одинаково заинтересованы и вы и совет съездов как представитель целого ряда организаций русского торгово-промышленного класса, мы просили бы ответ ваш направить не только по адресу совета съездов, но и по следующим прилагаемым ниже адресам, дабы избежать случайностей, связанных ныне с расстройством почты.

Примите уверения...

Письмо ген. А. М. Стесселя ген. В. Г. Глазову о начале русско-японской войны

Крепость Порт-Артур, несмотря на громадные средства, затраченные с 1899 г. на ее вооружение, к началу русско-японской войны далеко не представляла собою «непреодолимой твердыни». На высотах Ляотешаня, главенствовавших над всей крепостью, вместо батарей, возвышался маяк. И в первом же бою с японским флотом крепость не выдержала испытания: в ответ на ожесточенную бомбардировку японских кораблей она вынуждена была молчать. Не выдержал экзамена на коменданта крепости в этом же бою и первый ее комендант ген.-ад. А. М. Стессель. На смену ему был назначен генер. Смирнов из Варшавы. Сдавая ему крепость, Стессель в своем прощальном приказе от 4 марта, № 223, между прочим, писал: «Начиная с 1899 г., я был свидетелем роста крепости, был свидетелем всех тяжелых работ, которые легли на начальников и солдат по устройству и вооружению; я как первый комендант Артура имел счастье видеть и крещение его первым огнем неприятеля, при чем славные защитники крепости имели счастье порадовать батюшку-царя отбитием всех трех бомбардировок. Благодаря необыкновенной энергии всех чинов, от старшего до младшего, Артур теперь представляет твердыню неодолимую для врага»... Местная газета «Новый Край» признала неудобным напечатание в очередном номере этого приказа, так как в нем была явная, ничем неприкрытая ложь [1]). Новый комендант крепости, объезжая линию фортов, пришел в ужас от открывшейся перед ним картины полной неподготовленности крепости к активной обороне.

Судьба крепости Порт-Артура всем хорошо известна: она была сдана японцам в январе 1905 года.

Ниже публикуемое письмо первого коменданта и «героя» Порт-Артура ген. А. М. Стесселя к его другу ген. В. Г. Глазову как нельзя лучше отражает то настроение и отношение к врагу, с которыми наше высшее командование вступило в войну с Японией. В письме к «дорогому другу» Стессель, в противоположность приказу 4 марта, был откровенен и искренно описал всю неподготовленность крепости и гарнизона к войне, выиграть которую он рассчитывал только при «божьей помощи».

Письмо Стесселя печатается здесь по подлиннику, хранящемуся в личном

---

[1]) Е. К. Ножин. Правда о Порт-Артуре, ч. I. СПБ. 1906 г., стр. 47.

архиве генерала В. Г. Глазова (Архивный кабинет Ленинградского Госуд. Университета).

В. Селиванов.

Порт-Артур.

16 марта [1904 г.].

Дорогой Владимир Гаврилович. Твое письмо, дорогого друга, чрезвычайно порадовало нас. Событий так много, что писать обо всем невозможно, но одно могу сказать, что пока все идет слава богу. Начну с начала и кратко расскажу все. 26-го у нас еще никаких разговоров о скорой войне не было, хотя все были мы уверены, что война будет. 26-го ночью наша эскадра стояла на наружном рейде, миноносцы были поставлены охранительной цепью впереди. 4 японских миноносца подошли и проникли к эскадре, они минами повредили «Цесаревича», «Ретвизана, и «Палладу». Если бы япоши, начиная войну таким воровским образом, пустили не 4, а 24 миноносца, то они бы упразднили нашу эскадру; если бы они в это же время сделали высадку на бухтах, ближайших к крепости, они бы могли произвести ночью большой фурор. Они 27 утром уже расклеили по своим городам лубочные картинки подобного захвата Артура, следовательно, картины были заготовлены заранее. Форты тогда не были готовы еще. Все это теперь для них невозвратимо потеряно. Крепость, благодаря моему новому Тотлебену, генералу Роману Сидоровичу Кондратенко, начальнику 7-ой бригады, приведена в такой вид, что не япошам ее взять. Войска давно уже сидят в фортах и твердо все... [1]) Воровское это нападение подняло дух наш, отвратило всех от японцев и произвело такой патриотический взрыв в России, которого бы без этого не было; япоши сыграли нам в руку. 27 подошла к Артуру эскадра из 16 судов, подошла близко; я был на батарее № 15 (Электрический утес), 10-ти дюймовые пушки, самая сильная батарея. Первые открыли огонь японцы, потом Электрический утес. По прошествии 20 минут в первых 2 судах показался белый дым, все от нас заволокло, и эскадра неприятеля стала удаляться. Всего бомбардировка продолжалась 1 ч. 10 м. У нас на батареях повреждений не было, убиты были на нашей батарее 2 человека, и ранено 5 человек. Так как наш пораненный «Ретвизан» стоял в проходе, то еженочно подходили миноносцы противника, но были отбиваемы; но в ночь с 10 на 12 февраля они решили затопить проход брандерами [1]) и ими же взорвать «Ретвизан», но затея эта не удалась: все 4 брандера мы затопили до прохода. Ночь была жестокая. 12 числа они вновь пришли с эскадрой из 12 судов и открыли бомбардировку, а другую часть судов послали в Голубиную бухту. Я думад, что там будет высадка, направил резервы. Бомбардировка велась ими с более дальнего расстояния, по в город ложилось больше. У Веры Алексеевны [2]) в саду осколочком убило ее петуха. Продолжалась она не более 35 минут. Убыль была небольшая. 27-го была 3-ья бомбардировка. Это была свирепая. [В] 6½ ч. они пошли за Ляотешань и начали громить перекидным огнем город. Выпустили они не менее 250—280 громадных 12-дюймовых бомб. Разрушений причинили немного, убили в городе 5 человек, из них 2 барынь; на батареях убыль всего 11 человек. Ночью после бомбардировки умерла бабушка у нас, не выдержала старуха. 4 марта приехал новый комендант ген. Смирнов. Я ему все сдал и хотел ехать, но 9 марта новая бомбардировка, но уже япоши стали больно осторожны и близко не подошли, а на Ляотешане я поставил батарею, да и из гавани перекидным огнем стреляли наши суда, а эскадра выходила вперед. Убитых у меня было 5 и раненых 12 человек. Смирнов в это время не был: он ездил в Ляоян к Линевичу. На эскадре у Макарова был уже в. кн. Кирилл Владимирович. В ночь с 13 на 14 была

[1]) Одно слово неразобрано.

[1]) Специальные суда, назначенные для сожжения неприятельских судов.

[2]) Жена ген. Стесселя.

произведена сильная минная атака на проход, и они привели опять 4 брандера, но все-таки их расстреляли с батарей и потопили они с вне [?] прохода. Когда японцы, экипаж, спасались, то все-таки они кричали «банзай» (ура). Нашли в одной каюте надпись капитана. Он написал, что просит русских моряков запомнить его имя, так как он приходил и на первых брандерах.

14-же я получил телеграмму наместника, что получилось высочайшее повеление о возложении на меня командования всеми войсками укрепленного района, с подчинением и коменданта крепости. Это временно. Приходится пока драться здесь, часть моего корпуса здесь; полагаю, что ранее, как чрез месяц или полтора, не попаду на Ялу. Куропаткин, кажется, сегодня в Ляояне. Все мы рады его назначению: хотя Линевич молодец, но уже стар. Наместника все любят, и мы надеемся, что история покажет, что сведения дипломатов и Петербурга много его связывали.

У нас, у Веры Алексеевны, живут 5 барынь, жены офицеров-моряков, ген. Никитин и весь детский приют — 8 детей. Вера Алексеевна молодец. Тебя я крепко [целую] и от души благодарю за прием Саши моего [1]).

Целую я ручки дорогой Александры Константиновны [2]). Поручаю вас вашим молитвам. Крепко, крепко тебя обнимаю.

Твой душой *А. Стесселъ*.

Бог даст, накладем японцам да еще к ним заберемся.

Революция 1905—1906 г.г. в донесениях иностранных дипломатов.

По словам жандармского полковника М. С. Комиссарова, с 1904 по 1906 год он стоял во главе особого секретнейшего бюро, организованного департаментом полиции для наблюдения за иностранными посольствами, послами и военными агентами. Это учреждение было тщательно законспирировано, и сам глава его — Комиссаров — два года жил нелегально «под другой фамилией, под видом иностранца», так как «малейший промах, малейшая неудача могли бы вызвать колоссальнейший скандал в Европе и все послы уехали бы из Петрограда». Целью бюро был — «политический контроль за державами», и, как уверяет глава бюро, он в то время «к внутренней политической жизни абсолютно никакого отношения не имел». Сведения добывались (на способе добывания Комиссаров подробно не останавливается), повидимому, по преимуществу из перлюстрации дипломатической корреспонденции, получаемой либо непосредственно с почты и телеграфа, либо путем краж из посольств («приходилось иметь сношение со служащими посольств»). Существование бюро создавало для министра внутренних дел «колоссальные преимущества, он был одним из самых интересных в это время», так как «не было дня, чтобы не посылалось 1—2 всеподданнейших доклада по поводу этих разработок сведений, полученных бюро».

В 1906 году, в виду появления в посольских кругах слухов о том, что «в Петрограде работает бюро, которое контролирует и хозяйничает во всех посольствах», — оно было раскассировано. Таковы крайне скупые сведения об этом любопытном, имевшем, по уверению Комиссарова, «колоссальное» значение («во время Портсмутского договора, — говорит Комиссаров, — мы знали все американские условия ранее, чем американский посол в Петрограде»), учреждении, не оставившем, повидимому, никаких следов, так как «большая часть архива была уничтожена как секретная» [3]).

При разборе отдельных документов архива совета министров (Архиво-

---

[1]) Сын Стесселя.

[2]) Жена Глазова.

[3]) Показания М. С. Комиссарова чрезвычайной комиссии Временного Правительства 4 мая 1917 года. «Падение царского режима». Ленгиз. 1925 г. Том III, стр. 140—142.

хранилище № 1 Ленинградского Центрального Исторического Архива) была обнаружена пачка всеподданнейших докладов министра внутренних дел, почти несомненно — продукт работы описанного комиссаровского бюро. Эти доклады, — действительно, почти ежедневные, — состоят из двух частей, — первой трафаретной — «Представляя при сем на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение переводы полученных департаментом полиции агентурным путем: (далее следует перечисление приложений), всеподданейшим долгом почитаю доложить, что копии означенных документов препровождены министру иностранных дел графу Ламздорфу (до 21 апреля 1906 года включительно, с 3 мая — министру иностранных дел действительному статскому советнику Извольскому)», подпись — министр внутренних дел П. Дурново (с 3 мая — Столыпин), — и второй — в виде выдержек из перлюстрированных дипломатических писем.

Перлюстрация захватывала дипломатическую корреспонденцию довольно широко. За период времени с 3 января по 12 июня 1906 года сделано было 68 докладов, в каждом докладе было приведено, в среднем, по три выдержки из перлюстрированных писем. Поскольку можно судить по перлюстрированным отрывкам о направлении интереса перлюстраторов, то здесь на основании, по крайней мере, той пачки (очевидно, не исчерпывающей всей совокупности соответствующих докладов министра внутренних дел), которая имелась в нашем распоряжении, можно сделать иные заключения, чем на основании повествований Комиссарова. Дипломатические вопросы, на которые усиленно напирает Комиссаров, как на единственный объект внимания бюро, в докладах занимают незначительное место и не выходят за пределы не имеющих значения мелочей и сплетен, и, наоборот, вопросы внутренней политической жизни России, — к ним, говорит Комиссаров, он в то время отношения не имел, — занимают в докладах первенствующее место.

В отношении вопросов политического движения в России перлюстраторы, очевидно, не делали никакого отбора добываемых из дипломатической корреспонденции сведений и включали во всеподданнейшие доклады все без исключения, что им удавалось найти, хотя бы простое упоминание о каком-либо лице или событии. По той тщательности, с какой производилась перлюстрация, в виду этого отбора сведений, исключительно почти касающихся внутренней политической жизни России, — ясно чувствуется то судорожное внимание, с каким русское правительство хотело уловить отношение официальных представителей иностранных держав к совершавшейся в России революции.

Революция в России принесла не мало хлопот и забот иностранным дипломатам. «Мое место, — откровенно жалуется бельгийский посланник (21 января), — прежде блестящее и приятное, стало весьма утомительным и испытывает нервы». «Блестящее и приятное» прошлое — это парады, балы, церемонии при царском дворе, с которыми «никакие торжества в Европе нельзя сравнить по роскоши и богатству всей обстановки». Португальский посланник (10 марта), давший столь восторженное описание придворной жизни, горестно восклицает: «И после подобной жизни уже третий год всему дипломатическому корпусу приходится жить тихо и уединенно». Португалец, подобно бельгийцу, жалуется на то, что «два года войны и год революции превратили пост дипломата в Петербурге из самого интересного в самый трудный и опасный».

Впрочем, не одно отсутствие балов «испытывает нервы» господ посланников. Революция занесла удар не только над отечественными капиталистами, но также и над капиталистами иностранными, и послам приходилось заботиться, как бы не пострадали интересы многочисленных «весьма важных и разбросанных по всей этой обширной территории» предприятий подданных их государств. Этими заботами обременены и центральные представители иностранных государств

и местные агенты (консулы). Особенно напуганы последние. Британский консул в Ростове на Дону (3 мая) считает нужным срочно донести Эдуарду Грею о напечатании и распространении 5.000 с.-д. воззваний. Британский же консул в Риге в своих заботах об английских подданных и их предприятиях дошел до того, что послал своему правительству 15 декабря 1905 года отчаянную телеграмму: «Положение дел весьма угрожающее; британские подданные просят о присылке военного судна для защиты их жизни и имущества». Военное судно на этот раз послано не было, и переборщившему консулу пришлось даже оправдываться за чрезмерное рвение. В целях оправдания он собрал и послал своему правительству составленные английскими промышленниками, обосновавшимися в Прибалтике, описание рижских событий. «Мы, конечно, не боимся самих рабочих», — уверенно заявляет один из этих промышленников, —но «конечно, дело примет другой оборот, если все соединенные партии рабочих, а рабочих надо считать около 50 тысяч человек в Риге, решатся уже теперь открыто действовать против правительства». «Очень многое зависит, — продолжает тот же не боящийся рабочих корреспондент, — конечно, от того, насколько будет за это время усилена численность войск». Английский промышленник не находит «достаточно слов для осуждения правительства» за то, что «не было прислано достаточное количество войск в ту минуту, когда они были так нужны». Впрочем, английские промышленники, получив все же в «нужную минуту» поддержку русского правительства, в конце концов были удовлетворены тем, что «выдержали характер, не закрыли фабрики и продолжали работать, что послужило интересам акционеров».

Вот именно, все дело и было в этих акционерах, интересы которых нарушались революцией, независимо от подданства их. И естественно, что в заботах об охране этих интересов от посягательств революции представители иностранных государств в оценке революции, в отношении к ней ничем не отличаются от официальных и ретроградных русских кругов. Румынский посланник (3 января) считает, что «большинство русских» — против революции, что «даже в деревнях мужики жгут, говоря, что они к этому, к сожалению, принуждены, так как, в противном случае, их самих сожгут», что все дело, следовательно, в подстрекателях, конечно, «евреях, интернациональных социалистах, сомнительных личностях» и т. п. Таков же и болгарский поверенный (13 января), рассуждающий о приверженности «огромного большинства» русского народа «особе императора», доходящей, по словам фантазирующего португальского посланника (10 марта), до того, что «в деревнях работники-революционеры, прежде чем поджигать усадьбы дворян, вырубать вековые березовые леса, крестились трижды и подбодряли друг друга словами: «За нашего батюшку царя». В подобных приведенным суждениях, обычных для рассматриваемой переписки, сплошь и рядом в самой неприкрытой форме выявляется самая зверская ненависть к восставшему народу. В этом отношении особенно яркими являются замечания советника британского посольства, Спринг-Райса, заменявшего отсутствовавшего посла (23 мая). Советник обеспокоен. — «Ожидаются беспорядки, не особенно, может быть, крупные, но неприятные во всяком случае. Крестьяне все больше от рук отбиваются; деньги, которые им выдаются по случаю голода, сразу пропиваются. Кажется, не найти исхода всему этому положению — невежество, да еще пьяное невежество, в течении столетий не может быть уничтожено в несколько недель конституционным режимом».

И, конечно, не «конституционного режима», а самых жестоких мер расправы хотели бы представители культурных стран для восставшего русского народа. Болгарский посланник считает даже (13 января), что русское правительство ограничивается «одним наблюдением за происходящим», оно «совершенно бездеятельно», и только «решительные охранительные меры»

министра внутренних дел Дурново несколько успокаивают волнения и опасения поверенного, находящего, однако, что только благодаря поздно принятым мерам после московского декабрьского восстания правительству удалось с большим трудом и после отчаянной и утомительной борьбы водворить относительный и временный мир и спокойствие. «Репрессия не есть реакция», поучает румынский посланник (15 января), выражающий надежду, что «правительство будет продолжать выказывать нужную энергию для восстановления порядка в провинции». С удовольствием отмечает и бельгийский посланник (21 января) «энергию» министра внутренних дел Дурново. Оценивая положение дел в Петербурге, секретарь британского посольства (7 марта) с удовлетворением замечает, что «в городе слишком много надежных войск, чтобы допустить до таких событий, какие произошли в Москве и других провинциальных городах». И, наконец, совершенную ясность в вопросе о репрессиях вносит австрийский посол (15 февраля). «За последние несколько недель, — пишет посол, — мы вернулись к системе Плеве. Ну, что вы хотите, чтобы делали с анархистами? Надо их истребить, но потом потребуется воссоздать и укрепить русское здание, расшатанное внешними и внутренними бурями».

Господа дипломаты не только предавались теоретическим рассуждениям о «системе Плеве», они имели возможность наблюдать применение этой системы. Бельгийский консул в Ростове на Дону так описывает (21 января) правительственные репрессии после подавления вооруженного восстания в городе. — «Военная администрация занялась с ожесточенной энергией репрессией; обыски производились в частных квартирах, общественных зданиях, даже в церквах (синагогах), аресты всех лиц, причастных к событиям последних дней, или даже только заподозренных в участии. Так, один адвокат был выслан только за то, что устроил у себя перевязочный пункт для раненых». «Все места заключений полны». «Первые ночи часто слышались ружейные залпы; по упорно циркулирующим слухам, расстреливались арестованные партиями, но проверить этот факт невозможно». «Трудно определить число убитых и раненых, так как официальных данных никаких не имеется. Вообще считают, что около станции было приблизительно 150 убитых и 350 раненых и в городе 40 убитых и 150 раненых». Сообщив эту трагическую картину безудержной расправы с восставшими, консул сейчас же успокаивает свое правительство: «бельгийские интересы не потерпели никаких материальных убытков».

Репрессии усиливались, революционное движение, казалось, пошло на убыль. В взволнованной среде международной буржуазии мало-помалу наступило спокойствие. Первыми, по сообщению бельгийского посланника (4 февраля), «очень успокоились» банкиры, «люди обыкновенно хорошо осведомленные». А за банкирами успокоились и их представители. Португальский посланник (10 марта) полагал, что «бальный сезон» начнется с открытием Государственной Думы. «Открытие Думы, — писал он, — предстоит в недалеком будущем, и тогда император, наверное, снова вернется в Петербург, в который вместе с двором вернется и прежняя интересная жизнь, полная движения, роскоши и блеска». Однако посланник ошибся. Балы начались раньше. «В Петербурге, — по словам секретаря британского посольства (21 марта), — несмотря на пост, больше оживления, чем я видел когда бы то ни было. Правительство доставило себе удовольствие после целого ряда суровых репрессивных мер; страна как будто спокойнее, и этот взрыв веселья является естественной реакцией после двух лет войны и революции».

Царь, просматривая письма иностранцев, доставленные ему из комиссаровского бюро в докладах министра внутренних дел, не мог не оставаться довольным тем, что высказывали относительно русских дел малые и большие представители иностранных держав. В письмах он находил по преимуществу те же взгляды, то же отношение

к совершавшимся событиям, что и среди окружающих его царедворцев, именно царедворцев, лакейски преданных ему, его двору. От этой дворцовой челяди ничем не отличались иностранные послы, а потому естественно, что и в них не только революционное движение масс, но и розоватое либеральное движение вызывает одну тревогу и ненависть, — тем более активную, чем сильней проявлялось сочувствие к русской революции народных масс тех стран, официальными представителями которых были авторы рассмотренной нами переписки [1]).

М. Г. Флеер.

Один из замыслов Ф. М. Достоевского.

С 1869 г. Вл. В. Кашпирев, близкий знакомый Ф. М. Достоевского, приступил к изданию ежемесячного учено-литературного и политического журнала «Заря». В редакции журнала большое участие принимал Н. Н. Страхов. В переписке Достоевского с Страховым есть признания Достоевского, что он сочувствовал журналу и выразил намерение принять участие. В 1870 г. (в январской и февральской книгах) Ф. М. Достоевский, действительно, напечатал там рассказ «Вечный муж». Но переписку с редакцией журнала через Н. Н. Страхова об участии в журнале он затеял раньше, в конце 1868 г. В письме же к Страхову из Флоренции 18/30 марта 1869 г. он уже определенно писал о замысле рассказа, который он даст в «Зарю». «У меня есть один рассказ, весьма небольшой, листа в 2 печатных, может быть, несколько более (в «Заре», может быть, займет листа 3 или даже $3^1/_2$). Этот рассказ я еще думал написать четыре года назад, в год смерти брата, в ответ на слова Ап. Григорьева, похвалившего мои «Записки из подполья» и сказавшего мне тогда: «Ты в этом роде и пиши». Но это не «Записки из подполья»; это совершенно другое по форме, хотя сущность та же, моя всегдашняя сущность, если только вы, Николай Николаевич, признаете и во мне, как у писателя, некоторую свою, особую сущность. Этот рассказ я могу написать очень скоро, так как нет ни одной строчки и ни единого слова, неясного для меня в этом рассказе. Притом же много уж и з а п и с а н о (хотя еще ничего не написано). Этот рассказ я могу кончить и выслать в редакцию гораздо раньше первого сентября (хотя, впрочем, думаю, вам раньше и не надо; не в летних же месяцах будете вы меня печатать!). Одним словом, я могу его выслать даже через д в а месяца [2]). И вот все, чем в нынешнем году я в состоянии принять участие в «Заре», несмотря на все желания писать туда, где пишете вы, Данилевский, Градовский и Майков». (Биография, письма, 274 стр.)

Одновременно с письмом, а может быть позднее, Д. в той же тетради, где записывал материалы к «Вечному мужу» и «Идиоту», набрасывает на нескольких страницах план нового рассказа для «Зари», назвав его «Замыслом». Замысел остался неосуществленным. Общего у него с «Вечным мужем» нет ничего. Поскольку и этот замышляемый рассказ предназначался Д. для «Зари», для нас остается в силе намерение Д. писать для «Зари» так, как он говорит в письме к Страхову.

Вопрос о том, почему Достоевский забросил этот замысел и не вернулся к нему, не решается тем, что Достоевский стал писать другой рассказ «Вечный муж», что и отвлекло его.

Не будем решать вопрос о причинах появления замысла, и сосредоточимся на том, почему Достоевский откинул мысль о разработке замысла в рассказ.

Достоевский подчеркнул в письме, что в рассказе для «Зари» он хочет вложить много л и ч н о г о. В самом

---

[1]) Об отражении революции 1905 г. за границей см. сообщение С. Залкинда. «Красный Архив». 1925 г., том IX, стр. 32—55.

[2]) На самом деле Д., можно предполагать, дал позднее редакции свою рукопись рассказа «Вечный муж».

тексте записанного Д. плана рассказа в «Зарю» можно обнаружить, почему он так подчеркнул мысль о своей «сущности». Каждый писатель имеет свою сущность,—это, безусловно, верно и не вызывает возражений по существу. Совершенно бесспорно, что всякий художник смотрит на мир по-своему и изображает, показывает этот мир в своих образах. Но Достоевский, задумывая дать в рассказе «свою сущность», намеревался написать рассказ в стиле П у ш к и н а.

В заголовке замысла он пишет как раз о намерении подражать Пушкину, а в письме к Страхову заранее оговаривает наличность в рассказе своей «сущности». Нам кажется, в этом кроется разгадка, почему замысел был оставлен Достоевским без завершения. В самой попытке была уже обреченность на неудачу: Достоевский намерен писать в художественном стиле Пушкина, но сберечь и выразить себя. Стиль есть нечто о р г а н и ч е с к о е, г л у б о к о е, стиль — синтез художественного восприятия и художественного изображения (и его средств), обусловленный в большей степени социальными предпосылками, чем л и ч н ы м восприятием. Головой Достоевский воспринимал Пушкина, но претворить его художественную манеру в свою манеру он, конечно, не мог. Поэтому и замысел этот следует рассматривать, как ложную попытку Достоевского подражать Пушкину, художественному методу которого он был несроден, далек. Потому бесплодной стала попытка Д. подражать Пушкину.

Чтобы показать, насколько различны манеры писания Пушкина и Достоевского, различны их художественные стили, приведем для сравнения с замыслом Достоевского текст замысла Пушкина одной из первоначальных программ «Капитанской дочки».

«Метель — кабак — разбойничий вожатый. — Шванвич старший. — Молодой человек едет к соседу, бывшему воеводой. — Мария Александровна сосватана за племянника одного любимца. — Младший Шванвич встречает разбойничьего вожатого — вступает к Пугачеву. Он предводительствует шайкой. Является к Марии Александровне. Спасает семейство и всех.

Последняя сцена — мужики отца его бунтуют, он едет на помощь. — Приезжает. — Пугачев разбит. Молодой Шванвич взят. Отец едет просить. Орлов. Екатерина. Дитерот. — Казнь Пугачева».

У Пушкина рассказ быстро движется вперед. Сюжет стройно располагается в порядке. Длиннот и повторений, свидетельствующих о том, как бьется писатель над изображением психологических подробностей, нет вовсе. Не то у Достоевского. Вот текст замысла Достоевского, который полон именно «сущностью» его, обилием психологических подробностей. И каждая новая психологическая деталь отдаляла Достоевского от взятого образца.

Сообщил *Н. Бельчиков.*

ЗАМЫСЕЛ [1]).

Рассказ вроде пушкинского. (Краткий, без объяснений, психологически-откровенный и простодушный.)

План для рассказа (в Зарю).

Умирает богатая барыня. У ней воспитанница (в институте), потом подле барыни. У воспитанницы темное семейство, мать пьет, так что при жизни барыни ей велено чуждаться. Ей обещаны в таком случае 20.000 или в приданое или по завещанию. Но старуха умирает, не сделав завещания, и 20.000 лопнули. Оказывается законным наследником старший племянник, о котором и не слыхивала прежде о н а, и о котором покойная барыня относилась, как о бесчестившем род. Но ему досталось. В доме остались старые старухи, родственницы дамы (одна из них держит сторону племянника, ибо ближе к нему, сродни и рада за него. Она приживалка и добродушно заважничала над другими приживалками. Он же ее потом первую и погнал

[1]) Текст «Замысла» записан в тетрадь № 4, на стр. 65—70.

и взял в тиски). Старухи и тетки уговаривают воспитанницу не возвращаться покамест в семейство, а подождать приезда наследника (может-де, он и спечалуется и н а г р а д и т ее (20.000). Всего более уговаривает старуха-родственница племянника, расхваливая его, другие же не расхваливают, а напротив качают головами и боятся его прибытия; много уж слишком об нем дурных слухов идет.

NB. Странно то, что в этих дурных слухах нет ничего определенного. Чем именно дурен? Скупец, мститель, ростовщик, и вдруг слухи совсем противные. В гусарах бывши, имение прокутил и проч.

Впрочем воспитаннице оставаться в дому довольно прилично: она ходит за одной сильно-прихворнувшей старой теткой-приживалкою.

NBNB. Отец у ней изящный человек, приживальщик за границей Д у р о в.

С л у х о т р у с о в с т в е.

Но является и он: странный, озирающийся, подозрителен, смотрящий на ночь за шкапами и за постелями (трус) недоверчивый, язвительный. Язвительно и недоверчиво принимает наследство, считает. Огорошил старуху-родственницу, сдававшую ему дом, и взял в к л ю ч н и ц ы [1]) другую, бойкую, задорную и ему с виду противоречившую (но льстивую). Родственница [2]) оттого стала больна. Задорная насплетничала ему на воспитанницу и что та ожидает н а г р а д ы. «А вот мы посмотрим; теперь еще некогда». Он впрочем е е видел мельком; она его поразила. Отнесся двусмысленно, подозрительно и с насмешкой. но оставил объяснение и знакомство (что именно оставил? не определил, какое-то как будто решение судьбы воспитанницы, так что старухи удивляются). Далее в бесконечности долгов, документов и заемных писем, покойная барыня все прощала (кстати: любила в ы д а в а т ь з а м у ж) но сохраняла документы. Наследник решает преследовать, горячо, горько и язвительно обращается с умоляющими кредиторами, посещает их семейства (дома бука, неразговорчив, боится когда кто к нему входит нечаянно, отделал сарказмами доктора, иногда вдруг очень остроумен. Встреча с калекой (?) девочкой 12 лет швейцара. Враждебность отношений к девочке. Несколько возмутительных сцен недоверия, жадности и жестокосердия к кредиторам. Воспитанница замечает, что (он) в нем как бы оскорблено тщеславие. Однажды только в антрактах послал за ней и попросил спеть (и то по поводу оценки дорогого фортепиано, купленного для воспитанницы). Несколько колких слов его по поводу покупки и легкий, короткий остроумно-язвительный и загадочный разговор с воспитанницей.

Между тем он вдруг идет в дом воспитанницы и знакомится (или эстетик-Дуров или артиллерийский полковник. или полная гадость с эстетиком). Призывает наконец воспитанницу вечером. Разговор с его стороны недоверчивый, даже обидный, и о 20.000. Но поражен я в н о неподклонностию с ее стороны, нельстивостию, хотя и робостию, мало-по-мало вдруг доверяется.

(Вообще это т и п. Главная черта мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной, оскорбительной недоверчивости. (NB. Он наивен и угловат, резок от какого-то н а м е р е н н о г о р а с п у щ е н и я, но, странно, когда надо—чрезвычайно развязен и светский (гусар), так что даже весь переменяется. Но это только минуты. Эта потребность судорожна и нетерпелива, так что он с страшною наивностью (горькою, сожаления достойною, даже трогательною наивностью) бросается вдруг на людей и разумеется получает щелчки, но получив щелчок раз — не прощает, н и ч е г о н е з а б ы в а е т, страдает, обращает в трагедию).

Она его мало-по-малу пленяет, доверяет (и вдруг опять отпор, мизантропическая злоба и насмешки), но наконец почти совсем прояснел, обещает 20.000 (но осторожно, скуп) и говорит:

---

[1]) Д. поставил около этого слова знак в виде крестика.

[2]) В рукописи «родственницу».

будет, будет и на нашей улице праздник.

Рассказывает ей жизнь свою, бия себя в грудь.

Отучает ее от доверчивости.

Рассказывает как с ним поступили.

Но наконец прояснел: эпизоды: прогулки в одиночку, испугался и заподозрел ребенка. (Эпизод ее удививший) боится чтоб его не отравили. О н а с ним робка, он ее поразил трагичностью своих приемов, но возбудил симпатию, прогулки (сон Обломова, полная доверчивость). Она доверяется, ободряется и говорит ему о должниках [1]), чтоб их защитить.

К удивлению, узнает, что он многим кредиторам простил, многим облагодетельствовал, но вот как они со мной поступили.

Сцена любви между ними и вдруг недоверчивость.

Он ее испытывает.

Он даже подслушивает.

Прежние проченные ей женихи. Чиновник солидный (его испытывает, м о л о д о й ч е л о в е к).

Молодого человека ревнует. Между ними почти разрыв.

№ (№ М и м о х о д о м. Тут множество эпизодов с семейством кредиторов и с ее семейством, эстетик, брат. Являются разные лица из его прежней жизни, гости к нему, один граф, он ревнует ее. И наивен в подозрениях и благородно горд — все вместе).

Прекрасен, правдив, чист до крайности — и не может высказаться, чтоб быть понятым и любимым, не понимает этого и страдает.

Слишком грубо смотрит на мир, потому что требует от него чрезвычайной чистоты и не прощает ничего.

Христианин, но не терпит христианства.

«Я все прощаю, но оставьте меня в покое, я в подполье».

Наконец он ее надорвал, ей тяжело, между ними слезы и проч.

№. Г л а в н о е. Он совершенно влюблен и как бы решено жениться, но ни разу он не был настолько доверчив, чтобы сделать предложение.

На нее наговаривают даже ее родные, и он так подл, что слушает, идет исследовать разные фантастические эпизоды, верит ужасным подлостям и глубоко страдает за свою подлость, когда видит что вздор.

Но насколько подозрителен, настолько и доверчив.

(Кается во грехах. «Грешен, многогрешен». Ей рассказывает раз она заговорила о трусости, (о пощечине), он заподозрел и замс[л]к, и затем страдание, мрак и холодность.

Затем они как бы сходятся и мирятся.

Является вдруг в Москву знатный дом — барыня друг (но не родня) покойной барыне (мать крестная воспитаннице).

Дела у них с ним. Требуют воспитанницу; та с радостию пошла к ним (Варя) с отцом.

Новый для нее мир, балы, светскость. Он является (прежде у него о высшем обществе часто юмор) в общество во фраке, его страдания.

У него мысль, что она хочет его ревностию заставить высказаться.

Эпизод с пощечиной. Он переносит пощечину (или перенес еще прежде).

Она [1]) влюбляется в графа, или только так. С ней делают у барыни светской подлость ужасную. Он за нее заступился, получив плюху, стрелялся, но не стрелял (сам был вызван).

Но девушка ушла в семейство. Его отвергла, не вынесла, хотя бесконечно любит (или он не может простить, а она знает, что он не может простить).

Вообще как-нибудь трагически, но и беспрерывный комизм, веселый, разнообразный и тонкий.

№. Можно так: что когда она его оставила и перешла к светской барыне, он к хромой девченке, чтоб любить [2]), вышла история, ему глубокий щелчок.

Вообще ему со всех сторон щелчки.

---

[1]) Первоначально: «кредиторах», потом зачеркнуто и сверху надписано «должниках».

[1]) Первоначально: «С ней», затем зачеркнуто.

[2]) «Чтоб любить» написано сверху слов: «хромой девченке».

(Может быть застрелился.)

(Можно так, что хромоногая не выдержала в ненависти ревности (тщеславной и эгоистической), что он все еще любит ее и хочет возвратить и бежала от него из дому. Ночью преследование (над строкой: но увлекает). (Мертвая девочка из злобы сама себя довела до смерти. Искалеченная от избитости.)

№. Или милый тип à la O—ff [1]), или убийца серьезный из подполья. —

№.

Когда у них были радостные и спознавшиеся минуты, он ей рассказывает удивительно-веселые и милые истории, где он герой комизма и двойственности (Марья Степановна).

№. Есть одна княжна (великосветская кокетка), которая еще прежде имела на него права! Теперь как он получил наследство она к нему. (Этого-то он боится и ждет.) Княжна приехала с знатным домом. Она оскорбляет воспитанницу. Он за нее заступается; ему дают пощечину. Дуэль. И однако воспитанницу все-таки изобличают с любовником.

(№. Или так: Она им пленилась и характером и даже состраданием. Молодому человеку отказывает. Того берет под покровительство княжна.

Молодой человек на нее же клевещет. Между тем княжна заставляет-таки его на себе жениться. Он дошел до того, что предлагает воспитаннице даже деньги. Та не берет и бежит к себе.

М. Г. клеветавший на нее топится, тот в отчаянии; но один из домашних, брат, уговаривают его повенчаться увозом. Венчаются. Он в восторге, что теперь можно не бояться княжны.

Как только умерла барыня, к воспитаннице, ждущей наследства с приживалками, мимоходом и совершенно нечаянно заезжает брат, пьяный гусар. Считает деньги, мало. Она выносит ему последние свои 150 р. Тот вытаращил глаза: Правда? Правда? Даешь? Ну жди ж теперь, отплачу!

И отплачивает потом тем, что 1-х у него в секундантах и заставляет его драться.

2) На ее признание: люблю его, — сначала говорит ей, есть во што, а потом заставляет его жениться увозом.

Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

После подавления революции 1905 г., с введением положения о чрезвычайной охране, казни по приговорам действовавших по этому положению военных судов стали до такой степени обыденным явлением, что соответствующим органам правительственного аппарата пришлось подумать, так сказать, о технике их.

В архиве б. канцелярии петербургского градоначальника сохранилась специальная переписка за 1907—8 г.г. между градоначальством и управлением Кронштадтской крепости, в ведении которой находилось знаменитое место казни — Лисий Нос, об исполнении приговоров военного суда.

Комментарии к переписке лишь ослабили бы то впечатление об обстановке, вызвавшей к жизни подобные документы, которое создается до жути сухим, деловым тоном рассуждения об «удобстве» или «неудобстве» места казни, просьб о присылке палача, оплате работ по рытью могил и т. д. Печатаемые документы извлечены из хранящегося в Ленинградском Губархиве фонда канцелярии петербургского градоначальника по отделу судного делопроизводства (Дело № 371, ч. I: «О порядке приведения в исполнение приговоров СПБ. военно-окружного суда»).

Т. Шатилова.

---

[1]) Не Огарев ли, Ник. Платонович, к которому Д. относился хорошо. См. «Письма Ф. М. Дост. к жене», изд. Центрархива. Гиз. 1926 г., стр. 314.

1.

Отношение департамента полиции на имя петербургского градоначальника от 13 июля 1907 г. за № 112. 162.

Совершенно секретно.

В собственные руки.

С.-петербургский губернатор, сообщив по поводу совершенной 28 минувшего июня на «Лисьем Носу» казни осужденных приговором петербургского военно-окружного суда от 18/19 того же июня потомственного почетного гражданина Николая Любомудрова и крестьян Ивана Пукжлиса и Николая Сидорова [1]), о неудобствах приведения в исполнение смертных приговоров вне гор. С.-Петербурга, вместе с тем указал, что, по его мнению, наиболее подходящими местами являлись бы для этой цели расположенные в городской черте Кронверский арсенал в Александровском парке и Холерное кладбище на Куликовом Поле, из коих первый отделен от С.-Петербургской крепости речным проливом, окружен глубокими каналами, необитаем и имеет совершенно закрытый, местами немощеный двор, а второе закрыто для погребения с 1870 года, не снабжено никакими постройками, кроме небольшого здания, в котором живет кладбищенский сторож, обнесено высоким досчатым забором, расположено в уединенной местности вблизи С.-петербургской тюрьмы и никем не посещается. Также мог бы служить, по мнению шталмейстера Зиновьева, для приведения в исполнение смертных приговоров закрытый двор с воротами на Арсенальную улицу нового арсенала.

Вследствие сего департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать сообщить в возможно непродолжительном времени ваше заключение по существу вышеизложенных соображений губернатора для доклада господину министру внутренних дел.

И. д. директора *Курлов*.

За делопроизводителя *Блажчук*.

[1]) Казнены за экспроприацию.

2.

Отношение петербургского градоначальника на имя директора департамента полиции от 15 июля 1907 г. за № 8124.

Совершенно секретно.

В. срочно.

Вследствие отношения от 13 сего июля за № 112.162 имею честь уведомить ваше превосходительство, что приведение в исполнение смертных приговоров в пределах городской черты я признаю неудобным и небезопасным. Если может явиться опасение, что место казни в уединенной местности за пределами города не вполне ограждено от взоров любопытных, то тем более такое опасение должно иметь значение при выборе места казни под открытым небом в пределах заселенных районов города. Ни одно из указанных в отзыве № 112.162 мест, т.-е. ни Куликово поле, ни Кронверский арсенал, ни двор нового арсенала, не подходяще для указанной цели, к тому же и со стороны военного начальства в этом отношении встречаются категорические возражения. Место погребения должно находиться у самого места казни. Между тем ни Кронверский арсенал, ни двор нового арсенала не могут служить для этой цели. В случаях же погребения казненных преступников на б. Холерном кладбище Куликова Поля или около другого городского кладбища, к местам этим неминуемо начнется демонстративное паломничество неблагонадежного в политическом отношении элемента, что может дать еще один новый повод к беспорядкам в столице.

В виду изложенного я остаюсь при мнении, что местность «Лисий Нос», на которой уже неоднократно и без всяких осложнений приводились в исполнение смертные приговоры, представляется и впредь для этого наиболее удобным местом. Из прилагаемого же подлинного объяснения [1]), подписан-

[1]) «Объяснение» это от 12 июля 1907 г. не представляет интереса, так как соображения об «удобстве» «Лисьего Но-

ного должностными лицами, присутствовавшими при казни на «Лисьем Носу» 28 минувшего июня, ваше превосходительство благоволите усмотреть, что никаких неудобств при совершении этой казни фактически не было.

Ген.-майор *Вендорф*.

Управляющий канцелярией *Никифоров*.

Секретная записка на имя с.-петербургского градоначальника.

Секретно.

Сего числа, при исполнении нами возложенного на нас поручения по осмотру местности, предназначенной для приведения в исполнение приговора над присужденными к смертной казни, мы выяснили, что перевозка преступников и конвоя к месту казни («Лисий Нос») по Приморской ж. д. от станции «Новая Деревня» не представляет удобств, так как на станции этой, благодаря летнему времени, постоянно находится масса отъезжающих и приезжающих дачников. Поездов, отходящих от «Новой Деревни», 21 поезд, приходящих в «Новую Деревню», 21. Путь следования от станции «Новая Деревня» (Приморской ж. д.) до ст. «Лисий Нос» (Кронштадтской линии Сестрорецкой дороги) лежит чрез станции «Дамба» (разъезд), «Лахта» и «Раздельная», населенные дачниками. На станции «Раздельная» пересадка к станции «Лисий Нос». От станции «Раздельная» до станции «Лисий Нос» ходят 9 поездов в сутки (до пристани), и от пристани «Лисий Нос» до станции «Раздельная» тоже 9 поездов. Наиболее удобным способом доставки преступников к месту казни является перевозка их морем от Петербурга через Морской канал или Невский фарватер к Кронштадту на пристань «Лисий Нос» (подробный доклад представит заведывающий 3-й дистанцией спб. речной полиции подполковник Свешников [1]). Таковая перевозка удобна тем, что суда, имеющие выполнить это поручение, подойдя к пристани «Лисий Нос» в период времени от 12 час. 30 мин. ночи до 7 час. 35 мин. утра, могут произвести высадку приговоренных, каковая совершенно незаметна, так как в это время ни поезда, ни пароходы не ходят. (Первый поезд на «Лисий Нос» приходит в 8 ч. 8 мин. утра, и первый поезд отходит от «Лисьего Носа» на станцию «Раздельная» в 7 ч. 40 мин. утра. Последний поезд приходит на «Лисий Нос» в 12 ч. 23 мин. ночи и отходит от «Лисьего Носа» на ст. «Раздельная» в 11 ч. 55 мин. Первый пароход приходит на «Лисий Нос» из Кронштадта в 7 ч. 35 мин. утра, и первый пароход уходит с «Лисьего Носа» в Кронштадт в 8 ч. 15 мин. утра. Последний пароход приходит из Кронштадта в 11 ч. 50 мин. ночи и уходит в Кронштадт в 12 ч. 30 м. ночи.) В остальное время пристань «Лисий Нос», представляющая из себя узкую дамбу, вдающуюся в море на протяжении 730 шагов, совершенно безлюдна. Путь от пристани «Лисий Нос» до места казни, расположенного в лесу, лежит совершенно скрытно, тотчас по сходе с дамбы на берег, занимает протяжение $1^1/_4$ версты и может быть пройден в 15 минут по хорошей дороге. Вблизи места казни расположены пороховые погреба, которые с прилегающей к ним местностью охраняются часовыми от караула 2-го крепостного Кронштадтского полка. Караул — унтер-офицерский. На правах дежурного по караулам при карауле находится того же полка прапорщик Петров, состоящий в непосредственном подчинении коменданта Кронштадтской крепости генерал-лейтенанта Гусакова, без предписания которого допустить к названной местности никого не может. В ведении того же прапорщика Петрова находятся предметы, необходимые для производства казни. Местность пороховых погребов и места

са» как места казни, излагаемые в нем, представляют собой повторение публикуемой вслед за данным отношением градоначальника секретной записки от 25 июня 1907 г. Записка эта сообщает об осмотре места, выбранного для казни *Т. Ш.*

[1]) Доклада в деле нет. *Т. Ш.*

казни лесистая, безлюдная и вполне соответствует этому назначению. На случай приведения в исполнение приговора в местности «Лисий Нос» начальник караула должен быть об этом предупрежден комендантом Кронштадтской крепости официальной бумагой, так как ему необходимо некоторое время на приготовление эшафота и принадлежностей, и без письменного приказания высадку на пристани он не разрешит.

Чиновник особых поручений *Муре*.

Штабс-капитан *Михайлов*.

Помощник управляющего речной полицией подполковник *Свешников*.

25 июня 1907 г.

4.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 16 июля 1907 г. за № 382.

Секретно.

Спешно.

Участившиеся в последнее время присылки преступников не военного звания на «Лисий Нос» для совершения над ними казни вынуждают меня просить ваше превосходительство, впредь до отмены казни в пределах вверенной мне крепости, о нижеследующем: 1) сообщать о присылке не позже, как за сутки до дня казни, 2) присылать заранее для сборки и разборки виселицы, для перетаскивания трупов от места казни к могилам, а также и для вырытия могил и зарытия казненных особых лиц.

Лица эти должны явиться заранее в штаб Кронштадтской крепости для получения пропуска к месту казни.

Назначать постоянных вольнонаемных служащих в крепости лишь для совершения указанных работ я не могу, так как они могут отказаться от работы, а тем более поручать это чинам караула, нанимать же особых лиц для перечисленных работ я не имею средств, да вдобавок это не входит в число моих обязанностей как коменданта крепости.

С моей стороны будет приказано лишь допустить к месту казни для совершения ее и охранять от покушений злонамеренных лиц.

Убедительно прошу ваше превосходительство, если нельзя совершенно отклонить производство казни в пределах вверенной мне крепости, то избавить чинов крепости от производства несоответствующих их службе работ и от участия в самой казни и предоставить министерству внутренних дел привозить с собой мастеров, могилокопателей, мешки и известь, необходимую для засыпки трупов.

Комендант крепости генерал-лейтенант *Гусаков*.

И. д. начальника штаба подполковник (подпись неразборчива).

5.

Отношение петербургского градоначальника на имя коменданта Кронштадтской крепости от ... июля 190.. г. за № ... [1]).

Вследствие отношения от 16 сего июля за № 382 прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным нужных людей для постройки виселицы, приготовления могил и зарывания казненных нанимать из вольных людей, за плату, которая будет мною выдаваться из средств, отпускаемых на эту цель департаментом полиции.

К сему присовокупляю, что при каждом отправлении преступников на «Лисий Нос» для ускорения сообщения я буду посылать на ваше имя следующую условную телеграмму: «Шлем, отсылается такого-то числа и часа».

6.

Рапорт начальника жандармской команды Кронштадтской крепости коменданту крепости от 25 сент. 1907 г. за № 149.

Секретно.

Сего 25 сентября на станции «Лисий Нос» была совершена казнь через пове-

[1]) Печатаем по отпуску отношения.

жение семи государственных преступников; по окончании ее рабочие кронштадтского инженерного управления отказались переносить трупы казненных от виселицы к могилам и зарывать последние, мотивируя свой отказ малым вознаграждением за это; лишь при помощи машиниста и шкипера парохода «Рабочий» вышеозначенного управления удалось избежать крайне нежелательный инцидент — оставление незарытыми на неопределенное время трупов казненных. Во избежание на будущее время подобных случайностей, прошу ходатайства пред с.-петербургским градоначальником о назначении для вышеназванной цели особых рабочих, на коих возлагалась бы не только уборка и зарытие трупов казненных, но и постановка и уборка виселицы.

Полковник *Косторев*.

7.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 26 сент. 1907 г. за № 477.

Секретно.

Препровождая настоящий рапорт, убедительнейше прошу ваше превосходительство, не будет ли на будущее время признано возможным, во избежание инцидентов, подобных изложенному в настоящем рапорте, назначать рабочих не только для уборки и зарытия трупов казненных государственных преступников, но и постановки, а также и уборки виселицы, так как при повторении сказанных инцидентов могут оказаться тела казненных не убранными да и сама виселица не приготовленною.

О последующем вашем решении, а также и распоряжении прошу не отказать уведомить меня для моих распоряжений в будущем.

Комендант крепости генерал-лейтенант *Гусаков*.

Вр. и д. начальника штаба полковник (подпись).

8.

Отношение петербургского градоначальника на имя коменданта Кронштадтской крепости от 9 октября 1907 г. за № 11478 [1].

Секретно.

Вследствие отношения от за № имею честь уведомить ваше превосходительство, что я нахожу возможным на будущее время уплачивать каждому рабочему по 3 рубля, а мастеру по постройке виселицы 5 рублей из средств, находящихся в моем распоряжении. Вместе с тем прошу вас о назначении по моим телеграммам об отправлении «Шлем» — рабочих для вышеуказанной цели и мастера, более сведующего с постановкой [?] виселицы, так как в последний раз чинами прокурорского надзора было усмотрено, что стропила виселицы совершенно ветхи, а столбы расшатаны.

9.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 27 февраля 1908 г. за № 118.

Секретно.

Два последних распоряжения вашего превосходительства о приведении в исполнение смертных приговоров были мною получены лишь в 7 часов вечера.

Времени для моих распоряжений, а главное, для найма рабочих, доставки их на «Лисий Нос» и производства всех подготовительных работ — оставалось слишком мало.

В виду изложенного, прошу ваше превосходительство направлять ко мне ваши распоряжения возможно раньше и с таким, по возможности, расчетом времени, чтобы в моем распоряжении от их получения и до прибытия приговоренных оставалось не менее 20 часов времени.

Прошу еще принять во внимание, что при наступающей весенней погоде состояние льда мало-по-малу становится

[1] Печатается по отпуску отношения.

плохо надежным, и скоро наступит такое время, когда переезд из Кронштадта на «Лисий Нос», требуя для своего совершения все большего и большего времени днем, будет сопряжен с полною опасностью в темное время, и, наконец, станет невозможным.

Поэтому, если только это исполнимо, просил бы избавить меня от означенных забот, хотя бы до открытия навигации, если вообще не будет ли признано полезным назначить для совершения казней иное место.

Генерал-лейтенант *Гусаков*.
И. д. начальника штаба подполковник
(подпись).

10.

Отношение петербургского градоначальника на имя петербургского губернатора от 2 марта 1908 г. за № 2488 [1]).

Срочно.
Секретно.

Комендант Кронштадтской крепости отношением от 27 февраля с. г. за № 118 уведомил меня, что при наступлении весенней погоды состояние льда мало-по-малу становится плохо надежным и скоро наступит такое время, когда переезд из Кронштадта на «Лисий Нос» сделается совершенно невозможным, а потому просит избавить его от найма рабочих, доставления их на «Лисий Нос» и производства всех подготовительных работ при исполнении смертных приговоров.

Сообщая об изложенном, прошу ваше превосходительство принять на себя распоряжение о найме рабочих для устройства виселицы и копанья могильных ям.

11.

Отношение и. д. эстляндского губернатора на имя петербургского градоначальника от 6 марта 1908 г. за № 1051.

Спешно.
Секретно.

25 минувшего февраля я получил от временного прибалтийского генерал-губернатора предложение от 23 февраля за № 437 следующего содержания:

«Ввиду значительного уменьшения в настоящее время числа лиц, подлежащих смертной казни по приговорам военных судов, а также, чтобы освободить войска от излишних нарядов для расстреливания осужденных преступников, предлагаю вашему превосходительству сделать соответствующее распоряжение для приведения смертных приговоров в исполнение через повешение.

Впредь смертные приговоры через повешение я буду утверждать без замены их через расстреляние».

Принимая во внимание, что смертная казнь чрез повешение, согласно п. 7 ст. 963 уст. угол. суд., исполняется палачом, я, не найдя в Ревеле лица, которое приняло бы на себя обязанности палача, поставленный этим в безвыходное затруднение в отношении исполнения приведенного распоряжения, просил департамент полиции уведомить меня, может ли быть прислан сюда палач из С.-Петербурга.

В ответ на это я получил уведомление департамента полиции, что сведения о лицах, изъявивших желание принять на себя отправление указанных функций, могут быть получены в с.-петербургском градоначальстве.

Вследствие изложенного прошу ваше превосходительство не отказать уведомить меня, не найдется ли во вверенном вам градоначальстве лица, желающего принять на себя обязанности палача, и в утвердительном случае указать, к кому я должен обратиться с просьбой о высылке его в Ревель ко времени приведения постановленных уже смертных приговоров в исполнение и на каких условиях он примет на себя эти обязанности [1]).

И. д. губернатора *Коростовец*.
За управляющего канцелярией
(подпись).

---

[1]) Печатается по отпуску отношения.

[1]) На полях помета карандашом: «Есть всего два, но они нам нужны. Третий, письменно заявивший о своем желании, живет в Сухуме».

12.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 10 марта 1908 г. за № 149.

Секретно.

При получении телеграмм, предупреждающих о казни, вопрос о числе приговоренных остается всегда открытым. От числа же их зависит и число рабочих, высылаемых для различных по сему случаю работ. В ночь на 6 марта последних было выслано 8, а плату получили пока лишь 4.

Прошу ваше превосходительство: 1) отдать распоряжение об уплате и остальным 4 рабочим причитающейся им за произведенную ими работу денег и 2) об указании впредь в посылаемых телеграммах, цифрой или каким-либо условным знаком (буквой А—1, Б—2, В—3 и т. д.) числа приговоренных, дабы, по получении таковых, можно было сразу ориентироваться о числе необходимых рук для рытья могил[ы], величине таковой и количестве мешков извести.

Это много бы упростило дело и не порождало бы впредь никаких уже недоразумений.

Комендант крепости генерал-лейтенант *Гусаков*.

И. д. начальника штаба генерального штаба подполковник (подпись).

13.

Отношение лифляндского губернатора на имя петербургского градоначальника от 15 марта 1908 г. за № 16 [1]).

Не имея в своем распоряжении лиц, изъявивших согласие на приведение в исполнение смертных приговоров военных судов «через повешение», мною было сделано сношение с департаментом полиции, который уведомил меня, что сведения о таких лицах имеются в распоряжении вашего превосходительства.

В виду предстоящей, в самом непродолжительном времени, надобности в таком лице, прошу ваше превосходительство не отказать в сообщении мне ближайших по сему предмету сведений.

Губернатор (подпись).

Правитель канцелярии (подпись).

[1]) На отношении помета: «17/VIII. Сообщить, что может быть командирован за их счет на условиях немедленного возвращения».

14.

Отношение петербургского градоначальника на имя лифляндского губернатора от 19 марта 1908 г. за № 3284 [1]).

В. нужное.

Совершенно секретное.

Уведомляю ваше превосходительство, что в моем распоряжении имеются два лица, приводящие приговоры в исполнение, из них один мог бы быть командирован за ваш счет, при условии немедленного возвращения обратно по приведении приговора в исполнение. Условия его найма такие же, как при отправлении его в Ревель, т.-е. 25 р. за каждого казненного, проезд туда и обратно и 3 руб. в сутки на содержание.

О времени отправления палача сообщите с указанием, — каким поездом он должен выехать из С.-Петербурга.

Желательно было бы впредь делать сношение по настоящему делу условной телеграммой.

[1]) Печатается по отпуску отношения.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. С предисловием *Юз. Красного* . I—XX
Первая балканская война (окончание). С предисловием *А. Попова* . . . . . 3— 24
Февральская революция и европейские социалисты (окончание). Статья *А. Г. Шляпникова* . . . . . 25— 43
Романовы и союзники в первые дни революции. С предисловием *И. Гелис* . 44— 52
К истории восстания киргиз в 1916 году. С предисловием *А. Чулошникова* . 53— 75
К истории ареста и суда над соц.-дем. фракцией II Госуд. Думы. С предисловием *С. Валка* . . . . . 76—117
Записки современника о 1861 г. С предисловием *А. Санина* . . . . . 118—164
П. И. Пестель по письмам к нему родителей. Статья *А. О. Круглого* . . . . 165—188
Отголоски декабрьского восстания 1825 г. Статья *В. Ганцовой-Берниковой* . . 189—204

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. Сообщил *Н. Дмитриев* . . . . . 205—209
Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны. Сообщил *В. Рейхардт* . . . . . 210—216
Письмо ген. А. М. Стесселя ген. В. Г. Глазову о начале русско-японской войны. Сообщил *В. Селиванов* . . . . . 216—220
Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов. *М. Флеер* 220—224
Один из замыслов Ф. М. Достоевского. Сообщил Н. Бельчиков . . . . . 224—228
Казни на Лисьем Носу в годы реакции. Сообщила *Т. Шатилова* . . . . . 228—234

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив» Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче. Тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13, 14, 15, 16.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I (распрод.), II, III—IV, V—VI, (по 2 р. 50 к.) VII (Ц. 2 р.).

3. Русско - Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

13. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

14. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

15. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

16. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

17. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

18. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

19. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

20. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

21. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г Под редакцией

А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

22. Петроградский Совет Р и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

23 Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

24. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

25. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

26. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

27. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.

28. Переписка Николая и Александры Романовых. Тт. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.

29. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

30. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

31. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

32. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

33. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под редакцией В. П. Полонского.

34. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

35. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина» (неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

36. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

37. Дневник А. Г. Достоевской.

38. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

39. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

40. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)

41. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

42. Сборник материалов и статей по архивному делу.

43. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

44. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3-е издание.

45. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

46. Стенографический отчет о работах I съезда архивных деятелей.

47. Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. Под редакцией Е. А. Преображенского.

48. Протоколы I съезда архивных деятелей 14—19 марта 1925 г. Под редакцией Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максакова.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные дела П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И Горбачевского, В А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Печатается.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка. (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Печатается.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман, П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х гг.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 гг. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х гг.

5. Рабочее движение начала 900-х гг.

6. Революционное движение 1898—1905 гг. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет.)

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Киселева.

2. Пугачевщина. Тт. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского Т. I — вышел в свет. т. II — печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х гг. В. II.

4. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.) (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Последние дни Колчаковщины. (Печатается.)

13. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. (Печатается.)

14. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к Николаю II и Сергею Александровичу. Т. II. (Печатается.)

15. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

16. Русский империализм на Дальнем Востоке.

17. Наказы депутатам в I Государственную Думу.

18. Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. Под редакцией Е. А. Преображенского. (Вышло в свет.)

19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

20. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

21. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

22. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Периодсектор Госиздата доводит до сведения подписчиков, что жалобы и заявления о неполучении очередного номера журнала должны поступать в Отдел подписки по получении следующего номера, но, в крайнем случае, не позднее 2-х месяцев со дня выхода в свет неполученного номера.

В случае более позднего уведомления, Периодсектор не будет в состоянии по техническим соображениям быстро дать справку и не будет в состоянии удовлетворить жалобу подписчика.

Все жалобы и заявления направлять по адресу: Москва, Воздвиженка, 10/2, Периодсектор, „Стол жалоб".

К СВЕДЕНИЮ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

В целях предоставления годовым подписчикам журнала „КРАСНЫЙ АРХИВ" возможности приобрести на особо льготных условиях капитальные издания материалов по истории царизма, ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР в качестве приложения к журналу объявляет следующие издания:

1—3) **Витте. „Воспоминания", три тома,**
4—5) **Победоносцев. „Письма и записки", два тома,**
6—7) **„Переписка Николая и Александры Романовых", два тома,**

всего за 15 рублей, вместо 28 руб. стоимости этих же изданий в отдельной продаже.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Приложения даются **исключительно** годовым подписчикам, уже внесшим полностью подписную плату до конца года (15 руб.), а также подписчикам, внесшим подписную плату с апреля до конца года. Подписная плата за приложения вносится в рассрочку в следующем порядке: при подписке 5 руб. и затем каждые два месяца не менее 2-х руб., с таким расчетом, чтобы полный взнос был сделан не позднее 1 ноября 1926 года.

КНИГИ БУДУТ ВЫСЫЛАТЬСЯ В НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ ПОРЯДКЕ:

Одновременно с	№ 1	журн. „Красн. Архив"	Победоносцев. „Письма и записки", два тома.
„	„ № 2	„	„Витте. Воспоминания", т. 1.
„	„ № 3	„	„ „ т. 2.
„	„ № 4	„	„ „ т. 3.
„	„ № 5	„	„Переписка Романовых", один том.
„	„ № 6	„	„ „ один том.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Воздвиженка, 10. Периодсектор Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР